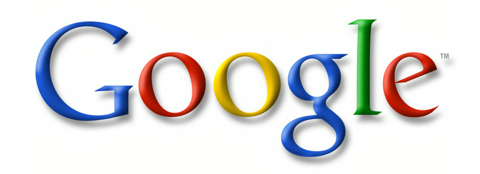

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

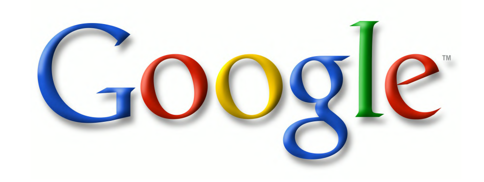
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ипринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Gift of
John H. Wiggins
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ

ЮРІЯ ѲЕДОРОВИЧА

САМАРИНА.

Томъ первый.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

* * *

Второе изданіе перваго тома сочиненій Ю. Ѳ. Самарина во всемъ согласно съ первымъ изданіемъ 1877 года.

* * *

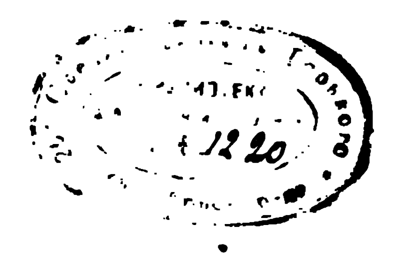
Samarin, Iu. F.
947
С-17
1720
1220

СОЧИНЕНІЯ
Ю. Ѳ. САМАРИНА.

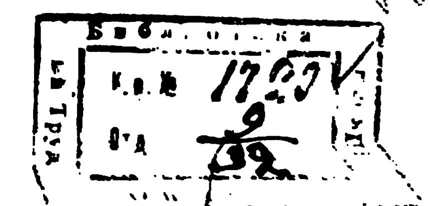
Томъ первый.

Статьи разнороднаго содержанія
и
по польскому вопросу.

ИЗДАНІЕ Д. САМАРИНА.

МОСКВА.
Т-ВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій переулокъ № 5.
1900

DK 219.6
S35 A2
v. 1

Отъ издателя.

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина предполагается издать по слѣдующему плану: въ 1-й томъ входятъ статьи разнороднаго содержанія, по формѣ преимущественно критическія, и статьи по Польскому вопросу; во II-мъ и III-мъ томахъ будетъ собрано все, что имъ было написано по крестьянской реформѣ и по земскому дѣлу; въ IV-й и V-й томы войдутъ труды его богословскіе и философскіе, начиная съ магистерской диссертаціи и оканчивая двумя письмами объ основныхъ истинахъ религіи, написанными имъ незадолго до кончины на Нѣмецкомъ языкѣ; въ VI-мъ и VII-мъ томахъ будутъ напечатаны письма его въ той мѣрѣ, въ какой они въ настоящее время могутъ быть обнародованы. Въ каждомъ отдѣлѣ статьи будутъ размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ и снабжены примѣчаніями для точнаго опредѣленія времени, къ которому онѣ относятся, и для объясненія тѣхъ обстоятельствъ, по поводу которыхъ онѣ были написаны.

Таковъ предположенный планъ изданія; но, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ быть, окажется возможность расширить его и прибавить еще нѣсколько томовъ.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ I-мъ томѣ, печатаются въ первый разъ съ сохранившихся рукописей слѣдующія пять статей: Замѣчанія на замѣтки Русскаго Вѣстника по вопросу о народности въ наукѣ,

Чтеніе о С. Т. Аксаковѣ и его литературныхъ произведеніяхъ, Разборъ книги г. Кулѣша, „Повѣсть объ Украинскомъ народѣ“ *), и двѣ замѣтки: одна по поводу книги Мицкевича и друга по поводу книги Токвиля. Всѣ остальныя статьи, вошедшія въ I-й томъ, были уже напечатаны при жизни автора въ „Москвитянинѣ“, „Московскомъ Сборникѣ“, „Русской Бесѣдѣ“ и „Днѣ“.

Къ сожалѣнію, рукописи этихъ статей не сохранились, такъ что не было возможности возстановить опущенныя въ видахъ цензурныхъ и неправильно напечатанныя мѣста; но очевидныя опечатки исправлены и приведенныя въ критическихъ статьяхъ выписки изъ разбираемыхъ сочиненій сличены съ подлинниками. Наиболѣе опечатокъ и притомъ весьма грубыхъ, искажающихъ мысль автора, оказалось въ статьѣ, появившейся въ „Москвитянинѣ“ 1847 года подъ заглавіемъ: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“. Приводить здѣсь всѣ исправленныя нами опечатки въ этой статьѣ нѣтъ, конечно, надобности; но одну изъ нихъ необходимо оговорить, такъ какъ на ней въ свое время было построено цѣлое обвиненіе противъ автора въ томъ, что онъ будто-бы проповѣдывалъ теорію *приниженія личности*. Опечатку эту, точно такъ же какъ и другія, встрѣчающіяся въ этой статьѣ, мы исправили, руководствуясь просто смысломъ самой фразы (стр. 40); но теперь у насъ есть несомнѣнное доказательство въ томъ, что мы не ошиблись. Когда листы, на которыхъ помѣщена статья „О мнѣніяхъ Современника“ уже были набѣло отпечатаны, намъ доставили письмо Юрія Ѳедоровича къ

*) Во время печатанія этого тома, разборъ книги г. Кулѣша былъ помѣщенъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 г.

А. И. Герцену отъ 9-го Мая 1858 года, въ которомъ онъ самъ указалъ на означенную опечатку, возстановилъ искаженное мѣсто и такимъ образомъ подтвердилъ сдѣланное нами исправленіе. Выписываемъ въ точности относящіяся сюда строки изъ упомянутаго письма.

„Выслушайте еще объясненіе по предмету, касающемуся меня лично. Въ 1847 году я напечаталъ въ Москвитянинѣ статью, въ которой между прочимъ разбиралъ Обозрѣніе юридическаго быта древней Руси Кавелина. Онъ выводилъ идею общества изъ личной автономіи, изъ личности, *ставящей себя началомъ и мѣриломъ всего*... Вотъ его слова: „Развивши начало личности до нельзя, Европа стремится дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ человѣку и пересоздать это общество". Я доказалъ, что дойти до идеи *человѣка* путемъ исчерпыванія личностей такъ же невозможно, какъ дойти до идеи цѣлаго переборомъ единицъ; что, поддаваясь утомленію или уступая необходимости, личность ограничиваетъ себя въ пользу самой себя, т.-е. ставитъ или допускаетъ общество *какъ средство*, удобное для достиженія ея *личныхъ* цѣлей и, слѣдовательно, всегда подчиненное имъ. Этимъ путемъ возникаетъ условная, искусственная ассоціація, осужденная исторіею, но нельзя вывести обязательнаго закона общежитія. Я спрашивалъ: „Какимъ образомъ начало *разобщающее* (личность) обратится въ противоположное начало *примиренія* и *единенія?*" Находясь въ Ригѣ во время печатанія моей статьи, я, разумѣется, не могъ держать корректуры. Статья моя вышла съ ужаснѣйшими опечатками; между прочимъ послѣдняя фраза, мною сейчасъ цитованная, вышла въ такомъ видѣ: „Какимъ образомъ начало *разобщающіеся* обратится въ противоположное начало *приниженія* и единенія?"

Слово „приниженіе“ не Русское, и трудно было предположить, чтобы грамотный человѣкъ могъ употребить его. Опечатки были очевидны; но, вмѣсто того, чтобы представить серьезное возраженіе, предпочли выѣхать на опечаткѣ и заявить съ ироніею, что нельзя сочувствовать *теоріи приниженія.* Цѣль достигнута; мысль противника искажена, благородство намѣреній, его заподозрѣно, публика смѣется и выноситъ убѣжденіе, что онъ проповѣдуетъ рабство, низость, подлость. Чего же лучше? Съ тѣхъ поръ пошла ходить по свѣту *принижающаяся личность,* и вы въ послѣдней книжкѣ „Полярной Звѣзды“ не усомнились, говоря о славянофилахъ, употребить выраженіе: *ихъ принижающаяся личность.* Скажите сами, поступаютъ ли такъ въ честной борьбѣ?“

Этими строками, конечно, вполнѣ разъясняется недоразумѣніе, которому подала поводъ опечатка, въ свое время неоговоренная. Недавно намъ удалось найти въ библіотекѣ Ю. Ѳ. Самарина оттискъ изъ „Москвитянина“ означенной статьи; въ немъ исправлены имъ главныя опечатки, оказавшіяся въ критикѣ на изслѣдованіе г. Кавелина; приведенное выше мѣсто возстановлено точно такъ, какъ и въ письмѣ къ Герцену; другія опечатки, указанныя въ оттискѣ, а въ текстѣ выпускаемаго теперь изданія оставшіяся неисправленными, обозначены въ приложенномъ въ концѣ этого тома спискѣ опечатокъ.

Второй томъ уже наполовину отпечатанъ и выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

Дмитрій Самаринъ.

26 Октября 1877 г.

Оглавленіе перваго тома.

Статьи разнороднаго содержанія.

Польскій вопросъ.

Приложенія.

СТАТЬИ

РАЗНОРОДНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Сочиненіе графа В. А. Соллогуба. Спб. 1845 г. *).

Всякая книга предназначенная не для немногихъ знатоковъ или спеціально-ученыхъ, а для всей читающей публики, — книга, изображающая современное состояніе цѣлаго общества, — можетъ быть разсматриваема не только какъ выраженіе личной мысли автора, но и въ отношеніи ея къ публикѣ, въ связи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое она производитъ, съ тѣмъ сочувствіемъ или порицаніемъ, сознательнымъ и безсознательнымъ, которое она встрѣчаетъ. Съ этой, точки зрѣнія приступаемъ мы къ разбору „Тарантаса" графа Соллогуба; ибо подобныя сочиненія предполагаютъ и вызываютъ множество толковъ и сужденій, которыя, несмотря на ихъ видимое разнообразіе, служатъ повѣркою мысли автора и часто наводятъ на ея значеніе; голосъ лица дополняетъ отзывы публики, оба сливаются въ одно явленіе общественной мысли и могутъ быть разсматриваемы какъ нераздѣльное цѣлое. Взглядъ этотъ, кажется намъ, оправдывается самимъ успѣхомъ разбираемой нами книги. Его не трудно было предвидѣть: за него ручался талантъ автора, всѣми признанный, интересъ содержанія, доступнаго всякому, увлекательный и свободный разсказъ, наконецъ превосходные чертежи, бойкіе, замысловатые, часто поразительно истинные. Все это дано было въ „Тарантасѣ"; и, несмотря на такое рѣдкое соединеніе счастливыхъ условій, можно смѣло сказать, что въ успѣхѣ такой книги, въ участіи, съ которымъ она читалась

*) Напечатано въ Московскомъ Сборникѣ 1846 г., съ подписью М., З., К.

въ толкахъ, которые она порождала, ея литературное достоинство заняло лишь второстепенное мѣсто. Помнится, едва прочтена была книга, послышалось: да что же авторъ хотѣлъ всѣмъ этимъ доказать, да кто же изъ нихъ лучше, Василій Ивановичъ или Иванъ Васильевичъ? Если оба хуже, то гдѣ мѣсто между ними для Русскаго человѣка, какимъ онъ долженъ быть? Нѣкоторые, указывая на Василья Ивановича, говорили: вотъ онъ, представитель хваленой народности! Другіе обрадовались Ивану Васильевичу и говорили: вотъ что значитъ отрываться отъ своей народности! Чтȍ нравилось однимъ, то порицали другіе, и наоборотъ. Однимъ словомъ, книга графа Соллогуба явилась какъ бы въ минуту горячаго, всеобщаго спора. Для обѣихъ сторонъ сама книга была дѣломъ второстепеннымъ, но каждая сторона увидала въ ней подтвержденіе своей мысли и толковала ее по-своему; мысль же самого автора какъ будто не замѣчена или не разгадана. Споръ возгорѣлся сильнѣе *по случаю* книги, и толки, ею же вызванные, отвлекли вниманіе читателей отъ ея достоинствъ. Не знаемъ, пріятно-ли это автору, такого-ли успѣха онъ желалъ. Впрочемъ, что-жъ дѣлать, если на пути своемъ изъ Москвы въ Мордасы онъ натолкнулся на тѣ живые вопросы настоящей минуты, которые въ различныхъ видахъ стерегутъ насъ на всѣхъ перепутьяхъ!.. Что дѣлать, если, обращая разсѣянные взоры по обѣимъ сторонамъ дороги, онъ подмѣтилъ лучше другихъ и разсказалъ языкомъ, для всѣхъ понятнымъ, нѣкоторыя изъ странностей и вопіющихъ противорѣчій нашей дѣйствительности?

Всякій съ ними встрѣчался и страдалъ отъ нихъ, но не всякій ихъ сознаяъ. Изъ тѣхъ, которые сознавали въ лѣта пылкой молодости, многіе, остепенившись съ лѣтами, успѣли позабыть про нихъ или къ нимъ приглядѣться. Такъ пусть же люди даровитые выводятъ ихъ и знаютъ, что дѣлаютъ доброе дѣло: можетъ быть, не наступило еще для насъ время спокойнаго художественнаго созерцанія, но за то наступила пора зрѣлаго размышленія и строгаго суда надъ собою.

Напомнимъ въ немногихъ словахъ содержаніе книги. Василій Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ ѣдутъ изъ Москвы въ Мордасы. На пути своемъ они встрѣчаютъ то, что не-

избѣжно встрѣчается на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ Русскаго царства, въ какомъ бы направленіи его ни пересѣкали. Станціонные смотрители, чиновники, мужики, купцы, губернскій городъ, монастырь, село, все это несется навстрѣчу путникамъ и быстро мелькаетъ передъ ними, своеобразно отражаясь въ представленіи того и другаго. У каждаго изъ нихъ своя точка зрѣнія, свои требованія, своя оцѣнка, свои предразсудки. Противоположность этихъ двухъ воззрѣній на однѣ и тѣ же явленія, условленная не столько разницею въ лѣтахъ и характерахъ, сколько различіемъ полученнаго воспитанія, образа жизни и вообще цѣлой среды общественной,—эта противоположность составляетъ главный интересъ и какъ бы тему всей книги. Мысль, какъ видно, не новая. Встарину писывали сочиненія въ этомъ родѣ, въ которыхъ авторъ сталкивалъ олицетворенныя воззрѣнія старости и молодости, прозы и поэзіи; они безцвѣтны и холодны. Не таково произведеніе графа Соллогуба. У него противоположность воззрѣнія—не выдумка остроумная, не искусственное сближеніе голыхъ понятій и отвлеченныхъ крайностей мышленія, а живой, дѣйствительный фактъ, данный современнымъ обществомъ. Это одинъ изъ безчисленныхъ видовъ той основной противоположности, на которую распадается вся Русская жизнь. Отъ подобнаго сочиненія почти нельзя и требовать ни внѣшняго единства, ни строгой полноты построенія. Это не части, свободно замыкающіяся въ одно цѣлое, а исчисленіе, рядъ картинъ, который можно растянуть и прервать. Но необходимо, вопервыхъ, чтобы при всемъ разнообразіи содержанія и при всей свободѣ въ расположеніи, основная противоположность выдержана была строго и до конца, чтобы, въ какомъ бы порядкѣ или безпорядкѣ ни мѣнялись предметы, съ двухъ избранныхъ точекъ на нихъ падалъ свѣтъ своеобразный и прямой; вовторыхъ,—и это уже требованіе не одного искусства,—оба взгляда, оба воззрѣнія, должны быть поняты и представлены, какъ ложныя въ ихъ крайности, въ ихъ исключительной односторонности; авторъ долженъ стоять выше противоположности и борьбы, онъ долженъ понимать ее, слѣдовательно ему должно быть доступно примиреніе въ высшемъ единствѣ. Если это живое прими-

ренiе [illegible] ему доступно [illegible] отвлеченной мысли. [illegible] не[illegible] отъ своего [illegible], [illegible] споровъ.—[illegible] дѣйствительность [illegible] и [illegible]

Итакъ [illegible]

Что такое Василiй Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ? Это два Русскихъ человѣка [illegible]—произведенiе [illegible], не[illegible] воспитанный [illegible] почти никогда [illegible] вся дѣятельность [illegible] кругомъ [illegible] молодой, оторванный иностраннымъ воспитанiемъ и образомъ жизни отъ Русской дѣйствительности и только-что вернувшiйся изъ-за границы съ желанiемъ изучить свою родину. Оба лица взяты изъ современнаго нашего общества и существуютъ въ немъ не какъ случайныя исключенiя, а какъ типы, подъ которые подходятъ цѣлыя массы лицъ. Поэтому, для того, чтобы понять ихъ значенiе въ настоящемъ, постараемся прослѣдить ихъ историческое образованiе въ прошедшемъ. Мы должны будемъ начать свысока.

Всѣмъ извѣстно, что реформа Петра Великаго различно отдалась въ составныхъ слояхъ нашего общества: она всколебала лишь верхнiе и оторвала ихъ отъ низшихъ; на простой народъ реформа не имѣла прямаго дѣйствiя: она только измѣнила его отношенiя къ высшимъ сословiямъ, отстранивъ и какъ бы удаливъ его. Напротивъ того, мысль Петра проникла глубоко въ быть, въ убѣжденiя, въ привычки высшаго сословiя, и все въ немъ перевернула. На мѣсто старыхъ формъ и никогда не старѣющихъ, но въ то время заглушенныхъ или недосознанныхъ началъ, введены были новыя начала и новыя формы.

Понятіе о власти, служебная дѣятельность по части судебной, административной и военной, отношенія общественныя, характеръ воспитанія, все было пересоздано, все, что составляетъ предметъ занятія и какъ бы принадлежность такъ-называемаго высшаго сословія въ противоположность народу. Это сословіе должно было принять реформу, потому что оно ее вызвало.

Было время—память о немъ сохранилась въ нашихъ лѣтописяхъ—когда бояре, лучшіе мужи (ибо такъ ихъ называлъ народъ) составляли не отдѣльное, въ себѣ замкнутое сословіе, а избранный кругъ тогдашняго общества и какъ бы лучшій цвѣтъ его, свободно распускавшійся на одномъ корню. Само общество выдвигало ихъ изъ своей среды. Они были образованнѣе другихъ въ томъ смыслѣ, что сознавали яснѣе убѣжденія и потребности всѣхъ, и потому ихъ образованность не отрывала ихъ отъ жизни народной, не внушала имъ гордаго притязанія на всевѣдѣніе, не мѣшала взаимному сочувствію ихъ съ народомъ, сочувствію, которое поддерживалось безпрестраннымъ размѣномъ мыслей. Не то представляетъ намъ эпоха, предшествующая Петру I. Ссылаемся на иностранныхъ и на своихъ писателей. Трудно узнать потомковъ лучшихъ мужей въ придворныхъ чиновникахъ Алексѣя Михайловича, спѣсивыхъ и тучныхъ, которыхъ водятъ подъ руки и на рукахъ поднимаютъ изъ саней, или въ боярахъ, *грамотѣ неученыхъ и нестудированныхъ* (по выраженію Кошихина), *которые засѣдаютъ въ Думѣ, брады своя уставя, и ничего не отвѣщаютъ.*

Ихъ открытыя, свободныя съ той и другой стороны, отношенія къ народу измѣнились и получили оффиціальный характеръ. Они уже не бесѣдовали съ народомъ, не совѣтовались съ нимъ, а только передавали повелѣнія. Они выходили къ нему только въ торжественные случаи, ихъ пышные поѣзды медленно тянутся по городу, толпа глядитъ на нихъ съ любопытствомъ; но прежняго сочувствія, прежняго живаго размѣна мыслей и взаимнодѣйствія нѣтъ и слѣдовъ. Благородныя черты великихъ образовъ лучшаго времени исказились и потемнѣли. Прежнее сознаніе своего достоинства перешло въ надменность, сила родовыхъ воспоминаній въ слу-

жебную спѣсь. Какія бы ни были тому причины (а между ними вліяніе Польской аристократіи занимаетъ непослѣднее мѣсто), но боярство временъ Алексѣя Михайловича испытало участь всякаго сословія, уединяющагося въ чувствѣ эгоизма и гордости: оно обезсилѣло и выродилось. И такъ, высшее сословіе вызвало реформу своимъ постепеннымъ удаленіемъ отъ народа, употребленіемъ во зло народныхъ началъ, наконецъ, тѣмъ нравственнымъ застоемъ, въ который оно погрузилось. Ясно, что съ его стороны не могло быть разумнаго сопротивленія преобразованію; ибо оно дорожило только формами старыхъ преданій, которыхъ живой смыслъ оно утратило; не могло быть и того сопротивленія слѣпаго, какое встрѣтилъ Петръ I въ раскольникахъ и стрѣльцахъ. Разумѣется, мы говоримъ о цѣломъ сословіи и не отрицаемъ частныхъ исключеній, впрочемъ неспособныхъ измѣнить его судьбу. Многіе приняли реформу добровольно и, вслѣдъ за Петромъ, сбросивъ старую спѣсь, пошли въ науку къ другимъ народамъ. Передъ ними открылась богатая служебная дѣятельность. Другіе покорились преобразованію по необходимости, безъ сочувствія: имъ жаль было старыхъ привычекъ, старой лѣни, безконечныхъ пировъ и успокоительнаго невѣжества; чтожъ оставалось имъ дѣлать въ преобразованномъ обществѣ? Всѣ высшія сферы дѣятельности, въ которыхъ жили и вращались ихъ дѣды, служба, въ самомъ обширномъ значеніи слова, были для нихъ закрыты; ибо требованія правительства измѣнились, ибо введены были новыя начала, которыхъ нельзя было ни угадать природнымъ умомъ, ни замѣнить преданіями. Нужно было начинать учиться съизнова; но на это не хватало ни силъ, ни охоты. На долю ихъ осталось: удалиться въ свои вотчины, заниматься хозяйствомъ и утѣшать себя домашними потѣхами: травлями, дураками и дурами.

Отъ этого класса людей, съ одной стороны утратившихъ издавна сочувствіе съ народомъ, съ другой неспособныхъ пріобщиться къ просвѣщенію и слѣдовательно удаленныхъ отъ всѣхъ высокихъ интересовъ, которые облагораживаютъ человѣка и не допускаютъ его погрязнуть въ мелочныхъ и своекорыстныхъ заботахъ, ведутъ свою родословную всевозможные Простаковы, Скотинины, Собакевичи, наконецъ и

Иванъ Θедотовичъ, отецъ Василья Ивановича. Авторъ изобразилъ намъ его деревенскій бытъ (гл. XV), его пошлую праздную жизнь и безнравственныя забавы, безъ преувеличенія, безъ страстнаго ожесточенія. Объ этомъ отрицательномъ достоинствѣ мы упоминаемъ потому только, что въ нашей современной литературѣ оно стало рѣдкостью. Мы до того привыкли видѣть, съ какою жадностью хватаются за все, чѣмъ только можно опорочить старину, что тонъ этой XV главы пріятно поразилъ насъ.

Родовое понятіе, подъ которое мы подвели Ивана Θедотовича и Василья Ивановича, есть созданіе обстоятельствъ, исторической судьбы цѣлаго сословія; подъ этимъ понятіемъ, разумѣется, есть мѣсто для многихъ возрастовъ, характеровъ и личностей. Такъ, напримѣръ, Василій Ивановичъ во многомъ не походитъ на своего отца. Выписываемъ слова автора:

Онъ хотя не уничтожилъ вовсе существовавшій при отцѣ порядокъ, но, по крайней мѣрѣ, измѣнилъ его во многомъ: шутовъ отослалъ въ столярную, кучера посадилъ на кóзлы, а самъ выпивалъ не болѣе двухъ рюмокъ травничка въ день, одну передъ обѣдомъ, другую передъ ужиномъ. Не слѣдуетъ однако думать, чтобъ онъ вооружался правилами грозной нравственности и барабанилъ громкими словами; совсѣмъ нѣтъ. То, чтó занимало и тѣшило Ивана Θедотовича, не казалось ему отвратительнымъ, а только не занимало и не тѣшило его вовсе. Онъ понималъ, что можно быть пьяницей, только самъ напиваться не любилъ. Онъ понималъ, что можно забавляться дураками, только самъ не находилъ въ нихъ ничего смѣшнаго. Словомъ, онъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ — не по убѣжденію, а такъ себѣ,—потому, что иначе было бы ему какъ-то неловко и непріятно. Съ одной стороны, онъ помнилъ живо послѣднее, страшное поученіе умиравшаго отца, а съ другой стороны, просвѣщеніе, которое незамѣтнымъ образомъ распространяется повсюду. заглядывая въ села и деревни, не миновало Мордасъ и стало исподоволь подкрадываться къ Василью Ивановичу, заговаривая съ нимъ не Европейскими пустыми изреченіями, а понятнымъ ему языкомъ. Такимъ образомъ понялъ онъ, что собственное его благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія его крестьянъ, и тогда занялся онъ всѣми силами добрымъ дѣломъ, и безъ того милымъ его мягкосердному свойству... у Василья Ивановича родились дѣти. Онъ началъ ихъ воспитывать нехитро, но ужъ не такъ, какъ самъ былъ воспитанъ. Для нихъ выписанъ былъ студентъ изъ семинаріи, который обучалъ ихъ и исторіи, и географіи, и многому, о чемъ Василій Ивановичъ и понятія не имѣлъ. Старшій сынъ, по наступленіи одиннад-

цати лѣтъ. былъ отправленъ сперва въ губернскую гимназію, а потомъ въ Московской университетъ. Василій Ивановичъ понималъ, самъ не зная почему, что въ хорошемъ воспитаніи таится не только нравственный зародышъ жизни каждаго человѣка, но и тайное начало благоденствія и жизни всякаго государства (стр. 188 и 189).

Этотъ естественный и безсознательный переходъ отъ одного поколѣнія къ другому понятъ авторомъ очень вѣрно. Въ дополненіе къ характеристикѣ Василья Ивановича, лица, не новаго въ нашей литературѣ, совѣтуемъ прочесть главу XIII, въ которой идеализированъ помѣщикъ.

При этихъ добрыхъ свойствахъ Василію Ивановичу недостаетъ одного — сознанія. Онъ любитъ своихъ крестьянъ по привычкѣ. Онъ заставляетъ своего сына учиться наукамъ, потому что такъ принято. Правда, авторъ предполагаетъ въ немъ болѣе возвышенную цѣль; но этому противорѣчитъ весь образъ мыслей Василья Ивановича. Въ самомъ дѣлѣ, мало того, что самъ онъ не чувствуетъ потребности отъ частныхъ случаевъ восходить до общихъ понятій, онъ даже питаетъ къ нимъ какое-то чувство неблаговоленія и страха. Онъ боится новой мысли, новаго взгляда, даже новаго или слишкомъ громкаго слова. Ему кажется, что если назовутъ предметъ не тѣмъ именемъ, какимъ онъ привыкъ называть его, то предметъ выпадетъ изъ рукъ его; если сознаніе проникнетъ въ ограниченный его бытъ, то онъ разрушится и распадется. И потому, всякій разъ, когда его товарищъ, возбужденный его же разсказомъ, силится довести его до общаго вывода, истекающаго изъ его же словъ, онъ упирается, хватаясь за свою ограниченную дѣйствительность, отказывается отъ своихъ же словъ, заговариваетъ о другомъ или притворяется спящимъ. Онъ готовъ признать науку, лишь бы только она оставила его въ покоѣ.

Странно было бы винить въ этомъ Василья Ивановича или, точнѣе, винить его одного. Эта недовѣрчивость къ наукѣ, это недоброжелательство къ стремленію мысли понять и улучшить жизнь, объясняется съ одной стороны тѣмъ, что наука явилась къ намъ изъ-за границы, въ формахъ, недоступныхъ для большинства, съ содержаніемъ, чуждымъ

нашей народности. Она еще не успѣла претвориться въ наше родное достояніе, она еще не освободилась отъ ложнаго презрѣнія къ жизни и, снисходя къ ней, она пугаетъ ее дерзостью своихъ требованій, отталкиваетъ отъ себя гордымъ притязаніемъ на всезнаніе. Василій Ивановичъ инстинктомъ понимаетъ этотъ раздоръ, и вотъ чѣмъ объясняется его недовѣрчивость. Но оправдать ее нельзя; ибо онъ боится вообще всякой мысли, онъ невинный, безсознательный врагъ сознанія. Этотъ отдѣльный слѣдъ того до половины побѣжденнаго упорства до-Петровской старины смягчается въ Васильѣ Ивановичѣ природнымъ добродушіемъ и выражается едва замѣтною чертою на его полномъ лицѣ. Грубѣе ворчитъ про себя Собакевичъ: „просвѣщенье, просвѣщенье, все толкуютъ просвѣщенье"; неменѣе того, основное побужденіе у обоихъ одно.

Итакъ, Василій Ивановичъ — жертва того раздвоенія, отъ котораго никто спастись не можетъ, но онъ не сознаетъ его.

Въ прямую противоположность къ нему становится другое лицо, совершенно отрѣшенное отъ Русской дѣйствительности, развившее въ себѣ отвлеченное сознаніе.

Иванъ Васильевичъ принадлежитъ къ тому поколѣнію людей, которое воспитано по иностранному: не по-французски, ибо Французское воспитаніе требуетъ, какъ необходимой обстановки, всей Франціи съ ея природою, съ ея учрежденіями и образомъ жизни; не по-англійски, ибо воспитаніе Англійское возможно только въ самой Англіи, какъ Нѣмецкое только въ средѣ жизни Германской; а на отвлеченно-иностранный манеръ, то-есть только на не-Русскій. Можетъ быть, Французъ или Англичанинъ этого не пойметъ, но мы Русскіе понимаемъ... Есть цѣлый строй созвучій, неопредѣленныхъ, но доступныхъ внутреннему слуху ребенка; есть этотъ невещественный и неразлагаемый воздухъ родной земли, который необходимо нуженъ для первыхъ годовъ дѣтства. Душа пропитывается имъ сквозь и вмѣстѣ съ нимъ она вдыхаетъ безотчетное и потому именно ничѣмъ позднѣе незамѣнимое сочувствіе къ тому міру, въ которомъ суждено ей жить, къ природѣ, къ людямъ, къ звукамъ языка, ко всему тому, что заключается подъ словомъ: родное. Какъ сплетается невиди-

мою рукою духовная связь человѣка съ цѣлымъ міромъ, готовымъ принять его,—ни разсказать, ни подвести подъ систему нельзя. И потому сочувствіе, о которомъ идетъ рѣчь, не дается воспитаніемъ, а пріобрѣтается само собою, естественно и просто. Воспитаніе не можетъ создать его, но оно можетъ помѣшать ему. Можно запереть ребенка въ тѣсную комнату и загородить отъ него живую природу; можно оторвать его отъ дѣйствительности, разобщить его съ жизнію и безусловно подчинить его искусственному процессу воспитанія. Плоды этой системы передъ нашими глáзами; ими можно любоваться въ цѣломъ поколѣніи людей образованныхъ, но отрѣшенныхъ отъ своей земли, которые скитаются безъ цѣли, не зная къ чему пристать и гдѣ основаться; ибо воспитаніе, научившее ихъ понимать все возможное и всему сочувствовать, лишило ихъ родного крова, родной земли родного языка. Ихъ назначеніе остается для нихъ самихъ неразрѣшенною задачею. Они свободно говорятъ на трехъ или четырехъ языкахъ; но они *научились* своему языку также точно, какъ и другимъ, и у нихъ нѣтъ родного языка. Они способны признать и оцѣнить прекрасное у всѣхъ народовъ, они уживаются во всѣхъ странахъ міра; но ихъ отношенія къ родной землѣ какъ-то странны и неестественны. Они *выучились* любить ее. Они знаютъ, что честь благовоспитаннаго человѣка связана съ честью его родины, что онъ обязанъ защищать ее, и они охотно пожертвуютъ для нея жизнію. Они способны воспламениться благороднымъ рвеніемъ къ общественной пользѣ, они придумаютъ для своей земли множество улучшеній и прекрасную будущность; они точно любятъ, но не столько родину, сколько возможное осуществленіе своихъ надежъ, любятъ нѣкоторыя свойства, по мнѣнію ихъ, похвальныя, то-есть любятъ такъ, какъ могутъ любить иностранцы. И вотъ почему такъ много пропадаетъ даромъ прекрасныхъ побужденій и безотзывныхъ голосовъ. Вотъ что значитъ отсутствіе безотчетной, врожденной любви, которой начало теряется въ незапамятныхъ годахъ дѣтства, которое не разбираетъ отчетливо и холодно, но обнимаетъ цѣлый народъ, какъ онъ есть, съ его свѣтлыми и темными сторонами.

Къ этому поколѣнію, безвинно искупающему грѣхъ лож-

наго воспитанія, принадлежитъ Иванъ Васильевичъ. Прибавимъ, что онъ получилъ воспитаніе во всѣхъ отношеніяхъ дрянное, которое завлекло его способности въ разныя стороны, не сосредоточивъ ихъ, разобщило его съ жизнію и все-таки ничему не научило. Самъ по себѣ Иванъ Васильевичъ, также какъ и Василій Ивановичъ, человѣкъ дюжинный.

Мы не жалѣемъ, что авторъ выбралъ именно такихъ людей, а не сильныя и рѣзко отмѣченныя личности: родовыя свойства цѣлаго поколѣнія выражаются въ нихъ яснѣе и доступнѣе; всякій видитъ, что это не исключенія, а люди, какихъ много. Иванъ Васильевичъ былъ за границею. Путешествіе—необходимое дополненіе къ его воспитанію; но оно произвело на него неожиданное дѣйствіе, противоположное тому, какое произвело бы на его отца или дѣда; не потому, чтобы онъ былъ ихъ лучше, а потому, что время наступило другое, и, независимо отъ людей, зрѣетъ и развивается мысль; подвигается общество на пути къ сознанію и и увлекаетъ за собою сильныхъ и слабыхъ. Въ нашихъ повѣстяхъ и комедіяхъ. Русскій, вернувшійся изъ-за границы, является какимъ то шутомъ въ уродливомъ нарядѣ, болтаетъ по-французски и презираетъ нашъ образъ жизни. Въ свое время это изображеніе могло быть вѣрно; но наши нравоописатели отстали отъ общества и сражаются съ призракомъ. Иванъ Васильевичъ вывезъ изъ-за границы уваженіе и любовь къ своей родинѣ, желаніе узнать Россію и сблизиться съ нею. Эта черта взята изъ современной дѣйствительности, схвачена вѣрно, и, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ. Иванъ Васильевичъ лице новое, принадлежащее автору. Выпишемъ замѣчательное мѣсто о впечатлѣніи, произведенномъ на него чужими краями.

Между тѣмъ, Иванъ Васильевичъ замѣчалъ, что куда бы онъ ни показывался, въ какую землю бы онъ ни пріѣзжалъ,—на него смотрятъ съ какимъ-то недоброжелательнымъ, завистливымъ вниманіемъ. Сперва приписывалъ онъ это личнымъ своимъ достоинствамъ. но потомъ догадался, что Россія занимаетъ невольно всѣ умы, и что на него такъ странно смотрятъ единственно потому, что онъ Русскій. Иногда за табль-д'отомъ дѣлали ему самые ребяческіе вопросы: скоро ли Россія завладѣетъ всѣмъ свѣтомъ? правда ли, что въ будущемъ году Цареградъ назначенъ Русской столицей? Всѣ газеты, которыя попадались ему въ руки, были на-

полнены соображеніями о Русской политикѣ. Въ Германіи панславизмъ занималъ всѣ умы. Каждый день выходили изъ печати глупѣйшія на счетъ Россіи брошюры и книги, написанныя съ какой-то лакейской досадой и ровно ничего не доказывающія, кромѣ бездарности писателей и опасеній Европы. Мало по малу, заграничная жизнь заставила Ивана Васильевича невольно задуматься о своей родинѣ. Думая объ ней, онъ началъ ею гордиться, а потомъ началъ ее и любить. Словомъ, то, что на родинѣ не было внушено ему при воспитаніи, мало-по-малу вкралось въ его душу на чужбинѣ. Онъ началъ припоминать все видѣнное и незамѣченное имъ въ деревнѣ, въ поѣздкахъ по губерніямъ, во время откомандировокъ по службѣ. Онъ хотя и чувствовалъ, что всѣ эти данныя не составляютъ общаго мнѣнія, общаго цѣлаго, но нѣкоторыя черты удержалъ онъ довольно вѣрно, а остальныя дополнилъ своимъ воображеніемъ. Такъ составилъ онъ себѣ особыя понятія о чиновникахъ, о Русской торговлѣ, о нашемъ образованіи, о нашей словесности. Тогда рѣшился онъ изучить свою родину основательно, и такъ-какъ онъ принимался за все съ восторгомъ, то и отчизнолюбіе въ немъ загорѣлось бурнымъ пламенемъ. Къ тому же онъ радовался, что осмыслилъ свое бытіе, что нашелъ себѣ наконецъ цѣль въ жизни, цѣль благородную, цѣль прекрасную, обѣщающую ему привлекательное занятіе, полезныя наблюденія: съ такими чувствами возвратился онъ изъ-за границы (стр. 211 и 212).

Эту потребность духовнаго возсоединенія съ роднымъ краемъ суждено испытать людямъ нашего времени. Она выражается въ различныхъ видахъ и степеняхъ. У иныхъ она выражается вслѣдъ за болѣзненнымъ и томительнымъ сознаніемъ ихъ разъединенія съ народною жизнію; такое страданіе, когда оно искренно, дѣйствуетъ спасительно на душу: оно очищаетъ отъ гордости мертваго знанія, преклоняетъ человѣка передъ неисповѣдимымъ могуществомъ жизни, передъ простымъ народомъ, необразованнымъ, но въ простотѣ неиспорченнаго духа хранящимъ глубокій смыслъ и высокую любовь для правды и для добра. Для этихъ людей возвратъ къ отчизнѣ становится не только стремленіемъ ума, но задачею цѣлой жизни, внутреннимъ перерожденіемъ ихъ собственнаго духа, и они найдутъ исходъ. Но не таковъ Иванъ Васильевичъ. Правда, онъ и тосковалъ и скучалъ; но онъ неспособенъ къ очистительному страданію. Въ его мелкой душѣ помѣщается только личное горе. Онъ осудилъ свое воспитаніе, потому что ему стало отъ него худо; но онъ не созналъ и не оплакалъ въ немъ преступленія цѣлаго общества и потому естественно, что самая потребность возсоеди-

нія съ жизнію несвободно, не изнутри возникаетъ въ его душѣ, а навѣвается на нее извнѣ; она какъ-то случайно пристаетъ къ нему. Едва высказалась задушевная мысль немногихъ, едва произнесено слово народность, и уже внѣшняя оболочка мысли успѣла отъ нея отдѣлиться и предстать въ видѣ моды. Но такъ было всегда.

Изо всего предыдущаго для читателей должно быть ясно, въ какомъ смыслѣ два лица, выставленныя авторомъ, принадлежатъ къ современному обществу и выражаютъ его состояніе. Противоположность ихъ воззрѣній соотвѣтствуетъ самому важному явленію настоящей минуты: разрыву жизни съ сознаніемъ. Въ этомъ, кажется, заключается смыслъ разбираемой нами книги. Не знаемъ, такъ ли понималъ ее самъ авторъ. Впрочемъ, то ли онъ имѣлъ въ виду, или нѣтъ, ясно ли сознанную мысль онъ облекъ въ живые образы, или эти образы составились сами собою, накопленіемъ многихъ наблюденій, до этого намъ дѣла нѣтъ. Если мысль проникла въ его произведеніе безъ его вѣдома, тѣмъ лучше: значитъ, она не надосугѣ придумана, а внушена современностью. Во всякомъ случаѣ, даръ наблюденія, умѣніе выражать одною чертою и въ одномъ лицѣ то, что свойственно многимъ, неотъемлемо принадлежитъ автору. Замѣтимъ при этомъ, что личность Ивана Васильевича глубже понята, строже выражена и обрисована яснѣе и полнѣе, чѣмъ личность Василія Ивановича: вѣроятно потому, что прототипъ послѣдней можно было изучить по книгамъ, по Фонъ-Визину, Грибоѣдову и другимъ, тогда какъ Иванъ Васильевичъ созданъ самимъ авторомъ и взятъ прямо изъ жизни.

Василій Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ встрѣчаются на Тверскомъ бульварѣ, и между ними завязывается слѣдующій разговоръ. Начинаетъ В. И.

— А теперь, коли смѣю спросить, что̀ вы намѣрены дѣлать-съ... ась?..

— Да я бы хотѣлъ, Василій Ивановичъ, посмотрѣть на Россію, познакомиться съ ней.

— Какъ-съ?

— Я хотѣлъ бы изучить свою родину.

— Что, что, что?...

— Я намѣренъ изучить свою родину.

— Позвольте, я не понимаю... Вы хотите изучать?...

— Изучать мою родину... изучать Россію.

— А какъ это вы, батюшка, будете изучать Россію ..

— Да въ двухъ видахъ... въ отношеніи ея древности и въ отношеніи ея народности, что впрочемъ тѣсно связано между собой. Разбирая наши памятники, наши повѣрья и преданья, прислушиваясь ко всѣмъ отголоскамъ нашей старины, мнѣ удастся... виноватъ, намъ удастся... мы, товарищи и я... мы дойдемъ до познанія народнаго духа, нрава и требованія, и будемъ знать, изъ какого источника должно возникать наше народное просвѣщеніе, пользуясь примѣромъ Европы, но не принимая его за образецъ.

— По-моему, сказалъ Василій Ивановичъ: я нашелъ тебѣ самое лучшее средство изучать Россію — жениться. Брось пустыя слова, да поѣдемъ-ка, братъ, въ Казань. Чинъ у тебя небольшой, однакожъ офицерскій. Имѣніе у васъ дворянское. Партію ты легко найдешь. На невѣстъ у насъ, слава Богу, урожай... женись-ка, право, да ступай жить съ старикомъ. Пора и объ немъ подумать. Эхъ, братъ, право-ну! Ты вѣдь думаешь, въ деревнѣ скучно? Ничуть. По утру въ поле, а тамъ закусить, да пообѣдать, да выспаться, а тамъ къ сосѣдямъ.. А именины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... А?... Житье, братъ... что твой Парижъ! Да главное, какъ заведутся у тебя ребятишки, да родится у тебя рожь самъ восемь, да на гумнѣ столько хлѣба наберется, что не успѣешь молотить, а въ карманѣ столько цѣлковыхъ, что не сочтешь, такъ, по-моему, ты славно будешь знать Россію. А!... (стр. 11 и 12).

По этому отрывку можно судить о томъ, какъ сталкиваются въ разговорѣ оба лица, намъ уже извѣстныя. И. В. говоритъ недурно и отчасти дѣльно; несмотря на то, онъ смѣшонъ до крайности. Отчего же мысль истинная и почтенная принимаетъ каррикатурный видъ, когда *онъ* ее выражаетъ? Оттого, что въ немъ нѣтъ искренности; онъ надуваетъ, но безъ умысла, добросовѣстно, и не другихъ, а самого себя, воображая, что все существо его проникнуто одною мыслію, что цѣль его жизни найдена, тогда какъ онъ неспособенъ ни ко внутреннему сосредоточенію, ни къ постоянному направленію самого себя. В. И. также вѣрно опредѣлился. Ему очень не нравится, что пріятель его хочетъ изучать жизнь; онъ тянетъ его всею своею тяжестью въ тотъ тѣсный кругъ домашняго хозяйства, въ которомъ безвозвратно заключилось его существованіе.

В. И. и И. В. сговариваются ѣхать вмѣстѣ въ Мордасы. Величавый и до-нельзя нагруженный тарантасъ тронулся съ мѣста, и мало-по-малу развертывается однообразная картина

Русской дѣйствительности. Можно напередъ сказать, какое впечатлѣніе она произведетъ на нихъ. Для Василья Ивановича все въ ней знакомо, и потому ничто не покажется ему достойнымъ наблюденія. Развѣ задеретъ его вопросомъ или надутою фразою его товарищъ; не то, онъ закроетъ глаза, проспитъ всю дорогу, и ни на что не обратится его лѣнивый умъ. Но, какъ человѣкъ опытный и хорошо знакомый со внѣшнею стороною жизни, онъ не разъ озадачитъ Ивана Васильевича, не разъ посмѣется надъ его мечтами, и не безъ внутренняго удовольствія казнитъ его мечтательность дѣльнымъ словомъ или лукавою насмѣшкой. Ему суждено испытать наслажденіе человѣка, предубѣжденнаго противъ мысли, когда въ его присутствіи заносится неопытный юноша, а онъ стережетъ минуту, когда бы подвернуть ему подъ ноги острый фактъ, удачно вырванный изъ жизни. Такихъ минутъ доставитъ немало Иванъ Васильевичъ. Послѣднему предстоитъ испытать горькое разочарованіе. Читателямъ извѣстно, что онъ не просто ѣдетъ изъ Москвы въ Мордасы, а путешествуетъ съ цѣлью изучать народность, и для этого онъ запасся толстою переплетенною тетрадью, которую надѣется несомнѣнно исписать до послѣдняго листа. Въ этомъ мы узнаемъ вполнѣ Ивана Васильевича и всѣхъ его друзей. Странное сочетаніе ребяческой предусмотрительности на мелочи, съ рѣшительнымъ отсутствіемъ смысла на существенное! Онъ подумалъ о тетради и о карандашахъ, но не думалъ онъ о томъ, протеръ ли онъ глаза, изощрилъ ли зрѣніе, пріучилъ ли слухъ. И вотъ онъ раскрылъ свою книгу и смотритъ во всѣ глаза, но не видитъ; вслушивается и не слышитъ, спрашиваетъ и не получаетъ отвѣтовъ. Послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ опытовъ, онъ вотъ какъ разсуждаетъ про себя:

Хватился я сперва за древности, древностей нѣтъ. Думалъ изучить губернскія общества—губернскихъ обществъ нѣтъ. Всѣ они, какъ говорятъ, форменныя. Столичная жизнь—жизнь не Русская, а перенявшая у Европы и мелочное образованіе, и крупные пороки. Гдѣ же искать Россію? Можетъ быть, въ простомъ народѣ, въ простомъ вседневномъ быту Русской жизни? Но вотъ я ѣду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь, и, хоть что хочешь дѣлай, ничего отмѣтить и записать не могу. Окрестность мертвая; земли, земли, земли столько,

что глаза устаютъ смотрѣть: дорога скверная... по дорогѣ идутъ обозы... мужики ругаются... Вотъ и все... а тамъ: то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнѣ ползаютъ, то щи сальными свѣчами пахнутъ... Ну, можно ли порядочному человѣку заниматься подобною дрянью?.. И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомляетъ до чрезвычайности и отдохнуть не даетъ... Нѣтъ ничего новаго, ничего неожиданнаго. Все тоже да тоже... и завтра будетъ, какъ нынче. Здѣсь станція, тамъ опять та же станція, а тамъ еще та же станція, здѣсь староста, который проситъ на водку, а тамъ опять до безконечности все старосты, которые просятъ на водку... что же я стану писать? (стр. 88 и 89).

Такъ именно быть должно. Необходимость неудачи Ивана Васильевича, безсиліе отвлеченной мысли и случайно вспыхнувшаго чувства понять дѣйствительность, овладѣть жизнью, этотъ фактъ, полный нравственнаго смысла, понятъ авторомъ глубоко и выраженъ прекрасно.

Иванъ Васильевичъ былъ въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Нетронутая книга путевыхъ впечатлѣній валялась подъ ногами около погребца. Изученіе Россіи въ отношеніи ея древности и народности рѣшительно не подвигалось. Дѣло, кажется, стало не за многимъ. Иванъ Васильевичъ догадывался, что одного хорошаго намѣренія для совершенія великаго подвига было недостаточно. По Россіи не развѣшены вывѣски, по которымъ можно было бы прочитать всю жизнь ея, все что было, что есть и что будетъ. Одной поѣздки въ Мордасы для подобнаго изученія какъ-то мало. Нужно еще кое-что другое. Нужны еще вѣчная настойчивость, вѣчный терпѣливый трудъ съ самаго младенчества, въ теченіе цѣлой жизни. А этого, кажется, не мало. Надо было вникать въ самую глубину всякаго предмета, потому что изъ гладкой наружной поверхности ничего не извлекалось. Надо было отъискивать, какъ ключа загадки, тайнаго, иногда высокаго смысла всякаго прозаическаго проявленія, попадавшагося на каждомъ шагу. Но, какъ извѣстно, Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ слабаго свойства. По мѣрѣ того, какъ онъ встрѣчалъ затрудненія, онъ не старался ихъ одолѣвать, а измѣнялъ свои предпріятія. Такимъ образомъ, мало-по малу отказывался онъ, какъ мы видѣли, отъ прекрасныхъ изученій, отъ важныхъ открытій, къ которымъ для блага человѣчества готовился съ такимъ жаромъ (стр. 216 и 217).

Первый предметъ, на который устремляется вниманіе путниковъ, это чиновники. Иванъ Васильевичъ мимоходомъ объявляетъ Василью Ивановичу, что онъ любитъ душевно Русскаго мужика и Русскаго боярина, и ненавидитъ также душевно чиновника и то уродливое безъименное сословіе, кото-

рое возникло у насъ отъ грязнаго притязанія на какое-то жалкое, непонятое просвѣщеніе.

— А отчего же это, батюшка, ненавидите вы чиновниковъ? спросилъ Василій Ивановичъ.

— Это не значитъ, что я ненавижу людей служащихъ совѣстливо и благородно. Напротивъ того, я ихъ уважаю отъ души. Но я ненавижу тотъ жалкій типъ грубой необразованности, который встрѣчается и между дворянами, и между мѣщанами, и между купцами, и который я называю потому вовсе неточнымъ именемъ чиновника.

— Отчего же, батюшка?

— Потому что тѣ, которыхъ я такъ называю, за неимѣніемъ прочнаго основанія, придаютъ себѣ только наружность просвѣщенія, а въ самомъ дѣлѣ гораздо невѣжественнѣе самаго простаго мужика, котораго природа еще не испорчена. Потому что въ нихъ нѣтъ ничего Русскаго, ни нрава, ни обычая, потому что они своей трактирной образованностью, своимъ самодовольнымъ невѣжествомъ, своимъ грязнымъ щегольствомъ, нетолько останавливаютъ развитіе истиннаго просвѣщенія, но нерѣдко направляютъ его во вредную сторону. Это—созданіе уродливое, приросшее къ народной почвѣ, но совершенно чуждое народной жизни. Взгляните на него. — Куда дѣвались благородныя черты нашего народа? Онъ дуренъ собой, онъ грязенъ, онъ пьетъ запоемъ, а не въ праздники, какъ мужикъ. Онъ-то беретъ взятки, онъ-то старается всѣхъ притѣснять и въ то же время дуется и гордится передъ простымъ народомъ тѣмъ, что онъ играетъ въ бильярдъ и ходитъ во фракѣ. Подобное племя—племя испорченное, переродившееся отъ прекраснаго начала (стр. 28 и 29).

За этимъ слѣдуетъ замѣчательное мѣсто: генеалогія чиновника.

Дворовый не что иное какъ первый шагъ къ чиновнику. Дворовый обритъ, ходитъ въ длиннополомъ сюртукѣ домашняго сукна. Дворовый служитъ потѣхой праздной лѣни и привыкаетъ къ тунеядству и разврату. Дворовый уже пьянствуетъ, и воруетъ, и важничаетъ, и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него подушныя. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ въ конторщики, въ вольноотпущенные, въ приказные; приказный презираетъ и двороваго, и мужика, и учится уже крючкотворству, и потихоньку отъ исправника подбираетъ себѣ куръ да гривенники. У него сюртукъ нанковый, волосы примазанные; онъ обучается уже воровству систематическому. Потомъ, приказный спускается еще на ступень ниже, дѣлается писцомъ, повытчикомъ, секретаремъ и наконецъ настоящимъ чиновникомъ. Тогда сфера его увеличивается; тогда получаетъ онъ другое бытіе: презираетъ и мужика, и двороваго, и приказнаго, потому что они, изволите видѣть, люди необразованные. Онъ имѣетъ уже высшія потребности и потому крадетъ уже ассигнаціями. Ему вѣдь надо пить Донское, курить табакъ

1228
1229

Жукова, играть въ банчикъ, ѣздить въ тарантасѣ, выписывать для жены чепцы съ серебряными колосьями и шелковыя платья. Для этого онъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, вступаетъ на свое мѣсто, какъ купецъ вступаетъ въ лавку, и торгуетъ своимъ вліяніемъ, какъ товаромъ. Попадется иной, другой... Ништо ему, говорятъ собратья. Бери да умѣй (стр. 30 и 31).

Забудемъ пока, что это говоритъ Иванъ Васильевичъ, что этотъ отрывокъ своею рѣзкостью и оригинальностью противорѣчитъ общему характеру его блѣдной и напыщенной рѣчи; все это мы должны забыть; ибо мысль сама-по-себѣ замѣчательна, и хорошо, что она высказана. Слѣдовательно, изъ словъ автора выходитъ, что дворовый — первый шагъ къ чиновнику; слѣдовательно, по нисходящей линіи, дворовый послѣднее выраженіе чиновника. Оба они занимаютъ крайнія ступени той лѣстницы, которая однимъ концомъ утверждена на простомъ народѣ, а другимъ упирается во что же, если не въ высшее сословіе, въ то боярство, которое такъ душевно любитъ Иванъ Васильевичъ? Ступени этой лѣстницы соотвѣтствуютъ тѣмъ фазисамъ быстраго искаженія, которые такъ остроумно изображены въ приложенной виньектѣ; это станціи, расположенныя на дорогѣ, пробѣгаемой каждымъ лицемъ, стремящимся снизу въ верхъ. Требованія этого верха, характеръ цѣли, естественно опредѣляютъ и характеръ самаго стремленія. Если это такъ, то зачѣмъ такъ отчаянно нападать на чиновника, когда чиновникъ не самъ себя создалъ, а выражаетъ очень естественное, даже необходимое желаніе всякаго человѣка уподобиться готовому, данному идеалу? Конечно, въ избранномъ кругу, въ который лѣзетъ чиновникъ, многіе его пороки, напримѣръ, это грубое презрѣніе къ низшимъ, эта надменность мнимой образованности, незамѣтны; но оттого ли, что дѣйствительно этихъ пороковъ тамъ нѣтъ, что ихъ побѣдило христіанское чувство братской любви, или оттого, что можно ко всему привыкнуть, приглядѣться, что порокъ, проникая глубже и глубже въ образъ мыслей, въ чувствованія, въ цѣлый бытъ, вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ свою грубую, шершавую наружность и, наконецъ, время наводитъ на него какой-то соблазнительный лоскъ?

Это недоумѣніе могъ бы разрѣшить развѣ только Василій Ивановичъ; но, къ сожалѣнію, на вопросъ Ивана Васильевича. что думаете вы о нашихъ аристократахъ? онъ отвѣчалъ словами: я думаю, что намъ на станціи не будетъ лошадей. Какъ бы то ни было, но панегирикъ, которымъ, послѣ выписаннаго нами отрывка, Иванъ Васильевичъ заключаетъ свою рѣчь, странно поражаетъ: никакъ не сообразишь, какъ онъ мирится съ предъидущимъ; но это доказываетъ только, что подъ конецъ опять заговорилъ Иванъ Васильевичъ. Суровый приговоръ, произнесенный надъ чиновникомъ во второй главѣ, нѣсколько смягчается изображеніемъ двухъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же сословію (гл. XVIII, чиновники) и которыя имѣютъ отдаленное сродство съ Акакіемъ Акакіевичемъ Гоголя. Мы не думаемъ сравнивать, а хотимъ только сказать, что, какъ бы велико ни было разстояніе между этими двумя произведеніями, оба должны подѣйствовать на предубѣжденіе, къ несчастію, довольно распространенное въ кругу образованныхъ людей, которые смотрятъ на чиновника также точно, какъ Иванъ Васильевичъ, съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ и съ отвращеніемъ, воображая, что чиновникъ — жалкое созданіе злаго духа, также какъ онъ очень естественно создался изъ обстоятельствъ современныхъ. Эти господа избѣгаютъ встрѣчи съ чиновникомъ, и потому они не подозрѣваютъ, сколько иногда встрѣчается нравственнаго величія и высоты смиренія въ этомъ сословіи презрѣнномъ и несчастномъ. Доброе дѣло дѣлаетъ авторъ, наводя ихъ на другую точку зрѣнія. Но вотъ что жаль: его изображеніе чиновника внушаетъ только состраданіе, такое чувство, которое нерѣдко уживается съ гордостью и которому, особенно при быстромъ усовершенствованіи облегченной благотворительности, можно удовлетворить пожертвованіемъ десяти рублей и вслѣдъ за тѣмъ успокоиться. Глубже захватываетъ душу, благотворнѣе потрясаетъ ее произведеніе Гоголя; мы видѣли, какъ, по прочтеніи его, въ иныхъ глазахъ показывались слезы... не состраданія, а раскаянія и любви. Но въ сторону сравненія.

Изображеніе губернскаго города въ главѣ VI замѣча-

тельно-остроумно и односторонно. Въ немъ выставленъ рѣзко одинъ, такъ сказать, общегородской характеръ всѣхъ губернскихъ городовъ: ихъ жалкое стремленіе уподобиться столицѣ создать на существующихъ основаніяхъ какую-то искуственную общественность, стремленіе, отвлекающее ихъ отъ мѣстнаго значенія, къ которому они призваны. Эта смѣшная сторона въ нихъ есть, противъ этого никто не будетъ спорить. Но ужели нѣтъ другой? Ужели разнообразіе мѣстностей не кладетъ на нихъ особенныхъ отпечатковъ? Ужели простое знаніе мѣстныхъ потребностей, не говоря о другомъ, не связываетъ ихъ естественною связью съ бытомъ и жизнію цѣлой области? Кажется, авторъ чувствовалъ самъ односторонность своей характеристики, и потому онъ вложилъ ее въ уста человѣка промотавшагося, погубившаго себя мелкимъ честолюбіемъ и потому недовольнаго, озлобленнаго. Біографія этого человѣка, имъ самимъ разсказанная, — удачно набросанный очеркъ, но къ, сожалѣнію, только очеркъ, который могъ бы явиться яркою оригинальною картиной. Герой простой и глупой исторіи принадлежитъ къ числу людей, не то что дурныхъ или бездарныхъ, но чуждыхъ всякаго содержанія въ умѣ и сердцѣ. Всѣ усилія ихъ направлены не къ тому, чтобы быть чѣмъ нибудь, а только казаться передъ другими. Пружина ихъ дѣятельности — мелкое тщеславіе; молва свѣта замѣняетъ въ нихъ совѣсть. Разорившись дочиста, потерявши доброе имя, истощивъ и душевныя, и тѣлесныя силы, они пріобрѣтаютъ какую-то житейскую мудрость холоднаго, безплоднаго разсудка. Дурная сторона всѣхъ круговъ общественныхъ имъ извѣстна, критика ихъ мѣтка и ядовита; но къ чему все это, когда въ душѣ нѣтъ ни убѣжденій, ни любви? Это лицо, очень удачно задуманное, исчезаетъ, оставивъ по себѣ тяжелое впечатлѣніе.—Вотъ и другое лицо: русскій баринъ, князь, одного племени съ Иваномъ Васильевичемъ, но поотставшій отъ него. Онъ поклонникъ Запада и европеизма, и ругаетъ своихъ людей самыми скверными словами; онъ привыкъ къ цивилизаціи, къ жизни интеллектуальной, и прерываетъ рѣчь свою угрозами и бранью онъ объявляетъ, что ѣдетъ за-границу, что ему нужны деньги, что крестьяне его разорены, но что ему до этого дѣла нѣтъ:

онъ человѣкъ Европейскій и не мѣшается въ дѣла своихъ крестьянъ. Однимъ словомъ, фигура нѣсколько истасканная; но принадлежитъ ли она нашему времени, или прошедшему, рѣшить мы не беремся. Промелькнулъ и князь. — Вокругъ самовара сидятъ купцы, попиваютъ чай и толкуютъ о своихъ дѣлахъ. Ихъ разговорный языкъ схваченъ довольно удачно. И. В. читаетъ имъ длинное наставленіе на слѣдующую тему. Въ частной жизни вы пяти копѣетъ не возьмете у незнакомаго, а въ торговомъ дѣлѣ вы немилосердно обкрадываете роднаго брата; честность у васъ раздваивается на два понятія: въ первомъ обманъ у васъ называется обманомъ, во второмъ —барышомъ. На это купцы отвѣчаютъ ему: не прикажите ли, сударь, чашечку... со сливочками?—Вотъ и село въ праздничный день. Мужики пьянствуютъ, дѣвки перебраниваются съ парнями; раскольникъ, не снимая шапки, проходитъ мимо священника; служивый разсказываетъ собравшейся вокругъ него толпѣ про свои похожденія. Этотъ разсказъ мѣстами очень живъ и оригиналенъ, но въ немъ недостаетъ единства: чувствуешь, что онъ сшитъ изъ набранныхъ лоскутковъ. И. В. выдержалъ свой характеръ. Онъ подходилъ къ молодицамъ: онѣ разсмѣялись и назвали его облизаннымъ Нѣмцемъ; пытался распросить мужика про попавшагося ему раскольника, но ничего не узналъ, потому что спрашивалъ глупо. „Странный народъ, непостижимый народъ“, говоритъ про себя И. В.; но не народъ, а самъ Иванъ Васильевичъ страненъ, хотя и очень постижимъ.

Мы указали только на тѣ очерки, которые почему-нибудь замѣчательны. Для пополненія и разнообразія вставлены еще: станція, гостинница, Цыгане, перстень — довольно неудачная поддѣлка подъ разсказъ простолюдина; нѣчто о словесности—краснорѣчивая варіація на старую тему; Печерскій монастырь—риторическое упражненіе въ описательномъ родѣ, неизвѣстно почему попавшее въ Тарантасъ; помѣщикъ, и наконецъ Востокъ, точнѣе, Татары: все это быстро мелькаетъ на встрѣчу ѣдущему тарантасу, въ легкихъ, часто граціозныхъ очеркахъ, и вокругъ нихъ затѣйливымъ узоромъ вьется живой разговоръ. Этою формою изложенія авторъ вполнѣ овладѣлъ; рѣчь его свободна, развязна и естественна безъ

вялости. Можно, конечно, упрекнуть его въ нѣкоторыхъ несообразностяхъ. Иногда, забывшись, авторъ заставляетъ говорить своихъ героевъ слишкомъ умно и краснорѣчиво. Мы могли бы представить тому примѣры, но лучше поспѣшимъ къ заключенію.

Иванъ Васильевичъ старается понять дѣйствительность и не можетъ, ибо онъ въ ней не живетъ; Василій Ивановичъ до того въ нее погрузился, что и понимать ее не хочетъ. Сознаніе и жизнь въ раздорѣ; но они должны примириться, узнать другъ друга и слиться въ единство крѣпкой, сознаніемъ просвѣтленной жизни. Представивъ намъ ограниченность двухъ воззрѣній, истекающихъ изъ раздора, авторъ указываетъ намъ и на ихъ примиреніе. Безъ того произведеніе не получило бы цѣлости, читатель остался бы при тяжеломъ чувствѣ раздвоенія. Итакъ, послѣдняя глава была нужна. Мы приступили къ ней съ сильно возбужденнымъ любопытствомъ. Намъ хотѣлось, наконецъ, услышать голосъ самого автора, встрѣтиться лицомъ къ лицу съ его мыслію; мы были увѣрены, что, послѣ такой умной критики современнаго состоянія, онъ откроетъ намъ утѣшительный видъ на будущность. Сбылись ли наши надежды, могли ли мы удовлетвориться, объ этомъ пусть судятъ читатели. Мы представимъ содержаніе послѣдней главы. Легко было бы придраться къ фантастическому ея началу, къ превращенію тарантаса въ птицу, ко всѣмъ этимъ привидѣніямъ и ужасамъ нисколько не ужасающимъ; но, можетъ быть, трудно было обойтись безъ этого перехода, къ несчастію для автора, напоминающаго послѣднія страницы „Мертвыхъ Душъ". Но все это въ сторону. Какимъ бы то ни было прыжкомъ, мы очутились въ будущемъ мірѣ обновленной Руси. Тарантасъ сталъ снова тарантасомъ.

Тарантасъ становился снова тарантасомъ, только не такимъ неуклюжимъ и растрепаннымъ, ка́къ знавалъ его Иванъ Васильевичъ, а приглаженнымъ, лакированнымъ, стройнымъ, словомъ совершеннымъ молодцемъ. Коробочки и веревочки исчезли. Рогожъ и кульковъ какъ бы не бывало. Мѣсто ихъ занимали небольшіе сундуки, обтянутые кожей и плотно привинченные къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ. Тарантасъ какъ бы переродился, перевоспитался и помолодѣлъ. Въ твердой его поступи не видно было болѣе прежняго неряшества. Напротивъ, того въ

ней выражалась какая-то увѣренность, чувство неотъмлемаго достоинства, быть можетъ даже, немного гордости (стр. 267 и 268).

Подобно тарантасу, сама природа какъ-будто выбѣлена заново; селенія очистились, выпрямились и принарядились.

На широкихъ дубовыхъ воротахъ прибиты были вывѣски, означающія, что въ длинные зимніе дни хозяинъ дома не занимался пьянствомъ, не валялся праздный на лежанкѣ, а приносилъ пользу братьямъ выгоднымъ ремесломъ, благодаря способности Русскаго народа все перенять и все дѣлать, и тѣмъ упрочивалъ и свое благоденствіе (стр. 269 и 270).

Успѣхъ важный; прежде было не такъ; видно, Русскій мужикъ боялся мороза и всю зиму просиживалъ въ своей берлогѣ. Ему и въ голову не приходило взяться за ремесло. Исчезли пьяные и нищіе; для стариковъ устроены богадѣльни (чего прежде у насъ вѣрно не было), а для дѣтей пріюты (чего точно не умѣли завести наши дѣды).

Помѣщичьи дома, казалось, стояли блюстителями порядка, залогомъ того, что счастіе края не измѣнится, а, благодаря мудрой заботливости просвѣщенныхъ путеводителей, все будетъ еще стремиться впередъ, все будетъ еще болѣе развиваться, прославляя дѣла человѣка и милосердіе Создателя (стр. 270).

Однимъ словомъ, вездѣ чисто, все прибрано, люди всѣ на мѣстахъ, порядокъ такой, что сердце радуется.

А въ городахъ какія улучшенія! Совсѣмъ не видать заборовъ, все сплошные дома, нѣтъ ни развалинъ, ни растрескавшихся стѣнъ, ни грязныхъ лавочекъ... Какъ живописенъ долженъ быть такой городъ! Видно, что такъ; ибо, глядя на него, на эту Москву съ ея „Славянской, народной, оригинальной наружностью“, И. В. восклицаетъ: „Италія, Италія, ужели мы тебя перещеголяли!“

Кажется, природа, селенія, города приведены въ исправность. Посмотримъ на людей. Нашъ знакомый, князь, нѣкогда встрѣченный Иваномъ Васильевичемъ на большой дорогѣ, идетъ къ нему навстрѣчу. Но его не узнаешь...

На головѣ его была бобровая шапка, станъ былъ плотно схваченъ юнкимъ суконнымъ полушубкомъ на собольемъ мѣху, а на ногахъ желтые сафьянные сапоги доказывали, по Славянскому обычаю, его дворянское достоинство (стр. 274).

И князь принарядился, пригладилъ волосы по нынѣшней модѣ, съ проборомъ на боку (если вѣрить картинкѣ), затянулся въ какую-то венгерку (видно такъ одѣвались древніе бояре) и взялъ въ руки шапку съ султаномъ. Впрочемъ, князь увѣряетъ „что этотъ нарядъ совершенно удобенъ, а притомъ онъ нашъ народный". Князь значительно поумнѣлъ. Онъ понялъ, что путешествовать за границей вовсе не нужно, ибо „мы не дѣти, слава Богу... намъ не прилично заниматься шарадами и принимать названія за дѣла" и, вслѣдъ за этимъ, прибавляетъ глубокомысленно, „что исторія не что иное, какъ поученіе прошедшаго настоящему для будущаго". Хорошо очень изъясняется князь. Вотъ напримѣръ, какъ онъ толкуетъ причину гигантскихъ успѣховъ Россіи: „мы отдѣлили человѣческое отъ идеальнаго". Это начало дѣйствительно заключаетъ въ себѣ сильное побужденіе въ совершенствованію и поведетъ далеко. Далѣе, князь разсуждаетъ о равновѣсіи, найденномъ въ любви, о смиреніи и т. д., такъ что кажется, какъ будто князь кое-что дѣльное слышалъ отъ кого-нибудь изъ друзей своихъ, но понялъ криво, сбилъ, перемѣшалъ съ другими, прямо противоположными началами, и все это слилъ въ своей напыщенной и безцвѣтной рѣчи. По его словамъ, народъ Русскій шелъ впередъ, соблюдая строгій порядокъ, точно какъ въ процессіи, одно сословіе за другимъ, цехъ за цехомъ. „Дворяне шли впередъ, исполняя благую волю Божьяго Помазанника, купечество очищало путь, войско охраняло край, а народъ бодро и довѣрчиво подвигался по указанному ему направленію" (стр. 277).

Впрочемъ, можетъ быть, князь не мастеръ изъясняться; вѣроятно, даръ слова составляетъ спеціальную принадлежность другого сословія; можетъ быть, его бытъ и образъ жизни лучше всякихъ словъ объяснятъ намъ обновленіе всей Россіи. И точно: во-первыхъ, у него много занятій; во-вторыхъ, онъ ѣздитъ въ клубъ, который изъ Англійскаго переименованъ въ Русскій (тоже важный успѣхъ національности); наконецъ, онъ служитъ засѣдателемъ.

„Ибо, находясь самъ на службѣ, онъ не отвлекаетъ отъ выгоднаго занятія или ремесла бѣднаго человѣка, который бы долженъ было зан[illegible] его должность. Такимъ образомъ,

правительство не содержитъ нищихъ невѣждъ или безсовѣстныхъ лихоимцевъ. Охраненіе законовъ не дѣлается источникомъ беззаконности“ (стр. 279).

Именно такъ. Добрый князь! Какъ долженъ быть ему благодаренъ тотъ бѣдный человѣкъ, котораго, благодаря самопожертвованію князя, перестанутъ наконецъ отвлекать отъ выгоднаго ремесла! Все это кажется очень трогательно, а все-таки сердце какъ будто не довѣряетъ князю; оттого ли, что трудно привыкнуть къ новому порядку и раздѣлаться съ старыми предубѣжденіями,—а слышится въ этихъ словахъ старая, неизлѣчимая гордость сословія. Какимъ образомъ она мирится съ тою любовью, съ тѣмъ смиреніемъ, о которомъ было говорено такъ много, этого мы нé въ силахъ объяснить. Далѣе, князь зоветъ Ивана Васильевича въ свой старый, дѣдовскій замокъ. Откуда взялся этотъ замокъ? Кажется, на Руси ихъ не бывало; а впрочемъ, вѣроятно, князь выстроилъ себѣ заново дѣдовскій замокъ на манеръ Англійскихъ? Только нѣтъ; самъ онъ говоритъ: „мой замокъ стоитъ, какъ есть ужъ нѣсколько вѣковъ“ (стр. 280). Пусть понимаютъ, какъ хотятъ. Потомъ И. В. узнаетъ, что у князя галлерея картинъ Арзамасской школы, Русская библіотека, почти безъ примѣси иностранныхъ книгъ; узнаётъ еще, что въ каждой избѣ можно найти листокъ „Сѣверной Пчелы“ и книгу „Отечественныхъ Записокъ“ (стр. 281). Почему-жъ бы и не найти? Въ идеальной Руси, какою представляетъ ее авторъ, „С. Пчела“ и „Отеч. Записки“ вполнѣ у мѣста. Наконецъ, И. В. встрѣчаетъ и другаго своего пріятеля, который, благодаря лекціямъ какихъ-то профессоровъ, сдѣлался мудрецомъ въ родѣ древнихъ философовъ, и объявляетъ, что „къ несчастію на землѣ не можетъ быть равенства“ и т. д. (стр. 283). И. В. при видѣ его семейства, восклицаетъ: „есть на землѣ счастье!...“

Такъ вотъ она идеальная Русь, Русь обѣтованная намъ, и нашимъ многострадальнымъ прошедшимъ, и нашими несомнѣнными надеждами! Мы смотримъ на нее и спрашиваемъ: ужели всѣ требованія настоящей минуты такъ мелки, ужели такъ ничтожны противорѣчія, на которыя мы жалуемся, такъ поверхностно это во всемъ замѣтное раздвоеніе жизни, что стоило навести лакъ на тарантасъ, стоило князю

промѣнять пальто на венгерку и разослать во всѣ избы билеты на „Сѣверную Пчелу“, чтобъ удовлетворить законнымъ требованіямъ и возсоединить разорванное?

Да полно, есть ли во всемъ этомъ единство и внутреннее примиреніе, или это только пародія примиренія, смѣшной маскарадъ, поддѣлка подъ народность, обманчивая и вредная: ибо, принимая на себя видъ народности, она удаляетъ минуту ея торжества?

Въ началѣ главы IV представлена многозначительная виньетка: Русская изба, заслоняющаяся Греческимъ фронтономъ. Какъ бы хорошо было во главѣ изображенія идеальной Руси представить иностранное зданіе, притаившееся за фасадомъ Русской избы.

Впрочемъ, имѣемъ ли мы право говорить серьезно о томъ, что самъ авторъ выдаетъ не болѣе, какъ за шутку? Вѣдь это сонъ, вѣдь это мечты Ивана В — ча! Такъ, — но отчего же авторъ, обративши въ шутку предметъ нисколько не забавный, запасся напередъ отговоркою отъ слишкомъ придирчивой критики? Оттого ли, что онъ слишкомъ много дорожилъ своею мыслію и боялся за нее холоднаго, пристрастнаго суда, или наоборотъ, оттого, что не дорожилъ ею вовсе? Къ сожалѣнію, мы принуждены признать послѣднее, и вотъ въ чемъ особенно и нисколько не шутя мы упрекаемъ автора. Даръ наблюденія дѣло важное; но для того, чтобы видѣнное возсоздать, для того, чтобы написать картину, нужно избрать точку зрѣнія и на ней утвердиться. Критика современныхъ явленій общественныхъ необходима и полезна; но она требуетъ не одного только безпристрастія, но еще опредѣленнаго и неизмѣннаго мѣрила. Безъ единства мысли, безъ внутренней сосредоточенности всѣхъ силъ душевныхъ, въ одномъ основномъ убѣжденіи, художникъ не создастъ произведенія стройнаго, мыслитель не возъимѣетъ дѣйствія на общество. Мы не въ томъ упрекаемъ автора, что онъ не говоритъ отъ своего лица, не выдвигаетъ своей мысли, а въ томъ, что вовсе не слыхать ея, что этой мысли нѣтъ.

Она есть въ произведеніяхъ Гоголя, и если не для всѣхъ она ясна, то это потому, что Гоголь слишкомъ еще къ намъ близокъ; она есть у Диккенса, и у обоихъ она не вредитъ

художественности. Мы находимъ ее и у другихъ писателей меньшей величины, и какъ бы односторонне ложна она ни была и какъ бы ни разстроивала художественной гармоніи ихъ произведеній, она даетъ имъ то общественное значеніе, къ которому призвано современное искусство.

Присутствіе такой мысли или, лучше, ея зарожденіе въ элементѣ женскаго чувства, мы находимъ въ первыхъ произведеніяхъ автора, въ этой неподдѣльной грусти, раждавшейся отъ сознанія глубокаго противорѣчія любящей души художника съ условными требованіями свѣта... Но этой струны уже не слыхать, и, къ сожалѣнію, ничто ея не замѣнило. Ужели авторъ успѣлъ примириться такъ скоро и такъ легко? Мы надѣемся, что нѣтъ.

О мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ *).

Мы искренно обрадовались, когда до насъ дошелъ слухъ о передачѣ и обновленіи „Современника". Зная образъ мыслей редактора и главныхъ сотрудниковъ, мы могли предвидѣть направленіе изданія. Мы знали, что оно будетъ несогласно во многомъ съ нашимъ образомъ мыслей и возбудитъ неминуемыя противорѣчія. Но литературный споръ между Москвою и Петербургомъ въ настоящее время конечно необходимъ; дѣло въ томъ, какъ и съ кѣмъ вести его. Петербургскіе журналы встрѣтили Московское направленіе съ насмѣшками и самодовольнымъ пренебреженіемъ. Они придумали для послѣдователей его названіе старовѣровъ и славянофиловъ, показавшееся имъ почему-то очень забавнымъ, подтрунивали надъ мурмолками, и доселѣ еще не истощили этой богатой темы. Принявши разъ этотъ тонъ, имъ было трудно перемѣнить его и сознаться въ легкомысліи: они не могли или не хотѣли добросовѣстно вникнуть въ образъ мыслей Московской партіи, отличить случайное отъ существеннаго, извлечь коренные вопросы и отстранить личности. Припомните критики и библіографическія статьи „Отечественныхъ Записокъ" за два или за три года тому назадъ. Мы приводимъ въ примѣръ именно этотъ журналъ, потому что онъ серьезнѣе другихъ и въ послѣднее время имѣлъ наиболѣе успѣха. Много разсыпано было колкостей и насмѣшекъ, но

*) Напечатано въ „Москвитянинѣ" 1847 г. № 2, съ подписью М.. З.. К..

много ли дѣльныхъ возраженій? Самолюбія были раздражены, но двинулся ли споръ хоть на одинъ шагъ? Можетъ быть, въ Петербургѣ это покажется страннымъ; но конечно Московскіе ученые, не раздѣляющіе нашего образа мыслей, согласятся въ томъ, что такъ называемымъ славянофиламъ приписывали то, чего они никогда не говорили и не думали, что большая часть обвиненій, напримѣръ, въ желаніи воскресить отжившее, вовсе къ нимъ не шла, и что вообще, во всемъ этомъ дѣлѣ, со стороны Петербурга замѣчалось какое-то недоразумѣніе, умышленное или неумышленное — это все равно.

Впрочемъ, къ чести „Отечественныхъ Записокъ" должно замѣтить, что къ концу прошлаго года и въ нынѣшнемъ, онѣ значительно перемѣнили тонъ и стали добросовѣстнѣе всматриваться въ тотъ образъ мыслей, котораго прежде не удостоивали серьезнаго взгляда.

Въ это самое время отъ нихъ отошли нѣкоторые изъ постоянныхъ ихъ сотрудниковъ и основали новый журналъ. Отъ нихъ, разумѣется, нельзя было ожидать направленія по существу своему новаго; но можно и должно было ожидать лучшаго, достойнѣйшаго выраженія того же направленія. Всего отраднѣе было то, что редакцію принялъ на себя человѣкъ, умѣвшій сохранить независимое положеніе въ нашей литературѣ и не написавшій ни одной строки подъ вліяніемъ страсти или раздраженнаго самолюбія. Наконецъ, въ новомъ журналѣ должны были участвовать лица, издавна живущія въ Москвѣ, хорошо знакомыя съ образомъ мыслей другой литературной партіи и съ ея послѣдователями, проведшія съ ними нѣсколько лѣтъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и узнавшія ихъ безъ посредства журнальныхъ статеекъ и сплетенъ, развозимыхъ заѣзжими посѣтителями.

Итакъ, думали мы, мнѣніе нашихъ литературныхъ противниковъ явится въ достойнѣйшей формѣ, и наконецъ будетъ понято и оцѣнено наше мнѣніе. Скажемъ откровенно: первый нумеръ „Современника" не оправдалъ нашего ожиданія. Можетъ быть, мы ошибаемся; но, по нашему мнѣнію, новый журналъ подлежитъ тремъ важнымъ обвиненіямъ: во-первыхъ, въ отсутствіи единства направленія и согласія съ

самимъ собою; вовторыхъ, въ односторонности и тѣснотѣ своего образа мыслей; втретьихъ, въ искаженіи образа мыслей противниковъ. Мы постараемся доказать это разборомъ трехъ капитальныхъ статей, которыя, по собственному признанію „Современника", должны ознакомить читателей съ его духомъ и направленіемъ. Это: Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, г. Кавелина; О современномъ направленіи Русской литературы, г. Никитенко и Взглядъ на Русскую литературу 1846 года, г. Бѣлинскаго.

Статья г. Кавелина отличается своею логическою стройностью. Отъ начала до конца она проникнута одною мыслью, высказанною, если и не доказанною, въ началѣ въ отвлеченной формѣ, потомъ послѣдовательно-проведенною сквозь цѣлый рядъ историческихъ явленій, которыя ею связуются къ одну неразрывную цѣпь. Поэтому, весьма легко извлечь изъ статьи ея сущность и изложить ее словами самого автора.

„Чтобы понять тайный смыслъ нашей исторіи, чтобъ оживить нашу историческую литературу, необходимы: взглядъ, теорія... Гдѣ ключъ къ правильному взгляду на Русскую исторію? Отвѣтъ простой. Не въ невозможномъ отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ".

Остановимся на этомъ. „Ключъ къ правильному взгляду на исторію не въ отвлеченномъ мышленіи". Въ извѣстномъ смыслѣ, всякое мышленіе отвлеченно; ибо существенное условіе его есть отвлеченіе или возведеніе предмета въ слово. Разумѣется, не въ этомъ пространномъ смыслѣ принимаетъ его авторъ; онъ хочетъ сказать, что заблуждаются тѣ, которые выводятъ откуда нибудь или берутъ на удачу отвлеченное понятіе о томъ, что должно быть въ исторіи народа и чего должно въ ней искать, и потомъ уже принимаются за самую исторію; такъ, по крайней мѣрѣ, понимаемъ мы слова его. Далѣе: „не въ безплодномъ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ". Конечно нѣтъ, ибо оно опредѣляетъ только отрицательно исторію изучаемаго народа, т.-е. показываетъ чего въ ней нѣтъ, но не открываетъ законовъ того, что есть. Наконецъ: „ключъ къ правильному взгляду на исторію въ

насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ". Несомнѣнно! Но это еще не опредѣляетъ процесса изученія. Кажется, за отстраненіемъ двухъ способовъ подведенія исторіи подъ готовую мысль и сравненія съ другими исторіями, остается только одинъ: это — простое, непосредственное вглядываніе въ исторію и отвлеченіе существеннаго отъ случайнаго, главнаго отъ второстепеннаго, стремленія и цѣлей отъ массы событій. Такимъ образомъ, художникъ, обнимая лице однимъ взглядомъ, опредѣляетъ господствующій тонъ его; такъ, наконецъ, проживши съ человѣкомъ нѣсколько времени и припоминая его поступки, слова, движенія, мы угадываемъ его характеръ; изъ совокупности многихъ наблюденій образуется въ нашемъ представленіи типъ лица или народа. Такого рода изученіе предполагаетъ два условія: отсутствіе всякаго предубѣжденія и всесторонность наблюденій. Не знаемъ, такъ ли понималъ авторъ трудъ изученія, который онъ бралъ на себя; по крайней мѣрѣ мы не видимъ другаго, за отстраненіемъ двухъ способовъ опредѣленныхъ выше. Г-нъ Кавелинъ отправляется отъ настоящаго.

Всматриваясь въ общественный бытъ крестьянъ, сохранившихъ очень многое отъ древней Руси, онъ находитъ, что „они всѣ отношенія между собою и къ другимъ, даже вовсе неродственныя, понимаютъ подъ формами родства или вытекающаго изъ него старшинства и меньшинства. Помѣщика или начальника они называютъ отцемъ, себя его дѣтьми; младшіе называютъ старшихъ: дядями, дѣдами, тетками, бабками; старшіе—младшихъ: робятами *), молодками: равные: братьями, сестрами. Эта терминологія сложилась сама собою; ея источникъ — прежній взглядъ Русскаго человѣка на свои отношенія къ другимъ.... Итакъ въ древнѣйшія времена Русскіе Славяне имѣли *исключительно* родственный, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія, и потому, когда они появились, подвели и ихъ подъ тѣ же родственныя кровныя отношенія.... Русско-Славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключи-

*) Зачѣмъ попали въ это исчисленіе робята?

тельно однимъ путемъ нарожденія.... Смѣшенія съ другими племенами и заимствованія чужаго національнаго характера у насъ не было".

Что Славяно-Русское племя, въ доисторическую эпоху, образовалось нарожденіемъ, это истина несомнѣнная, нетолько относительно Славяно-Русскаго племени, но и всякаго другаго: цѣльное племя не падаетъ съ неба, слѣдовательно размножается постепенно, слѣдовательно нарождается; разнородныя племена, позднѣе слившіяся въ одинъ народъ, точно также передъ тѣмъ нарождались, иначе не было бы чему и сливаться вмѣстѣ. Признавши это, мы еще немного выиграли, и авторъ могъ бы прямо съ этого начать: никто бы не сталъ съ нимъ спорить. Гораздо важнѣе положеніе, что въ древнѣйшія времена Русскіе Славяне имѣли исключительно родственный бытъ. Это основная, историческая данная всей статьи. Справедлива ли она, мы увидимъ послѣ; сперва разсмотримъ, достаточно ли она доказана. Во Франціи простой народъ называетъ безъ различія старуху la vieille или la mère, старика le père. Изъ романа Ж. Занда, изображающаго современный бытъ мастеровыхъ, мы узнаемъ, что въ ихъ замкнутыхъ товариществахъ, женщина, завѣдывающая общимъ хозяйствомъ, называется la mère; сама же она работниковъ называетъ своими сыновьями. Въ Германскихъ городахъ, въ среднихъ вѣкахъ, существовали гильдіи, родъ торговыхъ и ремесленныхъ дружинъ или обществъ, совершенно искусственныхъ, которыя назывались Brüderschaften; мужчины, принадлежавшіе къ этимъ союзамъ—братьями, женщины—сестрами *). На этомъ основаніи, позволитъ ли намъ авторъ распространить на Французовъ и Нѣмцевъ его заключеніе о Русскихъ? Дѣло въ томъ, что такого рода терминологія, болѣе или менѣе встрѣчающаяся у всѣхъ племенъ, ничего не доказываетъ или, лучше, она доказываетъ совсѣмъ не то, что полагаетъ авторъ. Она выражаетъ ту мысль, что *кромѣ* выполненія вынуждаемыхъ закономъ обязанностей, человѣкъ хотѣлъ бы найти въ другомъ сочувствіе, совѣтъ, любовь; а для

*) Въ Остзейскихъ городахъ, Ригѣ, Ревелѣ, Дерптѣ и пр., первобытное устройство гильдій сохранилось доселѣ.

выраженія этихъ требованій, всего ближе заимствовать терминологію изъ семейнаго быта. Если авторъ хочетъ сказать, что Славянскому племени, преимущественно передъ другими, сродно переносить это требованіе изъ семейнаго быта въ общественное устройство, мы съ нимъ согласимся; но едва ли онъ это думаетъ. Если же онъ видитъ въ немъ признакъ младенческой неразвитости и неумѣнія оцѣнить благодѣяній порядка, основаннаго на законѣ и принужденіи, то да позволитъ онъ намъ не согласиться съ нимъ.

Изъ недоказаннаго положенія авторъ выводитъ слѣдующее: „Если нашъ бытъ, исключительно—семейственный, родственный, измѣнялся безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія, слѣд. свободно, самъ собою, то и смысла этихъ измѣненій должно искать въ началахъ того же семейственнаго быта, а не въ чемъ-либо другомъ; другими словами: наша древняя внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго быта".

Съ перваго взгляда, выводъ кажется строгимъ; но, не говоря уже о томъ, что основное начало не доказано, чѣмъ же хуже слѣдующій, прямо противоположный? Въ первыхъ строкахъ нашей лѣтописи мы читаемъ признаніе несостоятельности родоваго начала и потребности третейской власти, сознательно и свободно призванной; съ этого времени, семейное и родственное начало безпрерывно видоизмѣнялось безъ рѣшительнаго, посторонняго вліянія; слѣдовательно, въ древнемъ нашемъ быту были искони другія начала, которыя развивались вмѣстѣ съ нимъ, и слѣдовательно, этотъ бытъ не былъ исключительно—семейственнымъ, родственнымъ. Продолжаемъ выписки.

„Но по какому закону онъ развивался? На это отвѣчаетъ намъ новая исторія съ появленія христіанства. Христіанство открыло въ человѣкѣ и глубоко развило въ немъ внутренній, невидимый, духовный міръ... Духовныя силы человѣка, его стремленія, надежды, требованія, упованія, которыя прежде были глубоко затаены и не могли высказываться, христіанствомъ были сильно возбуждены и стали порываться къ полному, безусловному осуществленію. Когда внутренній, духовный міръ получилъ такое господство надъ внѣшнимъ, мате-

ріальнымъ міромъ, тогда и человѣческая личность должна была получить великое, святое значеніе, котораго прежде не имѣла... Такъ возникла впервые въ христіанствѣ мысль о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ человѣка и человѣческой личности. Человѣкъ—живой сосудъ духовнаго міра и его святыни; если не въ дѣйствительности, то въ возможности, онъ представитель Бога на землѣ, возлюбленный сынъ Божій на землѣ... Изъ опредѣляемаго человѣкъ сталъ опредѣляющимъ, изъ раба природы и обстоятельствъ—господиномъ ихъ. Христіанское начало безусловнаго достоинства человѣка и личности, вмѣстѣ съ христіанствомъ, рано или поздно, должно было перейти и въ міръ гражданскій. Оттого признаніе этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитіе человѣка сдѣлались лозунгами всей новой исторіи, главными точками или центрами, около которыхъ она вертится"....

Нѣтъ, этого недостаточно! Ваше опредѣленіе не только не исчерпываетъ сущности христіанства, даже не исчерпываетъ его участія, какъ историческаго агента, въ прошедшихъ судьбахъ человѣчества. Изъ словъ вашихъ выходитъ, что главное, если не единственное, историческое назначеніе его заключалось въ томъ, чтобы личность, нѣкогда подавленную природою, отрѣшить отъ нея и затѣмъ пустить на волю, съ правомъ самопроизвольно, изъ себя самой, опредѣлять себя. Но это только отрицательная сторона христіанства, та сторона, которою оно обращено къ язычеству и юдаизму; слѣдовательно, не все христіанство. Вы забыли его положительную сторону; забыли, что прежнее рабство оно замѣняетъ не отвлеченною возможностью инаго состоянія, но дѣйствительными обязанностями, новымъ игомъ и благимъ бременемъ, которыя налагаются на человѣка самымъ актомъ его освобожденія.

„Изъ опредѣляемаго человѣкъ сталъ опредѣляющимъ", сказали вы; слѣдовало бы дополнить: и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленнымъ. „Христіанство внесло въ исторію идею о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ человѣка", говорите вы,—человѣка, отрекающагося отъ своей личности, прибавляемъ мы, и подчиняющаго себя безусловно *цѣлому*. Это само-

отреченіе каждаго въ пользу всѣхъ есть начало свободнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно - обязательнаго союза людей между собою. Этотъ союзъ, эта община, освященная вѣчнымъ присутствіемъ Св. Духа, есть Церковь. Все это очевидно и не ново; сторона христіанства, авторомъ упущенная изъ виду, такъ ярко обозначена въ исторіи человѣчества, что, ради ея, христіанство находило пощаду даже въ глазахъ тѣхъ мыслителей, которые наиболѣе клеветали на него, навязывая ему всякаго рода искаженія и злоупотребленія. Новѣйшія соціальныя школы хотятъ отрѣшить ее отъ догматики; онѣ хотятъ невозможнаго. Но отчего же то, что поразило ихъ, ускользнуло отъ автора? Чѣмъ объяснить односторонность его взгляда? На это даютъ отвѣтъ слѣдующія слова его:

„Германскія племена, передовыя дружины новаго міра, выступили первыя. Ихъ частыя, вѣковыя, непріязненныя столкновенія съ Римомъ, ихъ безпрестанныя войны и далекіе переходы, какое-то внутреннее безпокойство и метаніе—признаки силы, ищущей пищи и выраженія—рано развили въ нихъ глубокое чувство личности... Оно лежитъ въ основаніи ихъ семейнаго и дружиннаго быта... Перешедши на почву, гдѣ совершалось рязвитіе древняго міра, они почувствовали всю силу христіанства и высшей цивилизаціи.... Германецъ ревностно принималъ новое ученіе, которое, высокимъ освященіемъ личности, такъ много говорило его чувству, и въ то же время вбиралъ въ себя Римскіе элементы, наслѣдіе древняго міра. Все это мало-по-малу начало смягчать нравы Германцевъ. Но и смѣшавшись съ туземцами почвы, ими завоеванной, принявши христіанство, усвоивши себѣ многое изъ Римской жизни и быта, они сохранили глубокую печать своей національности. Государства, ими основанныя,—явленіе совершенно новое въ исторіи. Они проникнуты личнымъ началомъ, которое принесли съ собою Германцы. Всюду оно видно, вездѣ оно на первомъ планѣ, главное, опредѣляющее. Правда, въ новооснованныхъ государствахъ оно не имѣетъ того возвышеннаго, безусловнаго значенія, которое придало ему христіанство. Оно еще подавлено историческими элементами, безсознательно проникнуто эгоизмомъ, и потому выражается въ условныхъ, рѣзко обозначенныхъ, часто суровыхъ

и жесткихъ формахъ. Оно создаетъ множество частныхъ союзовъ въ одномъ и томъ же государствѣ. Преслѣдуя самыя различныя цѣли, но еще не сознавая ихъ внутренняго, конечнаго, органическаго единства, эти союзы живутъ другъ возлѣ друга разобщенные или въ открытой борьбѣ. Надъ этимъ еще неустановившимся, разрозненнымъ и враждующимъ міромъ царитъ церковь, храня въ себѣ высшій идеалъ развитія. Но мало-по-малу, подъ разнообразными формами, повидимому, не имѣющими между собою ничего общаго, или даже противоположными, воспитывается человѣкъ. Изъ области религіи мысль о безусловномъ его достоинствѣ постепенно переходитъ въ міръ гражданскій и начинаетъ въ немъ осуществляться. Тогда чисто историческія опредѣленія, въ которыхъ сначала сознавала себя личность, какъ излишнія и ненужныя, падаютъ и разрушаются въ различныхъ государствахъ различно. Безчисленные частные союзы замѣняются въ нихъ однимъ общимъ союзомъ, котораго цѣль—всестороннее развитіе человѣка, воспитаніе и поддержаніе въ немъ нравственнаго достоинства. Эта цѣль еще недавно обозначилась. Достиженіе ея въ будущемъ. Но мы видимъ уже начало. Совершеніе неминуемо... Русско-Славянскія племена представляютъ совершенно иное явленіе.... Начало личности у нихъ не существовало.... Семейный и домашній бытъ не могъ воспитать его... Для народовъ, призванныхъ ко всемірно историческому дѣйствованію въ новомъ мірѣ, такое существованіе безъ начала личности невозможно.... Этимъ опредѣляется законъ развитія нашего внутренняго быта. Оно должно было состоять въ постепенномъ образованіи, появленіи начала личности и слѣд. въ постепенномъ отрицаніи исключительно-кровнаго быта, въ которомъ личность не могла существовать.... Такъ, задача исторіи Русско-Славянскаго племени и Германскихъ племенъ была различна. Послѣднимъ предстояло развить историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; намъ предстояло *создать личность*... Послѣ мы увидимъ, что и мы, и они должны были выдти и въ самомъ дѣлѣ вышли на одну дорогу".

Разсмотримъ сперва бѣглый очеркъ западной исторіи, набросанный авторомъ и долженствующій служить переходомъ

къ изложенію быта древней Россіи. Когда мы прочли его въ первый разъ, мы все ожидали дополненій, оговорокъ: до такой степени онъ показался намъ одностороннимъ. Но ничего подобнаго не нашлось въ статьѣ; напротивъ, таже мысль опредѣлялась все рѣзче и рѣзче. Скажите однако: неужели въ самомъ дѣлѣ Германцы исчерпали все содержаніе христіанства? Неужели они были единственными дѣятелями въ исторіи Запада? Неужели всѣ явленія ея представляютъ только моменты развитія одного начала — личности? Вѣдь это противно самымъ простымъ, элементарнымъ понятіямъ, почерпаемымъ изъ всей исторической литературы Французской и Нѣмецкой. И этотъ взглядъ, уничтожающій не менѣе половины западнаго міра, брошенъ вскользь, какъ будто даже не подлежащій спору. Для кого же все это писано?

Сколько намъ извѣстно, Гизо первый понялъ развитіе всего западнаго міра, какъ стройное цѣлое. Онъ видѣлъ въ немъ встрѣчу, борьбу и какое-то отрицательное примиреніе въ равновѣсіи трехъ началъ: личности, выражаемой Германскимъ племенемъ, отвлеченнаго авторитета, перешедшаго по наслѣдству отъ древняго Рима, и христіанства. Послѣднее начало, само по себѣ цѣльное, въ Западной Европѣ распалось на два историческія явленія, подъ тѣми же категоріями авторитета и личности. Римскій міръ понялъ христіанство подъ формою католицизма, Германскій міръ—подъ формою протестантизма. Можетъ быть, Гизо потому только не провелъ дуализма черезъ западное христіанство, что восточная половина Европы была ему малоизвѣстна. Германское начало, идея личности, создала цѣлый рядъ однородныхъ явленій: въ сферѣ государства — различные виды искусственной ассоціаціи, коей теорія изложена въ „Contrat Social“ Руссо; въ сферѣ религіи — протестантизмъ; въ сферѣ искусства — романтизмъ. Въ тѣхъ же сферахъ развились изъ Римскаго начала совершенно противоположныя явленія: идея отвлеченной, верховной власти, формулированная Макіавелемъ, католицизмъ и классицизмъ. Мы не навязываемъ этого взгляда г. Кавелину; но какъ же увѣрять насъ, что Римское начало не участвовало наравнѣ съ Германскимъ въ образованіи Западной Европы, и что въ одномъ послѣднемъ заключается зародышъ буду-

щаго? Предчувстіе этой будущности дѣйствительно пронеслось по всей Европѣ отъ края до края; но въ немъ заключается сильное возраженіе противъ теоріи автора. Такъ какъ вопросы только-что заданы, а не разрѣшены, то, оставляя въ сторонѣ положительныя теоріи или лучше, несбыточныя мечтанія, обратимъ вниманіе на отрицательную сторону, на вопросы, сомнѣнія и требованія еще не созрѣвшія. Вслушиваясь въ нихъ, нельзя не признать ихъ внутренняго согласія. На разныхъ тонахъ повторяется одна тема: скорбное признаніе несостоятельности человѣческой личности и безсилія такъ называемаго индивидуализма. Что значатъ эти упреки современному обществу въ эгоизмѣ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основнаго чувства нельзя сомнѣваться. Почему, вскорѣ послѣ Іюльской революціи, охладѣли къ политическимъ вопросамъ, и прежняя строптивость и недовѣрчивость къ верховной власти перешла въ потребность какого-то крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личности? Отчего эта потребность такъ сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ? Почему терминологія революціи: свобода, личность, равенство, вытѣснены словами: общеніе, братство *) и другими, заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта? Въ области изящной литературы совершаются также любопытныя явленія; укажемъ на одинъ примѣръ: Жоржъ Зандъ, которую конечно не назовутъ писателемъ отсталымъ отъ вѣка, истощивъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ всѣ виды страсти, всѣ образы личности, протестующей противъ общества, въ „Консуэло“, въ „Жаннѣ“, „Compagnon du tour de France“, изображаетъ красоту и спокойное могущество самопожертвованія и самообладанія; а въ „Чертовой Лужѣ“ она плѣняется мирною простотою семейнаго быта. Авторъ статьи „о юридическомъ бытѣ древней Россіи“ долженъ видѣть въ этомъ отступленіе отъ нормальнаго развитія. Ему должно быть странно, почему на краснорѣчивый голосъ Мицкевича взоры многихъ, въ томъ числѣ

---

*) Хотя слово братство пущено въ ходъ еще въ эпоху революціи, но нельзя отрицать, что теперь его понимаютъ иначе и глубже.

и Жоржъ Занда, обратились къ Славянскому міру, который понятъ ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ-то участіемъ и ожиданіемъ *). Наконецъ, въ первой строкѣ одной изъ послѣднихъ книгъ, полученныхъ изъ Франціи, мы читаемъ: три начала господствуютъ въ мірѣ и въ исторіи: авторитетъ, индивидуализмъ **) и братство. Замѣтьте: братство—слово, взятое изъ семейнаго быта—а не равенство. Какая же разница между отрицательнымъ началомъ равенства и положительнымъ братства, если не прирожденное чувство любви, котораго нѣтъ въ первомъ и которое составляетъ сущность втораго?

Мы только намекнули на нѣкоторые признаки направленія, заключающаго въ себѣ если не зародышъ, то переходъ къ будущему; постарайтесь по нимъ вдуматься въ этотъ ожидаемый, новый порядокъ, и рѣшите по совѣсти: которое племя къ нему ближе и способнѣе осуществить его, способнѣе не по степени относительной развитости, но по существу своему, опредѣленному самимъ авторомъ? Германцы, въ „которыхъ частыя, вѣковыя, непріязненныя столкновенія съ Римомъ, безпрерывныя войны развили глубокое чувство личности, которые жили разрозненно, которыхъ жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумолима, у которыхъ семейныя отношенія опредѣлены были юридически"; или Славяне, „спокойные, миролюбивые, жившіе на своихъ мѣстахъ, не знавшіе гибельнаго различія между моимъ и твоимъ, жившіе какъ члены одной семьи, сознававшіе свои отношенія подъ формою родства, смотрѣвшіе на рабовъ и чужеземцевъ не съ юридической, а съ семейной, кровной точки зрѣнія"? Не слѣдуетъ-

*) Вспомнимъ еще, что въ статьѣ о Жижкѣ, Ж. Зандъ, кажется, первая изъ западныхъ писателей, поняла глубокій смыслъ возстанія Гусситовъ, какъ отчаянной борьбы за сохраненіе цѣлости церковной общины, въ которую католицизмъ вводилъ насильственно раздвоеніе, привиллегированное сословіе и т. д.

**) Опредѣленіе индивидуализма такъ похоже на то, которое даетъ авторъ статьи, что его любопытно выписать: le principe de l'individualisme est celui qui, prenant l'homme en dehors de la société, le rend seul juge de ce que l'entoure et de lui-même, lui donne un sentiment exalté de ses droits, sans lui indiquer ses devoirs, l'abandonne à ses propres forces, et pour tout gouvernement, proclame le laisser-faire.

ли изъ всего этого, что Германское племя, или, точнѣе, Романо-Германскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени Славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытѣ его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ западнаго міра?

Если такъ, то какая была нужда Славянскому племени искусственно прививать къ себѣ односторонность Германскаго начала? Впрочемъ, авторъ не считаетъ его одностороннимъ; судя по его словамъ, онъ видитъ въ немъ и разумное оправданіе прошедшаго Западной Европы и зародышъ ея будущности—и не онъ одинъ. Что касается до насъ, то, признаемся, мы никакъ не можемъ понять того логическаго процесса, посредствомъ котораго изъ Германскаго начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности, можетъ возникнуть иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи *)? Какимъ образомъ начало разобщающее обратится въ противоположное начало примиренія и единенія? Какимъ образомъ, говоря словами автора, понятіе о личности перейдетъ въ понятіе о человѣкѣ? Само собою разумѣется, что послѣднее принимается въ смыслѣ абсолютной нормы, обязательнаго закона, а не отвлеченнаго родоваго понятія, заключающаго въ своей широкой и равнодушной средѣ всѣ возможныя проявленія личности.

Въ концѣ статьи г. Кавелинъ говоритъ: „Развивши начало личности *до-нельзя*, во всѣхъ его историческихъ, тѣсныхъ, исключительныхъ опредѣленіяхъ, она (Европа) стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ человѣку и пересоздавала это общество“. Все это слишкомъ неопредѣлительно. Во-первыхъ: что значитъ *до-нельзя*? Исчерпать всѣ явленія личности, согласитесь сами, такъ же трудно, какъ перебрать по пальцамъ всѣ числа. Если вы скажете, что можно дойти до утомленія, до сознанія практической пользы и даже необходимости ограничить разгулъ личности; то мы замѣтимъ

---

*) Замѣтимъ, что въ книгѣ Штейна (о соціализмѣ), у котораго, какъ кажется, авторъ заимствовалъ теоретическую часть своей статьи, нить выводовъ обрывается именно на этомъ моментѣ.

вамъ, что такого рода сознаніе, какъ результатъ самыхъ разнородныхъ и все таки личныхъ потребностей, не выведетъ изъ круга развитія личности. Напримѣръ: бѣднякъ почувствуетъ необходимость взять у богатаго кусокъ хлѣба, чтобы не умереть съ голода; положимъ даже, что богатый почувствуетъ съ своей стороны необходимость уступить что-нибудь бѣдному, чтобы не довести послѣдняго до отчаянія и не потерять всего; положимъ, что они сойдутся и съ общаго согласія постановятъ какой бы то ни было порядокъ. Этотъ порядокъ, для того и для другаго, будетъ отнюдь не абсолютнымъ человѣческимъ закономъ, а только удобнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію личнаго благосостоянія. Представится другое средство, они за него ухватятся и будутъ правы; ибо, уступая внѣшней необходимости, личность ограничивала себя *въ пользу себя самой*. До идеи *человѣка* мы все-таки не дошли и не дойдемъ. Итакъ на личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего (это слова автора) можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіей; но абсолютной нормы, закона безусловно-обязательнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности путемъ логики вывести нельзя; слѣдовательно не выведетъ его и исторія. Наконецъ, откуда бы онъ ни пришелъ, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы названіемъ ни явился, вы должны сознаться, что передъ нимъ личность утратитъ свое абсолютное значеніе: другая власть, отъ нея незарисящая, не ею созданная, воцарится надъ личностью и ограничитъ ее. Мѣрило личности будетъ уже не въ ней самой, а внѣ ея; оно получитъ объективное, самостоятельное значеніе; въ совпаденіи съ нимъ личность найдетъ свое оправданіе, въ отступленіи отъ него—свое осужденіе.

Вы скажете, что это мѣрило не должно быть навязано, что личность, признавая въ немъ свой собственный идеалъ и подчиняясь ему, совершитъ актъ свободы, а не рабства; такъ,—и слѣдовательно личности предстоитъ одно назначеніе: познать свою родовую норму, свой законъ. Но для того, чтобы познать его, она должна признать его существующимъ. Ей должно быть всегда присуще хотя темное сознаніе и закона, и своего несовершенства, своей неправоты передъ нимъ; а это

сознаніе несовмѣстно съ чувствомъ неограниченнаго полновластія личности и ея значенія какъ мѣрила для всего. Авторъ не нашелъ его въ природѣ Германцевъ.

Итакъ, должно различать личность *съ характеромъ исключительности, ставящую себя мѣриломъ всего*, изъ себя самой создающую свои опредѣленія, и личность *какъ органъ сознанія*. Эти два вида авторъ безпрестанно смѣшиваетъ; въ одномъ только мѣстѣ онъ различаетъ ихъ. Его необходимо выписать: „Личность, сознающая, сама по себѣ, свое безконечное, безусловное достоинство—есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія народа. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что она непремѣнно должна ставить себя въ противоположность съ другими личностями, враждовать съ ними. Мы, напротивъ, думаемъ, что *послѣдняя цѣль* развитія—ихъ глубокое, внутреннее примиреніе. Но, во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были ея отношенія, она *непремѣнно должна существовать и сознавать себя*". Авторъ различилъ историческое проявленіе личности враждующей съ обществомъ отъ ея абсолютнаго значенія, какъ сознающей себя; но тою же фразою онъ связалъ оба вида неразрывно, признавъ первый необходимымъ условіемъ, какъ бы приготовленіемъ ко второму. Примиреніе личностей есть послѣдняя цѣль; путь къ ней—вражда; личность непремѣнно должна сознавать себя; сознаніе пріобрѣтается отрицаніемъ, не логическимъ разумѣется, а полнымъ практическимъ отреченіемъ отъ всѣхъ опредѣляющихъ ее отношеній.

Чтобы не упрекнули насъ въ искаженіи мысли автора, мы выведемъ ее другимъ путемъ, изъ его же статьи. Личность, видѣли мы, должна сознавать себя; безъ сознанія нѣтъ личности, безъ личности нѣтъ сознанія. „Начало личности у Славянъ не существовало" (эта фраза повторяется на каждой страницѣ), слѣдовательно не существовало и сознанія. Почему?—„Спокойные и миролюбивые, они, т.-е. Славяне, жили постоянно на своихъ мѣстахъ. Семейственный бытъ и отношенія не могли воспитать въ Русскомъ Славянинѣ чувства особности, сосредоточенности, которое заставляетъ человѣка проводить рѣзкую черту между собою и другими и всегда и во всемъ отличать себя отъ другихъ. Такое чувство рожда-

ютъ въ неразвитомъ человѣкѣ безпрестанная война, частыя столкновенія съ чужеземцами, одиночество между ними, опасности, странствованія...... Семейный бытъ дѣйствуетъ противоположно. Здѣсь человѣкъ какъ-то расплывается; его силы, ничѣмъ не сосредоточенныя, лишены упругости, энергіи и распускаются въ морѣ близкихъ, мирныхъ отношеній. Здѣсь человѣкъ убаюкивается, предается покою и нравственно дремлетъ. Онъ довѣрчивъ, слабъ и безпеченъ какъ дитя". Итакъ, не было личности, то-есть не было сознанія, потому что не было столкновеній личностей между собою.

Эта картина ребяческой безсознательности семейнаго быта противополагается блистательной картинѣ быта Германцевъ, „ихъ непріязненныхъ столкновеній, войнъ, переходовъ, внутренняго безпокойства и метанія—признаковъ силы, ищущей пищи. Все это развило въ нихъ глубокое чувство личности", слѣдовательно сознанія. „Имъ оставалось только возвести историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую, а Славяно-Русскимъ", обдѣленнымъ личностью, „приходилось создать ее", т.-е. цѣною осьми-вѣковыхъ усилій и страданій купить то, что вынесли Германцы изъ своихъ лѣсовъ. Иными словами: Германцу оставалось вырабатывать себя въ человѣка; Русскій долженъ былъ сперва сдѣлать изъ себя Германца, чтобы потомъ научиться отъ него быть человѣкомъ.

И вотъ, наконецъ, мы дошли до исходной точки разбираемой нами статьи. Ключъ къ образу мыслей автора у насъ въ рукахъ; мы понимаемъ; откуда произошла неполнота опредѣленія историческаго вліянія христіанства, невѣроятная односторонность взгляда на развитіе Западной Европы, пристрастное сужденіе о древнемъ бытѣ Германцевъ и Славянъ, восхваленіе Іоанна Грознаго и клевета на его современниковъ. Все это вытекаетъ какъ нельзя естественнѣе изъ одной мысли о способѣ пріобрѣтенія сознанія, а эта мысль есть конечно одинъ изъ обильнѣйщихъ источниковъ современныхъ заблужденій. Авторъ, къ сожалѣнію, не счелъ за нужное доказывать ее: онъ даже не высказалъ ея строго и положительно, хотя и не скрылъ, какъ дѣло извѣстное и всѣми признанное. Что не доказано, того, разумѣется, и опровергать нельзя, и

потому намъ остается въ этомъ случаѣ предложить автору вопросъ: что бы такое могло дать намъ право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ бытъ семейный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанія, или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленіемъ семейнаго родства, не сознаетъ въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что человѣкъ, который никогда не билъ другаго и не бьетъ его, не сознаетъ своей силы, или наконецъ, что человѣкъ, еще не лишившій себя жизни, не знаетъ, что онъ живетъ? Всѣ эти вопросы въ сущности тождественны, и если они имѣютъ видъ шутки неумѣстной въ нашей рецензіи, то въ томъ виноваты не мы. Неужели признать болѣе умѣстнымъ въ современной наукѣ мнѣніе о безсознательности, какъ необходимой принадлежности и родоваго быта и вытекающее отсюда послѣдствіе, что въ началѣ XVIII вѣка мы только что начинали жить умственно и нравственно?

Но послѣдняя мысль еще впереди, и мы надѣемся до нея дойти; теперь же, окончивъ разборъ теоретической части, постараемся повторить ее, уже не въ томъ порядкѣ, въ какомъ она изложена, но въ томъ, въ какомъ совершался, какъ намъ кажется, процессъ мысли въ умѣ писавшаго.

Принявъ Германское національное начало личности за абсолютное начало, Германскій процессъ развитія, черезъ отрицаніе, за общечеловѣческій процессъ, онъ очень естественно указалъ въ историческомъ вліяніи христіанства только на протестантизмъ, въ западной исторіи только на развитіе идеи личности. Должно сказать, что односторонность его воззрѣнія доведена до послѣдней крайности. Съ этими готовыми понятіями онъ приступилъ къ Русской исторіи и, разумѣется, опредѣлилъ ее *отрицательно:* его поразило отсутствіе личности какъ безусловнаго мѣрила, т.-е. *Германской личности*, и отсюда онъ вывелъ отсутствіе личности *вообще*, то-есть сознанія, которому мѣшало господство родственнаго начала. Значитъ, все, что у насъ было своего, предназначено было въ сломку. Задача нашего историческаго развитія заключалась въ томъ, чтобъ очистить мѣсто для личности, приготовить лице какъ форму, ибо содержанія мы все-таки не могли выработать изъ себя; но къ этому времени, съ готовымъ содержаніемъ, то-есть

съ мыслью о человѣкѣ, подоспѣла Европа, и мы его приняли извнѣ. Итакъ, авторъ впалъ въ обѣ ошибки, отъ которыхъ предостерегалъ въ началѣ своей статьи, въ отвѣтѣ, названномъ имъ *простымъ;* онъ искалъ ключа къ правильному взгляду на Русскую исторію въ теоріи, отвлеченной отъ Германскаго развитія, и опредѣлилъ древній бытъ Россіи путемъ сравненія съ исторіею тѣхъ же Германцевъ. Впрочемъ, основное его стремленіе — создать теорію — спасено; неудачи его никто не припишетъ теоретическому направленію вообще.

Исходная точка и цѣль опредѣлены — остается сладить съ фактами. Предваривъ читателя, что въ предлагаемомъ имъ очеркѣ, онъ ограничится обзоромъ одного юридическаго быта, авторъ начинаетъ съ изображенія образа жизни Славяно-Руссовъ до пришествія Варяговъ: „Ихъ кроткія и мирныя племена состояли изъ большихъ и малыхъ селеній; каждое изъ нихъ представляло разросшуюся семью, подъ управленіемъ старшаго... Этотъ бытъ создала п р и р о д а, к р о в ь; она его поддерживала и имъ управляла. Оттого совершенная юридическая неопредѣленность—его отличительная черта. Напрасно станемъ мы искать въ немъ власти и подчиненности, правъ и сословій, собственности и администраціи".

Никто и не ищетъ; всякій знаетъ, что все это проявляется позднѣе, но знаетъ также, что зародышъ именно въ этомъ быту.

Далѣе: „Всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали и защищали другъ друга; обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ.... На рабовъ и чужеземцевъ они смотрѣли не съ юридической, а съ семейной, кровной точки зрѣнія". Если могла быть нанесена, почувствована и отомщена обида, значитъ существовало понятіе о правѣ и о возмездіи за его нарушеніе; но всего труднѣе понять, какимъ образомъ въ быту, *созданномъ природою, кровью,* могло быть такъ хорошо заѣзжимъ иностранцамъ? У дикарей, не признающихъ никакихъ другихъ отношеній кромѣ природнаго родства, заѣзжаго чужеземца чуждаются или убиваютъ; тамъ же, гдѣ его принимаютъ какъ роднаго, очевидно фактъ естественнаго родства обобщился въ народномъ сознаніи до понятія о нравствен-

номъ, человѣческомъ родствѣ и, слѣдовательно, авторъ приводитъ фактъ, который прямо противорѣчитъ его общему опредѣленію. Кажется, авторъ сознавалъ это и думалъ отдѣлаться фразою: „и на нихъ, то-есть на чужеземцевъ, простирался покровъ и благословеніе семейной жизни"; если *и на нихъ*, не родныхъ по крови съ туземцами, то значитъ бытъ послѣднихъ создала *не одна природа и кровь*.

„Этотъ бытъ самъ заключалъ въ себѣ зачатки его будущаго разрушенія... Семьи, размножаясь, расходились, теряли сознаніе своего родства; для поддержанія его стали избирать старшинъ... Характеръ ихъ власти, отношенія семействъ, ему подчиненныхъ, получаютъ легкій юридическій оттѣнокъ... Съ большимъ ослабленіемъ единства въ поселеніяхъ, состоявшихъ изъ многихъ семействъ, образуются общія совѣщанія — вѣча, первообразы теперешнихъ крестьянскихъ сходокъ, и столько же неправильныя и неопредѣленныя... Семьи смыкаются въ общины, въ города... Избираемые старшины исчезаютъ; ихъ мѣсто заступаютъ вѣчевыя собранія; общины распадаются снова на семьи съ ихъ старѣйшинами... Открывается рядъ безконечныхъ междоусобій... Какъ развивался общинный бытъ, такъ въ незапамятныя времена развивался бытъ племенной".

Этому процессу разложенія положило конецъ призваніе Варяговъ. Авторъ объясняетъ его слѣдующимъ образомъ: „Кровный бытъ не можетъ развить общественнаго духа и гражданскихъ добродѣтелей. Взаимныя зависти мѣшали племенамъ рѣшиться на выборъ начальника, старѣйшины, князя, изъ своей среды, и они, *чувствуя необходимость власти*, невозможность самимъ управляться, лучше хотѣли подчиниться третьему, постороннему, равно чуждому для всѣхъ". Странный выводъ! Нѣсколько сосѣднихъ племенъ живутъ независимо другъ отъ друга; въ каждомъ изъ нихъ господствуютъ родовыя вражды; имъ захотѣлось жить въ союзѣ и согласіи; у всякаго племени много старѣйшинъ, имѣющихъ равныя права быть старѣйшинами надъ союзомъ племенъ; они отказываются отъ своихъ притязаній, чтобы не возбудить соперничества и вражды въ другихъ, и предлагаютъ добровольно власть надъ собою чужеземцамъ; все это оттого, что въ нихъ

не было духа общественности, котораго кровный бытъ не развиваетъ. Отсутствіе общественнаго духа породило у насъ первое общество!....

О вліяніи Варяговъ г. Кавелинъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „имъ принадлежитъ первая идея государства на нашей почвѣ". Если подъ идеею государства разумѣть соединеніе племенъ и родовъ подъ одною властью, сознательно и свободно призванною, то она не принесена Варягами, которые ея не имѣли и отличались, по словамъ самого автора, равнодушіемъ къ подданнымъ; а напротивъ ея пробужденіе было поводомъ къ ихъ призванію. Присутствіе Варяговъ, такъ сказать, запечатлѣло ее, дало ей внѣшній образъ.

О тѣхъ же Варягахъ: „Они принесли съ собою дружину, учрежденіе не Русско-Славянское, основанное на началѣ личности и до того чуждое нашимъ предкамъ, что въ ихъ языкѣ нѣтъ для него даже названія; ибо мы по привычкѣ называемъ его дружиною; но это слово не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію Германскаго учрежденія, придавая ему какой-то частный, домашній, полусемейный оттѣнокъ какой дружины получили у насъ только впослѣдствіи". Здѣсь приходится повторить то, что уже сказано было въ началѣ, и указать автору на средневѣковыя гильдіи, торговыя, ремесленныя, благотворительныя, которыя всѣ основаны на дружинномъ началѣ, состояли изъ однихъ Нѣмцевъ и назывались всѣ безъ исключенія братствами. Неужели и Германцы не умѣли придумать названія для своего учрежденія? Авторъ, кажется, полагаетъ, что у насъ дружина существовала только въ одной формѣ дружины княжеской, которая дѣйствительно была Варяжскаго происхожденія и въ позднѣйшую эпоху приняла въ себя родовое начало. Мы напомнимъ ему существованіе артелей рыболововъ, каменщиковъ, охотниковъ, о которыхъ упоминаютъ Новгородская и Псковскія лѣтописи подъ общимъ названіемъ дружинъ, походы вольницы Новгородской, наконецъ казачество, встрѣчающееся у всѣхъ племенъ Славянскихъ, сѣверныхъ и южныхъ, тамъ, куда никогда не заходили Варяги. Люди вольные оставляютъ свои семьи и дома, собираются для общаго дѣла, избираютъ себѣ предводителя и отправляются на промыселъ. Чѣмъ же это непохоже на дру-

жину, гдѣ тутъ видно родовое начало, какая родословная свяжетъ Варяговъ съ казаками и ускоками *)? Не потому-ли авторъ отрицаетъ существованіе дружины, что трудно было объяснить происхожденіе бурлака или казака изъ того семейнаго быта, въ которомъ (по словамъ его) человѣкъ лишается упругости, энергіи, распускается въ морѣ мирныхъ отношеній, убаюкивается, предается покою, нравственно дремлетъ, становится слабъ, довѣрчивъ и безпеченъ какъ дитя. Конечно подъ этотъ типъ хилаго домосѣда трудно подвести Ермака и Тараса Бульбу. Что-жъ дѣлать! изъ исторіи ихъ не вычеркнешь.

„Варяги слились съ туземцами. При Ярославѣ перерванная нить нашего національнаго развитія поднимается опять. Отнынѣ оно обхватываетъ собою государственный бытъ. Политическое единство Россіи основано Ярославомъ на родовомъ началѣ. Іерархія кровнаго старшинства сообщилась отъ князей землѣ и породила іерархію территоріальнаго старшинства". Авторъ слѣдитъ постепенно развитіе родоваго начала, какъ основы политическаго единства Россіи, ослабленіе его по мѣрѣ размноженія членовъ рода, попытку поддержать его княжескими сеймами, борьбу его съ началомъ семейнымъ или отчиннымъ и, наконецъ, паденіе перваго. Родъ исчезъ въ сферѣ политической; на мѣсто его явились семьи, и въ каждой изъ нихъ повторилась борьба тѣхъ же двухъ началъ, родоваго и отчиннаго, въ которой побѣда должна была остаться за вторымъ. Между отдѣльными семьями родовыя отношенія пресѣклись и уступили мѣсто развитію чисто-юридическихъ отношеній: первый шагъ къ эманципаціи личности. Эта часть статьи г. Кавелина, подготовленная изслѣдованіями гг. Пого-

---

*) Дружина существовала у насъ въ двухъ видахъ: какъ ближайшее окруженіе почетнаго лица, князя или боярина, и какъ совокупность людей, собравшихся для общаго дѣла и избравшихъ себѣ предводителя на время и для извѣстной цѣли. Въ первомъ случаѣ, когда дружина служитъ лицу, дѣятельность ея многообразна: дружинникъ и воинъ, и совѣтникъ, и правитель; во второмъ случаѣ, связующимъ началомъ служитъ единство стремленія или общее предпріятіе, и какъ скоро оно кончается, дружина исчезаетъ. Очевидно, что только въ первомъ случаѣ, то-есть при отношеніяхъ личныхъ, могло имѣть мѣсто родовое начало.

дина, Попова и Соловьева, не безъ достоинства, и едва ли не лучшая въ его трудѣ.

Но развитіе родоваго начала въ княжескомъ родѣ не исчерпываетъ всей Русской жизни въ періодъ удѣловъ. Кромѣ взаимныхъ родовыхъ отношеній, князья относились же какънибудь и къ народу. Объ этомъ вотъ что говоритъ г. Кавелинъ: „Въ продолженіе неумолкающихъ битвъ и частыхъ переходовъ князей, на время оживаетъ сначала дремлющее и постепенно распадающееся, потомъ сокрытое отъ насъ Варяжскимъ слоемъ—общинное начало. Мы видѣли, что само въ себѣ оно не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Оно клонилось все более и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ, первомъ, необходимомъ условіи всякой гражданственности, а покоилось на началѣ кровномъ, которое, отрицая себя, отрицало и древній общинный бытъ. Но перенесенныя въ міръ безконечныхъ войнъ, всегда окруженныя опасностями, общины невольно должны были выступить на поприще политической дѣятельности. Эта дѣятельность вообще слаба, болѣе отрицательна, но тѣмъ не менѣе замѣтна. Часто мѣняя владѣнія, переходя изъ мѣста въ мѣсто князья не могли имѣть однихъ интересовъ съ общинами. Первые съ малыми исключеніями равнодушно смотрѣли на послѣднія. Отсюда—угнетенія и насилія со стороны князей и ихъ дружинъ. Имъ были нужны деньги и войско; прочее ихъ мало заботило. За битвой и побѣдой слѣдовалъ грабежъ опустошеніе областей побѣжденнаго князя. Все это должно было наконецъ нарушить совершенное бездѣйствіе общинъ. Онѣ почувствовали необходимость внутренняго единства, сомкнутости, и приняли оборонительное положеніе. Неспособныя жить безъ князя, онѣ, разумѣется, желали себѣ князей, отличившихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими безъ насилія, могли, въ случаѣ нужды, защищать ихъ отъ безпрестанныхъ, разорительныхъ набѣговъ. Истощеніе и ослабленіе князей дало общинамъ возможность осуществлять это желаніе. Онѣ обладали средствами для войны, онѣ были цѣлью вѣчныхъ распрей между князьями. Оттого онѣ мало-по-малу стали выбирать себѣ князей, призывать и изгонять ихъ, заключать съ ними ряды или условія. Вѣча

получили тогда большую власть, и звонъ вѣчевыхъ колоколовъ часто раздавался въ Россіи. Возвратились опять времена избранія старѣйшинъ въ лицѣ князей. И точно, въ предпочтеніи извѣстныхъ княжескихъ династій другимъ, въ отношеніяхъ общинъ къ князьямъ, видны глубокіе слѣды исключительно-патріархальнаго, до-Варяжскаго быта первыхъ. Особенно развились общины на Сѣверѣ. Между ними первое мѣсто занимаетъ Новгородъ".

Вотъ все, что̀ нашелъ нужнымъ г. Кавелинъ сказать объ общинахъ Кіевской Руси, и эта характеристика вмѣстѣ съ изложеніемъ перехода родового начала въ отчинное исчерпываетъ, по его мнѣнію, весь юридическій бытъ древней, до-Монгольской Россіи. Если видоизмѣненія въ отношеніяхъ княжескихъ родовъ изложены подробно и удовлетворительно, то конечно никто, прочетшій хоть одну лѣтопись, не скажетъ этого о другой половинѣ. Слѣдя за развитіями Русскаго государства, онъ упустилъ изъ виду Русскую *землю*, забывая, что *земля* создаетъ государство, а не государство—землю. „Мы видѣли, говоритъ онъ, что само въ себѣ общинное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія". Несмотря на всѣ натяжки автора, мы видѣли противное въ призваніи князей, увидали бы тоже въ принятіи христіанской вѣры, которое было дѣломъ всей земли, еслибы только авторъ разсудилъ за благо сказать о немъ хотя бы слово; мы видѣли то же въ сознаніи неспособности жить безъ князя и въ повторяющихся призваніяхъ; наконецъ, мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало, по словамъ автора не имѣвшее зачатковъ жизни и развитія, спасло единство и цѣлость Россіи, и снова, какъ въ 862 такъ и въ 1612 г., создало изъ себя государство. Нѣтъ, общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей Русской исторіи прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко зарыты въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить.

Авторъ опять повторяетъ, что „общинное начало клонилось болѣе и болѣе къ упадку, пот

вано на личномъ началѣ“. Не общинное начало, а родовое устройство, которое было низшею его степенью, клонилось къ упадку; а такъ какъ въ немъ были зачатки жизни и сознанія, то оно спасло себя и облеклось въ другую форму. Родовое устройство прошло, а общинное начало уцѣлѣло въ городахъ и селахъ, выражалось внѣшнимъ образомъ въ вѣчахъ, позднѣе — въ Земскихъ Думахъ. Древне - Славянское, общинное начало, освященное и оправданное началомъ духовнаго общенія, внесеннымъ въ него церковью *), безпрестанно расширялось и крѣпло; но автору непремѣнно нужно было связать его неразрывно съ родовымъ началомъ, чтобы принести оба въ жертву личности. Достается же отъ него Русской исторіи! Мы постараемся указать ему на другую точку зрѣнія.

Семейство и родъ представляютъ видъ общежитія, основанный на единствѣ кровномъ; городъ съ его областью—другой видъ, основанный на единствѣ областномъ, и позднѣе епархіальномъ; наконецъ, единая, обнимающая всю Россію государственная община, — послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, потребности, сознанной каждымъ членомъ общины какъ верховный законъ, обязательный для всѣхъ и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности и не можетъ быть на ней основанъ, но онъ предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія—самоотреченіе.

Въ каждомъ моментѣ своего развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно

*) Кстати замѣтить, что это освященіе общиннаго начала ощутительно во всемъ, хотя упущено изъ виду г. Кавелинымъ. Напримѣръ: древніе города, по его мнѣнію, были совокупленія обжившихся вмѣстѣ семействъ. Въ христіанскую эпоху они получили другой характеръ и особенныя названія отъ каѳедральныхъ церквей, которыя сдѣлались средоточіями ихъ. Кіевъ—домъ св. Софіи; Новгородъ—тоже; Псковъ—домъ св. Троицы; Изборскъ—домъ св. Николая; Москва—домъ св. Богородицы.

для другаго. Вѣче родовое (н. п. княжскіе сеймы) и родоначальникъ. Вѣче городовое и князь. Вѣче земское или Дума и царь. Первое служитъ выраженіемъ общаго связующаго начала; второе—личности.

Положимъ, взаимныя отношенія князей предопредѣлялись родовымъ началомъ; но что такое князь въ отношеніи къ міру, если не представитель личности, равно близкій каждому, если не признанный заступникъ и ходатай каждаго лица передъ міромъ? Почему община не можетъ обойтись безъ него? Какому требованію, глубокому, существенному духа народнаго онъ отвѣчаетъ, если не требованію сочувствія къ страждущей личности, сострадания, благоволенія и свободной милости?

Призвавъ его и поставивъ надъ собою, община выразила въ живомъ образѣ свое живое единство. Каждый отрекся отъ своего личнаго полновластія и вмѣстѣ спасъ свою личность въ лицѣ представителя личнаго начала. Вчитайтесь въ простыя, безъискусственныя слова лѣтописцевъ; въ нихъ вы найдете тайну народныхъ сочувствій. Въ представленіи вашемъ возникнетъ идеальный образъ князя, котораго искала древняя Русь. Въ Ипатьевской лѣтописи онъ даже выраженъ въ общей хвалебной формулѣ, повторяющейся много разъ съ нѣкоторыми измѣненіями, и которою лѣтописецъ обыкновенно оканчиваетъ жизнеописаніемъ князей. Какая черта повторяется въ ней всего чаще? Это—благоволеніе ко всѣмъ, особенно къ беззащитнымъ и одинокимъ, къ нищимъ, сиротамъ и инокамъ. Вспомните типъ святаго Владиміра, высокій типъ личности, который такъ и отражается во всѣхъ характеристикахъ князей: онъ не хотѣлъ проливать крови преступниковъ; онъ прославился въ народѣ пирами, угощеніями, милостью.

Нѣтъ, не одной защиты, какъ думаетъ г. Кавелинъ, община требовала отъ князя; князь былъ для нея нетолько военачальникъ, и въ предпочтеніи одного князя другому видны слѣды не патріархальнаго, до-Варяжскаго быта старѣйшинъ, а болѣе возвышеннаго, христіанскаго понятія о призваніи личной власти, о нравственныхъ обязанностяхъ свободнаго лица.

Авторъ этого не видитъ, потому что онъ вовсе упустилъ изъ виду вліяніе христіанства и Византіи; трудно повѣрить— онъ не говоритъ о немъ ни единаго слова, и только подъ конецъ статьи упоминаетъ, какъ бы мимоходомъ, что оно пересоздало семейный бытъ, истребило многоженство и наложничество. Между тѣмъ, изъ его же опредѣленія христіанства вытекаетъ, что оно должно было содѣйствовать эманципаціи личности и разрѣшенію исключительно-кровнаго быта. Ученіе, проповѣдующее отреченіе отъ отца и матери имени Божьяго ради, и ради того же имени освящающее родственный союзъ крови, слѣдовательно вносящее въ него сознаніе; ученіе, распространяющее братскія отношенія на все человѣчество и слѣдовательно возводящее ихъ отъ естественнаго, природнаго факта до идеи; наконецъ ученіе, низводящее начало верховной власти отъ Бога, — едва ли могло остаться безъ всякаго вліянія на развитіе личности и юридическихъ отношеній. И если уже такъ много было говорено въ разбираемой статьѣ о вліяніи Варяговъ, не мѣшало бы сказать нѣсколько словъ о вліяніи христіанства, Византіи и Греческаго духовенства. Неужели авторъ не видитъ, до какой степени осуществленію въ государственной формѣ земскаго единства содѣйствовало предшествовавшее ему единство религіозное и устройство сосредоточенной іерархіи?

Если бы г. Кавелинъ обратилъ вниманіе на этотъ предметъ, ему представился бы случай разрѣшить слѣдующее недоумѣніе, естественно возникающее въ умѣ читателя. По словамъ его, христіанство внесло въ исторію мысль о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ человѣка и человѣческой личности. По его же словамъ, отличительный, племенной характеръ Германцевъ заключался въ глубокомъ чувствѣ личности; напротивъ того, у Славяно-Руссовъ, начало личности вовсѣ не существовало. Изъ этого, разумѣется, мы выводимъ, что Германцы были превосходно приготовлены къ принятію христіанства и гораздо способнѣе понять его и осуществить въ своемъ быту, чѣмъ Славяне, въ этомъ отношеніи противоположные имъ. Такъ ли вышло на дѣлѣ? По свидѣтельству исторіи, которое изъ двухъ племенъ, Германское или Славяно-Русское, приняло христіанство добровольнѣе, ближе

къ сердцу; которое прониклось имъ глубже и принесло ему въ жертву болѣе народныхъ предразсудковъ и безнравственныхъ обычаевъ; которое распространяло его лучшими, наиболѣе съ характеромъ христіанства согласными средствами? Наконецъ, если сравнить весь бытъ Кіевской Руси въ XI и XII вѣкахъ и современный бытъ любаго изъ Германскихъ племенъ, въ которомъ изъ нихъ вліяніе новаго ученія окажется наиболѣе ощутительнымъ? Мы думаемъ, что какъ бы авторъ ни разрѣшилъ этихъ вопросовъ, онъ похоронитъ свое построеніе подъ собственными его развалинами.

Кстати о Кіевской Руси. Кажется, значеніе ея доселѣ никѣмъ еще не было понято. Карамзинъ навелъ на нее, какъ и на весь періодъ удѣловъ, ложный колоритъ. Въ этомъ, разумѣется, его винить нельзя. Послѣдующіе ученые занялись спеціальными изслѣдованіями, и ни одинъ изъ нихъ не обнялъ тогдашней жизни во всей ея полнотѣ. Теперь, благодаря изданію Ипатьевской лѣтописи и многихъ памятниковъ церковной литературы, воскресаетъ передъ нами эта древняя, свѣтлая Русь. Она озарена какимъ-то весельемъ, праздничнымъ сіяніемъ. Разноплеменное населеніе окрестностей Кіева, торговый путь Греческій, Залозный и другіе, проходившіе мимо Кіева или примыкавшіе къ нему, безпрерывныя сношенія съ Византіею и съ Западною Европою, церковныя торжества, соборы, княжескіе съѣзды, соединенныя ополченія, привлекавшія въ Кіевъ множество народа изъ всѣхъ концовъ Россіи, довольство, роскошь, множество церквей, засвидѣтельствованное иностранцами, рано пробудившаяся потребность книжнаго ученія, при этомъ какая-то непринужденность и свобода въ отношеніяхъ людей различныхъ званій и сословій, наконецъ внутреннее единство жизни, всеобщее стремленіе освятить всѣ отношенія религіознымъ началомъ, такъ ярко отразившееся въ воззрѣніи нашего древнѣйшаго лѣтописца: все это вмѣстѣ указываетъ на такія условія и зародыши просвѣщенія, которые не всѣ перешли въ наслѣдство къ Руси Владимірской и Галицкой. Въ Кіевскомъ періодѣ не было вовсе ни тѣсной исключительности, ни суроваго невѣжества позднѣйшихъ временъ. Это не значитъ, чтобъ исторія пошла назадъ; явились иныя потребно-

сти, иныя цѣли, которыхъ необходимо было достигнуть во что бы ни стало; теченіе жизни стѣснилось и за то пошло быстрѣе по одному направленію; но Кіевская Русь остается какимъ-то блистательнымъ прологомъ къ нашей исторіи.

Чтобы не возвращаться къ ней, мы сдѣлаемъ г. Кавелину еще одно замѣчаніе. Никто, вѣроятно, не будетъ отрицать того, что каждый народъ въ своей національной поэзіи изображаетъ идеалъ самого себя, сознаетъ въ образахъ различныя стремленія своего духа. Чего нѣтъ въ народѣ, того не можетъ быть въ его поэзіи, и что есть въ поэзіи, то непремѣнно есть и въ народѣ. Какимъ же образомъ воображеніе народа, изнѣженнаго семейною жизнью, лишеннаго энергіи, предпріимчивости и вовсе не сознающаго идеи личности, могло создать цѣлый сонмъ богатырей? Сколько намъ извѣстно, старъ матеръ казакъ Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и прочіе бездомные удальцы, искатели приключеній, имѣли и достаточный запасъ силъ и соразмѣрную увѣренность въ себѣ самихъ. Любая Германская дружина не постыдилась бы ихъ принять. Какимъ же образомъ связать ихъ съ родовымъ устройствомъ, съ ограниченнымъ домашнимъ бытомъ, въ которомъ убаюкивалась личность, изъ котораго никогда не вырывалась она на просторъ? Или вы скажете, что и они занесены въ народную фантазію изъ-за моря?

Итакъ, богатырь, какъ созданіе народной фантазіи, князь, какъ явленіе дѣйствительное въ мірѣ гражданскомъ, наконецъ, монахъ, какъ явленіе той же личности въ сферѣ духовной—вотъ три возраженія, которыя мы предлагаемъ автору и надъ которыми совѣтуемъ ему подумать.

Не понявъ вообще общиннаго начала, авторъ, разумѣется, не могъ понять устройства Новгорода. „Въ немъ, говоритъ онъ, верховная власть находилась въ одно и тоже время въ рукахъ князя и вѣча. По существу своему противоположные, оба живутъ рядомъ, другъ возлѣ друга, и ничѣмъ не опредѣлены ихъ взаимныя отношенія. Постояннаго государственнаго устройства нѣтъ: новый князь—новыя условія. Они сходны, но потому что они — условія, они изобличаютъ отсутствіе яснаго сознанія о государственномъ бытѣ“.

Какъ замѣтилъ совершенно справедливо въ своей диссертаціи профессоръ Соловьевъ, въ Новгородѣ было двоевластіе: идеалъ Новгородскаго быта, къ которому онъ стремился, можно опредѣлить какъ *согласіе* князя съ вѣчемъ. Иногда оно осуществлялось, ненадолго, и эти рѣдкія минуты представляютъ апогей быта Новгородскаго. Таково напримѣръ княженіе Мстислава, его прибытіе въ Новгородъ, его подвиги и прощаніе съ Новгородцами. Въ граматахъ Новгородскихъ значеніе князя опредѣляется отрицательно: не дѣлай того, не заводи другаго. Положительныя требованія заключались въ живомъ сознаніи всей земли; ихъ нельзя было уписать въ пяти строкахъ. Итакъ, элементы будущаго государственнаго устройства, міръ и личность, существовали въ Новгородѣ, и вся Новгородская исторія выражала стремленіе къ ихъ соглашенію. А почему Новгородъ не возвелъ ихъ въ правильную государственную форму, тому причина простая: Новгородская земля была часть Русской земли, а не вся Россія; государство же должно было явиться только какъ юридическое выраженіе единства всей земли.

О вѣчахъ авторъ говоритъ: „дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то совершенно неопредѣленно, сообща". Способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала. Вѣче, выраженіе его, нужно именно для того, чтобы примирить противоположности; цѣль его—вынести и спасти единство; отъ этого оно обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: снидошася вси въ любовь. Способъ рѣшенія единогласный, отличаемый авторомъ отъ формы вѣчевыхъ приговоровъ, въ которыхъ не было счета голосовъ и балотировки, относится къ ней какъ совокупность единицъ къ цѣлому числу, какъ единство количественное къ единству нравственному, какъ внѣшнее къ внутреннему. Съ предубѣжденіемъ автора въ пользу формальной правильности противъ внутренняго согласія и живаго единства нельзя понять ни общины, ни Русской исторіи, ни вообще какого бы то ни было историческаго проявленія идеи народа.

Кромѣ этого, въ немногихъ строкахъ, посвященныхъ Нов-

городу, встрѣчаются противорѣчія, которыхъ мы не въ состояніи объяснить, хотя можетъ быть они заключаются только въ словахъ, а не въ мысли. На страницѣ 25: „Новгородъ — община въ древне-Русскомъ смыслѣ слова, какими были болѣе или менѣе и всѣ другія общины; только особенныя историческія условія дали формамъ ея рѣзче обозначиться, продлили ея политическое существованіе“. На страницѣ 27: „Въ лицѣ Новгорода пресѣкся неразвившійся, особенный способъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ“. На той же страницѣ: „Новгородъ вполнѣ исчерпалъ, вполнѣ развилъ весь исключительно-національный общинный бытъ древней Руси. Въ Новгородскомъ устройствѣ этотъ бытъ достигъ своей апогеи, дальше которой не могъ идти“. На 26-й страницѣ: „Его существованіе не прекратилось само собою, но насильственно перервано — жертва сколько идеи, столько же и физическаго возрастанія и сложенія Московскаго государства. Мы не можемъ о Новгородѣ сказать, какъ о древней Руси передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ, и больше ему ничего не оставалось дѣлать, какъ исчезнуть. Незадолго передъ уничтоженіемъ его самостоятельности, въ немъ обнаружилось какое-то неясное стремленіе идти впередъ по тому-же пути, по которому великій преобразователь, черезъ два съ половиной вѣка, повелъ всю Россію—удивительное сближеніе, много говорящее и въ пользу переворота, совершеннаго Петромъ, и въ пользу Новгорода“.

Признавая паденіе Новгорода совершенно необходимымъ и естественнымъ, мы не можемъ согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ и не угадываемъ, на чемъ оно основано. Въ чемъ же обнаружилось это неясное стремленіе? Если въ сближеніи съ иностранцами, то оно существовало издавна, задолго до уничтоженія самостоятельности Новгорода, къ тому-же оно не было исключительною принадлежностью Новгорода: кругъ сношеній торговыхъ и политическихъ древней Кіевской Руси былъ гораздо шире, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Если авторъ разумѣетъ промелькнувшую мысль пристать къ Литвѣ, то это доказываетъ только, что самостоятельность Новгорода, по собственному его сознанію, отжила свой вѣкъ и пресѣклась естественно.

Новгородъ палъ по той-же самой причинѣ, по которой мало-по-малу всѣ удѣлы сложились въ одно цѣлое—по необходимости идеѣ о Русской землѣ облечься въ государственную форму. Удержаться, вопреки стремленію всей Россіи, Новгородъ не могъ, потому что самъ онъ былъ часть Русской земли, хотя и выдѣлившаяся отъ нея временно. Всѣ условія его политической независимости пресѣклись одно за другимъ. Еще Владимірскіе князья отняли у него торговый путь черезъ Торжекъ и задерживали его хлѣбные подвозы; Москва пересилила его на Сѣверо-Востокѣ его владѣній. Пользоваться удѣльными враждами, противополагать слабѣйшихъ князей сильнѣйшимъ, не было возможности; ибо князей не стало, былъ одинъ великій князь и государь и еще призракъ государя Русскаго въ Литвѣ. Надобно было пристать къ одному изъ нихъ и во всякомъ случаѣ отказаться отъ политическаго существованія. Близость центральной силы Московской постепенно разлагала общину Новгородскую на составные ея элементы. *Большіе* и *малые*, *мужи* и *люди*, ѣздили жаловаться одни на другихъ царю Московскому и просить отъ него суда. Эта продолжительная тяжба, издавна волновавшая общину новгородскую, но находившая въ ней самой разрѣшеніе, пока Государь Великій Новгородъ значилъ все и не признавалъ надъ собою ничьей власти и ничьего суда,—эта тяжба естественно перенесена была въ Москву, ибо все ощутило въ ней присутствіе высшей инстанціи для всей Россіи. Цѣлость, общинное начало въ предѣлахъ земли Новгородской было утрачено; оно могло спастись не иначе, какъ разрѣшившись въ другомъ, болѣе широкомъ кругѣ того же начала—въ общинѣ Русской.

Далѣе, авторъ показываетъ отрицательное вліяніе Татаръ на развитіе юридическаго быта въ Россіи. Упразднивъ прежнее начало княжеской власти, оно замѣнило его другимъ. Князь сдѣлался самовластнымъ, какъ представитель и намѣстникъ хана. Подъ защитою Монголовъ, вотчинное начало развивалось въ Москвѣ и постепенно переходило въ территоріальное; иными словами, понятіе о правѣ всѣхъ сыновей на отцовское наслѣдство вытѣснилось понятіемъ о нераздѣльности этого наслѣдства какъ государства. „Появленіе государства было вмѣстѣ и освобожденіемъ отъ исключительно-

кровнаго быта, началомъ самостоятельнаго дѣйствованія личности.... Не менѣе того новыя понятія были еще подавлены старыми формами; Московское государство только приготовило почву для новой жизни. Эту переходную эпоху ограничиваютъ отъ предъидущаго и послѣдующаго два величайшихъ дѣятеля въ Русской исторіи: Іоаннъ IV и Петръ Великій". Сужденіе о первомъ такъ замѣчательно, что его необходимо выписать цѣликомъ: „Оба, (т.-е. Іоаннъ IV и Петръ I) равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими, достойнѣйшими ея представителями; но Іоаннъ сознавалъ ее какъ поэтъ, Петръ Великій какъ человѣкъ по преимуществу практическій. У перваго преобладаетъ воображеніе, у втораго—воля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, нежели преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полупатріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносною ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжой, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Ѳедоръ не падали. Этимъ мы не хотимъ оправдывать Іоанна, смыть пятна съ его жизни; мы хотимъ только объяснить это до сихъ поръ столь загадочное лице въ нашей исторіи. Его многіе судили, очень немногіе пытались понять, да и тѣ увидѣли въ немъ только жалкое орудіе придворныхъ партій, чѣмъ Іоаннъ не былъ. Всѣ знаютъ и всѣ помнятъ его казни и жестокости; его великія дѣла остаются въ тѣни, о нихъ никто не говоритъ. Добродушно продолжаемъ мы повторять отзывы современниковъ Іоанновыхъ, не подозрѣвая даже, что они-то всего больше объясняютъ, почему Іоаннъ сдѣлался такимъ, каковъ былъ подъ конецъ: равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ, вотъ что встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу. Борьба съ ними ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопро-

тивленіемъ. Послѣднее вызываетъ силы и дѣятельность воспитываетъ ихъ; первыя ихъ притупляютъ, оставляя безотрадную скорбь въ душѣ, развивая безумный произволъ и ненависть"…. Въ другомъ мѣстѣ: „Опричина была первой попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество, на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства: мысль, которая подъ другими формами была осуществлена потомъ Петромъ Великимъ. Если эта попытка была безуспѣшна и надѣлала много зла, не принеся никакой пользы, не станемъ винить Іоанна. Онъ жилъ въ несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта, и т. д.".

Мы очень понимаемъ, что этотъ взглядъ вытекаетъ естественно изъ понятій автора о значеніи личности; что, дойдя до величественной фигуры Іоанна Грознаго, ему оставалось одно изъ двухъ: измѣнить своей теоріи или принести въ жертву произволу вѣнчанной личности всѣхъ ея современниковъ. Охотно допускаемъ это какъ circonstance atténuante въ пользу автора; но еслибы противъ его теоріи нельзя было возразить ничего инаго, кромѣ того, что она поставила его въ необходимость написать выписанныя строки, то этого одного было бы достаточно для ея окончательнаго опроверженія. Въ словахъ автора, безъ его вѣдома, промелькнула мысль, оскорбительная для человѣческаго достоинства; та мысль, что бываютъ времена, когда геніальный человѣкъ не можетъ не сдѣлаться извергомъ, когда испорченность современниковъ, большею частію безсознательная, разрѣшаетъ того, кто сознаетъ ее, отъ обязательности нравственнаго закона, по крайней мѣрѣ до того умаляетъ вину его, что потомкамъ остается соболѣзновать о немъ, а тяжкую ношу отвѣтственности за его преступленія свалить на головы его мучениковъ. Авторъ находитъ, что мы доселѣ были несправедливы къ Іоанну. Можетъ быть; но что сказать тогда о собственномъ его сужденіи о современникахъ Грознаго? Вспомнимъ, что въ ихъ числѣ были Сильвестръ, Адашевъ, князь Дмитрій Оболенскій - Овчининъ, князь Михайло Репнинъ, князь Воротынскій, бояринъ Шереметевъ, князь Курбскій,

митрополитъ Филиппъ; что ходатайство за невинныхъ, за честь Россіи, не умолкало и что на каждомъ шагу Іоаннъ встрѣчалъ безстрашныхъ и вмѣстѣ безлобныхъ обличителей изъ всѣхъ сословій тогдашняго общества. Вы властны не питать къ нимъ сочувствія, властны даже считать ихъ подвиги безплодными, пропадшими для Россіи; но подводить ихъ подъ обвиненіе въ равнодушіи, въ безучастіи, въ отсутствіи всякихъ духовныхъ интересовъ, извините: это историческая клевета. Повторяемъ опять: ея требовала система, и система выдержана; но лучше было бы, еслибъ въ этомъ случаѣ здравое чувство измѣнило системѣ.

Возвратимся къ статьѣ. Г-нъ Кавелинъ обозрѣваетъ довольно подробно государственныя учрежденія Іоанна Грознаго; онъ видитъ въ нихъ двоякое стремленіе: разорвать сѣть родовыхъ отношеній, сохранившихся въ служебномъ и частномъ быту, введеніемъ новыхъ неродословныхъ людей, и стремленіе поднять и оживить общины; но, по словамъ автора, онѣ были мертвы, общественнаго духа въ нихъ не было.—Это доказали онѣ въ 1612 году, неправда-ли?

Авторъ не безъ причины говоритъ объ этомъ времени очень слегка. „При новой династіи, возобновилась борьба царей съ отживавшими остатками до-государственной Россіи... Важнѣйшія ея явленія—уничтоженіе мѣстничества и родоваго вельможества, ограниченіе и стѣсненіе областныхъ правителей, которые хотя и удержали характеръ кормленщиковъ, но уже не въ прежнемъ значеніи: они стали теперь вмѣстѣ и органами государства. Наконецъ, и въ гражданскомъ быту прежній порядокъ изглаживался: юридическія отношенія стали брать верхъ надъ кровными въ порядкѣ наслѣдованія, въ имущественныхъ и личныхъ отношеніяхъ... Паденіе общественной нравственности свидѣтельствуетъ также о требованіяхъ личности, порывавшейся на просторъ изъ кровныхъ отношеній... Древняя Русская жизнь исчерпала себя вполнѣ... Начало личности узаконилось въ нашей жизни; оно было приготовлено Русскою исторіей, но только какъ форма, лишенная содержанія... Она должна была принять его извнѣ: лице должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ“.

Нѣсколько далѣе, авторъ говоритъ: „Въ началѣ XVIII вѣка, мы только - что начинали жить умственно и нравственно“. Противъ этого считаемъ излишнимъ возражать. Доведенная до такой крайности, односторонность становится невинною.

Изъ выписанныхъ нами словъ читатель видитъ, какъ понимаетъ авторъ необходимость реформы Петра. Затѣмъ онъ оправдываетъ ее противъ различныхъ обвиненій. Въ этой части его статьи есть много дѣльнаго, особенно та мысль, что почти всѣ эти обвиненія вызваны состояніемъ, въ которое мы пришли, когда эпоха реформъ оканчивалась, и потому относятся къ нему, а не къ ней.

Въ заключеніе, авторъ повторяетъ свое основное положеніе; мы выпишемъ его вполнѣ и соберемъ свои возраженія. „Итакъ, внутренняя исторія Россіи — не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ не связанныхъ фактовъ. Она, напротивъ, стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы. Исчерпавши всѣ свои исключительно - національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаяеь тѣмъ же, чѣмъ были прежде—Русскими Славянами. У насъ не было начала личности: древняя Русская жизнь его создала: съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Оттого - то мы такъ тѣсно и сблизились съ Европою; ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени вышла къ одной цѣли съ нами. Развивши начало личности до нельзя, во всѣхъ его историческихъ, тѣсныхъ, исключительныхъ опредѣленіяхъ, она стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ человѣку и пересоздавала это общество. Въ ней наступалъ тоже новый порядокъ вещей, противоположный прежнему, историческому, въ тѣсномъ смыслѣ національному. А у насъ, вмѣстѣ съ началомъ личности, человѣкъ прямо выступилъ на сцену историческаго дѣйствованія, потому что личность въ древней Россіи не существовала, и слѣдовательно не имѣла никакихъ историческихъ опредѣленій. Того и другаго не должно забывать, говоря о заимствованіи и реформахъ Россіи въ XVIII вѣкѣ: мы заимствовали у Европы не ея исключительно-національные элементы; тогда они уже исчезли

или исчезали. И у ней, и у насъ рѣчь шла тогда о человѣкѣ; сознательно или безсознательно—это все равно". Такъ думаетъ авторъ; мы же думаемъ:

1. Что развитіе Германскаго начала личности, предоставленной себѣ самой, не имѣетъ ни конца, ни выхода; что путемъ исчерпыванія историческихъ явленій личности, до идеи о человѣкѣ, то-есть о началѣ абсолютнаго соединенія и подчиненія личностей подъ верховный законъ, логически дойти нельзя; потому что процессъ аналитическій никогда не переходитъ самъ собою въ синтетическій.

2. Что это начало (идея человѣка, или точнѣе идея народа) явилось не какъ естественный плодъ развитія личности, но какъ прямое ему противодѣйствіе и проникло въ сознаніе передовыхъ мыслителей Западной Европы изъ сферы религіи.

3. Что западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы — требованіе общины.

4. Что это требованіе совпадаетъ съ нашею субстанціею; что въ оправданіе формулы мы приносимъ *бытъ*, и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною.

5. Что общинный бытъ Славянъ основанъ не на отсутствіи личности, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченіи отъ своего полновластія.

6. Что въ національный бытъ Славянъ христіанство внесло сознаніе и свободу; что Славянская община, такъ сказать, растворившись, приняла въ себя начало общенія духовнаго и стала какъ бы свѣтскою, историческою стороною церкви.

7. Что задача нашей внутренней исторіи опредѣляется какъ просвѣтленіе народнаго общиннаго начала общиннымъ церковнымъ.

8. Что внѣшняя исторія наша имѣла цѣлью отстоять и спасти политическую независимость того же начала нетолько для Россіи, но для всего Славянскаго племени, созданіемъ крѣпкой государственной формы, которая не исчерпываетъ общиннаго начала, но и не противорѣчитъ ему.

Половина этихъ тезисовъ имѣетъ видъ гипотезъ: не было ни возможности, ни намѣренія доказать ихъ въ статьѣ, посвященной разбору чужаго мнѣнія. Главная цѣль наша была — опровергнуть его.

Что-же касается до нашего взгляда на предметъ, то можно принимать и не принимать его: возраженія остаются во всей силѣ и, кажется, они достаточны для доказательства односторонности воззрѣнія г. Кавелина. Подобной односторонности, признаемся, мы не думали встрѣтить въ 1847 году, послѣ столькихъ изданныхъ памятниковъ, бросившихъ свѣтъ на наше прошедшее, послѣ столькихъ изслѣдованій, споровъ и толковъ; не ожидали ея въ особенности отъ лица, доказавшаго другими своими трудами и даже этою статьею внимательное изученіе нѣкоторыхъ сторонъ нашей исторіи.

„Современникъ" принялъ статью г. Кавелина: редакторъ въ томъ же нумерѣ, въ которомъ она помѣщена, указываетъ на нее какъ „на поясненіе способа историческаго разработыванія нашей народности, обѣщающаго самыя счастливыя послѣдствія," — слѣдовательно упрекъ въ односторонности воззрѣнія падаетъ на весь журналъ.

II.

Г-нъ Никитенко въ современной литературѣ — лицо довольно замѣчательное. Онъ стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ и значитъ въ ней самъ по себѣ. Ни одна литературная партія не можетъ назвать его вполнѣ своимъ. Систематическаго воззрѣнія на предметы онъ не имѣетъ, можетъ быть, и не добивался; за то онъ не закабалилъ себя ни одному изъ недолговѣчныхъ мнѣній, случайно образующихся въ нашихъ литературныхъ кругахъ и такъ же случайно исчезающихъ. Его дѣятельность такова, что онъ никогда не будетъ имѣть вліянія на другихъ; за то онъ сохранилъ въ себѣ добродушное безпристрастіе и уберегся отъ исключительности. Онъ пишетъ рѣдко и немного. Теоретическія соображенія его почти всегда слабы и безцвѣтны; но его личныя впечатлѣнія почти всегда останавливаютъ на себѣ вниманіе. Иногда онъ предлагаетъ за новость, за открытіе, старую, давно из-

вѣстную или даже покинутую мысль; за то иногда, говоря о предметѣ близкомъ, всѣмъ извѣстномъ, онъ неожиданно открываетъ въ немъ новыя стороны или такъ оригинально и мѣтко обозначаетъ уже извѣстное, что слова его врѣзываются въ памяти.

Вообще, въ немъ видѣнъ сразу человѣкъ обязанный всѣмъ, что онъ имѣетъ, самому себѣ, въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ. Онъ никогда не прилагаетъ къ предмету готоваго мѣрила, но всегда извлекаетъ сужденія свои изъ своихъ личныхъ и долго выдержанныхъ впечатлѣній; а такъ какъ онъ уменъ и даровитъ, то впечатлѣнія его всегда, по крайней мѣрѣ, интересны. Къ этому должно прибавить какой-то счастливый даръ во всемъ соблюдать мѣру: онъ чуждъ пристрастныхъ увлеченій и преувеличеній; онъ не пишетъ ни пасквилей, ни панегириковъ и не сочувствуетъ ни тѣмъ, ни другимъ. Таковы, по нашему мнѣнію, его достоиства и недостатки. Первыя значительно перевѣшиваютъ вторые.

Статья г. Никитенка, помѣщенная въ первомъ № „Современника,“ есть литературный манифестъ. Въ ней изложены мнѣнія редактора объ отношеніи искусствъ къ обществу вообще, о современномъ призваніи нашей литературы, о томъ, какъ она его выполняетъ, о заслугахъ ея и недостаткахъ. Итакъ, здѣсь должно быть обозначено направленіе журнала, то, къ чему онъ клонитъ общественное мнѣніе мѣрило всѣхъ его литературныхъ сужденій и оправданіе его сочувствій. До стр. 59 статья г. Никитенка состоитъ, изъ общихъ разсужденій о томъ, что искусство, хотя и должно быть современнымъ, сочувствовать всѣмъ общественнымъ вопросамъ, неменѣе того обязано блюсти свои неотъемлемыя права, свою свободу и не отдавать себя въ услуженіе мелкимъ интересамъ, не порабощать себя прихотямъ моды. Все это вѣрно и выражено благородно и умѣренно. Но говоря и pro и contra, допуская одно мнѣніе и ограничивая его другимъ, авторъ нигдѣ не восходитъ до общихъ началъ, и потому вся эта часть скорѣе похожа на легкую бесѣду умныхъ людей, чѣмъ на ученое изложеніе. Болѣе всего выдается глубокое сознаніе достоинства художества и забота о предохраненіи его отъ деспотическихъ притязаній общества. Съ этой стороны

[illegible]

[illegible] Карамзинъ, Жуковскій, [illegible] Лермонтовъ, [illegible]

[illegible] Гоголь въ прошед-[illegible] бы боль-[illegible] произведе-[illegible] журналы [illegible] не только [illegible] ему.

[illegible] авторъ, недо-[illegible] въ ней, такъ ска-[illegible] начала дальнѣйшаго [illegible] Въ ней есть сознаніе своей само-[illegible] значенія. Она уже — сила органи-[illegible] живыми отпрысками пере-[illegible] общественными нуждами и инте-[illegible] случайно залетѣвшій изъ чужой намъ сферы на [illegible] толпы, не вспышка уединенной геніаль-ной [illegible] проскользнувшая въ умахъ и потряс-шая ихъ на минуту [illegible] и невѣдомымъ ощущеніемъ. Въ [illegible] нашей теперь нѣтъ мѣстъ особенно за-

мѣчательныхъ, *но есть вся литература*". Помнится, ту же мысль мы прочли когда-то въ „Отечественныхъ Запискахъ". Тамъ она была у мѣста; но трудно понять, какъ г. Никитенко, искренно любя искусство, ради самого искусства, понимая глубоко его требованія, всегда доступныя очень немногимъ, такъ легко удовлетворяется количествомъ и легкимъ сбытомъ произведеній взамѣнъ качества и внутренняго достоинства? Не забудьте, что дѣло идетъ собственно о литературѣ изящной, а не ученой. Что касается до литературы ученой и преимущественно исторической, то ея несомнѣнный успѣхъ можно до нѣкоторой степени измѣрять количествомъ выходящихъ книгъ. Нѣтъ такой книги ученой, которая бы не научила многихъ многому; даже если основа ея ложна, если она преисполнена промаховъ, она можетъ принести отрицательную пользу. Ее опровергнутъ, а опровергать ученое мнѣніе можно неиначе, какъ переставляя основныя данныя, указывая на другія точки зрѣнія,—однимъ словомъ, ставя что-нибудь на мѣсто того, что̀ разрушается; но какой прокъ отъ плохой повѣсти или отъ плохой элегіи? Не понравится она, значитъ незачѣмъ было и печатать ее; понравится, тѣмъ хуже—вы содѣйствовали порчѣ вкуса; а критикъ или вовсе не упомянетъ о ней, или скажетъ только, что она плоха, но ни въ какомъ случаѣ не напишетъ хорошей повѣсти или хорошей элегіи, чтобы доказать свои мнѣнія. Взгляните на предметъ еще съ другой точки. Литература, какъ дѣятельность ума, требующая матеріальныхъ условій, имѣетъ свою промышленную сторону, и вслѣдствіе этого она подвергается вліянію постороннихъ, отъ существа ея независимыхъ причинъ, видоизмѣняющихъ ея естественный ходъ и весьма часто ко вреду. Мы знаемъ, что можно искусственными средствами возбудить искусственныя потребности, завести какую бы то ни было отрасль промышленности въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не нуждаются въ ней, или гдѣ ей быть не должно и процвѣтать собственною своею силою нельзя. Точно также и въ литературѣ. У насъ принято, что въ каждой книжкѣ журнала должна быть повѣсть и стихи, и они являются къ сроку,—но что̀ за повѣсти и что̀ за стихи! Еслибы не было этого
ственнаго требованія, изъ всѣхъ изящныхъ произведе-

ній, напечатанныхъ въ послѣднія пять лѣтъ, многія ли удостоились бы увидать свѣтъ? Итакъ, примемъ другое мѣрило: обратимся къ внутреннему содержанію нашей изящной литературы. Лермонтова уже нѣтъ; Гоголя вы устраняете; послѣ нихъ, много ли она пріобрѣла? пріобрѣла ли она что-нибудь, хоть одну мысль, хоть одинъ образъ или типъ, который бы не былъ слѣпкомъ съ ихъ же созданій? Мы не можемъ назвать пріобрѣтеніемъ, что Иванъ Ивановичъ, обязанный бытіемъ своимъ Гоголю, являлся подъ именами Степана Ивановича или Василія Степановича, Селиванъ подъ именами Кондрата или Мишки, Осипъ подъ именемъ Васьки и т. д. Или, что стихотвореніе Лермонтова:

„Люблю отчизну я, но странною любовью“,

подкрашенное и распущенное на водѣ, подавалось двадцать разъ, или, наконецъ, что „Вѣчный Жидъ“ выходилъ, кажется, тремя изданіями и выходитъ вновь. А за исключеніемъ всего этого балласта много ли останется? Великій художникъ напишетъ картину; плохіе ученики переймутъ манеру и недостатки, съ учениковъ станутъ списывать другіе; за ними маляры, потомъ также картина литографируется, потомъ она явится на лаковыхъ коробочкахъ и, наконецъ, на чемъ-то среднемъ между табакеркою и тавлинкою. Неужели это все доказываетъ, что въ недостаткѣ великихъ живописцевъ, есть живопись?

Итогъ, кажется, слишкомъ снисходителенъ къ изящной литературѣ. Но онъ совершенно правъ въ сужденіи о нашей современной образованности вообще: „Она отличается отсутствіемъ мелочныхъ, широко распускающихся личностей... За то она распространяется въ ширину и глубину, течетъ спокойнѣе, тише, какъ рѣка, и работаетъ безъ шуму, но работаетъ [illegible] самыхъ основаній“. [illegible] изящная литература. [illegible]

митрополитъ Филиппъ; что ходатайство за невинныхъ, за честь Россіи, не умолкало и что на каждомъ шагу Іоаннъ встрѣчалъ безстрашныхъ и вмѣстѣ безлобныхъ обличителей изъ всѣхъ сословій тогдашняго общества. Вы властны не питать къ нимъ сочувствія, властны даже считать ихъ подвиги безплодными, пропадшими для Россіи; но подводить ихъ подъ обвиненіе въ равнодушіи, въ безучастіи, въ отсутствіи всякихъ духовныхъ интересовъ, извините: это историческая клевета. Повторяемъ опять: ея требовала система, и система выдержана; но лучше было бы, еслибъ въ этомъ случаѣ здравое чувство измѣнило системѣ.

Возвратимся къ статьѣ. Г-нъ Кавелинъ обозрѣваетъ довольно подробно государственныя учрежденія Іоанна Грознаго; онъ видитъ въ нихъ двоякое стремленіе: разорвать сѣть родовыхъ отношеній, сохранившихся въ служебномъ и частномъ быту, введеніемъ новыхъ неродословныхъ людей, и стремленіе поднять и оживить общины; но, по словамъ автора, онѣ были мертвы, общественнаго духа въ нихъ не было.—Это доказали онѣ въ 1612 году, неправда-ли?

Авторъ не безъ причины говоритъ объ этомъ времени очень слегка. „При новой династіи, возобновилась борьба царей съ отживавшими остатками до-государственной Россіи... Важнѣйшія ея явленія—уничтоженіе мѣстничества и родоваго вельможества, ограниченіе и стѣсненіе областныхъ правителей, которые хотя и удержали характеръ кормленщиковъ, но уже не въ прежнемъ значеніи: они стали теперь вмѣстѣ и органами государства. Наконецъ, и въ гражданскомъ быту прежній порядокъ изглаживался: юридическія отношенія стали брать верхъ надъ кровными въ порядкѣ наслѣдованія, въ имущественныхъ и личныхъ отношеніяхъ... Паденіе общественной нравственности свидѣтельствуетъ также о требованіяхъ личности, порывавшейся на просторъ изъ кровныхъ отношеній... Древняя Русская жизнь исчерпала себя вполнѣ... Начало личности узаконилось въ нашей жизни; оно было приготовлено Русскою исторіей, но только какъ форма, лишенная содержанія... Она должна была принять его извнѣ: лице должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ“.

Нѣсколько далѣе, авторъ говоритъ: „Въ началѣ XVIII вѣка, мы только-что начинали жить умственно и нравственно". Противъ этого считаемъ излишнимъ возражать. Доведенная до такой крайности, односторонность становится невинною.

Изъ выписанныхъ нами словъ читатель видитъ, какъ понимаетъ авторъ необходимость реформы Петра. Затѣмъ онъ оправдываетъ ее противъ различныхъ обвиненій. Въ этой части его статьи есть много дѣльнаго, особенно та мысль, что почти всѣ эти обвиненія вызваны состояніемъ, въ которое мы пришли, когда эпоха реформъ оканчивалась, и потому относятся къ нему, а не къ ней.

Въ заключеніе, авторъ повторяетъ свое основное положеніе; мы выпишемъ его вполнѣ и соберемъ свои возраженія. „Итакъ, внутренняя исторія Россіи — не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ не связанныхъ фактовъ. Она, напротивъ, стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы. Исчерпавши всѣ свои исключительно-національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаяеь тѣмъ же, чѣмъ были прежде—Русскими Славянами. У насъ не было начала личности: древняя Русская жизнь его создала: съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Оттого-то мы такъ тѣсно и сблизились съ Европою; ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени вышла къ одной цѣли съ нами. Развивши начало личности до нельзя, во всѣхъ его историческихъ, тѣсныхъ, исключительныхъ опредѣленіяхъ, она стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ человѣку и пересоздавала это общество. Въ ней наступалъ тоже новый порядокъ вещей, противоположный прежнему, историческому, въ тѣсномъ смыслѣ національному. А у насъ, вмѣстѣ съ началомъ личности, человѣкъ прямо выступилъ на сцену историческаго дѣйствованія, потому что личность въ древней Россіи не существовала, и слѣдовательно не имѣла никакихъ историческихъ опредѣленій. Того и другаго не должно забывать, говоря о заимствованіи и реформахъ Россіи въ XVIII вѣкѣ: мы заимствовали у Европы не ея исключительно-національные элементы; тогда они уже исчезли

проекты о поправленіи ошибокъ народовъ и судебъ, что, смотря на все это, вы тотчасъ вспомните про подвиги нашихъ старинныхъ сказочныхъ героевъ, которые, какъ извѣстно, не церемонились съ естественнымъ ходомъ вещей и прямо, однимъ махомъ меча, рубили тысячи враговъ и однимъ глоткомъ выпивали по ведру зелена̀ вина̀. Есть еще въ литературѣ нашей мыслители, заботящіеся не о томъ, чтобы изъяснять, какъ вещи были, но о томъ, зачѣмъ онѣ были не такъ, какъ слѣдуетъ по ихъ мыслямъ. Въ особенности замѣчательна въ этихъ умственныхъ экзерциціяхъ широта размаха, доказывающая, что дѣло происходитъ не посреди людей и вещей, а на воздухѣ, гдѣ такъ легко расширяться на всѣ стороны".

И это совершенно справедливо; а чтобы не идти далеко за доказательствами, приведемъ ихъ два или три изъ той же книжки „Современника". Въ статьѣ г. Кавелина: „начало личности у Русско-Славянскихъ племенъ не существовало.... Общинное начало не имѣло въ себѣ зачатко́въ жизни и развитія.... У насъ человѣкъ вовсе не жилъ и только-что начиналъ жить съ XVIII вѣка".... Въ статьѣ г. Бѣлинскаго: „фантастическое въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ".... Кажется, этого довольно для оправданія г. Никитенко.

Далѣе, авторъ говоритъ, что современная литература освободила искусство отъ стѣснительныхъ оковъ условнаго приличія и замѣнила ихъ требованіемъ естественности. „Неприличнымъ въ произведеніи изящнаго считается не то, когда художникъ представляетъ намъ дѣйствительность, даже ежедневную, а то, когда онъ представляетъ дѣйствительность, лишенную разумнаго значенія, или когда, не постигая этого значенія, онъ изображаетъ ее только съ грубой матеріальной стороны, чуждой высшимъ нравственнымъ интересамъ нашего духа, слѣдовательно и интересамъ искусства. Почему, напримѣръ, всѣ произведенія нашей драматической литературы, изображающія нашъ простонародный бытъ, не сто̀ятъ одной небольшой піесы Аблесимова, *Мельникъ*? Потому, что авторы ихъ созидаютъ такъ называемые народные характеры изъ

началѣ своемъ она безъ сознанія *), по какому-то природному влеченію, нерѣдко попадала на это направленіе, какъ бы предчувствуя, что ей достанется на долю важная часть въ дѣлѣ Петра Великаго—въ перерожденіи народа и въ вызовѣ его духа на всевозможные подвиги". Замѣчательна характеристика Державина. „Державинъ рѣзко отдѣляется отъ другихъ нетолько силою своего огромнаго таланта, но и способомъ дѣйствія на общество: онъ не довольствуется уже темною фактическою его стороною; онъ идетъ далѣе, глубже, во внутреннее святилище его силъ, и громозвучнымъ и вмѣстѣ ободряющимъ голосомъ вызываетъ ихъ бодрствовать, подвизаться среди широкаго горизонта, раздвинутаго около нихъ и для нихъ Петромъ. Его сатира есть тупая сторона, противоположная лезвію его оружія. Онъ не столько разитъ, сколько воодушевляетъ; ему извѣстны не однѣ немощи его народа, но и неизмѣримое его могущество".

„Принявъ въ себя стихію общественности, литература должна была развить ее сколь возможно болѣе и усовершенствоваться въ этомъ направленіи. Этотъ прямой логическій выводъ достался преимущественно на долю нашему времени". Осуществленіе его авторъ видитъ въ томъ, что „литература менѣе довѣряетъ вдохновенію, нежели изученію вещей; духъ наблюдательности открылъ" будто бы „разныя сокровенныя тайны нашихъ нравовъ, провелъ ее въ самыя темныя извилины страстей, предразсудковъ, противорѣчій нравственныхъ и нуждъ... Это аналитическое направленіе литературы вмѣстѣ съ историческимъ изученіемъ освобождаетъ литературу отъ всякихъ выспренностей и фантастическихъ грезъ". Вслѣдъ за тѣмъ говоритъ авторъ: „Посреди нея блуждаютъ еще утопіи, теоріи и системы, отъ которыхъ вѣетъ холодомъ отвлеченныхъ понятій, несмотря на ихъ патріотическій жаръ. Въ этихъ умозрительныхъ ученіяхъ вы найдете еще такія сужденія о Россіи, Европѣ и человѣчествѣ, такіе доносы на исторію въ ея промахахъ и злоупотребленіяхъ, такіе отважные

*) Это не совсѣмъ справедливо: сознанія отрицать нельзя. Вспомнимъ, что Петръ Первый заказывалъ обличительныя и сатирическія книги Ѳеофану Прокоповичу.

проекты о поправленіи ошибокъ народовъ и судебъ, что, смотря на все это, вы тотчасъ вспомните про подвиги нашихъ старинныхъ сказочныхъ героевъ, которые, какъ извѣстно, не церемонились съ естественнымъ ходомъ вещей и прямо, однимъ махомъ меча, рубили тысячи враговъ и однимъ глоткомъ выпивали по ведру зеленà винà. Есть еще въ литературѣ нашей мыслители, заботящіеся не о томъ, чтобы изъяснять, какъ вещи были, но о томъ, зачѣмъ онѣ были не такъ, какъ слѣдуетъ по ихъ мыслямъ. Въ особенности замѣчательна въ этихъ умственныхъ экзерциціяхъ широта размаха, доказывающая, что дѣло происходитъ не посреди людей и вещей, а на воздухѣ, гдѣ такъ легко расширяться на всѣ стороны“.

И это совершенно справедливо; а чтобы не идти далеко за доказательствами, приведемъ ихъ два или три изъ той же книжки „Современника“. Въ статьѣ г. Кавелина: „начало личности у Русско-Славянскихъ племенъ не существовало.... Общинное начало не имѣло въ себѣ зачатко́въ жизни и развитія.... У насъ человѣкъ вовсе не жилъ и только-что начиналъ жить съ XVIII вѣка“.... Въ статьѣ г. Бѣлинскаго: „фантастическое въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ“.... Кажется, этого довольно для оправданія г. Никитенко.

Далѣе, авторъ говоритъ, что современная литература освободила искусство отъ стѣснительныхъ оковъ условнаго приличія и замѣнила ихъ требованіемъ естественности. „Неприличнымъ въ произведеніи изящнаго считается не то, когда художникъ представляетъ намъ дѣйствительность, даже ежедневную, а то, когда онъ представляетъ дѣйствительность, лишенную разумнаго значенія, или когда, не постигая этого значенія, онъ изображаетъ ее только съ грубой матеріальной стороны, чуждой высшимъ нравственнымъ интересамъ нашего духа, слѣдовательно и интересамъ искусства. Почему, напримѣръ, всѣ произведенія нашей драматической литературы, изображающія нашъ простонародный бытъ, не сто́ятъ одной небольшой піесы Аблесимова, *Мельникъ*? Потому, что авторы ихъ созидаютъ такъ называемые народные характеры изъ

грязи, лохмотьевъ, квасу, щей и кулаковъ Русскаго человѣка, между тѣмъ Аблесимовъ умѣлъ схватить въ немъ черту его натуры—смѣтливость, беззаботную веселость и какое-то простодушное лукавство, ему одному свойственное. Одни не пошли далѣе матеріальной стороны своего предмета, другой проникнулъ въ его глубину и вынесъ оттуда хоть частицу его смысла".

„Но и естественность художественная, продолжаетъ г. Никитенко, имѣетъ свои ограниченія.... Они состоятъ въ томъ, чтобы знать, гдѣ и насколько могутъ быть допущены темные и даже безобразные дѣятели жизни. Художникъ долженъ руководствоваться вездѣ высшими причинами и побужденіями, а не удовольствіемъ потѣшить толпу эффектами, или излить свой гнѣвъ, оправдать свое ученіе.... Но прелесть естественности еще такъ нова для нашей литературы, что неудивительно, если она предается ей съ нѣкоторымъ упоеніемъ и односторонностью". Предпославъ извиненіе, авторъ произноситъ свой приговоръ. Это мѣсто такъ замѣчательно, что мы считаемъ нужнымъ привести его почти вполнѣ: „Литература, сохраняющая въ себѣ достоинство искусства, не будетъ принимать за естественное однихъ видимыхъ, рѣзкихъ, внѣшнихъ сторонъ и видоизмѣненій жизни. То правда, что вѣрное изображеніе этихъ сторонъ есть часть ея, но она не вся здѣсь. Разсыпчатыя нравоописанія, портретистики, вездѣ стоятъ на одной точкѣ зрѣнія—на точкѣ зрѣнія безпорядковъ и противорѣчій; иначе и быть не можетъ. Жизнь является во всей силѣ законности, гармоніи и добра только въ разумѣ и цѣлости своей; тамъ ея объясненіе и оправданіе. Но это значеніе жизни не находится на поверхности вещей. Читая изображеніе нравовъ общественныхъ, вы чувствуете, что изображеніямъ этимъ чего-то недостаетъ: характеры, сосредоточивающіе ихъ въ себѣ, кажутся преувеличенными, краски ихъ слишкомъ яркими, хотя, съ другой стороны, вы видите предметы, совершенно вамъ знакомые, слѣдовательно не вымышленные. Чтожъ это значитъ? —То, что авторы подобныхъ произведеній, при всемъ своемъ талантѣ и литературной добросовѣстности, естественны только вполовину. Наблюдая предметы и видя ихъ точно такъ, какъ они пред-

ставляются въ суматохѣ жизненныхъ отправленій, въ толкотнѣ, разладицѣ, въ דракѣ, въ грязи и крови, они забываютъ взглянуть въ нихъ на то, что много ослабляетъ силу этихъ существенныхъ, но не исключительныхъ явленій, и даетъ вещамъ другую физіономію. Черты, ими наложенныя, поневолѣ становятся крупными, потому что онѣ однѣ на планѣ, даже безъ причинъ и обстоятельствъ, которыя должны бы ихъ пояснить, пополнить и сдѣлать вѣрными до неоспоримости."

„Нашъ бытъ общественный и нравы не исчерпываютъ нашей народности: въ ней содержится много такого, что не могло или не успѣло еще выдти наружу и показать себя, и что, однакожъ, составляетъ ея силу и красу. Нельзя ли пройти до нея? Нельзя ли оттуда, изъ расположеній и стремленій народнаго сердца и ума, извлечь тѣ прекрасныя и великія человѣчественныя стихіи, которыя не достигли только сознанія народа, и которыя, разъ проникши въ него, должны его путемъ преобразовать, улучшить самую его дѣйствительность? Но мы бросаемся на частности, не связывая ихъ съ характеромъ и духомъ цѣлаго. Есть какое-то легкомысліе въ нашей наблюдательности, препятствующее намъ вонзать жало ума въ глубину предмета, чтобы высосать оттуда самую эссенцію его. Мы спѣшимъ предварить заключеніями своими тѣ доводы, которые дали бы намъ самыя вещи, если бы мы приняли на себя трудъ всмотрѣться въ нихъ внимательнѣе. Вмѣсто того, чтобы представлять ихъ себѣ серьезно, какъ они того заслуживаютъ, мы или осмѣиваемъ ихъ, или бранимъ. Намъ ужасно нравится быть юмористами, и, думая, что это легко, что стоитъ только шутить надъ всѣмъ, мы впадаемъ иногда въ страшныя пошлости. У насъ мало размышленія и мало любви, особенно мало любви. Оттого и произведенія наши поверхностны, сухи и холодны. Все это между прочимъ ведетъ къ утомительнѣйшему единообразію. Вы всегда видите одно и то же: чиновника - плута, помѣщикаглупца. Все провинціальное сдѣлалось обреченною жертвою нашей юмористики, какъ будто провинція не отечество наше, какъ будто тамъ нечего уже любить и уважать, и какъ будто тамъ одно только есть заслуживающее изученія — порокъ и нелѣпости."

„Такое направленіе много вредитъ художественному достоинству нашей литературы... Увлекаясь вѣрностію описаній, которой, впрочемъ, не всегда счастливо достигаютъ, думая болѣе всего объ естественности, наши писатели, сами того не замѣчая, часто на дѣлѣ выполняютъ знаменитое правило *подражанія природѣ*, съ презрѣніемъ отвергаемое ихъ теоріей. Дѣло въ томъ, что природа неглубоко ими понята и вообще мало *взята въ мысль*. Они видятъ ее только въ часы черновыхъ ея работъ, а не тогда, когда она занята предначертаніями плана и приведеніемъ ихъ къ концу. Видѣть этого и нельзя физическимъ наблюденіемъ, а надобно мыслію стать въ самую мысль природы. Тогда тѣ же самыя вещи, которыя послужили содержаніемъ произведенія, были бы и основаніемъ изящнаго характера его. Мы не встрѣтили бы того, что теперь такъ часто встрѣчается, — не встрѣтили бы произведеній, изобличающихъ талантъ, но не сосредоточенныхъ въ единствѣ общей мысли, безъ всякой соразмѣрности въ частяхъ, плодовитыхъ до безконечности въ ненужныхъ подробностяхъ, утомляющихъ повтореніемъ одного и того же,— словомъ, произведеній, гдѣ умъ былъ собирателемъ матеріаловъ, а случай — зодчимъ. Писателямъ нашимъ въ ихъ нападательномъ положеніи, видящимъ одни общественные пороки, готовымъ только разить и сокрушать, недостаетъ спокойствія, необходимаго для высокаго и мирнаго созерцанія красоты... Конечно, ничего нѣтъ легче, какъ въ списанномъ съ вещей безобразіи сослаться на самую жизнь и оправдать себя тѣмъ, что такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. Неправда: на самомъ дѣлѣ бываетъ не такъ. Каррикатура — шутка, выдуманная человѣкомъ точно такъ же, какъ онъ выдумываетъ арабески и проч. Дѣйствительность ея не знаетъ, потому что въ ней нѣтъ ничего односторонняго и безусловнаго. Всякая крайность или гибнетъ, потому что она крайность, или умѣряется отношеніями своими къ другимъ силамъ и ихъ вліяніемъ.—Но почему же и не пошутить? возразятъ намъ. — О, это дѣло другое! Шутите, если вамъ угодно, но не считайте же себя за то представителями чего-то высшаго, чего-то разумнаго“.

„Есть еще предлогъ, который употребляютъ для оправда-

нія въ противо-художественныхъ покушеніяхъ. Обыкновенно ссылаются на намѣреніе, думая, что оно уполномочиваетъ, нѣкоторымъ образомъ, писателя не слѣдовать слишкомъ строго требованіямъ искусства, что общественные интересы, которымъ онъ служитъ добросовѣстно, извиняютъ все, и что произвести спасительное впечатлѣніе какимъ бы то ни было образомъ стоитъ эстетической законности его. Но не значитъ ли это дѣлать изъ искусства орудіе постороннихъ цѣлей, т.-е. уничтожать его? Мы не понимаемъ, впрочемъ, какимъ образомъ въ одно и то же время можно портить изящное и его же призывать на помощь для достиженія какихъ бы то ни было высшихъ цѣлей. Не изобличаетъ ли это скорѣе тайную неспособность дѣйствовать имъ однимъ и въ его духѣ, чѣмъ свободно и честно принятое намѣреніе? Искусство въ самомъ себѣ носитъ источникъ всѣхъ благотворныхъ вліяній на общество и сердце человѣческое; чѣмъ чище и вѣрнѣе оно самому себѣ, тѣмъ глубже и могущестеннѣе производимое имъ дѣйствіе. Въ томъ-то и дѣло, что въ образованіи человѣческаго рода необходимо его личное, такъ сказать, самостоятельнее участіе и что способовъ этого участія, вмѣстѣ съ слѣдствіями ихъ, ничѣмъ другимъ нельзя замѣнить, какъ нельзя замѣнить зрѣнія слухомъ и слуха зрѣніемъ".

Все это искренно почувствовано и выражено умѣренно.

Но если таковъ образъ мыслей редактора, почему помѣщена въ той же книжкѣ повѣсть подъ заглавіемъ: *Родственники?* Развѣ для того, чтобы читатели тутъ же могли повѣрить на дѣлѣ справедливость впечатлѣній г. Никитенка, какъ будто бы произведенныхъ именно этою повѣстью? Вообще почему отдѣлъ словесности отданъ почти исключительно въ распоряженіе тому направленію, которое такъ справедливо осуждается самимъ редакторомъ въ отдѣлѣ наукъ? Можетъ быть, другаго рода повѣстей достать нельзя; можетъ быть даже, такія повѣсти нужны для успѣха журнала, чего мы впрочемъ не думаемъ. Согласитесь, что это не оправданіе и вы, такъ высоко понимающіе нравственное значеніе искусства, не захотите прибѣгать къ нему. Вы же сказали въ своей статьѣ, что вкусъ къ изящному въ народѣ образованномъ долженъ быть охраняемъ, какъ зѣница ока, отъ всякой порчи

и заблужденій, что, утративъ его чистоту, люди пріучаются смотрѣть на искусство какъ на забаву, или какъ на нѣчто второстепенное и придаточное, и лишаются одного изъ могущественныхъ нравственныхъ дѣятелей. Чѣмъ же оправдать такую уступчивость ложному направленію, нарушающую внутреннее единство журнала?

Но, положимъ, редакторъ, невластный пересоздать изящной литературы по своимъ желаніямъ, допускаетъ ее поневолѣ со всѣми ея недостатками, въ надеждѣ на исправленіе; во всякомъ случаѣ онъ обязанъ давать направленіе критикѣ, которая есть голосъ журнала, и не позволять ей наперекоръ ему оправдывать то, что уже признано имъ за ложное и вредное. Между тѣмъ, перевернувъ нѣсколько листовъ, мы читаемъ въ отдѣлѣ критики: „Натуральную школу обвиняютъ въ стремленіи все изображать съ дурной стороны. Какъ водится, у однихъ это обвиненіе—умышленная клевета; у другихъ — искренняя жалоба. Во всякомъ случаѣ, возможность подобнаго обвиненія показываетъ только то, что натуральная школа, несмотря на ея огромные успѣхи, существуетъ еще недавно, что къ ней не успѣли еще привыкнуть, и что у насъ еще много людей Карамзинскаго образованія, которыхъ реторика имѣетъ свойство утѣшать, а истина — огорчать... Но если бы преобладающее отрицательное направленіе и было одностороннею крайностію, и въ этомъ есть своя польза, свое добро: привычка вѣрно изображать отрицательныя явленія жизни дастъ возможность тѣмъ же людямъ или ихъ послѣдователямъ, *когда придетъ время*, вѣрно изображать и положительныя явленія жизни, не становя ихъ на ходули, не преувеличивая,—словомъ, не идеализируя ихъ реторически." Мы не спрашиваемъ, справедливо ли это или нѣтъ, но согласно ли съ убѣжденіями редактора и съ наставленіями, предложенными имъ въ его статьѣ? Думаетъ ли онъ, что, смотря по времени, литература можетъ изображать и темныя и свѣтлыя стороны дѣйствительности, то-есть быть правдивою, можетъ также изображать однѣ отрицательныя стороны, то-есть клеветать? Полагаетъ ли онъ, что привычка отыскивать одни пороки и поносить людей способствуетъ развитію безпристрастія и справедливости? И намѣренъ ли г. Ники-

тенко сознаться за себя и за читателей, которые раздѣляютъ его образъ мыслей, что какъ онъ самъ, такъ и они всѣ утѣшаютъ себя реторикою и огорчаются истиною, и что теперь, вопреки всему сказанному имъ въ его статьѣ, таланты воспроизводятъ жизнь и дѣятельность въ ихъ истинѣ, какъ утверждаетъ г. Бѣлинскій на страницѣ десятой?

Одно изъ двухъ: или журналъ не долженъ имѣть своего образа мыслей, и тогда онъ не журналъ, а неизвѣстно что такое; или онъ долженъ имѣть его, и тогда не мѣшаетъ участвующимъ въ немъ согласиться предварительно между собою. Подобныхъ противорѣчій бездна въ сужденіяхъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ. Редакторъ нападалъ сильно на каррикатурныя изображенія помѣщиковъ и деревенскаго быта; критикъ въ числѣ замѣчательныхъ стихотворныхъ произведеній прошлаго года упоминаетъ о разсказѣ подъ заглавіемъ: *Помѣщикъ* (въ „Отечеств. Записк."). Редакторъ строго осуждалъ направленіе тѣхъ писателей, которые созидаютъ такъ называемые народные характеры изъ грязи, лохмотьевъ, квасу, щей и кулаковъ русскаго человѣка, а критикъ восхваляетъ повѣсть подъ заглавіемъ: *Деревня* (въ „Отеч. Записк."), которая создана именно по этому рецепту. Понять достоинство его сужденія могутъ только тѣ, которые прочли самую повѣсть. Разсказать ея содержаніе нѣтъ никакой возможности, потому что она состоитъ изъ однѣхъ подробностей. Въ ней собрано и ярко выставлено все, что можно было найти въ нравахъ крестьянъ грубаго, оскорбительнаго и жестокаго. Но поражаютъ не частности, а глубокая безчувственность и совершенное отсутствіе нравственнаго смысла въ цѣломъ быту. Ни состраданія, ни раскаянія, ни стыда, ни страха, ни даже животной привязанности между единокровными, авторъ ничего не нашелъ въ русской деревнѣ. Можетъ быть, вы подумаете, что она представляется ему въ томъ состояніи первобытной дикости, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, предшествуетъ пробужденію нравственнаго сознанія и слѣдовательно допускаетъ развитіе; но вы ошибаетесь: въ сквернословіи крестьянъ авторъ подслушалъ какую - то иронію надъ попраннымъ чувствомъ, признакъ не дикости, а растлѣнія; имена отца, матери, слова молитвы произносятся безпрестанно, но

грязи, лохмотьевъ, квасу, щей и кулаковъ Русскаго человѣка, между тѣмъ Аблесимовъ умѣлъ схватить въ немъ черту его натуры—смѣтливость, беззаботную веселость и какое-то простодушное лукавство, ему одному свойственное. Одни не пошли далѣе матеріальной стороны своего предмета, другой проникнулъ въ его глубину и вынесъ оттуда хоть частицу его смысла“.

„Но и естественность художественная, продолжаетъ г. Никитенко, имѣетъ свои ограниченія.... Они состоятъ въ томъ, чтобы знать, гдѣ и насколько могутъ быть допущены темные и даже безобразные дѣятели жизни. Художникъ долженъ руководствоваться вездѣ высшими причинами и побужденіями, а не удовольствіемъ потѣшить толпу эффектами, или излить свой гнѣвъ, оправдать свое ученіе.... Но прелесть естественности еще такъ нова для нашей литературы, что неудивительно, если она предается ей съ нѣкоторымъ упоеніемъ и односторонностью“. Предпославъ извиненіе, авторъ произноситъ свой приговоръ. Это мѣсто такъ замѣчательно, что мы считаемъ нужнымъ привести его почти вполнѣ: „Литература, сохраняющая въ себѣ достоинство искусства, не будетъ принимать за естественное однихъ видимыхъ, рѣзкихъ, внѣшнихъ сторонъ и видоизмѣненій жизни. То правда, что вѣрное изображеніе этихъ сторонъ есть часть ея, но она не вся здѣсь. Разсыпчатыя нравоописанія, портретистики, вездѣ стоятъ на одной точкѣ зрѣнія—на точкѣ зрѣнія безпорядковъ и противорѣчій; иначе и быть не можетъ. Жизнь является во всей силѣ законности, гармоніи и добра только въ разумѣ и цѣлости своей; тамъ ея объясненіе и оправданіе. Но это значеніе жизни не находится на поверхности вещей. Читая изображеніе нравовъ общественныхъ, вы чувствуете, что изображеніямъ этимъ чего-то недостаетъ: характеры, сосредоточивающіе ихъ въ себѣ, кажутся преувеличенными, краски ихъ слишкомъ яркими, хотя, съ другой стороны, вы видите предметы, совершенно вамъ знакомые, слѣдовательно не вымышленные. Чтожъ это значитъ? –То, что авторы подобныхъ произведеній, при всемъ своемъ талантѣ и литературной добросовѣстности, естественны только вполовину. Наблюдая предметы и видя ихъ точно такъ, какъ они пред-

чурныя мѣстами описанія природы. Но, что касается собственно до очерковъ крестьянскаго быта, это—блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ тутъ много наблюдательности и знанія дѣла и умѣлъ высказать то и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Его *Деревня*—одно изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года".

Такъ судитъ критикъ. Онъ правъ съ своей точки зрѣнія; но правъ ли онъ съ точки зрѣнія редактора? Редакторъ, отвѣчающій передъ публикою за журналъ, можетъ ли, положа руку на сердце, признать отзывъ о повѣсти г. Григоровича— не говорю справедливымъ, но безвреднымъ для современной литературы?... Почему же не принять и противоположнаго взгляда на вещи? возразятъ намъ.

О, это дѣло другое! Принимайте, если вамъ угодно; но не считайте себя за то представителемъ опредѣленнаго образа мыслей, не говорите о направленіи, о духѣ своего журнала, не выдавайте противорѣчій и разногласныхъ мнѣній, напечатанныхъ однимъ шрифтомъ и подъ одною оберткою, за журналъ.

III.

Приступаемъ къ третьей статьѣ, о которой мы хотѣли говорить. Г-нъ Бѣлинскій въ своей литературной дѣятельности составляетъ совершенную противоположность г. Никитенкѣ. Онъ почти никогда не является самимъ собою и рѣдко пишетъ по свободному внушенію. Вовсе не чуждый эстетическаго чувства (чему доказательствомъ служатъ особенно прежнія статьи его), онъ какъ будто пренебрегаетъ имъ и, обладая собственнымъ капиталомъ, постоянно живетъ въ долгъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился на поприщѣ критики, онъ былъ всегда подъ вліяніемъ чужой мысли. Несчастная воспріимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и рѣшительно отъ вчерашняго образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей, держала его въ какой-то постоянной тревогѣ, которая наконецъ обратилась въ нормальное состояніе и помѣшала развитію его

способностей. Конечно, заимствованіе само по себѣ не только безвредно, даже необходимо; бѣда въ томъ, что заимствованная мысль, какъ бы искренно и страстно онъ ни предавался ей, все-таки остается для него чужою: онъ не успѣваетъ претворить ее въ свое достояніе, усвоить себѣ глубоко, и къ несчастію усвоиваетъ настолько, что не имѣетъ надобности мыслить самостоятельно.

Этимъ объясняется необыкновенная легкость, съ которою онъ мѣняетъ свои точки зрѣнія и мѣняетъ безплодно для самого себя, потому что причина перемѣнъ — не въ немъ, а внѣ его. Этимъ же объясняется его исключительность и отсутствіе терпимости къ противоположнымъ мнѣніямъ; ибо кто принимаетъ мысль на вѣру, легко и безъ борьбы, тотъ думаетъ такъ же легко навязать ее другимъ и рѣдко признаетъ въ нихъ разумность сопротивленія, котораго не находилъ въ себѣ. Наконецъ, въ этой же способности увлекаться чужимъ заключается объясненіе его необыкновенной плодовитости. Собственный запасъ убѣжденій вырабатывается медленно; но когда этотъ запасъ берется уже подготовленный другими, въ немъ никогда не можетъ быть недостатка. Разумѣется, при такого рода дѣятельности, талантъ писателя не можетъ возрастать.

Въ статьѣ г. Бѣлинскаго, помѣщенной въ первомъ нумерѣ „Современника", говорится о многомъ: въ ней повторяются варіации на старую тему объ отношеніи русской литературы къ обществу, о непрерывномъ законѣ ея развитія при внѣшней безсвязности ея явленій; тутъ же, мимоходомъ, рѣшаются нѣкоторые изъ труднѣйшихъ философическихъ вопросовъ, напримѣръ: объ отношеніи случайности къ необходимости, о значеніи личности и національности и т. д.; но, по всему видно, что любимая тема г. Бѣлинскаго въ настоящую минуту есть восхваленіе новой литературной школы, для которой петербургскіе журналы придумали названіе натуральной. Въ той же статьѣ помѣщена характеристика направленія славянофиловъ или старовѣровъ, писанная съ претензіею на безпристрастіе, которая дѣлаетъ честь ея автору.

Начнемъ съ натурализма. Петербургскіе журналы подняли знамя и провозгласили явленіе новой литературной школы,

по ихъ мнѣнію, совершенно самостоятельной. Они выводятъ ее изо всего прошедшаго развитія нашей литературы и видятъ въ ней отвѣтъ на современныя потребности нашего общества. Происхожденіе натурализма, кажется, объясняется гораздо проще; нѣтъ нужды придумывать для него родословной, когда на немъ лежатъ ясные признаки тѣхъ вліяній, которымъ онъ обязанъ своимъ существованіемъ.

Матеріалъ данъ Гоголемъ или, лучше, взятъ у него: это пошлая сторона нашей дѣйствительности. Гоголь первый дерзнулъ ввести изображеніе пошлаго въ область художества. На то нуженъ былъ его геній. Въ этотъ глухой, безцвѣтный міръ, безъ грома и безъ потрясеній, неподвижный и ровный какъ бездонное болото, медленно и безвозвратно втягивающее въ себя все живое и свѣжее, въ этотъ міръ высоко-поэтическій самымъ отсутствіемъ всего идеальнаго, онъ первый опустился какъ рудокопъ, почуявшій подъ землею еще нетронутую силу. Съ его стороны это было не одно счастливое внушеніе художественнаго инстинкта, но сознательный подвигъ цѣлой жизни, выраженіе личной потребности внутренняго очищенія. Подъ изображеніемъ дѣйствительности поразительно - истиннымъ скрывалась душевная, скорбная исповѣдь. Отъ этого произошла односторонность содержанія его послѣднихъ произведеній, которыхъ однако нельзя назвать односторонними именно потому, что вмѣстѣ съ содержаніемъ художникъ передаетъ свою мысль, свое побужденіе. Оно такъ необходимо для полноты впечатлѣнія, такъ нераздѣльно съ художественнымъ достоинствомъ его произведеній, что литературный подвигъ Гоголя только въ этомъ смыслѣ и могъ совершиться. Ни страсть къ наблюденіямъ, ни благородное негодованіе на пороки и вообще никакое побужденіе, какъ бы съ виду оно ни было безкорыстно, но допускающее въ душѣ художника чувство личнаго превосходства, не дало бы на него ни права, ни силъ. Нужно было породниться душею съ тою жизнью и съ тѣми людьми, отъ которыхъ отворачиваются съ презрѣніемъ, нужно было почувствовать въ себѣ самомъ ихъ слабости, пороки и пошлость, чтобы въ нихъ же почувствовать присутствіе человѣческаго; и только это одно могло дать право на обличеніе.

и заблужденій, что, утративъ его чистоту, люди пріучаются смотрѣть на искусство какъ на забаву, или какъ на нѣчто второстепенное и придаточное, и лишаются одного изъ могущественныхъ нравственныхъ дѣятелей. Чѣмъ же оправдать такую уступчивость ложному направленію, нарушающую внутреннее единство журнала?

Но, положимъ, редакторъ, невластный пересоздать изящной литературы по своимъ желаніямъ, допускаетъ ее поневолѣ со всѣми ея недостатками, въ надеждѣ на исправленіе; во всякомъ случаѣ онъ обязанъ давать направленіе критикѣ, которая есть голосъ журнала, и не позволять ей наперекоръ ему оправдывать то, что уже признано имъ за ложное и вредное. Между тѣмъ, перевернувъ нѣсколько листовъ, мы читаемъ въ отдѣлѣ критики: „Натуральную школу обвиняютъ въ стремленіи все изображать съ дурной стороны. Какъ водится, у однихъ это обвиненіе—умышленная клевета; у другихъ — искренняя жалоба. Во всякомъ случаѣ, возможность подобнаго обвиненія показываетъ только то, что натуральная школа, несмотря на ея огромные успѣхи, существуетъ еще недавно, что къ ней не успѣли еще привыкнуть, и что у насъ еще много людей Карамзинскаго образованія, которыхъ реторика имѣетъ свойство утѣшать, а истина — огорчать... Но если бы преобладающее отрицательное направленіе и было одностороннею крайностію, и въ этомъ есть своя польза, свое добро: привычка вѣрно изображать отрицательныя явленія жизни дастъ возможность тѣмъ же людямъ или ихъ послѣдователямъ, *когда придетъ время,* вѣрно изображать и положительныя явленія жизни, не становя ихъ на ходули, не преувеличивая,—словомъ, не идеализируя ихъ реторически.“ Мы не спрашиваемъ, справедливо ли это или нѣтъ, но согласно ли съ убѣжденіями редактора и съ наставленіями, предложенными имъ въ его статьѣ? Думаетъ ли онъ, что, смотря по времени, литература можетъ изображать и темныя и свѣтлыя стороны дѣйствительности, то-есть быть правдивою, можетъ также изображать однѣ отрицательныя стороны, то-есть клеветать? Полагаетъ ли онъ, что привычка отыскивать одни пороки и поносить людей способствуетъ развитію безпристрастія и справедливости? И намѣренъ ли г. Ники-

соціальныхъ школъ. На долю ея досталось быть вѣчно настрожѣ современныхъ движеній, ловить въ нихъ доказательства въ пользу одного ученія, опроверженія противъ другаго, и облекать доводы и возраженія въ заманчивые и ужасающіе образы. Такимъ образомъ, она, какъ ловкій прикащикъ поддѣлываясь подъ вкусъ публики и соблазняя ее яркими вывѣсками, заманиваетъ къ себѣ въ лавку толпу покупателей, отбиваетъ ихъ отъ сосѣдняго продавца и помогаетъ своему господину сбывать товаръ, — иными словами, вербовать послѣдователей. Принявъ это направленіе, изящная литература, разумѣется, должна была сдѣлаться одностороннею. Вмѣсто того, чтобы изображать предметы въ ихъ истинѣ, какъ они есть, она стала изображать ихъ такъ, какъ выгоднѣе для ея цѣли. Это не грѣхъ. Адвокатъ обвинителя принимаетъ на себя обязанность своего званія — поддерживать обвиненіе во что бы ни стало; адвокатъ обвиненнаго, наоборотъ, умышленно клонитъ обстоятельства дѣла къ оправданію своего кліента. Грѣхъ заключается только въ томъ, что повѣствователь хитритъ, выдавая себя за повѣствователя, а не за адвоката, и что художественная форма въ этомъ случаѣ нѣчто въ родѣ подкупа. Возникнувъ среди споровъ и подъ ихъ вліяніемъ, изящная литература должна была отказаться отъ спокойнаго созерцанія жизни (которое, замѣтимъ мимоходомъ, вовсе не тождественно съ равнодушіемъ) и принять въ себя какъ основное двигательное начало — одушевленіе страсти, какъ цѣль — возбужденіе страсти. Въ этомъ главная ея вина, ибо страсть оскверняетъ все то, во что ее вмѣшиваютъ: зло, уничтоженное по внушенію страсти, переживаетъ себя и укрывается съ правомъ воскреснуть въ томъ самомъ побужденіи, которое его сокрушило: дѣло само по себѣ доброе, но задуманное и совершенное подъ ея вліяніемъ, уже тѣмъ самымъ принимаетъ на себя начало порчи, которое неминуемо отзовется въ его послѣдствіяхъ. Наконецъ, новѣйшая литература вполнѣ отступилась отъ слишкомъ докучливой добросовѣстности. Почему, напримѣръ, не разсказать подробно одних преступленій такого-то человѣка, умолчавъ или упомянувъ слегка о его добрыхъ дѣлахъ? — вѣдь этотъ человѣкъ, очевидно, вреденъ, и гибель его принесетъ

пользу. Почему не преувеличить пагубныхъ послѣдствій такого-то учрежденія?—вѣдь оно не должно оставаться. Почему не оклеветать мерзавца, не идеализировать честнаго человѣка, почему не очернить настоящаго и не выставить въ соблазнительномъ свѣтѣ предполагаемой будущности? — вѣдь все это съ доброю цѣлью, а цѣль... Впрочемъ, новѣйшая литература ненавидитъ іезуитовъ и не имѣетъ съ ними ничего общаго. Мы никакъ не хотимъ сказать, чтобы всѣ исчисленные недостатки встрѣчались въ каждомъ изъ писателей, принадлежащихъ къ новѣйшей школѣ Французскихъ повѣствователей, ни даже, чтобы въ какомъ-либо изъ нихъ они преобладали надъ лучшими свойствами. Мы думаемъ, что литература не могла избѣгнуть ихъ вслѣдствіе односторонности, въ которую вовлекъ ее законъ историческаго развитія Франціи — черезъ отрицаніе крайностей. Отстранивъ теперь все, что свойственно одной Франціи и что не можетъ повториться въ иной землѣ, мы удержимъ общій характеръ направленія, который отразился и въ нашей литературѣ по той самой причинѣ, по которой отражался въ ней когда-то Французскій классицизмъ, а послѣ него, Французскій романтизмъ. Повторяемъ опять: это клевета на дѣйствительность, въ смыслѣ преувеличенія темныхъ ея сторонъ, допущенная для поощренія къ совершенствованію,—стремленіе въ основѣ своей благородное, похвальное, но сознанное ложно и потому безплодное.

Несмотря на очевидную зависимость натурализма отъ Французской литературы, онъ, разумѣется, во многомъ непохожъ на нее. Вопервыхъ, какъ сказали мы выше, содержаніе онъ имѣетъ свое, національное, разработанное Гоголемъ. У насъ являются чиновники, помѣщики и мужики, а не капиталисты, іезуиты и адвокаты: темныя стороны дѣйствительности, изображаемыя въ нашихъ повѣстяхъ, какъ господствующія свойства лицъ національныхъ, тоже принадлежатъ намъ. Во Франціи выставляется: бѣдность, доводящая до разврата и отчаянія, благопристойная жестокость привилегированныхъ богачей, предательство и подкупы въ сферѣ политики, внутренняя неправда формальной законности; у насъ: безпечность, застой, лѣнь, предразсудки, пошлость, невѣжество, пренебре-

женіе къ законности, и т. д. У насъ содержаніе ограниченнѣе и однообразнѣе, и не мудрено: Французскіе писатели берутъ его прямо изъ жизни, а наши у одного Гоголя; они умѣютъ видѣть только то, что показалъ, описалъ и назвалъ по имени Гоголь. Бытъ чиновничій, кажется, уже почти исчерпанъ; теперь въ модѣ бытъ провинціальный, деревенскій и городской. Лица, въ немъ дѣйствующія, съ точки зрѣнія нашихъ нравоописателей, подводятся подъ два разряда: бьющихъ и ругающихъ, битыхъ и ругаемыхъ; побои и брань составляютъ какъ бы общую основу, на которой блѣдными красками набрасывается слегка пошлый узоръ любовной интриги.

Лица, принадлежащія къ первому разряду и дѣйствующія наступательно на второй классъ, также дерутся между собою, хотя рѣдко; но ругаются безпрерывно, особенно мужья съ женами, впрочемъ утонченнѣе, не такъ грубо, какъ въ соприкосновеніи ихъ съ лицами втораго разряда. Въ первомъ случаѣ брань принимаетъ характеръ поученія и наставленія. При этомъ соблюдается, чтобы лицо, выводимое на сцену, въ ту самую минуту когда оно начинаетъ браниться, или заноситъ руку, непремѣнно заговаривало о безнравственности нынѣшняго общества, о святой старинѣ и о семейныхъ обязанностяхъ. Это производитъ особенно пріятный эффектъ. Къ требованіямъ натуральной школы, строго соблюдаемымъ, принадлежитъ также отчетливое описаніе мѣстности и одежды: форма мебели, пятна на стѣнахъ, прорѣхи на обояхъ должны быть подробно перечислены, какъ въ образцовой инвентарной описи. Наконецъ, всякій разъ, когда дѣйствующія лица садятся пить чай, или обѣдать, или ужинать, или ложатся спать, должно ставить о томъ читателя въ извѣстность, а также о числѣ выкуриваемыхъ трубокъ. Такимъ образомъ достигается двойная цѣль: вопервыхъ, одна половина дѣйствительности изображается въ ея истинѣ, вовторыхъ, причиняется огорченіе и досада плаксивому романтику. Справедливость требуетъ замѣтить, что тѣми же средствами достигается еще побочная цѣль, а именно: наводится нестерпимая скука на читателя; но это небольшая бѣда.

Второй разрядъ дѣйствующихъ лицъ, то-есть объекты по-

способностей. Конечно, заимствованіе само по себѣ не только безвредно, даже необходимо; бѣда въ томъ, что заимствованная мысль, какъ бы искренно и страстно онъ ни предавался ей, все-таки остается для него чужою: онъ не успѣваетъ претворить ее въ свое достояніе, усвоить себѣ глубоко, и къ несчастію усвоиваетъ настолько, что не имѣетъ надобности мыслить самостоятельно.

Этимъ объясняется необыкновенная легкость, съ которою онъ мѣняетъ свои точки зрѣнія и мѣняетъ безплодно для самого себя, потому что причина перемѣнъ — не въ немъ, а внѣ его. Этимъ же объясняется его исключительность и отсутствіе терпимости къ противоположнымъ мнѣніямъ; ибо кто принимаетъ мысль на вѣру, легко и безъ борьбы, тотъ думаетъ такъ же легко навязать ее другимъ и рѣдко признаетъ въ нихъ разумность сопротивленія, котораго не находилъ въ себѣ. Наконецъ, въ этой же способности увлекаться чужимъ заключается объясненіе его необыкновенной плодовитости. Собственный запасъ убѣжденій вырабатывается медленно; но когда этотъ запасъ берется уже подготовленный другими, въ немъ никогда не можетъ быть недостатка. Разумѣется, при такого рода дѣятельности, талантъ писателя не можетъ возрастать.

Въ статьѣ г. Бѣлинскаго, помѣщенной въ первомъ нумерѣ „Современника“, говорится о многомъ: въ ней повторяются варіаціи на старую тему объ отношеніи русской литературы къ обществу, о непрерывномъ законѣ ея развитія при внѣшней безсвязности ея явленій; тутъ же, мимоходомъ, рѣшаются нѣкоторые изъ труднѣйшихъ философическихъ вопросовъ, напримѣръ: объ отношеніи случайности къ необходимости, о значеніи личности и національности и т. д.; но, по всему видно, что любимая тема г. Бѣлинскаго въ настоящую минуту есть восхваленіе новой литературной школы, для которой петербургскіе журналы придумали названіе натуральной. Въ той же статьѣ помѣщена характеристика направленія славянофиловъ или старовѣровъ, писанная съ претензіею на безпристрастіе, которая дѣлаетъ честь ея автору.

Начнемъ съ натурализма. Петербургскіе журналы подняли знамя и провозгласили явленіе новой литературной школы,

по ихъ мнѣнію, совершенно самостоятельной. Они выводятъ ее изо всего прошедшаго развитія нашей литературы и видятъ въ ней отвѣтъ на современныя потребности нашего общества. Происхожденіе натурализма, кажется, объясняется гораздо проще; нѣтъ нужды придумывать для него родословной, когда на немъ лежатъ ясные признаки тѣхъ вліяній, которымъ онъ обязанъ своимъ существованіемъ.

Матеріалъ данъ Гоголемъ или, лучше, взятъ у него: это пошлая сторона нашей дѣйствительности. Гоголь первый дерзнулъ ввести изображеніе пошлаго въ область художества. На то нуженъ былъ его геній. Въ этотъ глухой, безцвѣтный міръ, безъ грома и безъ потрясеній, неподвижный и ровный какъ бездонное болото, медленно и безвозвратно втягивающее въ себя все живое и свѣжее, въ этотъ міръ высоко-поэтическій самымъ отсутствіемъ всего идеальнаго, онъ первый опустился какъ рудокопъ, почуявшій подъ землею еще нетронутую силу. Съ его стороны это было не одно счастливое внушеніе художественнаго инстинкта, но сознательный подвигъ цѣлой жизни, выраженіе личной потребности внутренняго очищенія. Подъ изображеніемъ дѣйствительности поразительно - истиннымъ скрывалась душевная, скорбная исповѣдь. Отъ этого произошла односторонность содержанія его послѣднихъ произведеній, которыхъ однако нельзя назвать односторонними именно потому, что вмѣстѣ съ содержаніемъ художникъ передаетъ свою мысль, свое побужденіе. Оно такъ необходимо для полноты впечатлѣнія, такъ нераздѣльно съ художественнымъ достоинствомъ его произведеній, что литературный подвигъ Гоголя только въ этомъ смыслѣ и могъ совершиться. Ни страсть къ наблюденіямъ, ни благородное негодованіе на пороки и вообще никакое побужденіе, какъ бы съ виду оно ни было безкорыстно, но допускающее въ душѣ художника чувство личнаго превосходства, не дало бы на него ни права, ни силъ. Нужно было породниться душею съ тою жизнью и съ тѣми людьми, отъ которыхъ отворачиваются съ презрѣніемъ, нужно было почувствовать въ себѣ самомъ ихъ слабости, пороки и пошлость, чтобы въ нихъ же почувствовать присутствіе человѣческаго; и только это одно могло дать право на обличеніе.

Кто съ этимъ несогласенъ, или кто иначе понимаетъ внутренній смыслъ произведеній Гоголя, съ тѣмъ мы не можемъ спорить,—это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые рѣшаются безъ аппеляціи въ глубинѣ сознанія. Натуральная школа переняла у Гоголя только его односторонность, то-есть взяла у него одно содержаніе; она даже не прибавила къ нему ни лепты: Гоголь изобразилъ пошлое въ жизни чиновниковъ и помѣщиковъ, натуральная школа осталась при тѣхъ же чиновникахъ и помѣщикахъ. Заимствованіе содержанія, способа изображенія, стиля, до такой степени очевидно, что его не нужно и доказывать. Нѣтъ такого пріема, такой фразы, свойственной Гоголю, подъ которую бы нельзя было подвести тысячи поддѣлокъ. Вотъ ходь одинъ примѣръ. Гоголь подмѣтилъ обыкновеніе лицъ, живущихъ въ тѣсномъ кругу, въ мелочныхъ и однообразныхъ заботахъ, опредѣлять людей, знакомыхъ и незнакомыхъ, по случайнымъ признакамъ, напримѣръ по бородавкѣ на носу, по цвѣту жилета и т. п. Кто не встрѣчалъ того же самаго пріема въ десяткахъ повѣстей, украшавшихъ въ послѣднихъ годахъ Петербургскіе журналы? Мы не хотимъ этимъ сказать, что натуральная школа переняла личную манеру Гоголя, но что подражаніе распространено даже на манеру. Итакъ, вотъ откуда взятъ матеріалъ.

Направленіе заимствовано у новѣйшей Французской литературы: это каррикатура и клевета на дѣйствительность, понятая какъ исправительное средство. Въ то самое время, когда во Франціи соціальные вопросы выдвинулись на первый планъ, оставивъ за собою интересы политическіе, изящная литература, недавно предъявлявшая громкія притязанія подъ знаменемъ романтизма, потеряла всякую самостоятельность. Участіе къ искусству охладѣло; теперь новое произведеніе обращаетъ на себя вниманіе и оцѣнивается не по художественному его достоинству, а по тому, насколько оно подвигаетъ тотъ или другой общественный вопросъ, и чего можно ожидать отъ предлагаемаго разрѣшенія: пользы или вреда. Сожалѣть объ этомъ незачѣмъ уже потому, что во Франціи, несмотря на претензіи романтизма, искусство, на самомъ дѣлѣ, никогда не было и врядъ ли когда-либо будетъ самостоятельно. Изящная литература поступила на службу

соціальныхъ школъ. На долю ея досталось быть вѣчно насторожѣ современныхъ движеній, ловить въ нихъ доказательства въ пользу одного ученія, опроверженія противъ другаго, и облекать доводы и возраженія въ заманчивые и ужасающіе образы. Такимъ образомъ, опа, какъ ловкій прикащикъ поддѣлываясь подъ вкусъ публики и соблазняя ее яркими вывѣсками, заманиваетъ къ себѣ въ лавку толпу покупателей, отбиваетъ ихъ отъ сосѣдняго продавца и помогаетъ своему господину сбывать товаръ, — иными словами, вербовать послѣдователей. Принявъ это направленіе, изящная литература, разумѣется, должна была сдѣлаться одностороннею. Вмѣсто того, чтобы изображать предметы въ ихъ истинѣ, какъ они есть, она стала изображать ихъ такъ, какъ выгоднѣе для ея цѣли. Это не грѣхъ. Адвокатъ обвинителя принимаетъ на себя обязанность своего званія — поддерживать обвиненіе во что бы ни стало; адвокатъ обвиненнаго, наоборотъ, умышленно клонитъ обстоятельства дѣла къ оправданію своего кліента. Грѣхъ заключается только въ томъ, что повѣствователь хитритъ, выдавая себя за повѣствователя, а не за адвоката, и что художественная форма въ этомъ случаѣ нѣчто въ родѣ подкупа. Возникнувъ среди споровъ и подъ ихъ вліяніемъ, изящная литература должна была отказаться отъ спокойнаго созерцанія жизни (которое, замѣ) тимъ мимоходомъ, вовсе не тождественно съ равнодушіемъ- и принять въ себя какъ основное двигательное начало – одушевленіе страсти, какъ цѣль—возбужденіе страсти. Въ этомъ главная ея вина, ибо страсть оскверняетъ все то, во что ее вмѣшиваютъ: зло, уничтоженное по внушенію страсти, переживаетъ себя и укрывается съ правомъ воскреснуть въ томъ самомъ побужденіи, которое его сокрушило: дѣло само по себѣ доброе, но задуманное и совершенное подъ ея вліяніемъ, уже тѣмъ самымъ принимаетъ на себя начало порчи, которое неминуемо отзовется въ его послѣдствіяхъ. Наконецъ, новѣйшая литература вполнѣ отступилась отъ слишкомъ докучливой добросовѣстности. Почему, напримѣръ, не разсказать подробно однихъ преступленій такого-то человѣка, умолчавъ или упомянувъ слегка о его добрыхъ дѣлахъ? — вѣдь этотъ человѣкъ, очевидно, вреденъ, и гибель его принесетъ

пользу. Почему не преувеличить пагубныхъ послѣдствій такого-то учрежденія?—вѣдь оно не должно оставаться. Почему не оклеветать мерзавца, не идеализировать честнаго человѣка, почему не очернить настоящаго и не выставить въ соблазнительномъ свѣтѣ предполагаемой будущности? — вѣдь все это съ доброю цѣлью, а цѣль... Впрочемъ, новѣйшая литература ненавидитъ іезуитовъ и не имѣетъ съ ними ничего общаго. Мы никакъ не хотимъ сказать, чтобы всѣ исчисленные недостатки встрѣчались въ каждомъ изъ писателей, принадлежащихъ къ новѣйшей школѣ Французскихъ повѣствователей, ни даже, чтобы въ какомъ-либо изъ нихъ они преобладали надъ лучшими свойствами. Мы думаемъ, что литература не могла избѣгнуть ихъ вслѣдствіе односторонности, въ которую вовлекъ ее законъ историческаго развитія Франціи — черезъ отрицаніе крайностей. Отстранивъ теперь все, что свойственно одной Франціи и что не можетъ повториться въ иной землѣ, мы удержимъ общій характеръ направленія, который отразился и въ нашей литературѣ по той самой причинѣ, по которой отражался въ ней когда-то Французскій классицизмъ, а послѣ него, Французскій романтизмъ. Повторяемъ опять: это клевета на дѣйствительность, въ смыслѣ преувеличенія темныхъ ея сторонъ, допущенная для поощренія къ совершенствованію,—стремленіе въ основѣ своей благородное, похвальное, но сознанное ложно и потому безплодное.

Несмотря на очевидную зависимость натурализма отъ Французской литературы, онъ, разумѣется, во многомъ непохожъ на нее. Вопервыхъ, какъ сказали мы выше, содержаніе онъ имѣетъ свое, національное, разработанное Гоголемъ. У насъ являются чиновники, помѣщики и мужики, а не капиталисты, іезуиты и адвокаты: темныя стороны дѣйствительности, изображаемыя въ нашихъ повѣстяхъ, какъ господствующія свойства лицъ національныхъ, тоже принадлежатъ намъ. Во Франціи выставляется: бѣдность, доводящая до разврата и отчаянія, благопристойная жестокость привилегированныхъ богачей, предательство и подкупы въ сферѣ политики, внутренняя неправда формальной законности; у насъ: безпечность, застой, лѣнь, предразсудки, пошлость, невѣжество, пренебре-

женіе къ законности, и т. д. У насъ содержаніе ограниченнѣе и однообразнѣе, и не мудрено: Французскіе писатели берутъ его прямо изъ жизни, а наши у одного Гоголя; они умѣютъ видѣть только то, что показалъ, описалъ и назвалъ по имени Гоголь. Бытъ чиновничій, кажется, уже почти исчерпанъ; теперь въ модѣ бытъ провинціальный, деревенскій и городской. Лица, въ немъ дѣйствующія, съ точки зрѣнія нашихъ нравоописателей, подводятся подъ два разряда: бьющихъ и ругающихъ, битыхъ и ругаемыхъ; побои и брань составляютъ какъ бы общую основу, на которой блѣдными красками набрасывается слегка пошлый узоръ любовной интриги.

Лица, принадлежащія къ первому разряду и дѣйствующія наступательно на второй классъ, также дерутся между собою, хотя рѣдко; но ругаются безпрерывно, особенно мужья съ женами, впрочемъ утонченнѣе, не такъ грубо, какъ въ соприкосновеніи ихъ съ лицами втораго разряда. Въ первомъ случаѣ брань принимаетъ характеръ поученія и наставленія. При этомъ соблюдается, чтобы лицо, выводимое на сцену, въ ту самую минуту когда оно начинаетъ браниться, или заноситъ руку, непремѣнно заговаривало о безнравственности нынѣшняго общества, о святой старинѣ и о семейныхъ обязанностяхъ. Это производитъ особенно пріятный эффектъ. Къ требованіямъ натуральной школы, строго соблюдаемымъ, принадлежитъ также отчетливое описаніе мѣстности и одежды: форма мебели, пятна на стѣнахъ, прорѣхи на обояхъ должны быть подробно перечислены, какъ въ образцовой инвентарной описи. Наконецъ, всякій разъ, когда дѣйствующія лица садятся пить чай, или обѣдать, или ужинать, или ложатся спать, должно ставить о томъ читателя въ извѣстность, а также о числѣ выкуриваемыхъ трубокъ. Такимъ образомъ достигается двойная цѣль: вопервыхъ, одна половина дѣйствительности изображается въ ея истинѣ, вовторыхъ, причиняется огорченіе и досада плаксивому романтику. Справедливость требуетъ замѣтить, что тѣми же средствами достигается еще побочная цѣль, а именно: наводится нестерпимая скука на читателя; но это небольшая бѣда.

Второй разрядъ дѣйствующихъ лицъ, то-есть объекты по-

боевъ и брани, обыкновенно занимаютъ второстепенное мѣсто, болѣе какъ цѣлая толпа, чѣмъ по одиночкѣ. Объ нихъ говорится слегка, потому что Гоголь до сихъ поръ еще мало разсказалъ про нихъ. Не менѣе того и они имѣютъ свою опредѣленную роль, которая состоитъ въ зѣваніи и въ почесываніи за затылкомъ или за спиною. Въ разговорѣ же они обыкновенно развиваютъ тему, пущенную въ ходъ Селифаномъ: почему мужика не посѣчь?—мужика посѣчь нужно...

Таковы главные элементы произведеній натуральной школы. Заглавія обыкновенно берутъ самыя простыя, но какъ можно общѣе, напримѣръ: помѣщикъ, помѣщица, село, родственники, и въ этомъ родѣ. Разумѣется, отъ этихъ формъ есть много отступленій; но здѣсь дѣло идетъ объ общихъ чертахъ, повторяющихся чаще другихъ. Извѣстно, что въ натуральной школѣ особенно хвалятъ не того или другаго писателя, не то или другое произведеніе, а именно то, что есть цѣлая школа, что пишутъ много и все въ одномъ родѣ. Отрицательное удобство этого рода заключается, вопервыхъ, въ томъ, что онъ не допускаетъ глубоко постигнутыхъ и рѣзко отмѣченныхъ личностей; личностей въ этомъ смыслѣ мы вовсе не находимъ: это — все типы, т.-е. имена собственныя съ отечествами: Аграфена Петровна, Мавра Терентьевна, Антонъ Никифоровичъ, и всѣ съ заплывшими глазами и отвислыми щеками. Второе достоинство то, что такъ какъ нѣтъ развитія личныхъ характеровъ, а интрига большею частью завязывается слабымъ узломъ, то всякій разсказъ можно на любомъ мѣстѣ прервать и также тянуть до безконечности. Само собою разумѣется, что надъ всѣмъ этимъ должна парить незримая личность писателя, снисходящаго до изображенія пошлаго, съ высокою цѣлью пробудить сознаніе и спасительный ужасъ нравственнаго застоя. Онъ повидимому равнодушно, даже какъ будто бы охотно, опускается въ этотъ жалкій кругъ. Но неужели вы лишены проницательности и не чувствуете, какъ глубоко уязвляетъ его душу соприкосновеніе съ грубымъ и пошлымъ, и какая потребна энергія, чтобы столько душевныхъ мукъ затаить подъ мнимою безпечностью?

Другое различіе между французскими и нашими повѣство-

вателями заключается въ томъ, что первые менѣе односторонни, чѣмъ вторые, по крайней мѣрѣ боятся впасть въ односторонность. Эта боязнь совершенно чужда натуральной школѣ. Перебирая послѣдніе романы, изданные во Франціи съ притязаніемъ на соціальное значеніе, мы не находимъ ни одного, въ которомъ бы выставлены были одни пороки и темныя стороны общества. Напротивъ, вездѣ, въ противоположность извергамъ, негодяямъ, плутамъ и ханжамъ, изображаются лица принадлежащія къ однимъ сословіямъ и занимающія въ обществѣ одинаковое положеніе съ первыми, но честныя, благородныя, щедрыя и набожныя. Говорятъ, что типы честныхъ людей удаются хуже, чѣмъ типы негодяевъ: это отчасти справедливо; но еще справедливѣе то, что ни тѣ ни другіе не имѣютъ художественнаго достоинства, пишутся не съ художественною цѣлью, а потому должно судить о нихъ не по выполненію, а по намѣренію. Намѣреніе очевидно: это желаніе отличить злоупотребленія отъ принципа, боязнь излишнимъ обобщеніемъ обвиненій наклепать на невинныхъ и чрезъ это потерять довѣріе или даже возбудить негодованіе. Конечно, большею частью, односторонность беретъ свое, и доброе намѣреніе не выполняется; но все же оно видно, и это важно. Кругъ обвиненныхъ широкъ, но оставляется мѣсто и для оправданныхъ; тѣ и другіе заключаются въ одной народной средѣ; въ ней—недугъ, въ ней же и врачеваніе, а не внѣ ея. На это нельзя не обратить вниманія, потому что въ этомъ выражается чувство уваженія къ своему народу, сознаніе его нравственнаго достоинства, ограничивающее антипатіи писателей. Свободное ли это ограниченіе или вынужденное общественнымъ мнѣніемъ (второе было бы еще важнѣе), намъ все равно; дѣло въ томъ, что оно заставляетъ предполагать, что и въ новѣйшей Франціи есть много людей карамзинскаго періода, которыми не пренебрегаютъ. Наши повѣствователи, какъ сказли мы, не изображаютъ ни убійцъ, ни воровъ, ни предателей: они изображаютъ людей гнусныхъ и пошлыхъ, но за то, въ той средѣ, которую они избрали въ жертву своего юмора и благороднаго негодованія, другаго рода людей они не допускаютъ; а эта среда обнимаетъ ни болѣе ни менѣе какъ провинціальный бытъ: помѣ-

щиковъ и крестьянъ. Такимъ образомъ все одно да одно — брань, побои, обжорство и сплетни. Это, наконецъ, навело бы отчаяніе вовсе неспасительное для нашего общества, еслибы не наводило скуки, предохраняющей отъ всякаго инаго впечатлѣнія. Односторонность французскихъ писателей, имѣющая предѣлы, объясняется характеромъ общества, въ которомъ они живутъ, ожесточеніемъ партій, одушевленіемъ страсти. У насъ нѣтъ партій, нѣтъ ожесточенія; въ писателяхъ нашихъ вовсе нѣтъ ни злобы, ни страсти. Почему же они впали въ односторонность неограниченную? — Именно потому, что у насъ односторонность невинна и безопасна, что самое направленіе есть плодъ подражанія, а не дѣйствительныхъ потребностей общества, и потому забавляетъ его или наводитъ на него скуку, не задѣвая за живое. Общество это чувствуетъ; кажется, что чувствуютъ и повѣствователи. Почему въ самомъ дѣлѣ не пострѣлять холостыми зарядами? Еслибы въ ружьѣ была пуля, тогда бы, конечно, не стали палить изъ него наудачу... Впрочемъ, натурализмъ можетъ имѣть одну вредную сторону. Объяснимся.

Замѣчательно, что французскіе писатели, начиная съ первоклассныхъ и до поставщиковъ повѣстей, обличаютъ общество, часто клевещутъ на него, но почти всегда щадятъ простой народъ и заступаются за него (удачно или нѣтъ — это другой вопросъ, уже устраненный нами). Они полагаютъ, что творческое начало—въ народѣ; что жизнь общественная обновляется приливомъ силъ, въ немъ заключенныхъ; что преобразованія въ учрежденіяхъ тогда только возможны, когда требованіе ихъ, болѣе или менѣе ясно сознанное, идетъ отъ народа, когда понятія его шире и выше юридическихъ формъ. Поэтому очень понятно, что люди прогресса указываютъ на высокія качества народа, можетъ быть, преувеличиваютъ ихъ. Ко всему этому присоединяется естественное чувство справедливости: народъ всегда и вездѣ менѣе виновенъ, чѣмъ другія сословія, и всегда долѣе и тяжеле другихъ искупаетъ каждую вину, свою и чужую.

Но должно сознаться, что въ этомъ отношеніи натуральная школа худо понимаетъ свой образецъ. На ней лежитъ тяжелый упрекъ: она не обнаружила никакого сочувствія

къ народу, она такъ же легкомысленно клевещетъ на него, какъ и на общество. Подъ обществомъ мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ тотъ классъ людей, которые выписываютъ и читаютъ журналы; пусть имъ посылаютъ ежемѣсячно каррикатуры, писанныя на нихъ же; въ этомъ нѣтъ бѣды,—они сами будутъ судить о сходствѣ. Но народъ безгласенъ; народъ не знаетъ, что̀ про него пишутъ; народъ не самъ себя судитъ,—судятъ о немъ другіе, и потому намъ кажется, что можно бы и не чернить его заочно. Мы твердо увѣрены, что наши нравоописатели никому не захотятъ уступить въ любви къ нему и въ искреннемъ желаніи услужить ему; тоже самое и они должны предполагать въ читателяхъ. Что̀-жъ выиграетъ нашъ народъ, если, отъ частаго повторенія одного и того же, читатели наконецъ увѣрятся, что вся жизнь его ограничивается лежаніемъ на печи, почесываніемъ за спиною и восхваленіемъ благодѣтельнаго учрежденія розогъ? Если онъ дѣйствительно таковъ, какимъ его изображаютъ, то образованный классъ жестоко ошибается на его счетъ, ставя его въ своемъ мнѣніи не слишкомъ низко, а напротивъ черезчуръ высо̀ко. Неужели это правда? Безчеловѣчное обращеніе съ народомъ часто оправдываютъ его мнимою безчувственностью; на предположенія объ улучшеніи его быта возражаютъ его неспособностью оцѣнить ихъ и воспользоваться ими... Хорошо ли поддерживать это убѣжденіе, будь оно искренне или притворное? Хорошо ли, клеймя позоромъ возмутительные обычаи, въ тоже время усердно снабжать предлогами къ ихъ извиненію? За это, можетъ быть, и скажутъ спасибо, да не тѣ, отъ которыхъ пріятно получить его. Мы готовы признать такое употребленіе понятій, распространяемыхъ натуральною школою, злонамѣреннымъ: мы знаемъ, что это не прямое, а косвенное, непредвидѣнное послѣдствіе ихъ,—не менѣе того оно неизбѣжно; а прямыхъ, благодѣтельныхъ послѣдствій, искупающихъ возможныя злоупотребленія, къ сожалѣнію, отъ него нельзя ожидать.

Стоитъ оглянуться кругомъ, чтобы понять слабую сторону нашихъ отношеній къ народу. Мы не питаемъ къ нему наслѣдственнаго, историческаго презрѣнія, съ которымъ смотрѣла на него средневѣковая аристократія; мы не заражены

расчетливымъ эгоизмомъ и пристрастіемъ къ формальной законности, какъ среднее сословіе западное; въ отвѣтъ на стонъ голодныхъ мы не сошлемся на мертвую букву. Мы разлучены съ народомъ, но не потому, чтобы мы преднамѣренно отдѣлили свои интересы отъ его блага, но потому, что была минута въ нашей исторіи, когда благо всей земли потребовало разлученія, какъ всенародной жертвы. Оно было временнымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ петровской реформы; оно есть зло въ настоящемъ, но въ основѣ своей не было никогда преступленіемъ. Теперь оно поддерживается незнаніемъ, а не умышленнымъ отверженіемъ; мы не понимаемъ народа и потому-то мало ему довѣряемъ; незнаніе— вотъ источникъ нашихъ заблужденій. Мы должны узнать народъ, а чтобъ узнать, и прежде чѣмъ узнать, мы должны любить его. Сближеніе съ народомъ, можетъ быть, еще болѣе необходимо для образованнаго класса, чѣмъ для самого народа. Во всѣхъ странахъ міра кругъ образованности, пріобрѣтаемой ученіемъ въ городскомъ быту, съ каждымъ днемъ стѣсняется и мелѣетъ. Вездѣ знаніе логическое, которому подножіемъ служитъ отрицаніе непосредствнности и сознанія жизненнаго, отказываетъ человѣку въ удовлетвореніи духовныхъ потребностей, самыхъ высокихъ и вмѣстѣ самыхъ простыхъ: онъ не находитъ въ немъ ни живыхъ побужденій къ дѣятельности, ни нормы для своей внутренней жизни. Потерявъ всякую власть надъ самимъ собою, онъ начинаетъ вспоминать и жалѣть о другомъ источникѣ знанія и жизни, когда-то ему доступномъ, но къ которому тропа для него потеряна; онъ ищетъ, проситъ чего-то, чего не дадутъ ему ни книги, ни комфортъ жизни, и что въ простотѣ своей предугадываютъ дѣти и постигаетъ народъ. Народъ сохранилъ въ себѣ какое-то здравое сознаніе равновѣсія между субъективными требованіями и правами дѣйствительности, сознаніе заглушенное въ насъ одностороннимъ развитіемъ личности; назидательные уроки жизни доходятъ прямо и безпрепятственно до его неотуманеннаго разума; ему доступенъ смыслъ страданія и даръ самопожертвованія. Все это не преподается и не покупается, а сообщается непосредственно отъ имущаго неимущему. Усвоивая себѣ жизнь народную и внося въ нее

свое знаніе и свой опытъ, образованный классъ не останется въ накладѣ,—онъ получитъ многое взамѣнъ. Впрочемъ, съ какой бы точки ни смотрѣли на отношенія двухъ разлученныхъ другъ отъ друга половинъ нашего общественнаго состава, нѣтъ сомнѣнія, что сближеніе необходимо, что первый шагъ должно сдѣлать высшее сословіе и что его должна внушить любовь. Вмѣсто того, вы твердите читателямъ, что лучшая часть общества есть та, для которой иностранный костюмъ нашъ сдѣлался народнымъ; какъ будто эта часть общества слишкомъ низко себя цѣнитъ и нуждается въ ободреніи? Вы увѣряете, что для нея одной, для ея образованія, совершилось наше прошедшее; въ ея тѣсныхъ предѣлахъ вы заключаете всѣ результаты нашего историческаго развитія и всѣ зародыши будущаго; какъ будто и безъ васъ не довольно тверда преграда самодовольныхъ предубѣжденій, отдѣляющихъ ее отъ народа? Будьте же судьями надъ самими собою. Представьте себѣ читателя, принявшаго за правду ваши разсказы о мужикахъ: захочетъ ли онъ ѣхать въ вашу деревню, и если поѣдетъ, то какими глазами онъ будетъ смотрѣть на ея жителей, въ которыхъ предубѣжденный взоръ иностранца видитъ благородный образъ человѣка, а вы показываете нравственнаго урода? Во имя какой мнимой истины вы затемняете свѣтлыя стороны деревенской жизни и отрицаете въ простомъ народѣ всѣ добрыя свойства, которыя могли бы привлечь къ нему уваженіе и сочувствіе? Какимъ же образомъ вашъ читатель породнится съ нимъ? Ужъ не думаете ли вы, что ужасъ и состраданіе, съ которыми здоровый смотритъ на больнаго, можетъ замѣнить сочувствіе?... Повторяемъ опять, никто не въ правѣ заподозрѣвать намѣренія: мы вѣримъ, что оно чисто и благородно; но средство не годится, и путь слишкомъ хитеръ. Никогда повѣствователи французскіе не доходили до такой крайности; не менѣе того и противъ нихъ поднялся краснорѣчивый голосъ писателя, въ искренности котораго вы не будете сомнѣваться. Мы приводимъ здѣсь слова Ж. Занда изъ предисловія къ „Чертовой Лужѣ“, слова сами по себѣ замѣчательныя и которыя нетрудно приложить къ нашей литературѣ: „Certains artistes de notre temps, jetant un regard sérieux sur ce qui les entoure,

s'attachent à peindre la douleur, l'abjection de la misère, le fumier de Lazare. Ceci peut être du domaine de l'art et de la philosophie; mais en peignant la misère si laide, si avilie, parfois si vicieuse et si criminelle, leur but est-il atteint, et l'effet en est-il salutaire, comme ils le voudraient? Nous n'osons pas nous prononcer la-dessus. On peut nous dire qu'en montrant ce gouffre creusé sous le sol fragile de l'opulence, ils effrayent le mauvais riche, comme, au temps de la danse Macabre, on lui montrait sa fosse béante et la mort prête à l'enlacer dans ses bras immondes. Aujourd'hui on lui montre le bandit crochetant sa porte et l'assassin guettant son sommeil. Nous confessons que nous ne comprenons pas trop, comment on le réconciliera avec l'humanité qu'il méprise, comment on le rendra sensible aux douleurs du pauvre qu'il redoute, en lui montrant ce pauvre sous la forme du forçat évadé et du rodeur de nuit. L'affreuse mort, grinçant des dents et jouant du violon dans les images d'Holbein et de ses devanciers, n'a pas trouvé moyen sous cet aspect, de convertir les pervers et de consoler les victimes. Est-ce que notre littérature ne procéderait pas un peu en ceci comme les artistes du moyen âge et de la renaissance?... Dans cette littérature de mystères et d'iniquité, que le talent et l'imagination ont mise à la mode, nous aimons mieux les figures douces et suaves, que les scélérats à effet dramatique. Celles-là peuvent entreprendre et amener des conversions, les autres font peur, et la peur ne guérit pas l'égoisme, elle l'augmente....“

И такъ, натуральная школа обязана происхожденіемъ своимъ Гоголю, съ которымъ она имѣетъ общаго только содержаніе, у него заимствованное, и вліянію новѣйшей французской литературы. Она основана на двойномъ подражаніи, слѣдовательно лишена всякой самостоятельности, и такъ же далека отъ дѣйствительности, какъ и покойный романтизмъ. Ея вліяніе безвредно, потому что ничтожно. Неподдержанная ни однимъ сильнымъ талантомъ, она должна исчезнуть такъ же скоро и случайно, какъ она возникла, какъ составлялись и исчезали на нашей памяти многіе литературные кружки. И тогда тотъ самый критикъ, который пророчитъ ей долгую жизнь, отзовется о ней съ тѣмъ самымъ пренебреженіемъ, съ какимъ когда то онъ говорилъ о классицизмѣ, съ какимъ

теперь издѣвается надъ романтизмомъ. Онъ будетъ правъ отчасти, если и невѣренъ самому себѣ; ибо классицизмъ, романтизмъ и натурализмъ не на нашей почвѣ выросли и не ее оплодотворятъ; живая струя нашего развитія протекаетъ въ сторонѣ отъ нихъ; они только отражаются на ея поверхности. Замѣчательно, что чѣмъ далѣе, тѣмъ это отраженіе слабѣе: геній Ломоносова и Державина роптал подъ гнетомъ классицизма; романтизмъ имѣлъ сильное вліяніе на Жуковскаго и на первый періодъ Пушкина; а натурализму не поддался ни одинъ, даже второклассный, талантъ.

Представивъ свое мнѣніе о натурализмѣ, мы не станемъ опровергать мнѣнія г. Бѣлинскаго; пусть разсудятъ читатели. Приступаемъ къ той части его статьи, которая для насъ особенно интересна: къ сужденію о такъ называемой партіи славянофильской. Происхожденіе ея критикъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а до-Петровская Русь лучше Россіи новой. Вотъ источникъ славянофильства". Коротко и ясно; но вѣрно ли?

Сравненіе Іоанна III съ Петромъ встрѣчается у Карамзина въ томѣ VI, гл. 7-й. Вотъ начало этого мѣста: „Новѣйшіе историки замѣчаютъ въ Іоаннѣ разительное сходство съ Петромъ Первымъ; оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ" и пр. Далѣе: „*Не здѣсь, но въ исторіи Петра* должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества" И такъ, сравненіе и сужденіе отложено; нечего искать его; здѣсь же показаны только нѣкоторыя различія въ цѣляхъ и образѣ дѣйствія; напримѣръ: „не видимъ, чтобы Іоаннъ пекся о просвѣщеніи умовъ науками... онъ хотѣлъ единственно великолѣпія, силы", и конечно никто въ этихъ словахъ не увидитъ предпочтеніи въ пользу Іоанна, а простое указаніе различія, объясняемаго различными потребностями двухъ царствованій, раздѣленныхъ двумя вѣками. Въ томъ же мѣстѣ Карамзинъ говоритъ, что Іоаннъ ввелъ Россію въ государственную систему Европы и заимствовалъ искусства у „образованныхъ народовъ, но не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; принималъ

только тѣхъ иностранцевъ, отъ которыхъ ожидалъ пользы въ дѣлѣ художествъ, ремеслъ, торговли и политики, и оказывалъ имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію своего народа... Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ Императора; Іоаннъ гордился древнимъ именемъ Великаго Князя". Здѣсь дѣйствительно проглядываетъ предпочтеніе; но не должно забывать, что Карамзинъ писалъ въ такую эпоху, когда слишкомъ худо знали и мало цѣнили старину, когда, подъ вліяніемъ сужденія иностранцевъ, у насъ возводили государственное величіе Россіи не выше Петра. Карамзинъ во многихъ случаяхъ писалъ въ виду современнаго предубѣжденія. Наконецъ, если бы даже изъ одного этого мѣста мы захотѣли вывести образъ мыслей Карамзина о предметѣ, о которомъ онъ не сказалъ рѣшительнаго слова, то все, что мы имѣли бы право приписать ему, заключалось бы въ слѣдующемъ: Іоаннъ III уберегся отъ нѣкоторыхъ крайностей, въ которыя вовлеченъ былъ Петръ I пристрастіемъ къ иностранцамъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Іоаннъ III былъ выше Петра, и въ правѣ ли былъ критикъ говорить объ этомъ, какъ о дѣлѣ извѣстномъ? Во всякомъ случаѣ, мысль Карамзина заключала бы въ себѣ не болѣе, какъ сужденіе о сравнительномъ достоинствѣ двухъ личностей—и только. Самое сужденіе можетъ быть справедливо и ошибочно, но никакъ не можетъ быть распространено на двѣ различныя эпохи, еще менѣе служить источникомъ какой-либо системы.

Второе мнѣніе, приписанное Карамзину, еще страннѣе. Вопервыхъ, что значитъ слово *лучше?* Думалъ ли напримѣръ Карамзинъ, что русское государство до Петра было стройнѣе и могущественнѣе; или что учрежденія Іоанна IV и Бориса Годунова были лучше учрежденій Екатерины; или что войско, разбитое при Калкѣ, было лучше войска, одержавшаго Полтавскую побѣду? Вѣдь это также вещи *хорошія.* Но, можетъ быть, онъ думалъ, что до Петра высшія сословія связаны были съ нисшими тѣснѣе, чѣмъ послѣ реформы; что общество было цѣльнѣе и тверже въ своихъ убѣжденіяхъ? Вѣдь и цѣльность общества и твердость убѣжденій вещи *не дурныя.* Чтожъ наконецъ, по вашему мнѣнію, думалъ Карамзинъ?

Слово *лучше* имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы Карамзинъ сказалъ гдѣ нибудь, что реформою Петра Россія ничего не выиграла или потеряла существенное, получивъ взамѣнъ излишнее, что вообще реформа была шагомъ назадъ. Но зачѣмъ гадать объ историческихъ убѣжденіяхъ Карамзина, когда ихъ можно извлечь изъ собственныхъ его словъ? Всякому, кто прочелъ „Отрывокъ о древней и новой Россіи“, извѣстно, что Карамзинъ видѣлъ въ Русской исторіи прогрессивный ходъ; что въ сближеніи древней до-Петровской Россіи съ Европою и въ заимствованіи отъ нея воинскихъ уставовъ, системы дипломатической, образа воспитанія или ученія, самаго свѣтскаго обхожденія — онъ видѣлъ торжество явной пользы, явнаго превосходства надъ старымъ навыкомъ (это подлинныя слова его, стр. XLV). Далѣе, перечисливъ всѣ личныя достоинства, всѣ подвиги Петра, все, чѣмъ обязана ему Россія, Карамзинъ сказалъ: „Но мы, Россіяне, имѣя передъ глазами свою исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и, что не менѣе важно, учредили твердое въ ней направленіе единовластное? Петръ нашелъ средства дѣлать великое. Князья Московскіе приготовляли оное“. Вотъ что думалъ Карамзинъ, и вотъ поясненіе сравненія Іоанна III съ Петромъ I. Наконецъ, Карамзинъ написалъ слѣдующія строки: „Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливѣйшихъ для Россіи, едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда“. Изъ какихъ же источниковъ извѣстно критику, что вь глазахъ Карамзина Русь до-Петровская была лучше новой?

Итакъ, Карамзину приписано мнѣніе, котораго онъ не имѣлъ и, слѣдовательно, не могъ передать славянофиламъ.

Начавъ съ двойного промаха, критикъ говоритъ; по разсмотрѣніи ближе причинъ, вызвавшихъ явленіе славянофильства нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто - отрицательныя, что она

вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которою обрекла себя... Положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ, мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что она говоритъ противъ гніющаго будто бы Запада (Запада славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому что мѣряютъ его на восточный аршинъ), но въ томъ, что они говорятъ противъ Русскаго европеизма; а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго" и т. д.

Которая изъ двухъ сторонъ существуетъ для другой — рѣшитъ время; во всякомъ случаѣ, хорошо было бы и то, еслибы встрѣченное ими противорѣчіе внушило не-славянофиламъ (какъ называетъ ихъ авторъ) счастливую мысль подвергнуть свои убѣжденія строгой повѣркѣ, и буде возможно, оправдать ихъ. Критикъ не нашелъ интереса говорить о положительной сторонѣ доктрины славянофиловъ; наше дѣло идти за нимъ по пятамъ, куда онъ ведетъ; потому и мы отстранимъ этотъ предметъ, замѣтивъ ему мимоходомъ, что еслибы замѣнить слова Востокъ и Западъ другими, въ настоящемъ случаѣ тождественными, то дѣло, можетъ быть, прояснилось бы для него. Покойный Валуевъ очень ясно опредѣлилъ въ предисловіи къ своему „Историческому Сборнику," что значитъ Востокъ. Это значитъ: не Китай, не Исламизмъ, не Татары, а міръ Славяно-Православный, намъ единоплеменный и единовѣрный, вызванный къ сознанію своего единства и своей силы явленіемъ Русскаго государства. Въ отличіе отъ него, Западъ значитъ: міръ Романо-Германскій или Католико-Протестанскій. Есть ли между ними существенное, коренное различіе и, слѣдовательно, условіе борьбы, въ какой бы, впрочемъ, то ни было сферѣ, въ этомъ не трудно убѣдиться,—стоитъ нѣсколько времени сряду прослѣдить за иностранными газетами и политическими брошюрами. Изъ нихъ мы узнали бы, что Европа давно почувствовала въ историческомъ явленіи Россіи и въ пробужденіи

Славянскаго племени присутствіе какой-то новой силы, для которой она не находитъ у себя мѣрила. Она бы и рада убѣдиться, вмѣстѣ съ критикомъ, въ несостоятельности предчувствія о побѣдѣ восточнаго начала надъ западнымъ; да почему-то ей не вѣрится! Что касается до обвиненія въ непониманіи Запада, то мы могли бы сказать въ отвѣтъ, что не-славянофилы не понимаютъ Россіи, потому что мѣряютъ ее на западный аршинъ; но мы желали бы оправдаться, еслибы только мы знали, что именно значитъ теперь Западъ и Европа. Было время, когда, подъ словомъ Европа, разумѣли аудиторію Берлинскаго университета, потомъ—два или три журнала, издающіеся въ Парижѣ; но что именно оно значитъ теперь, намъ неизвѣстно.

Допустивъ основательность нападенія славянофиловъ противъ Русскаго европеизма, критикъ говоритъ: „Нельзя остановиться на признаніи справедливости какого-бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофилы не дѣлали и не сдѣлали; но за то они заставили если не сдѣлать, то дѣлать это своихъ противниковъ". Не сдѣлали — конечно потому, что это такое дѣло, надъ которымъ, вѣроятно, будетъ трудиться не одно поколѣніе; не дѣлали — это несправедливо. Критикъ согласится, по крайней мѣрѣ, что имъ стоило немалаго труда заставить признать необходимость самой задачи; не далѣе какъ на слѣдующей страницѣ, онъ возражаетъ на приписанную имъ нелѣпость слѣдующими словами: „Нѣтъ, это означаетъ совсѣмъ другое, а именно то, что Россія вполнѣ исчерпала, изжила эпоху преобразованія, что реформа совершила въ ней свое дѣло, сдѣлала для нея все, что могла и должна была сдѣлать, и что настало для Россіи время развиваться самобытно, изъ самой себя". Наконецъ мы слышимъ изъ устъ противной стороны повтореніе мысли, высказанной и пущенной въ ходъ славянофилами. Почему она обращена противъ нихъ, это трудно понять; но, во всякомъ случаѣ, они опредѣлили задачу, стремленіе, къ которому пріобщается теперь самъ критикъ. До сихъ поръ оно ограничивается сферою ученыхъ розысканій; на этомъ поприщѣ, то-есть на поприщѣ изслѣдованія нашей народности въ исторіи и литературѣ, славя-

нофилы сдѣлали хоть что-нибудь *); что сдѣлали не-славянофилы, неизвѣстно.

Послѣдній выписанный нами отрывокъ служитъ отвѣтомъ вотъ на какія слова: „Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великаго только лишила насъ народности и сдѣлала междоумками? И неужели они правы, говоря, что намъ надо воротиться къ общественному устройству и нравамъ временъ не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михайловича (насчетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?“ Въ другомъ мѣстѣ: „По ихъ мнѣнію (литературныхъ старообрядцевъ), реформа Петра убила въ Россіи народность, а слѣдовательно и всякій духъ жизни, такъ что Россіи, для своего спасенія, не остается ничего другаго, какъ снова обратиться къ благодатнымъ, полу-патріархальнымъ нравамъ временъ Кошихина.“

Признаемся, мы прочли эти строки не безъ досады. Если всѣ наши споры должны содѣйствовать развитію сознательныхъ убѣжденій, то первымъ условіемъ ихъ должна быть обоюдная добросовѣстность. Мы не смѣемъ думать, чтобы намъ удалось когда-нибудь склонить нашихъ противниковъ на нашу сторону; но если они дѣлаютъ намъ честь излагать и опровергать нашъ образъ мыслей, то мы вправѣ требовать отъ нихъ, чтобы они выслушивали насъ. Вы возражаете намъ, очень хорошо; но зачѣмъ же послѣ того затыкать себѣ уши? Развѣ для того, чтобы не слышать отвѣта и быть въ правѣ во второй и въ третій разъ повторить одно и тоже возраженіе? Мы думали, что „Современникъ“ оставитъ эту обветшалую систему. Когда и кто изъ славянофиловъ, и въ какомъ изданіи, высказалъ ту мысль, которую критикъ разсудилъ за благо имъ приписать? Не всѣ ли они единогласно говорятъ, что время Алексѣя Михайловича было временемъ порчи? Не сказалъ ли еще недавно Погодинъ въ заключеніи одной статьи: избави насъ Богъ отъ застоя временъ Кошихинскихъ? И, когда шла рѣчь объ утратѣ нашей народности, не говорили ли они всегда, что утрата не безу-

*) Стоитъ упомянуть о трудахъ Венелина, Шевырева, Погодина и пр.

словная,—иначе мы бы погибли,—а утрата временная, сознательная и свободная; утрата не въ смыслѣ потери, а въ томъ смыслѣ, въ какомъ человѣкъ, увлеченный въ одностороннюю дѣятельность, временно оставляетъ безъ употребленія многія свои способности, удерживая за собою право и возможность обратиться снова къ ихъ развитію? И кому приходило въ голову признать случайными явленіе Петра Великаго, его реформу и послѣдующія событія до 1812 года? Кто не признавалъ ихъ исторически - необходимыми? Нужно ли повторить еще разъ объясненія почти - что поступившія въ разрядъ общихъ мѣстъ? Кажется, не зачѣмъ.

Система спора, принятая критикомъ въ отношеніи къ славянофиламъ, такъ удобна, что дѣйствительно трудно отъ нея отказаться. Обыкновенно онъ навязываетъ имъ то, чего они никогда не говорили, а потомъ опровергаетъ ихъ тѣмъ, что они первые сказали. Вотъ отвѣтъ критика на мнимый совѣтъ ихъ обратиться ко временамъ Кошихинскимъ: „Не объ измѣненіи того, что совершилось безъ нашего вѣдома и что смѣется надъ нашею волею, должны мы думать, а объ измѣненіи самихъ себя на основаніи уже указаннаго намъ пути высшею насъ волею. Дѣло въ томъ, что пора намъ перестать *казаться* и начать *быть*; пора оставить, какъ дурную привычку, довольствоваться словами и европейскія формы и внѣшности принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не-азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно *человѣческое*, и на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго“.

А вотъ что было напечатано въ 1845 году въ „Историческомъ Сборникѣ“: „Пора бы, казалось, намъ убѣдиться и въ томъ, что многое изъ того, что Западъ, повидимому, уже выработалъ за насъ и намъ передалъ готовымъ и оконченнымъ, намъ еще придется начинать съизнова, но пользуясь. разумѣется, всѣмъ богатымъ запасомъ его науки, его уроковъ и опытовъ. Уже время подумать и о томъ, чтобы намъ самимъ и изъ себя выработывать внутреннія начала своей

нравственной и умственной жизни, принявъ на себя и всю отвѣтственность въ ней, умѣя дать въ ней отчетъ себѣ и другимъ и связать ее съ своимъ народнымъ прошедшимъ и будущимъ, а не довольствоваться — въ пустотѣ своей внутренней жизни—одними убѣжденіями, взятыми на-прокатъ, вмѣстѣ съ послѣдней модой изъ Парижа, или системой изъ Германіи,—посылками безъ вывода или выводами безъ данныхъ изъ силлогизма, прожитаго или переживаемаго другимъ міромъ. Какъ мы съ Петромъ Великимъ приняли въ себя достояніе Западнаго міра, такъ и этотъ Западный или Германскій міръ принялъ въ себя когда-то наслѣдіе древняго человѣчества. Но условія нашего положенія при такомъ займѣ были гораздо благопріятнѣе для насъ и нашего будущаго. Мы получили Западное просвѣщеніе не какъ переданное намъ наслѣдство отъ другого почившаго міра, но какъ плодъ и опытъ другой, болѣе извѣдавшей и блестящей жизни, которая намъ предложила свои уроки. Воспользоваться этими уроками и опытами, познакомиться съ этимъ вновь для насъ открывшимся, болѣе просвѣщеннымъ міромъ было для Россіи, безспорно, необходимостью; но воспользоваться тѣмъ или другимъ опытомъ, усвоить себѣ то или другое явленіе изъ его жизни предоставлено было нашему выбору".

Конечно, не все въ разбираемой нами статьѣ есть повтореніе стараго. Вотъ напримѣръ мысль совершенно оригинальная: „Да, въ насъ есть національная жизнь, мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль—объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать". Кажется, національная жизнь, сознанная народомъ, есть его слово. Не хлопотать о мысли и словѣ значитъ не сознавать своей жизни, не стараться сознать ее. Хорошъ совѣтъ! Г-нъ Кавелинъ доказывалъ, что до XVIII вѣка въ Россіи не было сознанія; г. Бѣлинскій пошелъ далѣе и сказалъ, въ началѣ своей статьи, „что Ломоносовъ не могъ найти содержанія для своей поэзіи въ общественной жизни своего отечества, потому что тутъ не было не только сознанія, но и стремленія къ нему, стало-быть не было никакихъ умственныхъ и нравств[illegible]тересовъ". Наконецъ, и этого показалось м[illegible] теперь даже рано

хлопотать о сознаніи. Читая подобные отзывы, не знаешь, чему болѣе удивляться: широтѣ ли размаха, о которой говоритъ г. Никитенко въ своей статьѣ, или необыкновенной быстротѣ, съ которою разрослась мысль, пущенная въ ходъ счастливою рукой г. Кавелина и подхваченная г. Бѣлинскимъ? При этомъ встрѣчается только одно затрудненіе: какъ согласить совѣтъ, повоздержаться въ дѣлѣ сознанія, съ тѣмъ, который данъ двумя страницами выше, „что настало для Россіи время развиваться самобытно, изъ самой себя." Едвали можно будетъ при этомъ обойтись безъ сознанія.

Въ послѣднемъ отрывкѣ, нами выписанномъ, есть еще одна мысль, на которой слѣдуетъ остановиться. Критикъ (все-таки въ опроверженіе или въ дополненіе къ образу мыслей славянофиловъ) объявляетъ, что надобно любить и заимствовать только человѣческое и отвергать все національное, въ чемъ нѣтъ человѣческаго. Подобнымъ правиломъ оканчивается и статья г. Кавелина, нами разобранная; наконецъ, тоже самое повторялось, и вѣроятно будетъ повторяться много разъ. Читая эти добродушные совѣты, можно подумать, что ко всему, что можетъ быть заимствовано нами, прибитъ ярлычекъ съ надписью *человѣческое* или *національное*, и что есть люди колеблящіеся въ выборѣ.

Да кто-же взялъ на себя трудъ сортировки? Гдѣ образщики для опредѣленія національнаго и человѣческаго? Неужели все то, что выдаваемо было и выдается за общечеловѣческое, должно быть принято на вѣру? Котоликъ вполнѣ увѣренъ, что ученіе Римской церкви, практическія правила ею предписанныя, безусловно истинны для всѣхъ временъ и народовъ. По его понятіямъ, католическое и человѣческое— слова тождественныя, и съ этимъ убѣжденіемъ онъ заводитъ пропаганду. Французъ прошлаго вѣка былъ почти увѣренъ, что Французскій языкъ есть языкъ человѣческій, а не національный, что нравы Французскіе рѣшительно человѣческіе. Ни тому, ни другому мы не вѣримъ. Если нѣтъ внѣшняго признака, по которому бы можно было сразу отличить человѣческое отъ національнаго, то значитъ надобно прибѣгнуть къ внутреннему признаку, то-есть опредѣлить истину

и достоинство каждой идеи, каждаго учрежденія. Итакъ вмѣсто словъ: общечеловѣческое и національное, будемъ употреблять слѣдующія, въ этомъ случаѣ, тождественныя: безусловно-истинное и условно-истинное или условно-ложное (это все равно), и тогда наставленіе г. Бѣлинскаго получитъ слѣдующій смыслъ: пора намъ перестать восхищаться полуложнымъ, пора и уважать и любить только безусловно-истинное. Да кто-жъ когда-либо думалъ иначе? Какая школа сознательно предпочитала ложное истинному? Правда, многія, лучше сказать, всѣ онѣ, стремясь къ абсолютно-истинному въ тоже время принимали и навязывали другимъ много національнаго и ложнаго. То же будетъ съ вами и съ нами, потому что ни вы, ни мы не безошибочны. Это—несчастіе, конечно, но не порокъ. Вашъ совѣтъ хорошъ, но не новъ; прежде чѣмъ вы его предложили, имъ руководствовалось все человѣчество; повторяя его, вы ничего не уясняете и не даете средствъ его исполнить. Вмѣсто того, чтобъ играть словами: народное и человѣческое, лучше укажите норму или признакъ человѣческаго, составьте сводъ человѣческихъ началъ; тогда мы примемъ его или отвергнемъ, по крайней мѣрѣ будетъ что принять, — а до сихъ поръ вы предлагали намъ условное выраженіе, подъ которымъ можно разумѣть что угодно. Наконецъ, и общечеловѣческихъ началъ нельзя пересчитать по пальцамъ; какъ выраженіе человѣческой сущности, они должны составлять одно цѣлое, проникнутое однимъ духомъ: формулировавъ основныя начала, вы должны будете опредѣлить и приложенія ихъ въ различныхъ сферахъ жизни. Все это также не легко, а главное—это задача не нашего времени, а постоянная задача всѣхъ временъ. Итакъ, сказавши: мы хотимъ общечеловѣческаго, а не національнаго, — вы не рѣшили спора. Съ вопросомъ: что есть общечеловѣческое и какъ отличить его отъ національнаго,— споръ только что начнется. Приложите это къ предмету нашихъ толковъ, и тогда вы увидите, что мы дорожимъ старою Русью не потому, что она старая или что она наша, а потому, что мы видимъ въ ней [redacted] началъ, которыя мы считаемъ [redacted], а вы, можетъ быть, считаете [redacted]

такъ г. Кавелинъ полагаетъ, что мы заимствовали у Европы не ея исключительно - національные элементы, которые во время реформы, будто бы, исчезли или исчезали, а общечеловѣческіе; а мы, вѣроятно, по ближайшемъ опредѣленіи этихъ элементовъ, признали бы въ нихъ многое за народное и ложное.

Критикъ не взялъ на себя труда возвести спора до основныхъ вопросовъ и продолжаетъ по-своему излагать образъ мыслей славянофиловъ. „Одни, говоритъ онъ, смѣшали съ народностью старинные обычаи, сохранившіеся теперь только въ простонародіи, и не любятъ, чтобы при нихъ говорили съ неуваженіемъ о курной и грязной избѣ, о рѣдькѣ и квасѣ, даже о сивухѣ". Славянофилы уважаютъ домъ, въ которомъ живетъ Русскій крестьянинъ, каковъ бы онъ ни былъ, и пищу, добытую его трудомъ, какова бы она ни была; они удивляются, что есть на свѣтѣ люди, которые могутъ находить удовольствіе говорить объ этомъ съ неуваженіемъ; наконецъ, они не хуже другихъ чувствуютъ неудобство курной избы, лишенія и соблазны, которымъ подвергается крестьянинъ; но они думаютъ, что брюзгливая чопорность, съ которою натуральная школа говоритъ о курной избѣ, не есть необходимый приступъ къ ея перестройкѣ, что вообще иронія и насмѣшка заключаютъ въ себѣ мало побужденій къ улучшеніямъ.

„Другіе, продолжаетъ критикъ, сознавая потребность высшаго національнаго начала и не находя его въ дѣйствительности, хлопочутъ выдумать свое и неясно, намеками, указываютъ намъ на смиреніе, какъ на выраженіе Русской національности. Имъ можно замѣтить, что смиреніе есть, въ извѣстныхъ случаяхъ, весьма похвальная добродѣтель для человѣка всякой страны, но что она едва ли можетъ составить то, что называется народностью". Замѣтимъ и мы, что никогда никому не приходило въ голову видѣть въ свойствѣ народа (въ этомъ смыслѣ, если мы не ошибаемся, авторъ употребляетъ слово: смиреніе) высшее его начало. Свойство, какъ природное опредѣленіе, не можетъ быть началомъ, точно такъ какъ нельзя сказать о человѣкѣ, что его высшее начало есть его сангвиническій темпераментъ. Смиреніе само

по себѣ, как ъ свойство, можетъ быть достоинствомъ, можетъ быть и порокомъ, признакомъ силы и слабости, смотря по тому, отъ чего оно происходитъ и передъ чѣмъ народъ или человѣкъ смиряется; как ъ начало, смиреніе есть нравственная обязанность, предполагающая извѣстныя убѣжденія, извѣстное понятіе объ отношеніи человѣка къ Богу и къ другимъ людямъ, и въ такомъ случаѣ оно разсматривается и оцѣнивается въ совокупности съ цѣлымъ строемъ вѣрованій и духовныхъ стремленій. Но мы не понимаемъ, почему свойство общечеловѣческое не можетъ составить того, что называютъ народностью. Казалось бы наоборотъ. Что-же такое народность, если не общечеловѣческое начало, развитіе котораго достается въ удѣлъ одному племени преимущественно передъ другими, вслѣдствіе особеннаго сочувствія между этимъ началомъ и природными свойствами народа? Такъ личность есть начало общечеловѣческое, которое развито преимущественно племенемъ Германскимъ, и потому сдѣлалось его національнымъ опредѣленіемъ.

Тоже самое странное возраженіе дѣлаетъ авторъ по поводу любви: „Толкуютъ еще о любви, говоритъ онъ, какъ о національномъ началѣ, исключительно присущемъ однимъ Славянскимъ племенамъ, въ ущербъ Гальскимъ, Тевтонскимъ и инымъ западнымъ... Мы напротивъ думаемъ, что любовь есть свойство человѣческой натуры вообще, и такъ же не можетъ быть исключительною принадлежностью одного народа или племени, какъ и дыханіе, зрѣніе, голодъ, жажда, умъ, слово“..... „Ошибка здѣсь въ томъ, продолжаетъ критикъ, что относительное принято за безусловное“. Нѣтъ, ошибка въ томъ, что вы, вѣроятно безъ умысла, въ-торопяхъ, вставили одно лишнее слово: *исключительно*. Оно, конечно, придаетъ мысли особенную силу и для эффекта недурно, но за то она искажаетъ мнѣніе, на которое вы возражаете. Любовь есть свойство общечеловѣческое, доступное каждому лицу, но которое въ одномъ племени можетъ быть гораздо болѣе развито, чѣмъ въ другомъ; напримѣръ, то племя, котораго жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумолима, въ этомъ случаѣ оказывало въ себѣ менѣе любви, чѣмъ то, которое смотрѣло на нихъ съ семейной точки зрѣ-

нія. Точно такъ зрѣніе есть свойство общечеловѣческое, а есть люди зоркіе, есть близорукіе, есть слѣпые. Наконецъ, что гораздо важнѣе, одно племя можетъ вѣрить твердо въ творческую силу любви и стремиться основать на ней общественный союзъ; другое племя можетъ вовсе не довѣрять ей, а, допуская ее только какъ роскошь, основывать свое благосостояніе на законѣ и принужденіи. Отличается ли Русскій народъ преобладаніемъ любви и довѣріемъ къ ней—это другой вопросъ. Критикъ не доказалъ противнаго, потому что стремленіе народа не доказывается въ десяти строкахъ, примѣрами, выхваченными изъ его исторіи. Изъ того, что законъ былъ нарушаемъ, не слѣдуетъ, чтобы не признавали его обязательнымъ. Мы не станемъ приводить доказательствъ въ пользу другаго мнѣнія, но мы беремъ на себя доказать тѣмъ способомъ, который употребилъ критикъ, что любой народъ имѣетъ или не имѣетъ любое народное свойство.

Замѣчательно, между прочимъ, противорѣчіе, въ которое впадаетъ авторъ, толкуя о любви. Онъ призналъ ее за общечеловѣческое свойство всякаго племени, какъ дыханіе, жажда и пр., слѣдовательно, безъ котораго племя быть не можетъ; затѣмъ, чрезъ 15 строкъ, мы читамъ: „Національнымъ началомъ она (т. е. любовь) никогда и не была, но была человѣческимъ началомъ, поддерживавшимся въ племени его историческимъ, или, лучше сказать, его неисторическимъ положеніемъ. Положеніе измѣнилось, измѣнились и патріархальные нравы, а съ ними исчезла и любовь, какъ бытовая сторона жизни". Да въ какомъ же видѣ и гдѣ она уцѣлѣла, если ея нѣтъ въ быту? Развѣ въ учрежденіяхъ или въ книгахъ? Не очевидно ли, что отсутствіе ея, какъ бытовой стороны, все равно, что совершенное отсутствіе; и слѣдовательно, Русскій народъ утратилъ, вмѣстѣ съ патріархальными нравами, общечеловѣческое свойство, столь же необходимое и неотъемлемое, какъ жажда, дыханіе и т. д.

Вотъ все, что г. Бѣлинскій сказалъ о славянофилахъ.

Въ этой части его статьи есть мысли нелѣпыя; это тѣ, которыя произвольно приписаны славянофиламъ. Повторимъ ихъ:

Реформа Петра убила въ Россіи народность и всякій духъ жизни.

Россія для своего спасенія должна обратиться къ нравамъ эпохи Кошихина или Гостомысла.

Свойство смиренія есть Русское національное начало.

Любовь есть національное начало, исключительно присущее Славянскимъ племенамъ.

Встрѣчаются также мысли совершенно справедливыя: это тѣ, которыми г. Бѣлинскій возражаетъ славянофиламъ, также произвольно, потому что нѣкоторыя изъ этихъ мыслей они первые пустили въ ходъ, а другихъ никогда не думали отвергать. Вотъ онѣ:

Россія изжила эпоху преобразованія, и для нея настало время развиваться самобытно, изъ самой себя.

Миновать эпоху преобразованія, перескочить за нее нельзя.

Реформа Петра не могла быть случайна.

Пора намъ перестать *казаться* и начать *быть*; пора уважать и любить только человѣческое и отвергать все, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, будь оно Европейское или Азіатское.

Крѣпкое политическое и государственное устройство есть ручательство за внутреннюю силу народа.

Смиреніе и любовь суть свойства человѣческой натуры вообще.

Впрочемъ, г. критикъ въ одномъ мѣстѣ заранѣе проситъ извиненія у гг. славянофиловъ на случай, еслибы, по неумышленной ошибкѣ съ его стороны, оказалось, что въ его статьѣ приписано имъ что-нибудь такое, чего они не думали, или не говорили. Еслибы г. критикъ предвидѣлъ также противоположный случай, то есть что можетъ быть въ числѣ возраженій встрѣтятся мысли самихъ гг. славянофиловъ, тогда оговорка его была бы совершенно полна и обнимала бы всю его статью, во сколько она касается до его противиковъ.

Мы, съ своей стороны, ни минуты не сомнѣвались въ неумышленности его ошибокъ: мы увѣрены, что онѣ произошли отъ того, что онъ, подобно другимъ, судилъ съ чужаго голоса, держался на поверхности вопросовъ и не дошелъ до основной причины разномыслія. Заключимъ нашъ отвѣтъ такою же просьбою о снисхожденіи къ нашимъ ошибкамъ и благодарностью г. критику за желаніе быть безпристрастнымъ, обнаруженное въ его статьѣ, и которое, надѣемся, когда-нибудь исполнится.

Два слова о народности въ наукѣ *).

Въ программѣ „Русской Бесѣды“ сказано между прочимъ, что одною изъ главныхъ цѣлей сего изданія будетъ посильно содѣйствовать къ развитію Русскаго воззрѣнія на науки и искусства. Эти слова вызвали со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ замѣчаніе, „что вѣдь науки и искусства допускаютъ лишь одно воззрѣніе *просвѣщенное,* слѣдовательно *общечеловѣческое*“. Издатели „Русской Бесѣды,“ въ слѣдующемъ № Вѣдомостей, сказали нѣсколько словъ въ защиту своей программы, а „Московскія Вѣдомости,“ удерживая за собою свое мнѣніе, повторили его съ нѣкоторыми поясненіями.

Напоминая объ этомъ читателямъ, мы вовсе не думаемъ возобновлять полемику съ уважаемою нами газетою; не съ этою цѣлью беремся мы за перо. Но мы считаемъ небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ для уясненія общаго вопроса, котораго вскользь коснулись „Московскія Вѣдомости“ и о которомъ не разъ толковали другіе наши журналы: вопроса о значеніи и законномъ участіи народности въ развитіи науки. Сперва постараемся опредѣлить, какъ можно безпристрастнѣе и точнѣе, тотъ взглядъ, изъ котораго вышло сомнѣніе, выраженное „Московскими Вѣдомостями.“

Задача науки — въ постиженіи сущности явленій. Чѣмъ полнѣе и чище они отражаются въ познающемъ разумѣ, чѣмъ менѣе возмущается этотъ процессъ духовнаго отраженія случайнымъ характеромъ познающаго лица и посторонними обстоятельствами, тѣмъ свободнѣе и стройнѣе явленія

*) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1856 г. № 1.

собираются въ группы, тѣмъ яснѣе выдается ихъ внутренній смыслъ изъ случайной ихъ обстановки, тѣмъ бозошибочнѣе опредѣляется законъ ихъ послѣдовательнаго развитія. Народность можетъ быть предметомъ постиженія. какъ объектъ науки; но народность, какъ свойство постигающей мысли, ведетъ къ произволу, односторонности и тѣснотѣ воззрѣнія. Такимъ же образомъ проявляется въ ученомъ трудѣ вліяніе вѣка на мыслителя и вообще преобладающее вліяніе какого бы то ни было условія или начала, которому сознательно или безсознательно подчиняется мысль. Мысль, по существу своему, безстрастна и безцвѣтна, и потому ученый, не умѣвшій или не хотѣвшій очистить себя отъ представленій, понятій и сочувствій, прилипающихъ невольно къ каждому человѣку отъ той среды, къ которой онъ принадлежитъ, не можетъ быть достойнымъ служителемъ науки. Кто вноситъ случайное и частное въ область мировыхъ идей, тотъ выноситъ изъ нея, вмѣсто общечеловѣческихъ истинъ или вѣрнаго отраженія предметовъ въ сознаніи, представленія неполныя, образы изуродованные и прихотливо разцвѣченные.

Совершенно тоже говорилось и печаталось у насъ еще недавно о художествѣ. Поэзія есть воспроизведеніе идеи или сущности явленій въ живомъ образѣ. Идея—достояніе всего человѣчества, а форма, хотя и взятая изъ области случайнаго, очищается отъ всего случайнаго и просвѣтляется насквозь идеею; слѣдовательно, въ художественномъ творчествѣ, участіе народности незаконно. Это послѣднее примѣненіе общаго понятія объ отношеніи человѣческаго къ народному теперь устарѣло и откинуто вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ всякихъ предубѣжденій, вытѣсненныхъ неразумнымъ сознаніемъ, но, по закону моды, пережившихъ свое время и успѣвшихъ надоѣсть публикѣ отъ частаго ихъ повторенія; да и ошибочность его слишкомъ явно бросалась въ глаза. Самое поверхностное изученіе великихъ памятниковъ искусства, въ связи съ мѣстомъ и временемъ ихъ появленія, пріучило насъ не дичиться народности въ сферѣ художества; мы поняли, что не создалъ бы „Божественной Комедіи“ Дантъ, еслибъ онъ не былъ Итальянцемъ и католикомъ; что Гёте былъ однимъ изъ полнѣйшихъ проявленій

Германскаго духа; наконецъ, со времени появленія между нами Гоголя, мы уразумѣли, что не только неисчерпаемое богатство художественныхъ представленій, которыхъ и половины онъ не успѣлъ намъ открыть, почерпнуто имъ изъ нашей народности, но что онъ самъ, какъ художникъ, своеобразенъ и великъ именно потому, что его воспитала Россія, а не другая народная среда. Было бы позволительно предоставить времени произвести такую же реакцію и противъ теперешняго гоненія на народность въ дѣлѣ науки; но мы мало цѣнимъ успѣхъ отъ пресыщенія и потому, не избѣгая и не откладывая спора, приступаемъ прямо къ уясненію возбужденнаго нами вопроса. Недоразумѣнія лежатъ на немъ, какъ отвердѣвшія слои наноснымь понятій, и мы будемъ довольны, если намъ удастся снять хоть самые тонкіе.

Боссюетъ, католикъ и Французъ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ, пытавшихся постигнуть законъ всемірной исторіи, смотрѣлъ на реформацію, какъ на уклоненіе человѣческаго разума отъ нормальнаго пути, и объяснялъ ее вторженіемъ страсти и произвола въ область вѣчной, общечеловѣческой истины. Нѣмецкіе и Англійскіе историки, протестанты по вѣроисповѣданію или по образованію, смотрятъ на то же явленіе, какъ на блистательную побѣду, одержанную духовною свободою человѣка надъ ограниченностію средневѣковаго религіознаго сознанія. Которое изъ этихъ двухъ воззрѣній просвѣщенное и общечеловѣческое?

Мы въ правѣ въ вопросѣ о національности указать на противоположность воззрѣнія католическаго и протестантскаго, вопервыхъ потому, что католицизмъ есть такое же несомнѣнное проявленіе въ области религіи Романской стихіи, какъ протестантизмъ—проявленіе Германской; вовторыхъ потому, что, говоря о Русской народности, мы понимаемъ ее въ неразрывной связи съ православною вѣрою, изъ которой истекаетъ вся система нравственныхъ убѣжденій, правящихъ семейною и общественною жизнію Русскаго человѣка.

Придерживаясь понятія о народности въ болѣе тѣсномъ и матеріальномъ смыслѣ, было бы также легко подобрать въ первоклассныхъ твореніяхъ примѣры противоположности полныхъ, выработанныхъ воззрѣній на историческое значеніе и

характеръ цѣлыхъ племенъ, истекающей изъ народныхъ сочувствій или предубѣжденій великихъ писателей, которымъ однакоже никто не откажетъ ни въ просвѣщеніи, ни въ общечеловѣческихъ заслугахъ. Еще очевиднѣе проявляется вліяніе политической партіи или тѣснѣйшаго круга людей, съ которыми авторъ связанъ сочувствіемъ. Мы недавно видѣли тому примѣръ. Маколей, одно изъ свѣтилъ современной историчесной науки, вь „Опытѣ о войнѣ за наслѣдство Испанскаго престола“ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ существенную разницу между партіею торіевъ и партіею виговъ. Виги—голова, а торіи — хвостъ; гдѣ нынѣ стоятъ первые, туда черезъ сто лѣтъ доползутъ вторые, изъ чего слѣдуетъ, что историческое оправданіе цѣлой половины Британскаго общества, заявившей себя на всѣхъ страницахъ Англійской исторіи, заключается въ отрицательномъ свойствѣ тупоумія. Весьма вѣроятно, что историкъ, равносильный Маколею по дарованію, но воспитанный въ сферѣ другихъ понятій, не измѣняя общечеловѣческимъ началамъ и просвѣщенію, не затруднился бы отвѣтомъ на этотъ приговоръ.

Не только въ области исторіи, но и въ другихъ наукахъ, занимающихся человѣкомъ, а не природою, напримѣръ, въ наукѣ права, въ философіи, въ политической экономіи, встрѣчаются на каждомъ шагу столь же рѣзкія противоположности, которыхъ корень—въ различіи точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, основныхъ убѣжденій и природныхъ сочувствій, на которыхъ, какъ на данномъ материкѣ, воздвигается вѣками народное и личное просвѣщеніе, Какъ не потеряться въ нихъ, какъ сохранить свободу мысли? Какъ избѣгнуть невольной односторонности? — „Очень легко; держитесь крѣпко просвѣщеннаго и общечеловѣческаго, не подчиняйтесь ничему народному“—такъ теперь говорятъ у насъ. Сто лѣтъ тому назадъ во Франціи говорили: Suivez la divine raison, elle vous sauvera de l'erreur; но много ли уцѣлѣло изъ того, что было отмѣчено клеймомъ de la divine raison? Увы! Еще не родился тотъ геній, который бы размежевалъ всю область человѣческаго вѣдѣнія на двѣ полосы и поставилъ между ними столбы съ надпися[illegible]ное и человѣческое —ложное и народное.

Когда, по закону историческаго преемства, народъ вызывается во главу человѣчества и къ нему переходитъ умственное достояніе всѣхъ племенъ, отслужившихъ до него свою службу, сдѣланныя ими открытія въ области механики, естественныхъ наукъ и введенныя ими усовершенствованія въ матеріальномъ быту перенимаются просто и безспорно. Но не такъ легко обходится дѣло при усвоеніи лучшей доли умственнаго наслѣдства: замкнувшаяся система просвѣщенія принимается подъ условіемъ строгой повѣрки самыхъ основныхъ ея положеній; то, что казалось навсегда поконченнымъ, подвергается пересмотру и часто дѣлается снова вопросомъ, разрѣшеніемъ котораго поглощается много и много свѣжихъ сиѣъ. Фактическое постоянное участіе народности въ образованіи самостоятельныхъ воззрѣній на предметъ науки, кажется, не подлежитъ спору; но этимъ еще не оправдывается направленіе, называющее себя народнымъ. Намъ могутъ возразить: „примѣрами, вами же приведенными, подтверждается, что народность и односторонность въ дѣлѣ науки одно и тоже это— неровное зеркало, въ которомъ искривляется отражаемый предметъ; въ примѣненіи къ живому организму, это—недугъ, болѣзнь ума; а вы, вмѣсто того, чтобы пріискивать противъ нея лѣкарствъ, даете обѣщаніе стараться всѣми силами, чтобъ она плодилась!"

Допустивъ основательность возраженія и обративъ его положительною стороною, мы получимъ, въ примѣненіи къ прежнимъ приведеннымъ нами примѣрамъ, слѣдующее требованіе: историкъ не долженъ быть ни католикъ, ни протестантъ, ни Французъ, ни Нѣмецъ; онъ не долженъ принадлежать ни къ какой политической партіи, ни къ какой философской системѣ; онъ доженъ быть просто историкъ. Пусть такъ! Но возможно ли это, и не предъявляемъ ли мы такого условія, при которомъ сама наука существовать не можетъ?

Опредѣляя ея задачу, какъ постиженіе сущности предметовъ, какъ возведеніе въ понятіе дробныхъ явленій, не выражаемъ ли мы требованія отдѣлить существенное отъ случайнаго, законное отъ незаконнаго? Вникая въ логическую связь цѣлаго ряда однородныхъ явленій, не исходимъ ли мы изъ того основнаго убѣжденія, что все живое разви-

вается, а понятіе развитія не заключаетъ ли въ себѣ понятія внутренней цѣли, идеала, стремящагося къ полному своему проявленію? Законъ человѣческихъ стремленій въ какой бы то ни было области, верховный законъ, которому всѣ они подчиняются, задача человѣческаго развитія, цѣль человѣческаго бытія — всѣ эти понятія могутъ ли быть усвоены иначе, какъ въ формѣ положительнаго ученія, опредѣляющаго точку зрѣнія мыслителя? Безъ нихъ невозможна даже исторія, въ которой, повидимому, все дается объектомъ, а отъ мысли требуется только мудрое воздержаніе; но и сама исторія, какъ простое записываніе случившагося, уподобилась бы ряду метеорологическихъ наблюденій надъ погодою и потеряла бы достоинство науки.

Конечно, потребность возведенія всѣхъ понятій, ежечасно нами употребляемыхъ, къ стройному единству, потребность разумнаго ихъ усвоенія, сродная человѣчеству и каждому народу въ лицѣ двигателей его просвѣщенія, можетъ не встрѣчаться не только въ массахъ, хранящихъ въ себѣ народность, какъ духовную стихію, но даже въ такъ называемой образованной публикѣ. Каждое общество имѣетъ свой собственный капиталъ, съ котораго большинство получаетъ проценты и пробавляется ими, не спрашивая, великъ ли онъ, въ чемъ состоитъ и какъ образовался. Отъ поверхностно, но многосторонно-образованныхъ людей, которые такъ недовѣрчиво смотрятъ на общія начала, опредѣляющія характеръ нашего воззрѣнія на все окружающее, мы слышимъ безпрестанно сужденія и отзывы, ясно указывающіе на присутствіе въ нихъ основнаго слоя отвердѣлыхъ понятій и представленій, о которомъ они сами не вѣдаютъ; но внимательная мысль, несовсѣмъ чуждая философскихъ пріемовъ, легко открываетъ этотъ неприкосновенный умственный капиталъ, лежащій въ ихъ головѣ, какъ лежатъ въ сундукахъ, подъ надежными замками, акціи торговыхъ компаній. Попытайтесь взять подъ руку этихъ людей, всегда готовыхъ ополчиться на всякое опредѣленное, по ихъ же понятіямъ, ограниченное воззрѣніе, и довести ихъ по ступенькамъ отъ примѣненія къ основнымъ посылкамъ, отъ частнаго [illegible] чи придутъ въ изумленіе, от [illegible] стему,

опредѣленныя предпочтенія, къ которымъ они пріобщились умственно, сами того не замѣчая. На повѣрку выйдетъ, что мнимое безпристрастіе, общечеловѣчность и отрицательная свобода ихъ воззрѣній въ сущности есть безсознательность. Правда, между разумнымъ пріобщеніемъ своей мысли къ опредѣленной системѣ понятій и безсмысліемъ существуетъ середина. Можно избѣгнуть той и другой необходимости, принявъ за правило все новѣйшее провозглашать совершеннымъ; но что значило бы въ области науки подчиниться тому закону, который полновластно господствуетъ въ области моды?

Мы, повидимому, уклонились отъ предмета, но только повидимому. Мы сказали, что всякое воззрѣніе предполагаетъ точку зрѣнія, всякій актъ мышленія—исходное начало. Если отъ избранной или данной точки зрѣнія зависитъ характеръ воззрѣнія и самый выводъ, то безспорно мы должны признать въ ней какъ возможность ошибки, такъ и необходимое условіе всѣхъ открытій и успѣховъ въ области знанія.

Искренній католикъ, по рѣзко опредѣленной ограниченности своего взгляда, лишается способности высказать полную правду о борьбѣ Римской церкви съ реформаціею: за то онъ постигнетъ и внесетъ въ науку нетолько все великое и общечеловѣческое, созданное католицизмомъ, но и самыя глубокія, психологическія условія, вызвавшія явленія западнаго католицизма. Ревностный протестантъ не оцѣнитъ міроваго значенія Римской церкви; но за то ему, какъ протестанту, удастся объяснить всѣмъ двигательную силу, смыслъ и духъ реформаціи. Еслибы Маколей не сдружился всѣмъ существомъ своимъ съ вигизмомъ, кто знаетъ, увидали ли бы мы живой, изящный образъ Галифакса? Нѣмецкій историкъ, можетъ быть, превратно представитъ въ своемъ разсказѣ характеръ борьбы Германскихъ государствъ съ Славянскими племенами; онъ не уразумѣетъ вполнѣ возстанія Гусситовъ и увидитъ въ нихъ не болѣе, какъ грубыхъ предвѣстниковъ Лютера и Кальвина; онъ проглядитъ заслугу, оказанную Западной Европѣ Польшею, сдержавшею въ продолженіе цѣлаго вѣка напоръ Турецкаго завоеванія, и заслугу Россіи, изжившей на себѣ давленіе Монголо-Татарскаго племени, побѣдившей его и черезъ это укрѣпившей за собою право мирнаго на него

воздѣйствія; за то онъ яснѣе другихъ почувствуетъ и живѣе передастъ міровое значеніе Германскаго племени въ судьбахъ человѣчества: ни одно проявленіе Германскаго духа не ускользнетъ отъ его сочувствія и, черезъ его народное воззрѣніе на исторію, хотя бы и нечуждое односторонности, войдетъ въ общее достояніе науки и сдѣлается доступнымъ для общечеловѣческаго разумѣнія участіе въ исторіи одного изъ великихъ народныхъ дѣятелей.

Мысль познающая, какъ органъ науки, достигаетъ до полнаго своего развитія и могущества только при условіи совокупнаго и сосредоточеннаго участія въ процессѣ постиженія всѣхъ силъ и способностей духа; воля придаетъ мысли постоянство напряженія, побуждая и сдерживая ее; теплое сочувствіе согрѣваетъ мысль и вооружаетъ ее безошибочностью духовнаго инстинкта, угадывающаго въ историческихъ явленіяхъ едва проявленныя движенія человѣческой души. Мы говоримъ здѣсь не о той, если можно такъ выразиться, отвлеченной любви къ предмету, безъ которой никакой истинно-ученый трудъ невозможенъ, которая рождается отъ самаго труда, возрастаетъ по мѣрѣ встрѣчаемыхъ препятствій, но которая вовсе не зависитъ отъ прямаго отношенія познающаго лица къ объекту; такъ напримѣръ, спеціалистъ пристращается къ букашкамъ или къ одному виду растеній. Не объ этой любви къ предмету идетъ рѣчь. Между мыслью, воспитанною въ средѣ народности, и рядомъ историческихъ проявленій той же народности на всемірномъ поприщѣ существуетъ болѣе прямое и близкое сродство, вслѣдствіе котораго мысль преимущественно становится способною овладѣть для науки именно тѣми явленіями, въ которыхъ она сама съ собою встрѣчается и узнаетъ себя. Можно ли отрицать, что Русскому, потому что онъ Русскій, и въ той мѣрѣ, въ какой онъ Русскій, духъ нашей исторіи, мотивы нашей поэзіи, весь ходъ и все настроеніе народной жизни откроется яснѣе и полнѣе, чѣмъ Французу, хотя бы послѣдній овладѣлъ вполнѣ Русскимъ языкомъ и такою массою матеріаловъ, какою никогда не располагалъ ни одинъ Русскій ученый.

Повторяемъ опять: все это [illegible] лько къ

исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, но и къ другимъ наукамъ. Въ развитіи политико-экономическихъ теорій, ученіе физіократовъ, раскрывшихъ участіе производительныхъ силъ земли въ образованіи народнаго богатства, должно было возникнуть во Франціи, а меркантильная школа — въ Англіи. Даже въ той наукѣ, которой предметъ повидимому отрѣшенъ отъ всякой связи съ народностью, въ изслѣдованіи законовъ отвлеченнаго мышленія, Французы по особенному складу своего ума, были, по преимуществу, призваны раскрыть процессъ постиженія путемъ опыта, исчерпать процессъ образованія понятій изъ ощущеній, передаваемыхъ путемъ внѣшнихъ чувствъ; а Гегель имѣлъ полное право сказать, что всю свою философію онъ извлекъ изъ Нѣмецкаго языка, иными словами: онъ высвободилъ, уяснилъ, и облекъ въ наукообразную форму тѣ понятія, которыя лежали, какъ элементы, въ народномъ сознаніи; ибо языкъ есть твореніе цѣлаго народа и, можетъ быть, самое свѣтлое отраженіе его духовной природы.

Мы приходимъ къ убѣжденію, что именно народность мысли, опредѣляя какъ бы спеціальное ея назначеніе въ области науки, наводитъ ее на пути къ открытіямъ, постепенно раздвигающимъ предѣлы общечеловѣческаго знанія. Это, кажется, безспорно, но еще не все. Заключая въ себѣ возможность односторонности воззрѣнія или пристрастія, народность познающей мысли въ тоже время представляетъ намъ ручательство за постепенное освобожденіе отъ предѣловъ, ею же полагаемыхъ.

Если католикъ внесъ въ область науки свое ограниченное воззрѣніе на Римскую церковь, если лютеранинъ также односторонно опредѣлилъ значеніе реформаціи, если ни отъ того, ни отъ другаго мы не можемъ ожидать послѣдняго слова, опредѣленія взаимнаго отношенія двухъ вѣроисповѣданій: то почему не допустить, что произнести это слово призванъ тотъ, кто не участвовалъ въ борьбѣ, не заразился возбужденными ею страстями, и по возвышенности своей точки зрѣнія, стоитъ надъ сторонами, ведущими между собою споръ? Если таково призваніе православнаго мыслителя, то не ясно ли, что оно выпадаетъ ему не ради превосходной силы его

ума, а единственно потому, что мысль его воспитается въ другой духовной средѣ и что примиреніе противоположностей будетъ ему доступно не только, какъ требованіе религіознаго сознанія, но какъ осуществленный фактъ въ полнотѣ духовной жизни православной церкви. Обнаруженіе односторонности выработанныхъ воззрѣній и примиреніе ихъ путемъ возведенія противоположностей въ высшій строй явленій, можетъ быть, предстоитъ намъ и въ другихъ областяхъ знанія.

Можетъ быть, вопросы объ отношеніи личной свободы къ общественному предустановленному порядку, о соглашеніи выгодъ сосредоточенности поземельнаго владѣнія (la grande proprіété) и раздробленія земли на мелкіе участки (la petite proprіété) и многіе другіе найдутъ свое разрѣшеніе именно у насъ, вслѣдствіе того, что наука найдетъ ихъ въ жизни и взглянетъ на самые вопросы съ новой точки зрѣнія, на которую поставитъ ее народная жизнь. Можетъ быть также, что это мечта; но возможность подобнаго участія въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ оправдывается прошедшими вѣками. Въ отвѣтъ на міровой запросъ, исторія не приноситъ логической формулы, а выводитъ на сцену новаго дѣятеля, живой бытъ свѣжаго народа и, много спустя, мысль, воспитанная въ сочувствіи съ нимъ, возводитъ его на степень понятія и переноситъ изъ дѣйствительности въ область науки, какъ понятіе, какъ законъ.

Итакъ, призваніе народности въ дѣлѣ науки, представляется въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны, сродство мысли познающей съ мыслью, проявившею себя исторически, заключаетъ въ себѣ одно изъ существенныхъ условій постиженія внутренняго смысла и побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ эти проявленія; съ другой, непричастность народнаго воззрѣнія къ предубѣжденіямъ и односторонностямъ, налагающимъ свое клеймо на воззрѣніе другихъ народовъ, даетъ возможность общечеловѣческому воззрѣнію постепенно расширяться и освобождать себя отъ тѣсныхъ рамокъ, временно его ограничивающихъ. Къ сожалѣнію, эти понятія, столь простыя и, кажется, ни для [illegible] безобидныя, сдѣлавшись предметомъ литературныхъ [illegible] жили вокругъ себя множество совершенно про[illegible] [illegible]еній.

Потребность народнаго воззрѣнія многіе принимаютъ за желаніе, во что бы ни стало, отличиться отъ другихъ, какъ будто бы въ этомъ отличіи заключалась цѣль направленія. Имъ кажется, что ученый, садясь за свой рабочій столъ, задаетъ себѣ задачу выдумать, изобрѣсти русское народное воззрѣніе, напримѣръ, хоть на феодализмъ. Нельзя же ему повторять, что̀ сказали Гизо или Гриммы: то были нѣмцы! И созданный воображеніемъ труженикъ, несчастная жертва воображаемыхъ дурныхъ совѣтовъ, грызетъ перо, потираетъ себѣ лобъ и губитъ время въ безплодной гоньбѣ за оригинальностью. Но вольно же въ такой формѣ представлять себѣ участіе народности въ развитіи науки! Неразумное, безотчетное и преднамѣренное отрицаніе чужаго потому только, что оно чужое, при недостаткѣ своего, при внутренней пустотѣ, не поведетъ къ расширенію области знанія; этого никогда никто и не утверждалъ. Напротивъ, при обиліи понятій, почерпнутыхъ изъ народной жизни, при богатствѣ внутренняго содержанія, никогда пользованіе чужими трудами не поработитъ мысли. Здравое понятіе о народности ограничивается, съ одной стороны, боязнью исключительности, съ другой — боязнью слѣпаго подражанія. Эта послѣдняя боязнь, имѣвшая безспорное основаніе въ первоначальныхъ пріемахъ науки, пересаженной въ Россію изъ Западной Европы, теперь начинаетъ исчезать. Мы слышимъ безпрестанно: слѣпое подражаніе не годится, и мы готовы сочувствовать всякому противодѣйствію его крайностямъ; но всѣ ли, повторяющіе эти слова, ясно сознаютъ, что такое золотая средина, что̀ крайности и при какихъ условіяхъ, какими средствами можно отъ нихъ уберечься? Вооружившись скребками и ножницами, подскабливая и обрѣзывая то, что̀ покажется намъ крайностью въ чужомъ воззрѣніи, мы не спасемъ своей умственной самостоятельности; перепечатывая чужое твореніе съ замѣномъ превосходной степени положительною тамъ, гдѣ почудится намъ признакъ излишняго увлеченія, мы только обезцвѣтимъ чужую мысль или откинемъ выводы, признавая основныя посылки. Всѣхъ этихъ механическихъ пріемовъ чуждается живой процессъ усвоенія народнымъ сознаніемъ чужой образованности. Если нужно, для уясненія его, при-

укѣ. Откровенно сознаемся, мы не умѣли высмотрѣть этой опасности; даже теперь намъ кажется, что чувство самонадѣянности такъ же естественно можетъ быть возбуждено созерцаніемъ нашихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, открытій, преувеличенною оцѣнкою того, чѣмъ мы обязаны самимъ себѣ или что̀ себѣ приписываемъ, какъ и благодарнымъ признаніемъ даровыхъ преимуществъ, которыми мы обязаны народнымъ началамъ или историческимъ условіямъ. Мы также не видимъ причинъ отказаться отъ прежде высказаннаго мнѣнія, что мы далеко еще не освободились отъ подражательности; но напротивъ убѣждаемся болѣе и болѣе, что, по своей живучести, она безпрестанно мѣняетъ свои формы и черезъ это ускользаетъ въ насъ самихъ отъ самаго зоркаго наблюденія. Правда, мы теперь уже не рѣшаемся съ прежнею наивностью проповѣдывать поклоненіе чужеземному, потому что оно чужеземно; но какая въ томъ польза, если умственные плоды долговременной подражательности до сихъ поръ еще составляютъ обильный запасъ не фактическихъ свѣдѣній, которыми мы бѣдны, а безсвязныхъ, несоглашенныхъ между собою понятій и представленій, когда-то принятыхъ на вѣру, потомъ усвоенныхъ привычкою и теперь примѣняемыхъ нами безсознательно, какъ общечеловѣческія истины, какъ безусловные законы и правила? Къ несчастію, намъ удалось увѣрить себя, что, присвоивъ себѣ наставническіе пріемы и ставши въ наставническую позитуру передъ своею народностью, мы черезъ это будто бы поднялись на высоту, недоступную никакому пристрастному увлеченію. Отъ того-то намъ такъ трудно убѣдиться, что подъ этимъ мнимымъ безстрастіемъ скрывается невольное пристрастіе къ чужому и неумѣніе сочувствовать своему.

При такомъ настроеніи умовъ, ничто не можетъ принести такой пользы, ничто не заслуживаетъ такого признательнаго вниманія, какъ именно тѣ явленія мысли, въ которыхъ наши несознанныя заблужденія рѣзко выступаютъ наружу и, какъ будто невольно, сами напрашиваются на заслуженное осужденіе. Никогда самые строгіе противники господствующаго воззрѣнія не нанесутъ ему такихъ ударовъ и не разоблачатъ такъ безпощадно слабыхъ сторонъ, какъ неосторожные

его послѣдователи, вѣрные основному началу и безбоязненно, не оглядываясь по сторонамъ, проводящіе его сквозь всѣ примѣненія. Пускай другіе отъ нихъ отрекаются и называютъ ихъ выводы крайностями. Мы сами знаемъ, что очень часто здравое чувство истины и мѣры у большинства дѣйствительно — образованныхъ людей спасается черезъ непослѣдовательность отъ требованій логики. Это счастье, и было бы непростительно не цѣнить его и приписывать всѣмъ или многимъ крайности одного. При всемъ томъ, повторяемъ, крайности для всѣхъ поучительны. На нихъ невольно останавливается вниманіе, и самый разсѣянный умъ, поражаясь ихъ уродливостью и въ тоже время сознавая ихъ неоспоримую связь съ цѣлымъ кругомъ господствующихъ понятій, естественно побуждается изслѣдовать, не скрывается ли въ самыхъ этихъ понятіяхъ незамѣченное прежде, можетъ быть, нечувствительное уклоненіе въ сторону отъ прямаго пути, и наконецъ, самое начало, изъ котораго эти понятія исходятъ, не носитъ ли односторонности въ своемъ корнѣ. Дѣло критики, по возможности, прослѣдить родословную нечаянно явившейся мысли; за тѣмъ, принять или не принять ее— дѣло читателей.

Прежде всего, мы должны подробно и, по возможности, словами самого автора изложить содержаніе его статьи.

Онъ задаетъ себѣ вопросъ: отчего Пензенскій крестьянинъ, лишь оторвется отъ заботъ, то тотчасъ ищетъ развлеченія внѣ дома, тогда какъ, наоборотъ, промышленный ярославецъ отъ своего дѣла спѣшитъ домой, въ семью, перемолвить слово съ женою? Отчего второй вообще смышленнѣе перваго, нравомъ мягче, не дичится улучшеній, сына учитъ грамотѣ и живетъ опрятнѣе [1])?

[1]) Кажется, этотъ вопросъ разрѣшается очень просто. Мы обыкновенно ищемъ развлеченія внѣ обычнаго круга нашихъ занятій; пахарь же круглый годъ—дома, въ деревнѣ, а промышленникъ—на сторонѣ, въ городѣ. Промышленникъ испытываетъ болѣе разнообразныхъ впечатлѣній извнѣ, образуется снаружи; поверхность его скоро шлифуется, иногда въ ущербъ нравственности; наоборотъ, пахарь, заключенный въ болѣе тѣсной и однообразной средѣ, образуется размышленіемъ, если можно такъ выразиться, изнутри, гораздо медленнѣе, чѣмъ промышленникъ, за то

„Пензенскій крестьянинъ, отвѣчаетъ самъ себѣ авторъ, страдаетъ лѣнью ума, и ничто въ его быту не подстрекаетъ его избавиться отъ этой болѣзни. Остановитесь дорогою въ избѣ, заговорите съ полуграмотнымъ мужикомъ, о чемъ угодно; вы замѣтите, что онъ охотно заведетъ рѣчь о чугункѣ, о паровикѣ [2]), даже о рычагѣ и грамотѣ, все это въ мѣру своихъ младенческихъ понятій; но видно, что все это его безсознательно интересуетъ, что ему хотѣлось бы обо всемъ этомъ поближе разузнать; еще шагъ — и его положительный умъ приведетъ его къ мысли о необходимости поучиться. Но что-то пыхтитъ близко васъ и ворчитъ въ досадѣ; это пыхтящее существо есть безобразная *чучела* [3]), безобразно, грязно одѣтая, которая развалилась на печи, на палатяхъ или на скамьѣ, не помышляя о томъ, — благопристройна или нѣтъ ея артистическая поза; это существо—*баба;* она услышала что-то для нея особое, непривычное—и испугалась, чтобы эта выдумка не подѣйствовала на нее“.

„Отчего же происходитъ это замѣчательное различіе ме-

прочнѣе. Онъ болѣе дорожитъ своими убѣжденіями и держится ихъ тверже. Промышленникъ склоннѣе къ грамотѣ, потому что она для него нужнѣе а живетъ опрятнѣе потому, что его занятіе чище. Таковы общія отличительныя свойства земледѣльческаго и промышленнаго сословій, и не въ одной Россіи, а повсемѣстно.

²) Не понимаемъ, какая можетъ быть охота заводить мимоходомъ разговоръ о чугункѣ и о паровикѣ съ полуграмотнымъ степнымъ крестьяниномъ, который никогда ихъ не видалъ (дай Богъ, чтобы увидѣлъ!) и не можетъ составить себѣ объ нихъ никакого представленія, ни даже выразумѣть самой ихъ возможности, по недостатку необходимыхъ приготовительныхъ понятій. У насъ думаютъ, что можно въ крестьянинѣ пробудить охоту къ ученію, озадачивъ его на первыхъ же порахъ разсказами о предметахъ самыхъ отдаленныхъ отъ его обыкновеннаго круга понятій и дѣйствій! Напрасно! у крестьянина такъ мало досуга, что въ жизни его почти нѣтъ мѣста для любопытства. Онъ приметъ съ участіемъ только то, что́ имѣетъ непосредственное отношеніе къ духовнымъ и нравственнымъ вопросамъ, близкимъ каждому человѣку, особенно же Русскому крестьянину, или что́ примѣняется къ его быту,—иными словами, что можетъ содѣйствовать къ его образованію. Конечно, гораздо легче сразу обдать его массою отрывочныхъ свѣд[illegible], чѣмъ самому научиться новое предлагать ему въ связи со с[illegible]знакомымъ ему.

³) Сколько въ этомъ изобра[illegible] сочувствія къ меньшей братьѣ!

жду нашимъ мужикомъ и бабою? Дѣло просто: мужикъ болѣе развитъ, онъ *и работаетъ, и ѣздитъ на базаръ*, видитъ и слышитъ то и другое; невольно умъ его приходитъ въ нѣкоторое движеніе; трудомъ тѣла возбуждается также до нѣкоторой степени и трудъ ума [4]). Баба же сидитъ дома, никого и ничего, кромѣ поля да печи не видитъ [5]), ничто не привлекаетъ [6]) ничто не *разсѣеваетъ* [7]), ничто не интересуетъ, слѣдовательно, ничто не развиваетъ ее; ей бы только *поѣсть* и *поспать* [8]). Другихъ потребностей она не знаетъ, даже потребности нравиться, столь сродной женскому характеру [9]), что однакоже, какъ извѣстно, нисколько не образуетъ безпорочности и не мѣшаетъ въ этомъ мірѣ, такъ называемымъ въ романахъ [10]) *нѣжнымъ слабостямъ;* только здѣсь онѣ являются въ видѣ простого скотскаго побужденія или ради пары грошей".

---

[4]) Стало-быть въ Пензенской губерніи женщины не работаютъ; мы это примемъ къ свѣдѣнію.

[5]) Крестьянинъ сверхъ того видитъ еще и базаръ: — это, по мнѣнію автора, главная школа образованія.

[6]) Итакъ, мужъ, дѣти, домъ, все это для нея не существуетъ.

[7]) Разсѣяніе—вотъ первое существенное условіе образованія.

[8]) Хотѣлось бы спросить: кто въ Пензенской губерніи на ранней зарѣ отправляется за водою, потомъ затапливаетъ печь, мѣситъ тѣсто, печетъ хлѣбъ, готовитъ обѣдъ и ужинъ, кто ежечасно отрывается отъ дѣла и подбѣгаетъ къ люлькѣ, чтобы накормить расплакавшагося груднаго ребенка; кто копается на огородѣ, убираетъ сѣно, раскидываетъ навозъ, жнетъ и укладываетъ снопы на телѣги; кто треплетъ ленъ и коноплю, стрижетъ овецъ, доитъ коровъ, моетъ шерсть, прядетъ, выдѣлываетъ холстъ и сукно, шьетъ и чинитъ бѣлье на весь домъ, и пр. и пр.?—Вѣроятно на все это имѣется въ каждой избѣ особая кормилица, гувернантка, стряпуха, швея, а для ряженыхъ работъ батрачки. Завидное житье Пензенскихъ неработающихъ бабъ!

[9]) Мы увидимъ ниже изъ словъ самаго же автора, что баба во всемъ принаравливается къ требованіямъ и вкусу своего мужа, слѣдственно старается ему нравиться, только не такъ и не въ томъ, въ чемъ бы хотѣлось автору.

[10]) Ниже авторъ признаетъ необходимымъ ввести въ кругъ образованія крестьянокъ чтеніе романовъ. Ужъ не съ тѣмъ ли, чтобы научить ихъ называть нѣжными слабостями то, въ чемъ выражается скотское побужденіе или корыстолюбіе?

„Это безпечное нежеланіе нравиться баба, разумѣется, сохраняетъ въ особенности къ мужу; мужъ, возвращаясь домой, не находитъ ничего для него привлекательнаго, кромѣ печи. Естественная стихія женщины есть изящество; источникъ этой стихіи, играющей столь важную роль въ образованіи человѣка, для мужика не существуетъ; оттого онъ и придерживается кабака“.

„Само собою разумѣется, что, при указаніи на эту причину, разсматриваемый индивидуумъ (индивидуумъ, котораго авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію, есть тотъ же Пензенскій крестьянинъ) не согласится съ вами, какъ Китаецъ не согласится съ убѣжденіемъ Европейца. Онъ убѣжденъ (то есть Китаецъ или Русскій мужикъ), что такъ это не должно быть, что бабѣ въ домѣ не командовать [11]), и что нечего о ней заботиться. Вслѣдствіе этого баба грязнѣетъ и опускается“.

„Не знаю отчего, но только трудно найти страну, гдѣ бы деревенскія женщины такъ дурно одѣвались и сами были такъ дурны, какъ въ здѣшней (Пензенской). Мужчины—другое дѣло: при окладистой бородѣ и широкихъ плечахъ, они смотрятъ ничемъ не хуже какого угодно изъ Европейскихъ земледѣльцевъ [12]) хотя нѣсколько приземисты; но женщины! о, онѣ настоящія *бабы* [13]), и невѣдомо отъ чего это происходитъ, но только; не говоря о мужѣ, даже на постороннихъ видъ ихъ не можетъ не наводить унынія.....“

„Но кто же виноватъ въ этомъ безобразіи крестьянокъ, въ ихъ неопрятности, въ ихъ закоснѣлости, даже въ ихъ безобразной одеждѣ? Отчасти и сами крестьяне, которые умы-

---

11) А развѣ по мнѣнію Европейца, написавшаго статью, должно быть наоборотъ? Совѣтуемъ ему справиться, каково бываетъ житье въ тѣхъ домахъ, гдѣ командуетъ баба.

12) Лестно! но не слишкомъ ли много уступлено? Какъ бы не породилъ этотъ отзывъ такого же самохвальства, какого опасаются отъ выраженнаго желанія, чтобы мы, подобно другимъ Европейцамъ, смотрѣли на самихъ себя и на весь міръ своими глазами и думали своимъ умомъ?

13) Кажется, это слово, въ понятіяхъ автора, имѣетъ какое то особенно выразительное значеніе. [illegible] ылъ онъ, узнавъ, что даже въ Германіи простой человѣк[illegible] [illegible]ину безцеремонно Weib, даже Weibstück, тогда ка[illegible] [illegible]ine Dame и gnädige Frau?

шленному неизяществу женъ своихъ покровительствуютъ, а иногда его и требуютъ [14])".

„Только до замужества крестьянки наши стараются нравиться [15]); выйдя же за мужъ, онѣ, кажется, употребляютъ всѣ мѣры, чтобы казаться, какъ можно безобразнѣе, и въ томъ даже поставляютъ какое-то полудикое достоинство. Какъ это ни покажется съ перваго взгляда страннымъ, но для благосостоянія страны нужно, чтобъ и крестьянскія женщины въ извѣстной степени были красивы, развиты умомъ и даже.... прошу не прогнѣваться, хорошо одѣвались; то есть, не то чтобы въ богатыя ткани, а въ свои бѣдныя, но съ нѣкоторою заботливостію объ опрятности, даже со вкусомъ, и вкусомъ не какимъ либо Калмыцкимъ или Китайскимъ, а *общеславянскимъ*, для чего можно принять за образецъ *Малороссію* [16]),

[14]) Итакъ, вотъ въ какой безвыходный кругъ мы попали. Мужикъ пьянствуетъ и дремлетъ умомъ, потому что дома ему скучно; дома же скучно, потому что жена его безобразная чучела, лежащая на печи и наводящая уныніе своимъ видомъ: но на повѣрку выходитъ, что самъ же мужъ убѣжденъ, что баба должна быть именно такою, какова она есть: онъ самъ этого отъ нея требуетъ. Какъ же быть? Съ кого начать, за кого приняться? Чувствуемъ, что хлопотъ будетъ много и что дѣло не обойдется безъ благодѣтельнаго вмѣшательства посторонней власти, которая одна можетъ привить стихію изящества къ Русскимъ Китайцамъ.

[15]) Въ этомъ замѣчаніи много правды. Изъ нашихъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ (какъ это замѣтилъ первый К. С. Аксаковъ, отъ котораго „Р. Бесѣда" ожидаетъ подробной статьи о народномъ бытѣ по пѣснямъ) дѣйствительно видно, что въ понятіяхъ Русскаго человѣка женщина только до замужества живетъ для себя и, говоря словами автора, старается нравиться, кому хочетъ. Съ выходомъ за мужъ, эта веселая. беззаботная пора смѣняется другою, болѣе строгою. Начинается трудъ, подвигъ жизни и постоянное жертвованіе собою мужу, семьѣ и дому. Жена, мать, хозяйка живетъ уже не для себя, а для другихъ, и всѣ свои требованія и вкусы подчиняетъ желаніямъ и волѣ своего мужа, главы семейства. Ему одному она старается угождать и нравиться, какъ это ясно вытекаетъ изъ словъ самого же автора. Но весь этотъ порядокъ (мимоходомъ будь сказано, въ основныхъ понятіяхъ совершенно сходный съ воззрѣніемъ Англичанъ на семейную жизнь), не нравится автору. Такъ ли процвѣтаетъ семейная жизнь въ тѣхъ обществахъ, гдѣ дѣвушекъ до замужества держатъ въ монастыряхъ или пансіонахъ и гдѣ съ выходомъ за мужъ онѣ вырываются на волю и начинаютъ искать развлеченія?

[16]) За снисходительное допущеніе общеславянскаго вкуса приносимъ

гдѣ, на взглядъ многихъ, и народная женская одежда хороша, и сами женщины недурны.... Повѣрьте, что эти кажущіеся пустяки принесутъ большую долю счастья странѣ, точно такъ же, какъ глотокъ какой нибудь благодѣтельной микстуры, глотокъ, *данный насильно* [17]), поднимаетъ человѣка съ одра болѣзни и заставляетъ впослѣдствіи благословлять свою судьбу".

„Скажу болѣе, и не ради шутки, а ради дѣла: вовсе бы не худо деревенскимъ женщинамъ, примѣрно хотя до 30 лѣтъ, заботиться о своей таліи. Здѣсь не о корсетѣ дѣло; но неужели нельзя обойтись безъ безобразной и вредной своимъ нажимомъ повязки сверхъ грудей? Женщина безъ таліи тоже, что мужчина въ халатѣ; женщина съ таліею тоже, что мужчина въ сертукѣ [18]). Отъ сертука человѣкъ развязнѣе, ловчѣе въ своихъ движеніяхъ; развязная же женщина во всѣхъ отношеніяхъ и полезнѣе, и милѣе мужу, и при такой женѣ мужъ будетъ чаще дома, слѣдственно больше прилагать попеченія о хозяйствѣ".

„Пріобрѣтя такимъ образомъ влеченіе къ изящному, крестьянинъ и со скотомъ будетъ лучше обходиться, станетъ заводить улучшенныя породы рогатаго скота и лошадей, будетъ лучше строиться [19]), начнетъ подстригать нѣсколько свою бороду [20]), сдѣлается самъ ловчѣе, развязнѣе, не допуститъ за собою недоимки, уже не изъ опасенія побоевъ, а просто

искреннюю благодарность: но не лучше ли прямо, безъ всякихъ переходовъ, одѣть всѣхъ бабъ по *общечеловѣческой модѣ?* Если вкусъ *Малороссійскій* жалуется въ *общеславянскій*, мы право не видимъ, почему бы не ввести, напримѣръ, *Швейцарскій* костюмъ, произведя его предварительно въ *общечеловѣческій*?

17) Просимъ обратить вниманіе на эти слова.

18) Здѣсь такъ и просится въ приложеніе модная картинка, по которой, кажется, образовался эстетическій вкусъ автора.

19) Итакъ, главная причина, почему у насъ въ деревняхъ нѣтъ еще улучшенныхъ породъ, а въ степныхъ мѣстахъ дурно строятся, заключается не въ недостаткѣ хорошихъ кормовъ, не въ періодическихъ падежахъ, не въ отсутствіи вѣрнаго сбыта, не въ скудости строительныхъ матеріаловъ и затруднительности ихъ привоза, а въ неразвитости эстетическаго вкуса.

20) А со временемъ завиваться и помадиться? Будемъ надѣяться!

отъ стыда [21]), и, взятый въ рекруты, скорѣе сдѣлается штуцернымъ стрѣлкомъ....“

„Припомните, что все бываетъ грубо въ обществѣ до тѣхъ поръ, пока женщина не *просвѣтится*. Смѣйтесь, сколько вамъ угодно; но по моему необходимо надобно *добиться* до такихъ семейныхъ отношеній, чтобы крестьянинъ считалъ большимъ удовольствіемъ поцѣловать руку своей жены [22]). Не правда ли это очень смѣшно [23])? Мужикъ будетъ цѣловать руку у бабы! Еслибъ объ этомъ услышали наши дѣды, они бы удивились этому больше, нежели желѣзной дорогѣ. Но истина важнѣе всякихъ дѣдовскихъ предубѣжденій. *Добейтесь* до установленія такихъ *учтивыхъ*, *нѣжныхъ отношеній* между мужикомъ и бабою, и все пойдетъ иначе: и воспитаніе дѣтей и исполненіе общественныхъ повинностей....“

„Но какимъ образомъ достигнуть всего этого? Не такъ трудно, какъ думаете. Вкусъ, умягченіе нравовъ, какъ уже сказано, достигаются образованіемъ женщины, а женщина лучше всего образуется примѣромъ... Но важный вопросъ въ томъ, что̀ это за *вещество* [24]) это пресловутое образованіе, и какъ его понимать? Многіе понимаютъ его въ наружномъ лоскѣ, но это вздоръ [25]). И лоскъ конечно не мѣшаетъ, но сущность образованія главнѣйше должна состоять въ понятіяхъ о всемъ видимомъ мірѣ, въ знакомствѣ съ человѣческою дѣятельностью на пространствѣ всей вселенной, стало быть тутъ нужна исторія и *хорошая* [26]) географія; не худо также прочесть нѣсколько хорошихъ романовъ. Что же касается до матеріальнаго образованія, до математики

---

[21]) Все это отъ введенія Малороссійской одежды и таліи!

[22]) Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ главный признакъ просвѣщенія. Городничиха, въ „Ревизорѣ“, выражала тоже понятіе, но по своему: ей хотѣлось, чтобы въ домѣ все было *амбре*.... Да! трудно будетъ этого *добиться* отъ Русскаго мужика, и прежде чѣмъ *добьются*, придется многое и многихъ *добить*.

[23]) Правда, но въ тоже время и грустно!

[24]) Образованіе — вещество; просимъ замѣтить это слово.

[25]) Дѣйствительно, есть такіе люди; но авторъ такъ положительно увѣряетъ, что это вздоръ, что ему нельзя не повѣрить.

[26]) Хорошо еще, что не *дурная!*

свыше ариѳметики, то подобныя вещи женщинамъ почти не нужны [27])"...

„Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ цѣль лучше всего достигнется, если умныя, молодыя помѣщицы будутъ окружать себя своими крестьянками хотя въ видѣ *дворовыхъ дѣвушекъ* [28]), почаще съ ними заниматься и разговаривать. Образованныхъ такимъ образомъ *дворовыхъ дѣвушекъ* и должно *выдавать за крестьянъ* [29]). Кажется, что брадатыхъ мужей тутъ нечего пугаться [30]). Право, иная не бритая борода, въ особенности если она не жидкая и окладистая, красивѣе многихъ гладко - выбритыхъ".

„Здоровье и красота сельскому классу, въ особенности женщинамъ, какъ матерямъ и образовательницамъ грядущихъ поколѣній, лучше всего достигается черезъ улучшенную пищу и черезъ нѣкоторое облегченіе въ самыхъ тяжелыхъ крестьянскихъ работахъ [31]), которыя въ такомъ случаѣ слѣдуетъ мужчинамъ брать на себя [32]). Но обыкновенно [33]) пре-

---

[27]) Программа составлена такъ мастерски и отчетливо, исчисленные предметы такъ полно и всесторонне обнимаютъ очерченный кругъ образованія—весь видимый міръ и человѣческую дѣятельность на пространствѣ всей вселенной — что трудно было бы прибавить къ ней или выкинуть изъ нея что̀ бы то ни было... И это все печатается въ „Земледѣльческой Газетѣ" послѣ того, какъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, превосходное изданіе Московскаго Общества Сельск. Хоз. о народной грамотности разошлось по всей Россіи!

[28]) Итакъ, прививка образованія къ крестьянамъ черезъ дворовыхъ—вотъ къ чему сводится вся система автора. Нельзя отрицать строгой логики въ выборѣ средствъ и совершенной ихъ сообразности съ цѣлью.

[29]) Замѣтьте: *выдавать*. Этого также нужно будетъ *добиваться* и мы ручаемся, что изъ многихъ *насильныхъ глотковъ*, ожидающихъ русскаго крестьянина, такая женитьба будетъ для него не самымъ сладкимъ.

[30]) Въ комъ предполагается страхъ бороды, въ дворовой дѣвушкѣ или въ помѣщицѣ? Вѣроятно, авторъ имѣетъ въ виду успокоить опасенія помѣщицы, потому что она *выдаетъ;* подборъ жениховъ къ невѣстамъ—ея дѣло.

[31]) Помнится, выше было сказано, что бабы не имѣютъ другихъ занятій, кромѣ ѣды, спанья и лежанія на печи; а теперь открывается, что онѣ же исправляютъ еще какія-то тяжелыя крестьянскія работы. Не измѣнится ли отъ этого открытія и самое предположеніе о цѣлованіи рукъ?

[32]) Этотъ совѣтъ очень хорошъ. Мужчины, какъ извѣстно, ведутъ почти праздную жизнь, досуга у нихъ много; такъ, какъ бы имъ не взять, сверхъ обыкновеннаго своего, еще лишній урокъ?

[33]) Гдѣ же ведется такое обыкновеніе?

обладаетъ мнѣніе, что пища не имѣетъ тутъ ни малѣйшаго вліянія"...

Авторъ доказываетъ, что это несправедливо и продолжаетъ: „Перемѣна крови въ настоящемъ случаѣ, какъ ясно каждому, невозможна, а потому и остается другими средствами улучшать наружность племени: поменьше золотухъ, чесотокъ, *побольше пляски, даже танцевъ* [34]), и даже гимнастическихъ упражненій, получше столъ, и вотъ пройдетъ поколѣніе, какъ прежняго племени уже не узнаете [35])".

„Такъ вопросъ объ образованіи сельскаго класса, взявъ середину между опрометчивымъ преуспѣяніемъ и упрямою неподвижностью, можетъ быть двинутъ впередъ, не раскаяваясь въ послѣдствіяхъ... Истина будетъ на сторонѣ умѣренныхъ, на сторонѣ избирающихъ середину [36])".

Довольно! Просимъ чистосердечно извиненія у издателей „Земледѣльческой Газеты", если мы неумѣренно воспользовались правомъ всякаго рецензента — приводить цѣликомъ замѣчательныя мѣста изъ разбираемаго сочиненія; но мы затруднялись въ выборѣ: мы боялись, представивъ одно сжатое извлеченіе, возбудить сомнѣніе въ вѣрности передачи, и, наконецъ, мы хотѣли сохранить это живое движеніе подлинной рѣчи, этотъ особенный колоритъ изложенія, которымъ такъ удовлетворительно объясняется непосредственное отношеніе мысли писателя къ Русскому человѣку, предмету его наблюденій и будущихъ опытовъ. Что же касается до читателей „Русской Бесѣды", то они конечно не упрекнутъ насъ за длинныя выписки. Не всякій же день удастся прочесть такую статью. Она говоритъ сама за себя, и мы увѣрены, что

[34]) Любопытно бы знать, въ чемъ разница между пляскою и танцами?

[35]) Заманчивое житье: тяжелыя работы по-боку, вмѣсто ихъ пляски, даже танцы, какія-то гимнастическія упражненія, чтеніе романовъ.,. все это готовится деревенскимъ бабамъ; и въ заключеніе мужъ, принявшій на себя всю тяжелую работу, по возвращеніи домой, сочтетъ себя достойно-награжденнымъ, если жена позволитъ ему приложиться къ своей рукѣ.

[36]) Итакъ все, что̀ было предложено, обѣщано, все это—золотая середина, а крайностей мы еще и не видали!

свыше ариѳметики, то подобныя вещи женщинамъ почти не нужны [27])"...

„Въ помѣщичьихъ имѣнiяхъ цѣль лучше всего достигнется, если умныя, молодыя помѣщицы будутъ окружать себя своими крестьянками хотя въ видѣ *дворовыхъ дѣвушекъ* [28]), почаще съ ними заниматься и разговаривать. Образованныхъ такимъ образомъ *дворовыхъ дѣвушекъ* и должно *выдавать за крестьянъ* [29]). Кажется, что брадатыхъ мужей тутъ нечего пугаться [30]). Право, иная не бритая борода, въ особенности если она не жидкая и окладистая, красивѣе многихъ гладко - выбритыхъ".

„Здоровье и красота сельскому классу, въ особенности женщинамъ, какъ матерямъ и образовательницамъ грядущихъ поколѣнiй, лучше всего достигается черезъ улучшенную пищу и черезъ нѣкоторое облегченiе въ самыхъ тяжелыхъ крестьянскихъ работахъ [31]), которыя въ такомъ случаѣ слѣдуетъ мужчинамъ брать на себя [32]). Но обыкновенно [33]) пре-

---

27) Программа составлена такъ мастерски и отчетливо, исчисленные предметы такъ полно и всесторонне обнимаютъ очерченный кругъ образованiя—весь видимый мiръ и человѣческую дѣятельность на пространствѣ всей вселенной — что трудно было бы прибавить къ ней или выкинуть изъ нея чтò бы то ни было... И это все печатается въ „Земледѣльческой Газетѣ" послѣ того, какъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, превосходное изданiе Московскаго Общества Сельск. Хоз. о народной грамотности разошлось по всей Россiи!

28) Итакъ, прививка образованiя къ крестьянамъ черезъ дворовыхъ— вотъ къ чему сводится вся система автора. Нельзя отрицать строгой логики въ выборѣ средствъ и совершенной ихъ сообразности съ цѣлью.

29) Замѣтьте: *выдавать*. Этого также нужно будетъ *добиваться* и мы ручаемся, что изъ многихъ *насильныхъ глотковъ*, ожидающихъ русскаго крестьянина, такая женитьба будетъ для него не самымъ сладкимъ.

30) Въ комъ предполагается страхъ бороды, въ дворовой дѣвушкѣ или въ помѣщицѣ? Вѣроятно, авторъ имѣетъ въ виду успокоить опасенiя помѣщицы, потому что она *выдаетъ;* подборъ жениховъ къ невѣстамъ—еядѣло.

31) Помнится, выше было сказано, что бабы не имѣютъ другихъ занятiй, кромѣ ѣды, спанья и лежанiя на печи; а теперь открывается, что онѣ же исправляютъ еще какiя-то тяжелыя крестьянскiя работы. Не измѣнится ли отъ этого открытiя и самое предположенiе о цѣлованiи рукъ?

32) Этотъ совѣтъ очень хорошъ. Мужчины, какъ извѣстно, ведутъ почти праздную жизнь, досуга у нихъ много; такъ, какъ бы имъ не взять, сверхъ обыкновеннаго своего, еще лишнiй урокъ?

33) Гдѣ же ведется такое обыкновенiе?

обладаетъ мнѣніе, что пища не имѣетъ тутъ ни малѣйшаго вліянія"...

Авторъ доказываетъ, что это несправедливо и продолжаетъ: „Перемѣна крови въ настоящемъ случаѣ, какъ ясно каждому, невозможна, а потому и остается другими средствами улучшать наружность племени: поменьше золотухъ, чесотокъ, *побольше пляски, даже танцевъ* [34]), и даже гимнастическихъ упражненій, получше столъ, и вотъ пройдетъ поколѣніе, какъ прежняго племени уже не узнаете [35])".

„Такъ вопросъ объ образованіи сельскаго класса, взявъ середину между опрометчивымъ преуспѣяніемъ и упрямою неподвижностью, можетъ быть двинутъ впередъ, не раскаяваясь въ послѣдствіяхъ... Истина будетъ на сторонѣ умѣренныхъ, на сторонѣ избирающихъ середину [36])".

Довольно! Просимъ чистосердечно извиненія у издателей „Земледѣльческой Газеты", если мы неумѣренно воспользовались правомъ всякаго рецензента — приводить цѣликомъ замѣчательныя мѣста изъ разбираемаго сочиненія; но мы затруднялись въ выборѣ: мы боялись, представивъ одно сжатое извлеченіе, возбудить сомнѣніе въ вѣрности передачи, и, наконецъ, мы хотѣли сохранить это живое движеніе подлинной рѣчи, этотъ особенный колоритъ изложенія, которымъ такъ удовлетворительно объясняется непосредственное отношеніе мысли писателя къ Русскому человѣку, предмету его наблюденій и будущихъ опытовъ. Что же касается до читателей „Русской Бесѣды", то они конечно не упрекнутъ насъ за длинныя выписки. Не всякій же день удастся прочесть такую статью. Она говоритъ сама за себя, и мы увѣрены, что

---

[34]) Любопытно бы знать, въ чемъ разница между пляскою и танцами?

[35]) Заманчивое житье: тяжелыя работы по-боку, вмѣсто ихъ пляски, даже танцы, какія-то гимнастическія упражненія, чтеніе романовъ... все это готовится деревенскимъ бабамъ; и въ заключеніе мужъ, принявшій на себя всю тяжелую работу, по возвращеніи домой, сочтетъ себя достойно-награжденнымъ, если жена позволитъ ему приложиться къ своей рукѣ.

[36]) Итакъ все, что̀ было предложено, обѣщано, все это—золотая середина, а крайностей мы еще и не видали!

чтеніе ея не разъ будетъ прерываться невольными восклицаніями. Но первое впечатлѣніе, произведенное неожиданностью, скоро остынетъ, и тогда вѣроятно многимъ представится вопросъ: какимъ образомъ такая статья могла сложиться въ умѣ писателя, изъ какихъ общихъ понятій и представленій могъ возникнуть этотъ взглядъ на вещи, какими сторонами онъ соприкасается съ современнымъ движеніемъ общественной мысли? Вотъ что̀ бы мы желали теперь по возможности разъяснить. Переходя отъ частнаго примѣненія къ общимъ вопросамъ, мы естественно должны будемъ, кромѣ статьи г-на Великосельцева, принять въ соображеніе и другія литературныя произведенія, неизмѣримо далекія отъ нея по своему достоинству, но не лишенныя съ нею связи въ цѣпи господствующихъ понятій.

Прежде всего, насъ поражаетъ неоспоримая оригинальность этой статьи. Очевидно, что ничего похожаго на нее не могло бы выйти въ свѣтъ ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Германіи. Это чистый самородокъ, продуктъ нашей Русской современной образованности. Здѣсь выразилось особенное, у насъ развившееся отношеніе мыслящаго наблюдателя къ народной средѣ, изъ которой онъ вышелъ и на которую хочетъ дѣйствовать. Это отношеніе носитъ на себѣ ярко-отрицательный характеръ, чего вовсе и не скрываетъ авторъ. Онъ весь проникнутъ сильнымъ желаніемъ добра меньшей своей братьѣ; но, всматриваясь въ нее, онъ морщится, грустно качаетъ головою, отводитъ глаза съ отвращеніемъ и сознается, что не находитъ въ ней никакихъ зародышей, а развѣ только одну возможность прививки желаннаго добра. Русскій крестьянинъ—это какой-то Китаецъ закоснѣлый, безчувственный, грубый, съ превратными понятіями обо всемъ, непонимающій даже, чѣмъ должна быть для него жена, едва сохранившій способность вслушиваться въ поучительныя рѣчи пріѣзжаго барина. Его жена—это какой-то уродъ по наружному виду и по отсутствію всѣхъ нравственныхъ свойствъ, украшающихъ женщину; это не женщина, а чучело, словомъ—это баба. Вотъ что представляетъ дѣйствительность.

Но отрицательная сторона вопроса непремѣнно дополняется положительною и болѣе сложною, безъ которой не

можетъ быть полнаго разумѣнія чего бы то ни было въ человѣческой жизни, предполагаетъ если не сознанный, то предчувствуемый законъ. Мы говоримъ: это дурно, этого быть не должно, потому что слѣдуетъ быть иному. Мало того: понятіе, хотя темное, хотя непосредственное, объ идеальномъ совершенствѣ или о конечной цѣли, всегда слагается заранѣе и предшествуетъ критическому взгляду на жизнь; ибо критика выражаетъ потребность сличить то, что есть, съ тѣмъ, что должно быть. Въ настоящемъ случаѣ Русскому простонародному быту противополагается понятіе *образованности.* Оно даетъ тонъ всему воззрѣнію и потому требуетъ ближайшаго опредѣленія.

Образованность, образованіе — корень этихъ словъ и самое употребленіе ихъ указываетъ на свободное, изнутри совершившееся или продолжающееся развитіе того, что заключено въ предметѣ, что̀ составляетъ его сущность и собственною своею производительною силою стремится къ обнаруженію во внѣшнихъ формахъ, къ воплощенію себя въ образѣ.

Всматриваясь ближе, мы находимъ, что это опредѣленіе слагается изъ нѣсколькихъ предполагаемыхъ понятій. Вопервыхъ, мы вносимъ въ него понятіе о живой цѣльности образующагося организма; вовторыхъ, понятіе о внѣшнемъ мірѣ, охватывающемъ и проникающемъ его со всѣхъ сторонъ; втретьихъ, понятіе о живомъ процессѣ внутренней переработки всего воспринимаемаго извнѣ. Растеніе, заключенное въ зернѣ, и тоже растеніе, развернувшееся, пустившее изъ себя стволъ, вѣтви и листья, никогда не утрачиваетъ свойствъ цѣльнаго организма: живаго сочувствія всѣхъ его членовъ между собою, способности ощущать себя, какъ нѣчто единое. Внѣшнія стихіи, въ различныхъ сочетаніяхъ воздуха, воды и пр., безпрестанно къ нему приливаютъ, и весь матеріалъ, отъ нихъ заимствуемый, оно переработываетъ и претворяетъ въ себя процессомъ внутренняго питанія. Такимъ образомъ, въ каждую минуту его существованія, на какомъ бы моментѣ мы ни захватили образовательный процессъ, онъ никогда не представляется намъ ни самодѣятельностью, отрѣшенною отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, ни чисто-страдательнымъ подчиненіемъ его давленію.

Употребляя слово образованіе безъ различія, когда мы говоримъ объ органической, неодушевленной природѣ и о человѣкѣ, мы этимъ самымъ ясно указываемъ на подмѣченное нами единство условій и законовъ, по которымъ совершается въ обоихъ случаяхъ раскрытіе внутренняго во внѣшнемъ.

Эти понятія такъ элементарны и просты, что въ нихъ не должно бы быть ничего ни страннаго, ни новаго; но именно въ наше время необходимо иногда повторить эту азбуку философскаго образованія, эти давно пройденные зады. Что дѣлать! У насъ съ нѣкотораго времени вошло въ моду такое безотчетное и вовсе неутѣшительное предубѣжденіе противу всѣхъ, такъ называемыхъ, отвлеченностей и такое исключительное довѣріе къ осязаемой сторонѣ голаго факта, что уясненіе самыхъ близкихъ къ намъ вопросовъ становится, ради этого, безконечно-труднымъ. Наши споры часто напоминаютъ знаменитый диспутъ двухъ дамъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя: „Милая, пестро! — Ахъ, не пестро! — Нѣтъ пестро“, и такъ далѣе, до изнеможенія. Да и можетъ ли быть иначе? На той почвѣ, на которой столкнулись противоположныя понятія или представленія, споръ не можетъ разрѣшиться ничѣмъ. Нужно подняться выше, отъ частнаго къ болѣе общему, отъ выводнаго къ начальному; нужно, наконецъ, чтобы обѣ стороны дошли до такого убѣжденія, въ которомъ онѣ сходятся, и затѣмъ отъ него спустились бы опять внизъ: ибо только тогда можетъ обнаружиться, которая изъ нихъ вѣрна въ своихъ выводахъ исходному началу.

Что̀-жъ, это трудно или безплодно? Судя по тому, съ какою горькою ироніей отзываются нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ о каждомъ свободномъ движеніи мысли, невольно подумаешь, что наступила пора, если не законнаго, то, по крайней мѣрѣ, понятнаго умственнаго пресыщенія, и что теперь на поприще науки выступило поколѣніе, выдержавшее полный философскій искусъ и вынесшее изъ него чувство тяжелаго разочарованія. Съ почтительнымъ состраданіемъ смотримъ мы на развитіе этой болѣзни въ Германіи; но у насъ, когда вспомнишь, что философскій искусъ ограничивался Логикою Кизеветтера, тѣже признаки возбуждаютъ

совершенно иное чувство. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ дало намъ право такъ безпощадно осуждать всякую попытку внести въ науку нѣсколько болѣе, чѣмъ группировку фактовъ, или выдавать за единственный надежный методъ въ наукѣ тотъ механическій процессъ разработки матеріаловъ, которымъ составляются изъ метрическихъ книгъ статистическія таблицы?

Не воспитавъ своей мысли, не усвоивъ себѣ ни положительныхъ, ни отрицательныхъ результатовъ современной философіи, не пріобрѣтя даже навыка возводить представленія въ понятія, мы бросились изъ одной крайности, извѣстной намъ по наслышкѣ, въ другую, гораздо худшую, худшую уже потому, что она не требуетъ напряженія мысли и находитъ свою поддержку въ томъ мірѣ, который дѣйствуетъ на насъ извнѣ, безъ участія нашей мыслительной способности и воли,

Мало-по-малу застилаются самыя элементарныя понятія, и на мѣсто ихъ всплываютъ грубо-вещественныя представленія. Мы надѣемся это показать, обставивъ идею образованности тѣми представленіями, изъ которыхъ сложилось воззрѣніе г. Великосельцева на образованіе русскаго народа.

Понятіе о духовной цѣльности человѣка постепенно вытѣсняется дробленіемъ его на отдѣльныя способности и силы, изъ которыхъ каждая развивается и дѣйствуетъ по своимъ особеннымъ законамъ и въ полномъ разобщеніи съ другими. Возникаетъ представленіе о какомъ-то ящикѣ съ глухими перегородками: вотъ въ этой клѣткѣ мѣсто для догматики— это по части благодати; а рядомъ, за перегородкою, помѣщается искусство—это департаментъ вкуса; тамъ, въ сторонѣ, наука, куда никакая другая способность, кромѣ отвлеченной мысли, проникать не должна; а тамъ и нравственность. Очень естественно, что для того, кто свыкся съ этими представленіями, трудно допустить, что всѣ способности человѣка подчиняются высшей духовной силѣ сознаніемъ просвѣтленнаго самообладанія, и что въ сущности у всѣхъ одна задача—созданіе цѣльнаго образа нравственнаго человѣка. За то намъ становится понятнымъ человѣкъ, какъ равнодушное вмѣстилище, въ которомъ укладываются разныя способности, и мы продолжаемъ толковать о высокомъ значеніи личности, не замѣчая, что мы же подорвали его, откинувъ понятіе о внут-

образомъ совершается усвоеніе готовой образованности необразованнымъ существомъ, какимъ образомъ оно постепенно образуется.

Кому случалось слѣдить за развитіемъ умственныхъ и душевныхъ способностей въ ребенкѣ съ самаго ранняго возраста, тотъ вѣроятно замѣчалъ, что прежде всего вниманіе его останавливается на самыхъ общихъ, отвлеченныхъ и въ тоже время самыхъ практическихъ вопросахъ, по ихъ прямому отношенію къ личности каждаго. Онъ старается уяснить себѣ, что такое Богъ, свое отношеніе къ Богу, въ чемъ выражается Промыслъ, откуда добро и зло; онъ вслушивается въ первое лепетаніе своей совѣсти и съ жадностью распрашиваетъ объ отношеніи міра видимаго къ міру невидимому, котораго первоначальное, темное ощущеніе проявляется въ особенномъ чувствѣ ужаса, неизвѣстно откуда западающемъ въ душу ребенка. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ расширяется кругъ его ощущеній, и новыя представленія, одно за другимъ, выдѣляются изъ сплошной массы явленій, онъ прежде всего старается по своему приладить ихъ къ понятіямъ, уже пріобрѣтеннымъ имъ, связать новое съ старымъ, и все, что дѣлается съ нимъ или въ его глазахъ, примѣнить къ себѣ, обратить въ урокъ для себя. Неожиданность этихъ примѣненій и быстрота, съ которою сужденіе слѣдуетъ за каждымъ наблюденіемъ, часто бываютъ поразительны и указываютъ на внутреннюю, никогда не перестающую работу души. Тамъ, на какомъ-то неугасающемъ огнѣ, весь матеріалъ, пріобрѣтаемый извнѣ, какъ будто растопляется и въ новомъ видѣ немедленно идетъ въ дѣло самообразованія. Кажется, что главная задача воспитанія состоитъ именно въ облегченіи этой внутренней работы, такъ чтобы содержаніе, потребное для нея, никогда не оскудѣвало и въ тоже время не подавляло самодѣятельности своимъ обиліемъ.

И въ развитіи цѣлаго народа начальное по существу своему усвоивается и опредѣляется въ началѣ. Возьмите любую образованность, завершившую полный кругъ своего развитія, и вы найдете въ основѣ ея систему религіозныхъ вѣрованій. Изъ нихъ вытекаютъ нравственныя понятія, подъ вліяніемъ которыхъ слагается семейный и общественный бытъ, а быто-

въ общемъ развитіи народнаго просвѣщенія кажется намъ дикою мыслью; но прежде, чѣмъ придти къ этому изумленію, мы должны были позабыть, что всѣ науки—вѣтви одной науки, что существуетъ только одна наука, и что самые существенные, коренные ея вопросы формулируются умомъ и въ тоже время глубоко захватываютъ совѣсть; что отъ этихъ основныхъ данныхъ, такъ или иначе разрѣшенныхъ сознаніемъ, во всей его жизненной цѣльности, каждая наука беретъ исходъ и къ нимъ же окончательно сводится.

Да не мечта ли это?—„Какая связь между добродѣтелью и химіею, между смиреніемъ и ботаникой?“ *). Не правда ли, самый вопросъ возбуждаетъ смѣхъ въ читателѣ, а возбужденный смѣхъ есть уже почти согласіе?

„Истина одна“—это мы знаемъ. Вотъ, напримѣръ: дважды два четыре, слѣдственно не пять. Но попробуйте сказать, что истина *едина* по существу своему, и что всѣ частныя истины сводятся къ одному явленію истины, и васъ закидаютъ вопросами: „Да гдѣ-жъ эта предполагаемая связь? Переведите ее въ цыфры, дайте ее ощупать! Развѣ не говоритъ намъ противнаго ежедневный опытъ? Вотъ, напримѣръ, лежитъ передъ нами программа гимназическаго экзамена; мы въ ней читаемъ: № 1, Законъ Божій; № 2, Исторія; № 3, Физика. По первому предмету пятерка, по второму единица, по третьему двойка; а поведеніе само по себѣ: это отдѣльная статья. Все это положительно и ясно, да гдѣ же тутъ связь?“.

Дѣйствительно нельзя не сознаться, что всѣ подобныя представленія, къ которымъ мы привыкаемъ изъ дѣтства, подкупаютъ своею обманчивою опредѣленностью. Нетрудно усвоить себѣ рубрики или подраздѣленія, основанныя на внѣшнихъ признакахъ. За то мы видимъ, какъ трудно бываетъ отъ нихъ освободиться и сквозь разграфленную бумагу уловить движеніе жизни, безостановочно текущей черезъ всѣ границы и затопляющей всѣ заборы.

Уяснивъ себѣ популярное представленіе о человѣкѣ или народѣ, которому предстоитъ образоваться, и о томъ, что входитъ въ кругъ образованности, разсмотримъ теперь, какимъ

---

*) См. Русск. Вѣстникъ 1856 г. № 9, стр. 69.

мое въ извѣстной поговоркѣ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Но не въ этомъ дѣло. Совѣтъ былъ бы безукоризненно хорошъ, еслибъ онъ былъ предложенъ не въ видѣ противуядія или спасительнаго предостереженія отъ предъявленнаго требованія самостоятельности народнаго мышленія. Въ настоящемъ случаѣ цѣль, съ которою употреблено слово *учись*, и понятія, которыми оно обставлено, даютъ ему особенное значеніе: „вступая въ область знанія, не забирай съ собою того, чѣмъ ты дорожишь, какъ Русскій, съ чѣмъ ты сроднился и сжился; опусти спасительную перегородку между жизнью и знаніемъ, откажись напередъ отъ всякаго *сужденія* о томъ, что̀ будутъ тебѣ внушать, даже не смѣй выбирать, ибо выборъ есть тоже сужденіе; учись, учись, учись!"

Да что̀ же, спросимъ мы, значитъ ученіе безъ свободнаго усвоенія, безъ внутренней оцѣнки, безъ сужденія и выбора? Такъ можно *учить* дитя, но развѣ такъ можно *учиться?* — Отвѣтъ подъ рукою: „давно ли спрашиваетъ *сосудъ* у хозяина, чѣмъ его наполнятъ? Какое дѣло пустому *мѣсту*, избранному для постройки, чѣмъ и на какую потребу загромоздятъ его?"

Итакъ, познавательная способность превратилась въ какое-то вмѣстилище, равнодушное къ своему содержанію, а живое усвоеніе плодовъ чужой образованности—въ процессъ механическаго втягиванія въ себя, или точнѣе, въ начинку памяти непобѣжденнымъ мыслью *веществомъ*, которое останется въ ней неразложеннымъ, какъ тяжелая несваримая пища, обременяющая желудокъ, но не питающая человѣка. Да, г. Великосельцевъ не даромъ назвалъ образованность веществомъ. Фактъ, въ сыромъ видѣ, непобѣжденный мыслью,мысль, принятая не вслѣдствіе свободнаго выбора, не переработанная и не усвоенная жизнью, каково бы ни было ея достоинство, остается въ живомъ организмѣ на степени *вещества*.

Мы впрочемъ не думаемъ оспоривать, что и вбираніе въ себя чужихъ трудовъ способно до нѣкоторой степени наполнить жизнь и принести человѣку удовлетвореніе. Когда изъ души, томимой жаждою живаго знанія, вырывались слова:

Erquickung hast du nicht gewonnen,
Wenn sie dir nicht aus eigner Seele puielt,

выя отношенія выливаются въ юридическія формы законовъ и учрежденій, дополняющіяся неписаннымъ кодексомъ условнаго общежитія. Нельзя себѣ представить цѣльнаго и свѣжаго народа, который бы не имѣлъ вѣры [38]); а гдѣ есть вѣра, тамъ нѣтъ, и быть не можетъ, исключительной національности, въ смыслѣ народнаго самопоклоненія, въ томъ единственномъ смыслѣ, въ какомъ національность можетъ быть противопоставлена развитію человѣческаго образованія. Вѣра предполагаетъ сознанный и недостигнутый идеалъ, верховный и обязательный законъ; а кто усвоилъ себѣ законъ и внесъ его въ свою жизнь, тотъ черезъ это самое сталъ выше міра явленій и пріобрѣлъ надъ собою творческую силу, тотъ уже не прозябаетъ, а образуетъ себя. Очевидно, что достоинство выработанной народомъ образованности будетъ зависѣть преимущественно отъ чистоты его духовныхъ убѣжденій и отъ объема и глубины его нравственыхъ требованій,— очевидно, но не для всѣхъ.

Вещественное представленіе о человѣкѣ и объ образованности естественно приводитъ если не къ полному отрицанію всякой самодѣятельности, то къ крайнему стѣсненію ея участія въ процессѣ народнаго образованія, къ преувеличенной оцѣнкѣ внѣшняго общенія, образующаго снаружи, а не изнутри, къ искусственному прививанію образованности не отъ живаго начала, а отъ послѣднихъ ея выводовъ, наконецъ къ допущенію принудительныхъ мѣръ, какъ механическаго примѣненія понятій, взятыхъ изъ области механики.

Нашему народу твердятъ одно: „учись, учись, учись *)“. Отъ души спасибо, отвѣтитъ на это Русскій человѣкъ, хотя и подумаетъ про себя, что онъ уже давно сказалъ тоже са-

---

38) Вѣра въ частныхъ лицахъ можетъ являться въ положительной и въ отрицательной формѣ; но и отрицаніе, хотя оно присвоиваетъ себѣ самостоятельное значеніе, заимствуетъ всю свою силу отъ отрицаемаго положенія. Оттого можно бы было доказать, что у всякаго человѣка есть вѣра; но одинъ сознаетъ, какой онъ вѣры, другой, исповѣдуя свою вѣру каждымъ словомъ и дѣломъ, не сознаетъ ея и, можетъ быть, приходитъ къ убѣжденію, что онъ ничего не принимаетъ на вѣру. Это грубѣйшая форма суевѣрія—вѣра въ самаго себя.

*) См. Русск. Вѣстникъ № 9. стр. 71.

[illegible] поговоркѣ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Но не [illegible]. Совѣтъ былъ бы безукоризненно хорошъ, [illegible] предложенъ не въ видѣ противулія или [illegible] отъ предъявленнаго требованія [illegible] народнаго мышленія. Въ настоящемъ [illegible] съ которымъ употреблено слово учись, и [illegible] значеніе: [illegible] не забирай съ собою того, чѣмъ ты [illegible] Русскій, съ чѣмъ ты [illegible] и сжился: [illegible] между жизнью и знаніемъ. [illegible] будутъ [illegible] выбирать, ибо выборъ есть тоже [illegible]

[illegible] учиться безъ свободнаго [illegible] безъ [illegible] и выбора? [illegible] учимся? — [illegible] у хозяина [illegible]

[illegible]

[illegible]

Вагнеръ, осуждая этотъ самонадѣянный порывъ, отвѣчалъ своему учителю:

Verzeiht! Es ist ein gross Ergetzen

. . . .

Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht etc.

Этотъ голосъ будетъ раздаваться до скончанія вѣка: но нельзя требовать, чтобы цѣлый народъ ему вторилъ, да и Гёте вывелъ въ лицѣ Вагнера не воспитателя народнаго, а олицетвореніе цеховаго воззрѣнія на науку.

Другіе понимаютъ несравненно шире и глубже процессъ образованія; но, допуская, что каждый образованный историческій народъ являетъ собою оригинальное и самостоятельное развитіе, полагаютъ, какъ главное и самое существенное условіе этой оригинальности и самостоятельности, внѣшнее общеніе и взаимодѣйствіе съ другими народами. Намъ говорятъ: „Самъ по себѣ, отдѣльно взятый, народъ не можетъ имѣть исторіи въ истинномъ смыслѣ слова, не можетъ быть ни самостоятельнымъ, ни оригинальнымъ, потому что не въ чемъ будетъ выразиться его самостоятельности и оригинальности. Въ этомъ отношеніи народъ есть то же, что̀ и человѣкъ. Не думайте, что характеръ человѣка будетъ тѣмъ оригинальнѣе, чѣмъ онъ будетъ разобщеннѣе отъ всѣхъ и отъ всего. Повторите въ воображеніи эту старую и уже скучную исторію о переселеніи человѣка - младенца на необитаемый островъ, и вы согласитесь, что не только оригинальнаго характера не получите, да и человѣка не получите“ *).

Неужели это воззрѣніе историческое, плодъ наблюденія? Китай и Японія жили въ полнѣйшемъ разобщеніи съ остальнымъ человѣчествомъ; но, сколько намъ извѣстно, никто до сихъ поръ не оспаривалъ у нихъ оригинальности развитія. Правда, они стоятъ, можетъ быть, ниже всѣхъ въ семьѣ человѣчества, но вовсе не по неразвитости или безцвѣтности своего развитія, а по ложности духовныхъ началъ, изъ которыхъ вытекла ихъ неоспоримо - богатая образованность. Возьмемъ другой примѣръ въ Европѣ. Изъ свѣхъ западныхъ народовъ въ сравнительно-бо̀льшемъ разобщеніи съ другими

*) См. Русск. Вѣстникъ № 11, стр. 221.

развивалась Англія; со всѣхъ сторонъ обнесенная моремъ, она, по самому своему положенію, вела болѣе сосредоточенную въ себѣ жизнь чѣмъ Франція или Австрія; но помѣшало ли это оригинальности и самостоятельности ея развитія? Въ правѣ ли мы думать, что она менѣе внесла отъ себя и болѣе заимствовала у другихъ общечеловѣческихъ истинъ, чѣмъ ея сосѣди на Европейскомъ материкѣ?

Не имѣя намѣренія разбирать въ подробности всѣ туманныя представленія, возникшія у насъ по поводу вопроса о народности, мы остановимся на выраженной мысли, что народное образованіе зависитъ не столько отъ богатства и достоинства внутренняго содержанія (котораго и нельзя предполагать въ орудіи или сосудѣ), сколько отъ внѣшняго общенія. Не то же ли самое говоритъ г. Великосельцевъ, утверждая, что школа образованія есть *базаръ*, а условіе образованія *развлеченіе?* Это—примѣненіе общаго взгляда къ частному случаю и въ тѣсныхъ размѣрахъ.

Нѣсколько выше мы старались показать, изъ какихъ представленій сложилось воззрѣніе автора на образованность. Онъ смотритъ на нее, не какъ на живое явленіе творческаго народнаго духа, но съ внѣшней ея стороны, какъ на фактъ, отрѣшенный отъ живыхъ началъ, которыми онъ созданъ, какъ на *вещество*. Такой взглядъ безспорно находитъ свое законное примѣненіе въ тѣсныхъ предѣлахъ житейскаго быта. Всякое органическое существо развивается отъ центра къ окружности; эта окружность, доступная осязанію и зрѣнію, сама по себѣ не могла бы явиться на свѣтъ, ибо вся жизненность ея зависитъ отъ непрерывной ея связи съ внутренними органами; но, по самой своей вещественной плотности, она иногда переживаетъ ихъ и нѣкоторое время поддерживается со всѣми внѣшними признаками жизни, хотя органическій процессъ обращенія соковъ давно прекратился. Такъ относится кора къ дереву.

Образованность, этотъ живой продуктъ человѣческаго духа, имѣетъ также свою вещественную оболочку, свою кору. Силою преданія, привычки, сцѣпленіемъ житейскихъ выгодъ, поддерживается иногда, во всей своей цѣльности, внѣшній бытъ, выработанный народомъ, между тѣмъ какъ происхож-

деніе его давно забыто, внутренній смыслъ утраченъ, а живыя начала, которыми онъ созданъ, лишились своей производительной силы, можетъ быть даже отвергнуты обществомъ, которое, по старой привычкѣ, пробавляется выводами безъ основныхъ посылокъ, результатами безъ причинъ, формою безъ содержанія. Тогда самый бытъ получаетъ значеніе условной формальности. Для этого понятія наружной образованности Французы придумали прекрасное выраженіе: la civilisation des chemins de fer — все нужное для того, чтобы проѣхаться по Европѣ, никого не задѣвъ, не оскорбивъ и не давши себя обидѣть, принимать участіе въ разговорахъ между пассажирами, не возбуждая смѣха и не обращая на себя всеобщаго вниманія. Совокупность этихъ требованій обнимаетъ весь широкій кругъ общечеловѣческой образованности, *въ смыслѣ общихъ мѣстъ;* все это пріобрѣтается извнѣ и остается въ памяти или врѣзывается въ привычку, не проникая человѣка насквозь, не образуя его изнутри. Это та полировка ума, воли и чувства, которая достигается долговременнымъ треніемъ или частымъ обращеніемъ съ людьми.

Чтобы яснѣе понять отношеніе формальной образованности къ внутреннимъ, духовнымъ дѣятелямъ народнаго образованія, возьмемъ въ примѣръ хоть эту утонченность обращенія, въ которую входитъ и цѣлованіе рукъ и отъ которой г. Великосельцевъ ожидаетъ такой пользы для народнаго благосостоянія. Изучите происхожденіе внѣшнихъ формъ общежитія, усвоенныхъ нами отъ западной Европы, приподнимите ихъ, и вы найдете подъ ними идею рыцарской чести и особенный взглядъ на женщину, выразившійся въ средневѣковомъ романтическомъ понятіи de la galanterie, der Huldigung. Спуститесь глубже, и вы откроете въ основѣ ихъ общехристіанскія понятія о достоинствѣ человѣка и о духовномъ значеніи женщины, но только преломленныя въ призмѣ Германскаго національнаго представленія. Какой же смыслъ, какое плодотворное значеніе, какую образовательную силу могутъ имѣть эти формы, внесенныя въ цѣльный бытъ народа, не принимавшаго участія ни въ средневѣковой жизни Германцевъ, ни въ поэтическомъ ея отраженіи въ романтизмѣ?

Живое растеніе плодится только отъ сѣмянъ или отъ

корня. Если же вы снимите одну кору и обвяжете ею другое растеніе, то неужели эта кора прirостетъ къ нему, и оно пойдетъ въ ходъ скорѣе и лучше прежняго? Имѣя дѣло съ живымъ народомъ, г. Великосельцевъ не могъ не ощутить глубокой непрактичности такого способа воспитанія. Еслибъ онъ не выходилъ изъ своего кабинета, можетъ быть, онъ бы повѣрилъ, что не трудно образовать цѣлый народъ снаружи; но, будучи съ нимъ знакомъ наглядно, онъ предчувствуетъ упорное, хотя и пассивное, сопротивленіе. Онъ не скрываетъ отъ себя, что весь этотъ внѣшній бытъ, такъ безпощадно имъ осуждаемый, коренится въ образѣ мыслей первобытнаго Русскаго человѣка, и что едва ли крестьянинъ окажетъ много добровольной воспріимчивости не только къ чужимъ обычаямъ, не видя причинъ отложить свои, но даже и къ познаніямъ, не приведеннымъ въ живое соотношеніе и согласіе съ цѣлою системою его убѣжденій. Да полно нужно ли стѣсняться недостаткомъ доброй воли и выжидать, пока проснется свободная потребность? Оно бы конечно было необходимо, если бы дѣло шло о воспитаніи народа изнутри, объ органическомъ развитіи народности; но вѣдь ужъ мы пришли къ тому, что образованность есть вещество, народность — сосудъ или мѣсто, а условіе образованія — внѣшнее общеніе. Такъ надъ чѣмъ же долго задумываться?

Забирайте смѣло крестьянскихъ дѣвокъ къ себѣ во дворъ, пусть онѣ потолкаются около господской передни; потомъ подберите къ нимъ жениховъ изъ бородачей, выдайте ихъ замужъ: добейтесь этого, разожмите челюсть упрямому *сосуду* и влейте въ него цѣлебное *вещество*... Личность, сама по себѣ и независимо отъ ея направленія или содержанія, имѣетъ такое безконечное достоинство, что, когда признаётся за нужное освободить ее отъ невѣжества и застоя, не грѣхъ и приналечь на нее.

Будемъ справедливы къ г. Великосельцеву: онъ довелъ до логической крайности, въ примѣненіи къ народному воспитанію, вещественныя понятія, блуждающія въ нашей литературѣ, и въ этомъ его заслуга; а вещественность этихъ понятій заставила его помириться съ вещественностью средствъ: въ этомъ его извиненіе.

Начавши читать его статью, мы ожидали встрѣтить подъ нею подпись князя Луповицкаго, знакомаго читателямъ „Русской Бесѣды“; но, добравшись до предлагаемыхъ мѣръ, мы разувѣрились и въ то же время замѣтили въ первый разъ довольно важную ошибку въ характерѣ благодушнаго преобразователя, выведеннаго на сцену г. Аксаковымъ. Въ дѣйствительной жизни могутъ встрѣчаться самыя невѣроятныя противорѣчія между основными понятіями человѣка и его образомъ дѣйствія, но въ типическомъ образѣ ихъ не должно быть, и, для художественной вѣрности изображенія, съ теоретическими понятіями князя Луповицкаго должно было идти неразлучно практическое воззрѣніе барона Салютина.

Замѣчанія на Замѣтки Русскаго Вѣстника по вопросу о народности въ наукѣ *).

Ограничивая вопросъ исключительно дѣломъ науки, мы должны сказать, что здѣсь разныя точки допускаются лишь по отношенію ихъ къ одной, всеобъемлющей, единственно-обязательной точкѣ зрѣнія истины и т. д. (стр. 312).

Здѣсь опять странное недоразумѣніе. Съ каждой точки зрѣнія открывается что-нибудь; чѣмъ возвышеннѣе точка зрѣнія, тѣмъ шире кругъ, ею обнимаемый, и наоборотъ. Истинность и ложность точки зрѣнія—понятія относительныя. Истина можетъ заключаться въ какой-нибудь одной высмотрѣнной сторонѣ предмета; эта сторона въ немъ есть, и потому перенесеніе ея изъ области явленій въ область знанія есть неоспоримое обогащеніе на-

*) Статья Ю. Ѳ. Самарина „Два слова о народности въ наукѣ", помѣщенная въ № 1 „Русской Бесѣды за 1856 годъ, вызвала въ свое время горячую полемику между „Русскою Бесѣдою" и „Русскимъ Вѣстникомъ". Въ 9-мъ выпускѣ Русскаго Вѣстника 1856 года (стр. 62 — 71, въ отдѣлѣ Совр. Лѣт.) явилась, подъ заглавіемъ „О народности въ наукѣ", критика Б. Н. Чичерина на статью Ю. Ѳ. Самарина, а въ № 11 (219—223 стр. въ отдѣлѣ Совр. Лѣт.) „Замѣтки Русскаго Вѣстника—Русская Бесѣда и такъ называемое славянофильское направленіе". Въ отвѣтъ на эти двѣ статьи была написана Ю. Ѳ-чемъ помѣщенная выше статья „О народномъ образованіи". Затѣмъ, въ № 12-мъ того же журнала (312—319 стр. въ отдѣлѣ Совр. Лѣт.), была помѣщена отъ редакціи вторая критическая статья подъ заглавіемъ „Замѣтки Русскаго Вѣстника—вопросъ о народности въ наукѣ". На эту статью были въ свое время написаны Ю. Ѳ - чемъ печатаемыя теперь замѣчанія. Хотя они и не назначались для печати, а были написаны только для тѣснаго круга сотрудниковъ Русской Бесѣды, тѣмъ не менѣе, такъ какъ они значительно поясняютъ мысль автора, сжато изложенную имъ въ статьѣ, вызвавшей такую горячую полемику, мы рѣшились напечатать ихъ съ черновой рукописи, сохранившейся между бумагами К. С. Аксакова.

Примѣч. изд.

уки новою истиною. Ложность можетъ заключаться въ опредѣленіи значенія всего изучаемаго предмета по одной этой сторонѣ, далеко не обнимающей его во всей полнотѣ, или въ принятіи случайной, несущественной стороны за существенную, опредѣляющую характеръ и смыслъ явленія. Пояснимъ это примѣромъ. Когда началась разработка Русской исторіи иностранными учеными и Русскими, воспитанными на иностранный ладъ, установилась особенная точка зрѣнія на наше прошедшее. Мы стали искать въ немъ не того, чего искалъ и требовалъ отъ жизни самъ Русскій народъ (его идеалы и требованія были для насъ темны и чужды), а того, что выработали и въ чемъ проявили себя народы западные и, разумѣется, мы ничего не нашли,—иными словами, наши поиски доставили намъ отрицательные результаты. Мы удостовѣрились, что у насъ не было завоеванія, не было феодализма, не было богатаго развитія личности и т. д. Все это истины, хотя чисто отрицательныя, но далеко не пропадающія даромъ въ общемъ ходѣ науки. По этимъ отрицательнымъ признакамъ мы начали опредѣлять Русскую исторію, и вышла ложь, — ложь потому, что мы примѣняли къ ней не тотъ масштабъ, которымъ мѣрила сама Россія. Не умѣли же мы примѣнить къ ней ея собственнаго масштаба потому, что мы утратили сочувствіе съ тѣми духовными силами, которыми управляется Русская жизнь.

Познаніе не можетъ и не должно имѣть никакого иного характера, кромѣ истиннаго (стр. 312).

Что значитъ здѣсь познаніе? Если подъ этимъ словомъ разумѣется познавательный процессъ, способность мышленія, понятая отвлеченно и формально, то никакого нѣтъ сомнѣнія, что ея законы и формы совершенно одинаковы, неизмѣнны и не подлежатъ условіямъ времени и народности. Напримѣръ, силлогизмъ, въ которомъ бы отъ частнаго дѣлалось заключеніе къ общему, мы имѣли бы полное право назвать ложнымъ; но въ статьѣ очевидно идетъ дѣло не о познавательной способности, а о ея примѣненіи. Примѣненіе же ея предполагаетъ: объектъ мышленія и мыслящій субъектъ. Отношеніе, въ которое становитъ себя субъектъ къ объекту, есть именно то, что называется точ-

История имѣетъ дѣло не съ одними народами. Нѣчто еще совершается во времени, кромѣ развитія народовъ, да и самое развитіе народовъ получаетъ свой смыслъ въ чемъ-то болѣе общемъ и высшемъ. Кромѣ народностей, въ мірѣ совершается еще исторія человѣчества, исторія идей, управляющихъ человѣческою жизнію, исторія науки, образованія, гражданственности (стр. 313).

Безспорно, въ мірѣ совершается исторія человѣчества, но не кромѣ народностей, какъ выражается очень неточно „Русскій Вѣстникъ", а черезъ народности, и только черезъ нихъ, какъ драма на сценѣ, разъигрывается дѣйствующими лицами и только ими. Еслибы не было народности, не было бы живаго органа для осуществленія и заявленія общечеловѣческихъ началъ.

Положимъ, что, изучая развитіе идей въ прошедшемъ, мы приходимъ теперь къ убѣжденію, что послѣ древняго, языческаго міра наступила пора для явленія личности. Мы говоримъ: общій ходъ исторіи требовалъ, чтобы выступила личность, и она должна была выступить. Германское племя внесло это начало въ историческую жизнь. Все это можетъ быть, очень глубокомысленно и вѣрно, какъ объясненіе совершившагося; но вѣдь Германцы вышли изъ своихъ лѣсовъ, не имѣя еще въ рукахъ готовой исторической программы. Они внесли въ исторію всю глубину, силу, все могущество, всю гордость, все благо и все зло исключительной личности не потому, что этого требовала исторія человѣчества, точнѣе не потому, что въ XIX вѣкѣ Гегель объяснилъ, разумность обновленія человѣчества приливомъ свѣжей крови въ его разслабленныя жилы, а просто потому, что такова была природа Германцевъ. Они не доказывали и не проводили идеи, которой сами не сознавали, а просто жили, выражая новое начало своею народною жизнью. Исторія движется впередъ свободнымъ совпаденіемъ народностей съ высшими требованіями человѣчества. Чѣмъ свободнѣе, глубже и шире это совпаденіе, тѣмъ выше стоитъ народъ.

Нѣтъ, не нужно дожидаться генія, который бы размежевалъ область человѣческаго вѣдѣнія и отмѣтилъ намъ для пользованія общечеловѣческое и образованное (стр. 313).

тическое проявленіе отличительныхъ свойствъ народа въ данную эпоху, но и тѣ начала, которыя народъ признаётъ, въ которыя онъ вѣруетъ, къ осуществленію которыхъ онъ стремится, которыми онъ повѣряетъ себя, по которымъ судитъ о себѣ и о другихъ. Эти начала мы называемъ народными, потому что цѣлый народъ ихъ себѣ усвоилъ, внесъ ихъ какъ власть, какъ правящую силу, въ свою жизнь; но эти же начала представляются народу не народными (т.-е. не историческими и ограниченными), а безусловно-истинными, абсолютными. Потому то народъ и вноситъ ихъ въ свою жизнь, что онъ въ нихъ видитъ полную и высшую истину, за которою, свыше, и далѣе которой, не хватаетъ его сознаніе. Народность этихъ началъ, въ смыслѣ ихъ ограниченности, для него не можетъ быть видна; ибо, уразумѣвъ ихъ ограниченность, онъ бы бросилъ ихъ и принялъ бы другія (Россія до Владиміра и Россія, принимающая христіанство). Однимъ словомъ, народъ никогда не выходитъ изъ предѣловъ своей народности, не переростаетъ себя; слѣдовательно, ему не предстоитъ никогда возможности выбора между народнымъ сознаннымъ какъ ложь, и истиннымъ.

Мы дорожимъ народностью потому, что въ ней мы видимъ жизненное осуществленіе началъ, истинныхъ, въ сравненіи съ тѣми, которые внесены Романскими и Германскими племенами, которыя намъ представляются односторонними, т. е. относительно-ложными.

Для насъ, какъ и для всѣхъ, цѣль составляетъ истина, а не народность; но мы говоримъ о народности и изъ словъ нашихъ, повидимому, вытекаетъ, что народность для насъ есть цѣль потому, что въ настоящее время, вслѣдствіе всего воспитанія нашего, мы стоимъ не на истинной, а на инородной точкѣ зрѣнія, мы пріобщились къ инородному взгляду на вещи.

Народность есть существенное условіе успѣшнаго развитія науки и движенія науки впередъ. Мы утратили это условіе и, сознавая свою утрату, говоримъ о ней; значитъ ли это, что мы полагаемъ цѣлью, конечною задачею науки—выработываніе оригинальныхъ народныхъ диковинокъ?! Просто насъ не хотятъ понять!

мона, ирвингиста, сенсимониста одинаковы? Пройдите хоть современную литературу. Неужели вы скажете, что въ романахъ Французскихъ (мы разумѣемъ самые замѣчательные, опредѣляющіе характеръ общества) выразилось такое же понятіе о бракѣ, такой же взглядъ на супружескія обязанности, какъ и въ романахъ Англійскихъ? А вы знаете, что понятіе о бракѣ и о супружескихъ обязанностяхъ есть корень общественной нравственности. Дѣло въ томъ, что „Русскій Вѣстникъ“ понимаетъ нравственность въ смыслѣ сообразности съ требованіями общежитія — gesellige Zweckmässigkeit. Вора, шулера вездѣ ловятъ и казнятъ, какъ нарушающаго права другихъ, ихъ спокойствіе и безопасность. На томъ же основаніи истребляютъ волковъ и медвѣдей. Неужели этимъ ограничивается требованіе нравственности!

Намъ говорятъ, что человѣкъ, въ той мѣрѣ, въ какой принадлежитъ своему народу, „яснѣе и полнѣе пойметъ духъ его исторіи, мотивы его поэзіи, весь ходъ и настроеніе его жизни, нежели человѣкъ, принадлежащій другому народу“. Это кажется очевиднымъ, и однакожъ тутъ есть неясность, которую мы сейчасъ и обнаружимъ. Французъ, напримѣръ, можетъ легче и полнѣе другаго понять все относящееся къ своему народу, потому что матеріалы для образованія понятія у него подъ руками, и въ бо̀льшемъ изобиліи, чѣмъ могутъ быть у другаго; но дѣйствительно пойметъ онъ жизнь своего народа не въ той мѣрѣ, въ какой онъ Французъ, а по мѣрѣ своего образованія, по мѣрѣ своего умственнаго развитія, по силѣ общихъ понятій и воззрѣній, присущихъ его сознанію. Народы, въ которыхъ нѣтъ этихъ условій, не достигаютъ до самопознанія, или же теряются въ уродливыхъ и нелѣпыхъ о себѣ представленіяхъ. Турки едвали такъ хорошо понимаютъ себя, какъ понимаетъ ихъ образованный Европеецъ; и кто-же наконецъ приметъ за вѣрное и истинное то понятіе, которое имѣетъ о себѣ Китаецъ? (стр. 314).

Въ статьѣ, напечатанной въ „Русской Бесѣдѣ“, я сказалъ, что народность имѣетъ въ наукѣ двоякое назначеніе: сочувствіе и сродство мысли, воспитанной въ народной средѣ со всѣми историческими проявленіями той же народности, придаетъ ей особенное чутье и ясновидѣніе, въ силу котораго она высматриваетъ, угадываетъ и открываетъ для всѣхъ внутреннія побужденія, сокровенныя духовныя силы, правящія жизнью цѣлаго народа, отражающіяся въ его философскихъ воззрѣніяхъ, въ его учрежденіяхъ, въ его ху-

дожественныхъ произведеніяхъ. Далѣе, я же сказалъ, что непричастность познающей мысли къ изучаемой народности даетъ ей возможность освободить науку отъ тѣхъ исключительно-народныхъ понятій и представленіи, которыя внесены въ нее учеными, воспитанными въ этой народности. Выходитъ, повидимому, такъ, что Русскій, какъ таковой, по преимуществу способенъ и въ то же время, какъ Русскій же, по преимуществу не способенъ понять Россію, Русскую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, Русскую исторію. Повидимому, здѣсь есть противорѣчіе, но только повидимому, и еслибъ Русскій Вѣстникъ" взялъ на себя трудъ внимательно прочесть мою статью, онъ разрѣшилъ бы его безъ труда.—Дѣло въ томъ, что пониманіе имѣетъ различныя степени, и постиженіе постиженію розь. Для ясности перенесемъ вопросъ въ область личности. Кто лучше могъ разсказать біографію Гоголя: самъ Гоголь, или посторонній человѣкъ равнодушный къ нему, но собравшій объ немъ всѣ факты, даже тѣ, которыхъ не помнилъ самъ Гоголь? Очевидно, каждый человѣкъ знаетъ о себѣ много такого, чего не знаетъ никто или что̀ узнаетъ другой только отъ него самаго. Итакъ, для полнаго уразумѣнія жизни человѣка, необходимо, чтобъ онъ ее разсказалъ самъ. Предполагая въ немъ полную искренность, онъ разскажетъ, и онъ одинъ въ состояніи будетъ разсказать такъ, что вы не только узнаете, но почувствуете, чего онъ искалъ въ своей жизни, къ чему стремился, чѣмъ повѣрялъ самого себя. Но этими признаніями исчерпывается ли вся задача біографіи? Вовсѣ нѣтъ. Оцѣнить убѣжденія и правила, которыми руководствовался человѣкъ въ своей жизни, опредѣлить его отношенія не только къ прошедшему, изъ котораго онъ вышелъ, но и къ послѣдующему, произнести надъ нимъ безпристрастный судъ—это дѣло того, кто стоитъ выше его по силѣ личнаго дарованія или по времени. Тоже самое и о народностяхъ. Каждый народъ долженъ самъ себя разсказать, объяснить, раскрыть и опредѣлить свое отношеніе къ другимъ народностямъ, до него сошедшимъ со сцены и уступившимъ ему право первенства. Онъ одинъ можетъ выполнить эту задачу и если онъ ея не выполнитъ, то для потомства останется навсегда многое нераз-

гаданнымъ и темнымъ въ его исторіи. Затѣмъ, произнести надъ нимъ историческій приговоръ, собрать воедино и оцѣнить сумму его пріобрѣтеній, показать, что̀ онъ сдѣлалъ и чего не могъ сдѣлать, опредѣлить его значеніе въ отношеніи къ послѣдующимъ судьбамъ человѣчества, можетъ только другой народъ, тотъ народъ, который приметъ отъ него умственное наслѣдство. Я довольно ясно указалъ на это на страницѣ 39 „Русской Бесѣды“ *)

Недостаточно быть инородцемъ, чтобы получить право или способность произносить судъ надъ народомъ. Китаецъ, хотя и непричастенъ къ Западно-Европейской жизни, но можетъ не только оцѣнить, но даже понять ее, потому что онъ стоитъ ниже ея; но можетъ тотъ народъ, который выступилъ на сцену позднѣе Романо-Германскихъ племенъ, понимаетъ ихъ вполнѣ и въ тоже время чувствуетъ, что ихъ образованность не исчерпываетъ всѣхъ его требованій.

Намъ теперь не нужно превратиться въ Грековъ и въ язычниковъ, чтобы понять исторію Греціи, вопервыхъ потому, что Греція сама разсказала свою исторію и черезъ это дала намъ возможность, такъ сказать, переноситься въ ея жизнь; вовторыхъ потому, что мы переросли ее и видимъ нетолько тотъ горизонтъ, который былъ ей доступенъ, но и безконечно дальше. Повторяю опять: постиженіе всякаго человѣческаго явленія предполагаетъ уразумѣніе побудительныхъ причинъ его, и чѣмъ полнѣе и непосредственнѣе сочувствіе къ нему, тѣмъ яснѣе это разумѣніе: затѣмъ слѣдуетъ оцѣнка, судъ, приговоръ, требующій отъ мыслителя полнаго разумѣнія теоретическаго и полной непричастности жизненной къ разсматриваемому явленію.

Въ человѣкѣ могутъ совмѣщаться различныя сферы, различные характеры, которые не находятся другъ къ другу въ отношеніи противорѣчія, а остаются болѣе или менѣе чуждыми другъ другу, не производятъ другъ на друга никакого дѣйствія. Каждому особому признаку, которымъ опредѣляемъ мы даннаго человѣка, соотвѣтствуетъ что-нибудь особое въ дѣйствительности. Какъ Французъ онъ есть нѣчто особое; какъ католикъ онъ тоже есть нѣчто особое; сверхъ того онъ Бретонецъ; далѣе, онъ легитимистъ; онъ занимается ботаникой; у него есть разныя сочувствія и предпочтенія, изъ коихъ каждое имѣетъ свой уголъ, свою силу въ его

*) См. выше стр. 111 настоящаго изданія.

душѣ, и по своему ее настраиваетъ, когда разъиграется. Всѣ эти различныя сферы въ нашемъ человѣкѣ могутъ отчасти быть другъ другу совсѣмъ неизвѣстны; инымъ, можетъ быть, никогда не случится столкнуться между собою; другія, можетъ быть, весьма часто вступаютъ между собою въ борьбу; возможностей представляется безчисленное множество. Каждымъ изъ этихъ интересовъ выражается въ душѣ нашего человѣка окружающая его дѣйствительность, различныя историческія силы, и подчиняютъ его себѣ. По особенности организаціи и развитія человѣка, можетъ случиться, что одинъ интересъ займетъ такое мѣсто въ его душѣ, что всѣ прочіе станутъ къ этому интересу въ отношеніи болѣе или менѣе служебныя. Такъ, напримѣръ, онъ станетъ фанатическимъ католикомъ или исключительнымъ Французомъ. Всѣ, какія въ немъ есть, понятія, вся его мыслительность, потеряютъ въ его душѣ силу раскрываться и дѣйствовать независимо, выходя на свѣтъ только тогда, когда потребуетъ того совсѣмъ другой интересъ. Собственнаго интереса они не имѣютъ. Какъ только зашевелится мысль, тотчасъ же явится господствующій интересъ и направитъ ее въ свою сторону. Такой человѣкъ не можетъ ни одной минуты пробыть наединѣ съ своимъ разумомъ, не можетъ образовать ни одного понятія безъ чуждой примѣси. Но зато не можетъ ли онъ по крайней мѣрѣ дать намъ полное и вѣрное понятіе о томъ предметѣ, который такъ господствуетъ надъ его умомъ? Объ этомъ - то предметѣ всего менѣе можетъ онъ дать желаемое понятіе, ибо этотъ предметъ никогда не былъ предметомъ для его ума. Умъ его всегда находится только въ служебномъ отношеніи къ этой силѣ. Самая эта сила никогда не развивалась въ немъ подъ формою понятій и сужденій, а всегда давала себя знать только повелительными возбужденіями. Она никогда не хотѣла, даже на время изъ области дѣйствительности взойдти къ общимъ началамъ и сообразить себя съ требованіемъ разума и съ другими силами дѣйствительности. Человѣкъ, нами описанный, повторимъ, не даетъ намъ полнаго и вѣрнаго понятія о томъ, что̀ его занимаетъ и чѣмъ сообщается ему его исключительный характеръ; онъ представитъ намъ собою только фактъ, матеріалъ для образованія понятія. Напишетъ ли онъ книгу, наука воспользуется ею, но не признаетъ въ ней себя; наука воспользуется ею, какъ болѣе или менѣе интереснымъ матеріаломъ, почти въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ ботаникъ пользуется, для составленія своихъ понятій, экземплярами растительнаго царства, а зоологъ — экземплярами животнаго царства, какъ историкъ пользуется историческими актами, видя въ нихъ лишь матеріалъ для своей науки, но отнюдь не органъ науки, не самую науку.

Мы съ умысломъ распространились объ этомъ примѣрѣ, чтобы яснѣе представить мысль, которую мы соединяемъ съ самостоятельностію науки. Если рѣчь идетъ о наукѣ, какъ относительно отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго народа, то надобно прежде всего требовать, чтобы наука имѣла въ ихъ жизни свою собственную область и свои неотъемлемыя права, такъ чтобъ въ этой области познающая мысль могла развиваться по

собственнымъ побужденіямъ, не руководимая никакими предпочтеніями и сочувствіями, кромѣ любви къ чистой истинѣ, кромѣ одного желанія знать (стр. 315 и 316).

Рѣдко можно встрѣтить двѣ страницы, въ которыхъ бы столько собрано частью ложныхъ, частью сбивчивыхъ понятій! Вопервыхъ, что̀ за понятіе о „человѣкѣ, въ которомъ совмѣщаются различные сферы, которыя остаются болѣе или менѣе чуждыми другъ другу, не производя другъ на друга никакого дѣйствія?“ Замѣтьте, что это совмѣщеніе въ себѣ разнородныхъ опредѣленій, совершенно равнодушныхъ другъ къ другу, приводится не какъ фактъ, не какъ результатъ наблюденій надъ человѣкомъ, какимъ онъ является, а какъ законъ. По мнѣнію автора, такъ должно быть. Дѣло въ томъ, что этотъ мнимый законъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ кореннымъ требованіемъ человѣческой природы и со стремленіемъ всего человѣчества. „Сознаніе человѣческое не есть нѣчто односложное“, говоритъ авторъ; конечно, не односложное, но согласное или стремящееся по существу своему къ согласію. Вы хотите насъ увѣрить, напримѣръ, что католикъ, оставаясь по утрамъ и по вечерамъ вѣрнымъ ученію своей Церкви, могъ бы днемъ, дѣйствуя какъ гражданинъ, защищать чисто-протестантскую теорію общественнаго контракта; что тотъ же католикъ, оставаясь католикомъ, могъ бы путемъ химическихъ изслѣдованій дойти до результата, напр., хоть о вѣчности матеріи, и что это убѣжденіе ужилось бы спокойно, нисколько не ссорясь съ прочими его убѣжденіями; или, напримѣръ, что Испанецъ могъ бы сдѣлаться протестантомъ, и при этомъ нисколько бы не измѣнились его взглядъ на исторію его народа, всѣ его общественныя, семейныя отношенія, его характеръ, какъ Испанца, его народное опредѣленіе! Да неужели жъ не должно быть у человѣка такихъ убѣжденій, которыя важнѣе, существеннѣе, дороже другихъ, и неужели незаконно, неразумно врожденное всякому человѣку стремленіе всѣ свои убѣжденія согласить съ коренными, всѣ свои привычки, вкусы, предпочтенія занятія подчинить разумнымъ и свободнымъ убѣжденіямъ? Да что̀ же значитъ въ такомъ случаѣ человѣкъ? Неуже ко въ его внутренней жизни не можетъ

и не должно быть той гармоніи, которая составляетъ законъ всего существующаго?... Отрицая эту потребность внутренняго единства и цѣльности, раздробляя духъ человѣческій на отдѣльныя, совершенно между собою разобщенныя функціи, не знаю, удастся ли намъ вывести у себя породу ученыхъ спеціалистовъ, но навѣрное не удастся воспитать крѣпкаго и цѣльнаго человѣка, годнаго для подвига жизни... „Русскій Вѣстникъ" нѣсколько далѣе оговаривается: „эти развитыя сферы, можетъ быть, весьма часто вступаютъ между собою въ борьбу: возможностей представляется безчисленное множество".—Спрашивается: должна ли эта борьба чѣмъ-нибудь окончится или ей слѣдуетъ продолжаться до изнеможенія силъ? Если должна кончиться, то очевидно ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, „что одинъ интересъ займетъ такое мѣсто въ его душѣ, что всѣ прочіе станутъ къ нему въ отношенія болѣе или менѣе служебныя." Значитъ ли это, „что всѣ его понятія и вся его мыслительность потеряютъ въ его душѣ силу раскрываться и дѣйствовать независимо?" Значитъ ли это, что умъ его поработитъ себя; что сила, которая возьметъ въ немъ верхъ надъ прочими, никогда не была предметомъ для его ума? Нисколько. Это значитъ только, что изъ двухъ столкнувшихся убѣжденій, если человѣкъ призналъ ихъ несовмѣстными, онъ удержитъ то, которое покажется ему истиннымъ, и откинетъ ложное, или послѣдуетъ тому, которое для него дороже, цѣннѣе, шире, и пожертвуетъ болѣе тѣснымъ.

Если свободное убѣжденіе, а не внѣшнее насиліе, выразится въ этомъ выборѣ, то какимъ бы процессомъ ни совершился выходъ изъ внутренняго разлада и изъ борьбы, — какое право имѣемъ мы сказать, что человѣкъ этотъ парализировалъ въ себѣ одинъ органъ, лишилъ себя способности мыслить и т. п.? Предположимъ, что католикъ, котораго авторъ приводитъ въ примѣръ, убѣдился, что легитизмъ несовмѣстенъ съ католицизмомъ или что католицизмъ губитъ Францію. Можетъ ли онъ остаться при этомъ убѣжденіи католикомъ и легитимистомъ, католикомъ и Французомъ? Можетъ ли онъ успокоить себя тѣмъ, что это двѣ сферы разныя и что каждой нужно отвести особый уголокъ? Едва ли. Если

онъ человѣкъ, а не тряпка, онъ откажется отъ своихъ политическихъ убѣжденій и останется католикомъ, или, если для него дороже Францiя, чѣмъ католицизмъ, онъ отречется отъ папы. Можетъ быть, онъ ошибется въ выборѣ—это другой вопросъ; но неужели изъ этого мы въ правѣ вывести, что этотъ человѣкъ никогда не дастъ намъ полнаго и вѣрнаго понятія о католичествѣ, о легитимизмѣ или о призваніи Франціи?

Кажется, что авторъ самъ себя хорошо не понимаетъ. Онъ говоритъ то объ убѣжденіи вообще, то объ убѣжденіи раціональномъ въ тѣсномъ смыслѣ, объ убѣжденіи какъ выводѣ отвлеченнаго разума. Убѣжденіе въ человѣкѣ развивается различными путями; но искренность, сила и законность убѣжденія совершенно независимы отъ того или другаго пути. Всѣми путями человѣкъ можетъ придти къ убѣжденію вполнѣ разумному, искреннему, твердому и законному. Законность убѣжденія вовсе не есть принадлежность или исключительная привилегія одного пути *). Мы соглашаемся съ авторомъ только въ одномъ, но зато не только соглашаемся, но и вполнѣ сочувствуемъ ему, а именно: въ требованіи искренности. Искренность въ области науки значитъ право каждаго, занимающагося ею, высказывать только то, чтò онъ признаетъ за истинное, въ чемъ онъ убѣжденъ (какимъ бы процессомъ не сложилось въ немъ убѣжденіе), высказывать всю правду, насколько онъ ее видитъ, и только правду; но мы требуемъ того же права не для одной науки, но и для искусства и для всѣхъ другихъ сферъ.

Въ концѣ своей статьи авторъ говоритъ:

„Въ какихъ бы идеяхъ что-либо ни обращалось, все одинаково противно уму, если обращается безъ внутренняго убѣжденія, безъ всякаго самостоятельнаго умственнаго и нравственнаго участія, а только по навыку, по силѣ обычая.

или, прибавили бы мы, изъ подражанія.

Идеи могутъ быть сами по себѣ прекрасны, истинны; онѣ могутъ оказывать самое лучшее, самое плодотворное дѣйствіе въ тѣхъ умахъ, гдѣ

---

*) Въ сущности этого-то и добивается ученый цехъ.

онѣ приняты съ внутреннимъ убѣжденіемъ и съ самостоятельною мыслью, но проявленіе ихъ безъ этихъ условій *) лишаетъ ихъ истины и значенія. Собственно говоря, уже не онѣ, не идеи, являются въ такомъ безславномъ видѣ, а ихъ тѣни ихъ смерть. Что бы такое онѣ ни были сами въ себѣ, онѣ дѣйствуютъ убійственно въ такомъ проявленіи" (стр. 317 и 318).

Искренно благодаримъ автора за эти прекрасныя слова. Лучше и сильнѣе нельзя было изобразить характера западной образованности, перенесенной на нашу почву. Совѣтуемъ обдумать это мѣсто г. Чичерину, который требуетъ отъ Русскаго народа, чтобъ онъ отказался отъ самостоятельнаго мышленія и учился, учился, и учился, не смѣя судить о томъ чему его учатъ.

---

*) Напримѣръ, когда выводная идея изъ исторіи одного народа переносится въ бытъ другаго народа. *Прим. Ю. С.*

Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году. Сочиненіе флигель-адъютанта графа Николая Орлова. С.-Петербургъ. 1856 года *).

Этотъ первый опытъ молодаго писателя, чуждый всякихъ притязаній на ученость или на художественность изложенія, оставляетъ въ читателѣ прочное впечатлѣніе и наводитъ на размышленія, далеко переходящія за предѣлы событія, составляющаго предметъ сочиненія. Мы приписываемъ это не только удачному выбору предмета, но и внутреннему достоинству книги. На каждой страницѣ читатель встрѣчается съ живою мыслью, возбужденною исканіемъ прямой пользы, съ мыслью, для которой изученіе исторіи служитъ средствомъ обогатиться чужимъ опытомъ. Не останавливаясь на сцѣпленіи непредвидимыхъ случайностей, составляющихъ анекдотическую сторону событій, и не вдаваясь въ сферу исторической необходимости, авторъ держится между двумя указанными крайностями, въ области *ближайшихъ причинъ* политическихъ событій. Мы разумѣемъ тѣ причины, которыя, подчиняясь человѣческой волѣ, могутъ быть вызваны и могутъ быть устранены правительственными мѣрами; но за то, будучи разъ допущены, дѣйствуютъ всегда одинаково, по общимъ въ нихъ присущимъ законамъ.

Эти законы, очищенные отъ случайной, вѣчно измѣняющейся ихъ обстановки, представляютъ намъ самыя вѣрныя данныя для аналогическихъ выводовъ не только въ сужденіяхъ о прошедшемъ, но и въ примѣненіи къ настоящему.

---

*) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., № 1.

Обращая этотъ взглядъ на событіе, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ извѣстнаго пространства и извѣстнаго времени, не имѣющее, повидимому, никакого прямого отношенія къ намъ, живущимъ въ другой исторической средѣ, мы какъ будто придвигаемъ его къ себѣ. Мысль приводитъ въ соприкосновеніе то, что прошло невозвратно и чему не суждено повториться въ прежнихъ формахъ, съ тѣмъ, что совершается въ нашихъ глазахъ и въ чемъ, какъ современники, мы участвуемъ. Весь поучительный смыслъ, извлеченный изъ прошедшаго, мы переносимъ въ наше сознаніе и оттуда въ жизнь. Практичность этого воззрѣнія на исторію, свойство очень рѣдкое въ современной Русской наукѣ, придаетъ книгѣ графа Орлова характеръ докладной записки, дѣловой и дѣльной. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, ея главное достоинство.

Она распадается на три части: въ первой (глава I) разсматриваются причины пораженій, понесенныхъ Прусаками въ войнѣ 1806 года; во второй (глава II) причины успѣховъ Наполеона; въ третьей (мы относимъ сюда III-ю и всѣ послѣдующія главы) разсказывается самый ходъ кампаніи, какъ бы въ подтвержденіе всего, изложеннаго въ двухъ первыхъ частяхъ. Съ особенною подробностью обработана первая глава, и на нее-то мы намѣрены теперь обратить вниманіе читателей.

Авторъ разсматриваетъ событія 1806 года, исключительно какъ военный историкъ, и приводитъ въ объясненіе катастрофы, разразившейся надъ Пруссіею, недостатки, подмѣченные имъ въ организаціи ея военныхъ силъ, вовсе умалчивая о другихъ причинахъ. Ограничить такимъ образомъ свою тему онъ имѣлъ полное право, нисколько не подвергаясь упреку въ односторонности. Всякій властенъ избрать себѣ любой предметъ и отстранить отъ себя другіе, какъ бы близко они съ ними не соприкасались; но въ настоящемъ случаѣ, въ основаніи выбора, кажется, лежитъ особенный взглядъ на историческій фактъ. Одно мѣсто въ книгѣ подаетъ поводъ думать, что въ понятіяхъ автора недостатки военной организаціи были *единственною* причиною несчастнаго исхода кампаніи; другихъ причинъ авторъ не только не касается, онъ даже повидимому не признаетъ ихъ.

Мы приведемъ это мѣсто цѣликомъ: „Что̀ было причиною величія Пруссіи? Управленіе и армія. Не было страны въ свѣтѣ, гдѣ управленіе было бы *менѣе отяготительно для подданныхъ. Лихоимства почти не знали;* законы исполнялись быстро и въ точности; правосудіе отдавалось всѣмъ и каждому... *Эта безукоризненность правителей и судей* много придавала силы королямъ Прусскимъ. Но главную опору они, и съ ними весь народъ, полагали въ арміи“ (стр. 3). Далѣе доказывается самымъ убѣдительнымъ образомъ, что эта прославленная армія была въ совершенномъ упадкѣ, и въ читателѣ остается впечатлѣніе, что передъ началомъ кампаніи все въ Пруссіи было безукоризненно, кромѣ арміи, далеко отставшей отъ прочихъ частей, и что одна эта слабая сторона была причиною внезапнаго государственнаго крушенія.

Намъ кажется, что въ выписанныя строки вкрался невольный анахронизмъ. Слишкомъ благопріятныя сужденія о безукоризненности управленія и безкорыстіи чиновниковъ относятся какъ будто къ обновленной Пруссіи, къ той Пруссіи, которая вышла изъ рукъ Штейна, Гарденберга и Шарнгорста, а не къ той, которая въ 1806 году готовилась встрѣтить Наполеона. По крайней мѣрѣ, Нѣмецкіе историки далеко не такъ благопріятно судятъ о томъ времени, какъ графъ Орловъ, и факты, на которые они ссылаются, приводятъ насъ къ совершенно иному заключенію.

Со временъ Фридриха II и до коренныхъ преобразованій 1807 — 1810 годовъ, государственное управленіе въ Пруссіи снизу до верху постепенно стягивалось въ одинъ узелъ и сосредоточивалось въ рукахъ коронныхъ чиновниковъ. Древне-Германскія представительныя и совѣщательныя учрежденія быстро исчезали или теряли прежнее свое значеніе, частью подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ Пруссіи, требовавшихъ быстроты въ дѣйствіяхъ и полновластнаго распоряженія всѣми наличными силами, частью-же потому, что во всей западной Европѣ, XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ искусственнаго напряженія государственнаго механизма въ ущербъ свободному развитію общественныхъ органовъ. Вездѣ правительства забирали въ свои руки дѣла, которыми прежде завѣдывали сословія, корпораціи, общины и частныя лица;

вездѣ вводился *порядокъ*, непремѣннымъ условіемъ котораго почиталось отрицаніе всякаго самоуправленія. Тоже было и въ Пруссіи. Такое направленіе, съ одной стороны, раздвигало до нельзя кругъ дѣятельности казенной администраціи и придавало ей характеръ *отвлеченно - бюрократическій* [1]); съ другой, оно ослабляло живое общеніе правительства съ подданными. Правительство болѣе и болѣе уединялось, уходя изъ живой области мысли и дѣла въ область формъ и бумажной дѣятельности, а подданные отъ вынужденнаго бездѣйствія перешли къ безучастію, потомъ къ равнодушію и, наконецъ, къ безплодной хулѣ на правительство [2]).

Между тѣмъ какъ высшее государственное управленіе, идя по указанной дорогѣ къ своимъ особеннымъ цѣлямъ, исчерпывало для достиженія ихъ всѣ живые народные соки, не заботясь о ихъ возстановленіи, общественное развитіе подавлялось средневѣковыми учрежденіями, не дававшими хода

[1]) Вотъ что писалъ объ этомъ въ 1806 году кабинетъ-совѣтникъ Бейме: „Всѣ силы государства были напряжены до крайности, а это ставило въ необходимость болѣе и болѣе развѣтвлять и усложнять всѣ отрасли управленія, чтобы, при всеобщемъ движеніи, не осталась какая-нибудь сила незатронутою, коснѣющею. По достиженіи же цѣли, забыли, что эта система управленія была вызвана особенными потребностями, и не отмѣнили ея. Изъ нея возникъ духъ повѣрки, контроля, дошедшій до того, что надъ самимъ контролемъ былъ учрежденъ новый контроль. Вмѣсто необходимаго довѣрія, всеобщая недовѣрчивость легла въ основаніе всей государственной службы: поэтому не удивительно, что дробленіе государственнаго управленія, доведенное до крайностей, породило такое множество департаментовъ, присутственныхъ мѣстъ и проч.“ Steins Leben v. Pertz. B. I.

[2]) „Въ присутственныя мѣста, состоящія исключительно изъ чиновниковъ, получающихъ жалованье отъ казны, преимущественно въ низшія, очень легко вкрадывается духъ наемничества; формы дѣлопроизводства убиваютъ жизнь; незнаніе управляемаго края даже пренебрежіе къ нему становится дѣломъ обычнымъ и проч... На народъ производитъ все это зловредное дѣйствіе. Слабѣетъ общее участіе къ управленію, къ его успѣху, къ народному благу и къ самой чести народной. Возникаетъ и усиливается пагубное равнодушіе, даже недоброжелательство къ правительству, котораго не понимаютъ... Государственное управленіе все болѣе и болѣе отдаляется отъ народа,—явленіе, имѣвшее вездѣ и всегда самыя грустныя послѣдствія“. Изъ записки Штейна объ учрежденіи высшаго государственнаго управленія. См. Pertz. B. II.

промышленнымъ и умственнымъ силамъ. Подъ верховнымъ владычествомъ казенной бюрократіи и военной дисциплины, въ городахъ, торговые и ремесленные цехи размежевавъ между собою всю широкую область промышленности на отдѣльныя *кормленія* (Bürgernahrungen), держали потребителей въ своей власти и отказывали бѣднѣйшимъ обывателямъ въ средствахъ снискивать себѣ пропитаніе, а въ деревняхъ, хотя личное рабство (Leibeigenschaft) уже было значительно смягчено закономъ и обычаемъ, феодальныя отношенія дворянъ-землевладѣльцевъ къ ихъ крѣпостнымъ поселянамъ не допускали развитія свободнаго труда и обрекали на противуестественный застой производительныя силы многочисленнѣйшаго сословія. Многаго требовало государство отъ простаго народа для своихъ нуждъ; а между тѣмъ этотъ народъ, разлученный съ представителемъ верховной власти, ничего не получалъ отъ государства за всѣ свои жертвы. Между ними стояло привилегированное сословіе, располагавшее рабочими силами поселянъ и въ то же время имѣвшее надъ ними право домашняго суда и безотчетной расправы.

Странное явленіе представляло это сочетаніе отвлеченно-бюрократическаго направленія, исходившаго сверху, съ единовременнымъ господствомъ частнаго произвола и разновластія, процвѣтавшаго внизу! На немъ лежали ясные слѣды несовмѣстныхъ противорѣчій, этихъ неразлучныхъ спутниковъ всякаго переходнаго состоянія, и мы не затруднились бы оправдать его, какъ историческое явленіе, носившее въ себѣ самомъ зародышъ своего разрушенія; но вопросъ въ томъ: точно ли такая система была *неотяготительна* для подданныхъ? Этотъ вопросъ довелось самой Пруссіи задать себѣ въ то время, когда миновала для нея пора самообольщеній разнаго рода и когда все то, чѣмъ она еще недавно гордилась, подверглось строгому пересмотру. Мы знаемъ, какъ она его разрѣшила. За исключеніемъ королевской власти и существенныхъ принадлежностей монархическаго устройства, изъ прежней системы внутренняго управленія почти ничто не уцѣлѣло: все сверху до низу потребовало или рѣшительной отмѣны, или существенныхъ преобразованій.

Сужденіе графа Орлова о Прусскихъ чиновникахъ содер-

житъ въ себѣ также похвальное свидѣтельство, котораго въ то время они не заслуживали. Въ концѣ второй части своей исторіи Германіи, Лудвигъ Гейсеръ *), изображая всеобщее разложеніе государства и общества въ Пруссіи передъ началомъ войны, съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на преобладаніе въ служебномъ сословіи своекорыстной разсчетливости надъ чувствомъ долга и на продажность чиновниковъ. Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія онъ утверждаетъ, что служебной неподкупности, которою славилась нѣкогда Прусская администрація, первый ударъ былъ нанесенъ еще въ 1786 году введеніемъ Французской системы казенныхъ сборовъ. Затѣмъ, безразсудная расточительность Фридриха Вильгельма II-го и его любимцевъ, развившая въ высшемъ сословіи непомѣрную роскошь и алчность къ матеріальнымъ наслажденіямъ, окончательно подкопала этотъ столпъ государственнаго могущества Пруссіи. Изъ провинцій, пріобрѣтенныхъ отъ Польши, стали доходить громкія жалобы на безчестность и произволъ мѣстнаго управленія, и, конечно, замѣчаетъ тотъ же авторъ, тамъ должны были происходить важныя злоупотребленія, если Прусская администрація не умѣла заслужить признательности даже въ Польскихъ областяхъ, отъ тамошняго забитаго и измученнаго простаго народа. Вопреки прежней строгой бережливости казеннаго управленія, многія имѣнія, конфискованныя послѣ Польскаго мятежа, розданы были даромъ или за самую ничтожную цѣну большею частью людямъ недостойнымъ, и общественная молва приписывала главнѣйшее участіе въ этихъ сдѣлкахъ королевскому любимцу Бишофсвердеру и его приближеннымъ. Ему помогалъ министръ Шлезіи **), графъ Гоймъ, въ канцеляріи котораго второстепенный чиновникъ нашелъ средство обратить раздачу имѣній въ выгодную для себя торговлю. Есть и другія доказательства испорченности служебнаго сословія. Когда Штейнъ, по званію министра финансовъ,

*) Deutsche Geschichte, vom Todt Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des Deutschen Bundes, von Ludwig Häusser.

**) Управленіе Шлезіею составляло отдѣльное вѣдомство, въ главѣ котораго стоялъ областный министръ.

принялъ въ свое завѣдываніе государственный банкъ и компанію морской торговли (Seehandlung), онъ нашелъ въ этихъ двухъ учрежденіяхъ не только страшные безпорядки, но и безстыдный грабежъ. Между прочимъ обнаружилось, что одинъ изъ чиновниковъ допустилъ банкира, занявшаго значительную сумму подъ залогъ сложенныхъ имъ товаровъ, тайнымъ образомъ взять эти товары назадъ, не выплативъ долга. Уличенный въ этомъ чиновникъ повѣсился на дверяхъ Штейна. Другой двукратно предъявлялъ къ уплатѣ однѣ и тѣ же облигаціи банка; третій, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, таскалъ изъ кассы мѣшки съ деньгами и накралъ до 12 т. талеровъ. Еще важнѣе, по послѣдствіямъ ихъ, были злоупотребленія чиновниковъ по дѣламъ иностранныхъ Жидовъ, наводнявшихъ пограничныя области Пруссіи, хотя въѣздъ въ нихъ былъ имъ запрещенъ. Напрасно министръ Шрёттеръ издавалъ предписанія за предписаніями, они не приводились въ исполненіе, потому что мѣстные чиновники были въ стачкѣ съ Жидами. Произведенное слѣдствіе обнаружило, что послѣдніе успѣли подкупить во многихъ городахъ всѣхъ магистратскихъ членовъ и совѣтниковъ, завѣдывавшихъ податными дѣлами. Всѣ эти примѣры достаточно оправдываютъ слѣдующее строгое сужденіе Штейна о Прусскихъ чиновникахъ: „духъ, господствующій въ чиновничествѣ, такъ *испорченъ*, что обновленіе его можетъ совершиться только при помощи сильныхъ мѣръ". *) Правда и то, что въ широкой дѣятельности Штейна преслѣдованіе взяточничества никогда не являлось на первомъ планѣ, какъ главная цѣль; но это оттого, что великій государственный умъ его, обнимавшій всѣ разнообразныя явленія общественнаго недуга, которымъ болѣла Пруссія, не могъ удовлетворяться безплодною борьбою съ однимъ изъ внѣшнихъ признаковъ этого недуга. Онъ предоставлялъ другимъ внушенія, взысканія и всѣ мелкія средства, а самъ искалъ *положительнаго* врачеванія въ подъемѣ народнаго духа, зная напередъ, что совѣсть общественная, однажды пр[illegible]жденная, сама поведетъ борьбу съ преступнымъ корысто[illegible] И его надежды сбы-

*) Das Leben des Fr. [illegible]

лись; но, повторяемъ опять, все это относится къ другому періоду времени.

Итакъ, нельзя сказать, чтобы въ Пруссіи 1806 года все было благоустроено, кромѣ арміи; и не въ однихъ недостаткахъ военной организаціи, а въ *совокупности многихъ другихъ причинъ*, должны мы искать разгадки событій того времени. Да и самыя эти событія заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ неудачный походъ. Не то въ нихъ знаменательно, что въ двухъ генеральныхъ сраженіяхъ старая Прусская армія не выдержала столкновенія съ войсками Наполеона. То же самое могло бы случиться и съ другою арміею, ибо на полѣ сраженія такъ много значатъ личныя способности военачальника, минутное счастливое вдохновеніе, наконецъ, слѣпой случай, котораго ни подготовить, ни предупредить нельзя, что нерѣдко эти неисчислимыя обстоятельства рѣшаютъ дѣло вопреки всѣмъ причинамъ, повидимому обезпечивающимъ успѣхъ или предрекающимъ неудачу. Но важно то, что съ потерею двухъ сраженій исчезло всякое сопротивленіе, что могла не дрогнуть земля, когда погибла ея военная слава, что все народонаселеніе поспѣшно склонилось подъ чужеземное иго, однимъ словомъ,—что земля не заступилась за государство и не дала отъ себя отпора *). Мы знаемъ изъ свидѣтельствъ современниковъ, что позорная сдача Прусскихъ крѣпостей почти вездѣ послѣдовала оттого, что граждане настойчиво приступали къ комендантамъ, упрашивая ихъ не раздражать непріятеля и не подвергать частной собственности опасностямъ осады; мало того, почти всѣ чиновники, въ томъ числѣ семь министровъ, въ занятыхъ Французами областяхъ, присягнули Наполеону, не имѣя на то разрѣшенія отъ своего короля, остались на своихъ мѣстахъ и усердно служили непріятелю противъ своей родины, сооб-

*) Въ 1810 году Штейнъ писалъ къ Шарнгорсту: „Какъ скоро государь въ 1806 году провозгласилъ войну, внутренняя энергія націи могла бы свободно обнаружиться; итакъ, на весь народъ падаетъ отвѣтственность за всѣ послѣдующія событія. Произносимое мною обвиненіе повторятъ современники и подтвердитъ потомство... Чего же ждать отъ него и теперь, когда, по словамъ вашимъ, страхъ войны, неудовольствіе противъ образа взиманія податей заглушаютъ въ немъ чувство народной чести?“

щая Французскимъ маршаламъ и коммиссару Дарю всевозможныя свѣдѣнія и помогая имъ въ обезпеченіи продовольствія ввѣренныхъ имъ армій; наконецъ, разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители городовъ и селъ не только равнодушно, но съ какимъ-то злорадостнымъ чувствомъ смотрѣли на проходившіе мимо остатки разбитой арміи. Во всемъ этомъ, очевидно, была виновата не одна система военной организаціи и не бездарность военачальниковъ; это были признаки другихъ, болѣе глубокихъ недуговъ, которыхъ, къ сожалѣнію, графъ Орловъ не коснулся. Вотъ почему, по прочтеніи его книги, читатель, соглашаясь безусловно со всѣми его сужденіями о недостаткахъ Прусской арміи, остается въ какомъ-то недоумѣніи. Онъ чувствуетъ, что предложенное объясненіе событій не исчерпываетъ ихъ, что оно взято изъ слишкомъ ограниченной сферы, и что даже въ этой сферѣ (военной), по тѣсной ея связи съ другими, многое можетъ удовлетворительно объясниться только при совокупномъ разсмотрѣніи подмѣченныхъ въ ней явленій съ однородными изъ другихъ сферъ.

Мы упомянули выше о характерѣ государственнаго управленія въ Пруссіи въ эпоху, предшествовавшую войнѣ 1806 года; теперь мы должны обратиться назадъ къ тому же предмету, и взять вопросъ нѣсколько шире.

Каждый періодъ въ исторіи народа имѣетъ свою спеціальную задачу, свою цѣль и свою неизбѣжную односторонность; но бываютъ времена, когда отъ совпаденія общей цѣли съ частными видами лицъ или сословій, правящихъ судьбою народа, эта неизбѣжная односторонность достигаетъ крайнихъ предѣловъ, и не только подчиняетъ себѣ всѣ прочія стремленія, изъ которыхъ слагается полная народная жизнь, но отрывается отъ нихъ — и, стремясь неудержимо впередъ, оставляетъ ихъ далеко за собою. Послѣ такихъ временъ, возстановленіе равновѣсія рѣдко обходится безъ тяжелаго кризиса. Весь XVIII вѣкъ для Пруссіи, какъ мы уже сказали выше, былъ временемъ безпримѣрнаго въ исторіи напряженія всѣхъ силъ, которыми располагало правительство *). Та-

*) „Искусно задуманная, туго заведе ... ича, получающая дви-

ково было требованіе времени. Пруссіи не было дано сложиться на широкомъ просторѣ и окрѣпнуть на досугѣ прежде, чѣмъ насталъ для нея часъ выступить на поприще общеевропейской политики. Она взяла свое мѣсто съ бою, раздвинувъ могучихъ сосѣдей, которые стерегли самыя раннія ея движенія съ чувствомъ враждебной подозрительности. При такихъ условіяхъ, простое обезпеченіе государственнаго бытія стоило подвиговъ и требовало громадныхъ усилій. Оттого все, что̀ только могла вырабатывать изъ себя земля, немедленно употреблялось на внѣшнее дѣло и поглощалось безвозвратно государственными потребностями. Военныя силы, дипломатическіе союзы и сношенія, казенное управленіе — устраивались съ неимовѣрною быстротою; но народное просвѣщеніе, промышленность, гражданскія отношенія сословій и личныя права, вообще все, что̀ мы привыкли разумѣть подъ общественнымъ развитіемъ, оставалось назади, и наконецъ сложилось могучее, первостепенное государство, котораго земля не въ силахъ была нести на своихъ плечахъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взять въ руки любопытныя розысканія доктора Дитрици, завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ въ Берлинѣ, изъ трудовъ котораго извлечена извѣстная книга Моро-де-Жонеса о Пруссіи *). Сравните, напримѣръ, народонаселеніе и богатство ея въ концѣ XVIII вѣка съ народонаселеніемъ и богатствомъ ея въ первой четверти XIX-го; потомъ сравните, какой процентъ поглощался государственными потребностями, напримѣръ, арміею или гражданскою администраціею и т. п. въ тѣ же двѣ эпохи, и вы убѣдитесь, что военное и дипломатическое значеніе, которымъ пользовалась Пруссія при Фридрихѣ II и его преемникѣ, покупалось систематическимъ раззореніемъ земли. Вліяніе этого разлада между скудостью домашняго быта и блескомъ политической роли, которую разыгрывало государство передъ Европою, отразилось и на характерѣ вну-

---

женіе только *сверху* и не дающая ни малѣйшей возможности къ самостоятельному, свободному движенію своихъ членовъ“ — этими словами Пертцъ характеризуютъ Прусское государство въ началѣ XIX вѣка.

*) La Prusse, son progrès etc. par Moreau de Jonès.

тренняго управленія. Правительство, устремивъ все свое вниманіе на сосѣднія державы, на свои съ ними союзы, ссоры и переговоры (ибо оттуда исходило озарявшее его величіе), прислушиваясь къ общественной молвѣ не дóма, а тамъ, за границею, при иностранныхъ дворахъ, пріучилось смотрѣть на землю, какъ на покорный рычагъ, какъ на безгласное орудіе, служившее для внѣшнихъ его цѣлей, и такъ оно продолжало смотрѣть на нее до той поры, пока это орудіе разбилось въ дребезги и выпало изъ рукъ его.

Односторонность исключительно-политическаго направленія, характеризующая развитіе Пруссіи въ XVIII вѣкѣ, сказали мы, была до нѣкоторой степени неизбѣжнымъ послѣдствіемъ историческаго положенія государства; но, къ несчастію для Пруссіи, временное требованіе практики совпало съ готовою теоріею, которая взялась оправдать эту односторонность и возвести ее на степень нормальнаго порядка вещей. Эта услужливая теорія, пренебрегавшая историческими данными, на основаніи которыхъ устанавливаются въ разныхъ земляхъ отношенія правительствъ къ подданнымъ, обращалась съ одинаковыми совѣтами ко всѣмъ правительствамъ безъ различія. Она разработывала съ любовью цѣлое ученіе о какихъ-то особенныхъ интересахъ верховной власти, если не прямо несовмѣстныхъ, то, по крайней мѣрѣ, вовсе нетождественныхъ съ интересами подданныхъ. Она проповѣдывала, что задача финансовой науки главнѣйшимъ образомъ заключается въ пополненіи государевой казны и въ изысканіи способовъ незамѣтнымъ образомъ перелить въ нее возможно бóльшую долю народнаго богатства. Она пріучала къ мысли, что правительство должно умѣть обходиться безъ сочувствія и совѣта подданныхъ, что главная мудрость управленія состоитъ въ умѣніи разлучать и противуполагать другъ другу интересы сословій; что вѣрнѣйшіе слуги и самыя надежныя опоры престоловъ—люди, ничѣмъ не связанные съ народомъ и служащіе не землѣ, а личности государя, наконецъ—и это былъ одинъ изъ ея основныхъ догматовъ—она видѣла въ арміи не землю, вооруженную для своей защиты, а какое-то бездушное и мертвое орудіе. Повторяя безпрестанно, что правительство само по себѣ, а подданные сами

по себѣ, она немало содѣйствовала къ дѣйствительному ихъ разобщенію, и на ея отвѣтственности лежитъ великая доля тѣхъ кровавыхъ событій, которыми была потрясена западная Европа въ концѣ XVIII вѣка и которыхъ слѣды доселѣ еще не зажили. Но этихъ отдаленныхъ послѣдствій не предугадывали ея сознательные и безсознательные поклонники, а ихъ было немало въ Германіи, при всѣхъ дворахъ и во всѣхъ совѣтахъ.

Въ Берлинѣ главнымъ пріютомъ ея была такъ называемая Французская колонія, этотъ разсадникъ Прусскихъ дипломатовъ, постоянно пополнявшійся выходцами изъ разныхъ земель и составлявшій въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ нѣчто въ родѣ замкнутаго кружка. Къ нему принадлежалъ Лукесини, правившій Прусскою политикою при Фридрихѣ Вильгельмѣ II, кабинетъ-совѣтникъ Ломбардъ, главный дѣлецъ Фридриха Вильгельма III по дипломатическимъ дѣламъ въ первые годы его царствованія, графъ Гаугвицъ, министръ иностранныхъ дѣлъ — покорное орудіе Ломбарда, другъ его, кабинетъ-совѣтникъ Бейме — политическій врагъ Штейна, и многіе другіе, успѣвшіе черезъ ихъ вліяніе втереться во всѣ вѣдомства и занять множество не столь видныхъ мѣстъ по службѣ. Усердно поддерживая другъ друга, названныя нами лица находились въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ придворными чинами, такъ что всѣ пути къ престолу были ими перехвачены.

Значеніе Французской колоніи въ новѣйшей исторіи Пруссіи указываетъ намъ на другую причину ея политической несостоятельности, — на причину, которой важность вполнѣ уже оцѣнили новѣйшіе Нѣмецкіе писатели. Мы разумѣемъ гибельную подражательность Французамъ, обезнародившую правительство и высшіе слои Прусскаго общества. Извѣстно, что это подражательное направленіе пошло съ легкой руки Фридриха II. Счастливый поборникъ независимости и чести Германіи противъ властолюбивыхъ притязаній Французской политики смиренно преклонялся, какъ ученикъ или новообращенный варваръ, передъ представителями de la divine raison. Чуждый всякаго сочувствія къ народной жизни Германіи, къ ея искусству, къ ея наукѣ, къ ея вѣрѣ и къ ея слову,

онъ признавалъ въ ней не болѣе, какъ вещество, правда добротное, но которому предстояло еще путемъ кореннаго самоотреченія и очиститься отъ первороднаго грѣха грубой народности и потомъ уже принять въ себя абсолютное просвѣщеніе, то есть, нѣсколько общихъ мѣстъ, пропущенныхъ сквозь мелкое рѣшето Французскаго разсудка. Этотъ великій умъ, съ такою проницательностію и съ такимъ ясновидѣніемъ озиравшій поле сраженія или сложный механизмъ Европейской политики, какъ будто обдѣленъ былъ чутьемъ для разумѣнія исторической жизни народовъ. Плѣняясь обманчивою ясностію и оконченностію науки, выдававшей себя за послѣднее слово человѣческаго разума, онъ, повидимому, не сознавалъ органической связи умственнаго просвѣщенія съ цѣлою жизнію народа и вѣрилъ, что можно въ уголкѣ государства развести просвѣщеніе отъ выписныхъ сѣмянъ, какъ разводятся въ парникахъ растенія, несвойственныя климату. Впрочемъ, дѣйствительно ли онъ этому вѣрилъ, искренно ли онъ выдавалъ себя за ревностнаго ученика Вольтера и Мопертюи, или онъ только забавлялся, раздражая спѣсивую самоувѣренность своихъ учителей, объ этомъ можно думать различно, и переписка Фридриха II представляетъ доводы въ пользу какъ перваго, такъ и втораго предположенія; но не въ этомъ сила. Каковы бы ни были внутреннія убѣжденія государя, самодержавно властвовавшаго даже надъ умами, а его отношенія къ Франціи дали тонъ всему Берлинскому обществу. Съ его примѣра, пренебреженіе къ Германской народности вошло въ моду, а подражаніе Франціи сдѣлалось признакомъ просвѣщенія *). Оно проникло гораздо глубже,

*) Какъ далеко зашло въ этомъ отношеніи высшее общество въ Германіи, всего яснѣе видно изъ того, что оно почти вовсе отвыкло отъ своего роднаго языка и пристрастилось къ Французскому. Прусскій министръ, фрейгерръ фонъ Штейнъ, непримиримый противникъ галломаніи, считалъ нужнымъ въ перепискѣ своей съ г-ю Бергъ объяснить, почему онъ употребляетъ Нѣмецкій языкъ, а не Французскій. „Я привыкъ, писалъ онъ, о предметахъ серьезныхъ думать всегда на родномъ моемъ языкѣ“.—Не только въ домашнемъ быту, но и въ оффиціальномъ мірѣ Нѣмцы любили щеголять Французскимъ языкомъ, который, мимоходомъ будь сказано, никогда имъ не давался. Особенно дипломатическія ноты

чѣмъ казалось съ виду, ибо, какъ ни дроби человѣка на разобщенныя между собою сферы и способности, цѣльность его природы на дѣлѣ беретъ свое: долговременное подчиненіе мысли и вкуса воздѣйствуетъ на волю заранѣе, прежде даже чѣмъ созрѣетъ въ ней сознательное рѣшеніе, склоняя всѣ сочувствія человѣка въ ту самую сторону, куда онъ привыкъ обращаться за образцами и уроками. Къ несчастію, этой простой истины близорукіе люди не постигали. Они воображали себѣ, что поколѣніе, привыкшее заимствовать готовый образъ мыслей изъ понятій другой націи, въ минуту политической съ нею борьбы найдетъ въ себѣ и ясность неподкупной мысли, и полную свободу самостоятельной воли; но горькій опытъ доказалъ противное. Воспитанники Французовъ въ дѣлѣ науки, въ дѣлѣ художества и въ дѣлѣ общежитія, при встрѣчѣ съ ними на поприщѣ политики войны, уподобились застѣнчивымъ ученикамъ, какъ будто противъ совѣсти взбунтовавшимся противъ своей учителей. Пруссія была побѣждена Франціею задолго прежде, чѣмъ онѣ столкнулись подъ Іеною и Ауэрштедтомъ.

И вотъ подъ какимъ вліяніемъ выросло поколѣніе государственныхъ людей, которымъ довелось отстаивать противъ Наполеона честь и самостоятельность Пруссіи. Проходя теперь ихъ дѣйствія съ самаго начала Французской революціи и встрѣчая на каждомъ шагу отсутствіе рѣшимости, постыдную уступчивость и равнодушіе къ оскорбленіямъ всякаго рода, мы, посторонніе зрители этой давно разыгранной драмы, не можемъ не испытать чувства досады и негодованія. Что̀ же чувствовали современники и сами Прусаки, въ

и депеши того времени до такой степени испещрены Французскими словами, что мы, читая ихъ, невольно вспоминаемъ нашъ оффиціальный языкъ начала XVIII вѣка, когда нельзя было написать указа, не употребивъ словъ: трактаментъ, авантажъ, субсидія, аллежементъ, сепарація и т. п.

Пертцъ разсказываетъ между прочимъ, что въ 1808 году представители мѣстныхъ чиновъ въ Бреславлѣ поднесли королю въ день его рожденія поздравительный адресъ на Французскомъ языкѣ. Штейнъ благодарилъ ихъ отъ имени короля, но замѣтилъ имъ, что Нѣмцы могли бы писать къ своему государю по нѣмецки, а не на чужомъ языкѣ.

глазахъ которыхъ все ниже и ниже склонялось знамя родной земли! Неудивительно, что подозрѣніе въ измѣнѣ шевелилось въ ихъ уязвленныхъ сердцахъ *) И точно многое, повидимому, оправдывало его. Прусскій генералъ Молендорфъ, командуя войсками во время похода 1795 года, самовольно, безъ вѣдома своего государя, ведетъ съ Французами секретные переговоры о мірѣ; министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Гаугвицъ, послѣ того какъ Пруссія уже приступила къ коалиціи противъ Наполеона, везетъ ему ультиматумъ и выжидаетъ Аустерлицкаго дѣла; узнавъ о пораженіи Австрійскихъ и Русскихъ войскъ, онъ вспрыгиваетъ отъ радости и привозитъ въ Берлинъ проектъ оборонительнаго и наступательнаго союза съ Франціею; въ тоже самое время кабинетъ - совѣтникъ Ломбардъ въ Берлинѣ хлопочетъ объ утвежденіи этого проэкта, по наставленіямъ Французскаго посланника Лафоре, и передаетъ ему подробныя свѣдѣнія о всѣхъ совѣщаніяхъ Прусскаго министерства. Подобныхъ случаевъ можно бы было насчитать много; но, не смотря на то, что каждый изъ нихъ представляетъ поводъ къ уголовному обвиненію, намъ кажется, что современники придавали слову „измѣна“ слишкомъ тѣсное значеніе, и въ сужденіяхъ своихъ о частныхъ лицахъ, слишкомъ много приписывали сознательной злонамѣренности. Лукесини, Ломбардъ, эти кондотьеры Европейской дипломатіи, случаемъ занесенные въ Пруссію и относившіеся къ ней, какъ относится инженеръ, выписанный изъ - за моря, къ землѣ, гдѣ дорого цѣнится его искусство Меллендорфъ, Гаугвицъ и другіе, Нѣмцы по происхожденію, просвѣщенные космополиты по образу мыслей, Французы по вкусамъ и привычкамъ, могли ли они почувствовать вѣрно положеніе земли, ея требованія, объемъ ея нравственныхъ силъ и степень возможнаго ихъ напряженія?

*) Въ запискѣ, поданной королю Фридриху Вильгельму III Прусскими принцами и подписанной Штейномъ въ 1806 году, мы читаемъ между прочимъ: „Армія, публика и расположенные къ намъ иностранные дворы съ крайнею недовѣрчивостію смотрятъ на теперешній кабинетъ. Общественный голосъ говоритъ о подкупахъ, но мы этого не касаемся, ибо предубѣжденія и другія личныя наклонности и отношенія могутъ побудить къ такимъ же дурнымъ дѣламъ, какъ и золото“.

Могли ли они не сбиться съ историческаго пути народной политики, когда вся жизнь ихъ проходила въ полнѣйшемъ разобщеніи съ народомъ, когда они даже, повидимому, не сознавали до какой степени была имъ чужда земля, которою они правили и до какой степени она, въ свою очередь, ихъ чуждалась? Непосредственное ощущеніе всей исторіи народа въ современной его жизни было имъ недоступно; такъ мудрено ли, что, вмѣсто обязательнаго историческаго преданія, они руководствовались системами собственнаго своего изобрѣтенія и личными своими соображеніями? Положимъ, они измѣняли; но кажется, что измѣняли невольно, почти безгрѣшно, и только потому, что одно сознаніе личнаго достоинства, не опирающееся на глубокое и живое сознаніе достоинства національнаго, не даетъ характерамъ надежнаго закала и не выдерживаетъ строгихъ испытаній политической жизни.

Всѣ указанныя нами причины, при всемъ разнообразіи ихъ исходныхъ началъ, взаимно подкрѣплялись и клонились на практикѣ къ одному выводу: онѣ разъединяли правительство съ народомъ и черезъ это обезсиливали правительство, а въ народѣ убивали общественный духъ. И вотъ на что̀, не одинъ разъ, а при всякомъ случаѣ, указывали Штейнъ, Шарнгорстъ, Гнейзенау, Гарденбергъ; вотъ о чемъ они твердили безпрестанно и въ одинъ голосъ, съ такою для многихъ докучливою настойчивостію и съ такимъ скорбнымъ убѣжденіемъ, что именно это разобщеніе губило тогдашнюю Пруссію *).

---

*) Мы приводимъ въ доказательство нѣкоторыя изъ ихъ словъ. *Штейнъ:* Прусскому государству однимъ *штопаньемъ* не поможешь; можно помочь ему только внутреннимъ, лучшимъ противъ прежняго устройствомъ, могущимъ оживить и возвысить общественный духъ, и *народнымъ* воспитаніемъ, въ которомъ явилось бы противодѣйствіе гнусной пошлости и эгоизму. Очисткою нумеровъ этого нельзя достигнуть. Государственное управленіе все болѣе и болѣе отдаляется отъ народа,—явленіе, имѣвшее вездѣ и всегда самыя грустныя послѣдствія. *Гнейзенау:* Со стыдомъ погибнемъ мы; намъ нельзя отъ себя скрыть, что народъ нашъ плохъ такъ же, какъ и наше правленіе. У насъ не достаетъ общественнаго духа... Народъ отвратился отъ правительства... и пр. *Шарнгорстъ:* Надобно развить въ народѣ чувство сознательной самостоятельности. Надобно дать народу воз-

Нравственный недугъ, которымъ былъ пораженъ весь государственный организмъ, проникая въ отдѣльныя сословія и, такъ сказать, прилаживаясь ко всѣмъ особенностямъ ихъ быта, выражался въ самыхъ разнообразныхъ признакахъ. Эти признаки въ физіономіи Прусской арміи 1806 года почти всѣ намѣчены вѣрно въ книгѣ графа Орлова, и намъ остается не возражать ему, а только дополнить сказанное имъ весьма немногими примѣчаніями.

Понятіе о значеніи военной силы, господствовавшее въ кругу высшихъ государственныхъ сановниковъ, составъ арміи и способъ ея пополненія должны были придать военному сословію характеръ касты, оторванной отъ общества и стереть съ нея отпечатокъ народности. Глубокомысленные политики того времени не только не опасались ослабить сочувствіе прочихъ сословій къ военному, но, напротивъ, скорѣе желали полнѣйшаго между ними разъединенія, почитая это однимъ изъ условій усовершенствованія казенной, оборонительной и наступательной машины, какою представлялась имъ армія въ ея идеалѣ. Къ несчастію для Пруссіи, они не только достигли своей цѣли, но даже переступили ее.

Постоянное вниманіе Прусскихъ королей къ военному дѣлу и, слѣдственно, къ военному сословію подняло его на степень первенствующаго, привилегированнаго званія. Военный не только вездѣ становился выше статскаго, но пользовался передъ нимъ существенными преимуществами. Навыкъ, пріобрѣтенный во фронтѣ, почитался достаточнымъ приготовленіемъ къ должностямъ всякаго рода, повидимому требовавшимъ спеціальныхъ познаній и особенной опытности; мѣста, которыхъ чиновники гражданскаго вѣдомства добивались, какъ лучшей награды за долговременную и полезную службу, сберегались для военныхъ, выходившихъ изъ арміи по дознанной ихъ неспособности къ фрунтовой службѣ; даже въ городскія должности, которыя замѣщались по выборамъ самихъ гражданъ, велѣно было представлять исключительно отставныхъ воен-

---

можность познакомиться съ самимъ собою, случай узнать себя, заняться собою... только тогда, когда это совершится, будетъ народъ уважать себя самъ и внушать къ себѣ уваженіе въ другихъ...

ныхъ и инвалидовъ *). Это явное предпочтеніе естественно возбуждало въ прочихъ сословіяхъ чувство недоброжелательной зависти къ военному; а поведеніе офицеровъ въ частномъ быту, надменная безцеремонность ихъ обращенія съ гражданами, не носившими военнаго мундира, ихъ пренебреженіе къ законамъ и приличіямъ, равно обязательнымъ для всѣхъ, содѣйствовали еще болѣе къ развитію этого пагубнаго зародыша. Они на каждомъ шагу какъ будто давали чувствовать всякому встрѣчному, что въ великой народной семьѣ, подъ кровомъ одного государя, имъ однимъ предоставлены были права любимыхъ и балованныхъ чадъ. „Трудно повѣрить, говоритъ Гейссеръ, ссылаясь на разсказы современниковъ, до чего простиралась иногда дворянская и армейская дерзость, какъ исключительно властвовали офицеры въ мѣстахъ постояннаго расположенія войскъ и чего не позволялъ себѣ произволъ нѣкоторыхъ изъ начальствовавшихъ надъ ними генераловъ. Ни образованіе, ни лѣта, ни личныя заслуги не защищали отъ оскорбленій; право пренебрегать всѣми казалось принадлежностію военнаго мундира".

Этимъ свидѣтельствомъ дополняется нѣсколько односторонній отзывъ графа Орлова о характерѣ Прусской арміи. На страницахъ 23—24 мы читаемъ: „Скажемъ по истинѣ, что корпусъ офицеровъ Прусской арміи отличался и въ то время необыкновенно благороднымъ соревнованіемъ и духомъ товарищества, имѣвшаго основаніемъ и цѣлью сохраненіе чести мундира и арміи. Офицеръ, явившійся куда-либо въ неприличномъ видѣ, или поступившій въ чемъ-либо неприлично своему званію, былъ вынуждаемъ товарищами оставлять службу. Строгія правила, постоянно соблюдаемыя Прусскими офицерами, снискали имъ всеобщее уваженіе не только у себя, но и заграницею. Къ чести Прусской арміи прибавимъ, что это уваженіе сохранилось по-нынѣ и что оно вполнѣ заслужено". Здѣсь опять какъ будто слиты двѣ эпохи, между которыми Пруссія выдержала кризисъ, обновившій всю внутреннюю жизнь ея. Не *сохранилось*, а *пріобрѣлось* послѣ кореннаго пре-

---

*) См. жизнеописаніе Штейна, Пертца, т. II, о преобразованіи городоваго положенія.

образованія то всеобщее уваженіе, о которомъ говоритъ авторъ и котораго не могли снискать ни духъ товарищества, ни гордость замкнутой касты, ни даже условное понятіе военной чести, вмѣщающее въ себѣ столько же дурныхъ началъ, сколько и добрыхъ. Въ исходѣ 1808 года, передъ тѣмъ, какъ королевская фамилія переѣхала изъ Кёнигсберга въ Берлинъ, только что очищенный Французами отъ гарнизона, которому назначено было стоять въ Прусской столицѣ, отправлены были депутаты къ городскому обществу просить дружескаго расположенія гражданъ къ имѣвшимъ прибыть войскамъ и обѣщать отъ лица послѣднихъ братскую любовь къ городскимъ обывателямъ. Вслѣдъ за тѣмъ гарнизонъ вступилъ въ Берлинъ; магистратъ вышелъ къ нему на встрѣчу и угостилъ его; огромная толпа народа съ торжествомъ провожала войска: „примиреніе между солдатами и гражданами было запечатлѣно надолго"—этими словами біографъ Штейна оканчиваетъ разсказъ о вступленіи гарнизона въ Берлинъ. Итакъ примиреніе было нужно. Лучше всѣхъ понималъ это создатель новой Прусской арміи, генералъ Шарнгорстъ, въ 1808 году писавшій къ Клаузевицу: „Новое войско вступитъ въ ближайшій и тѣснѣйшій союзъ съ гражданами".

Нравственное разобщеніе арміи съ остальнымъ обществомъ проистекало, кромѣ исключительнаго положенія, которымъ пользовались офицеры, еще отъ другой причины, указанной авторомъ на страницѣ 8—9-й: „постоянно Прусское войско, болѣе чѣмъ на $^3/_4$, состояло изъ иностранцевъ". При таковомъ составѣ, оно могло считаться Прусскимъ только потому, что на содержаніе его поглощалось $^3/_4$ государственныхъ доходовъ Пруссіи и что высшіе начальники почти всѣ принадлежали къ мѣстнымъ уроженцамъ.

Наконецъ, внутри самой арміи, отражалось то глубокое раздвоеніе, которое проходило черезъ все Прусское общество: въ ея рядахъ мы видимъ высшій привилегированный классъ, пользовавшійся полнотою гражданскихъ правъ, и низшій, совершенно заслоненный и подавленный первымъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ графъ Орловъ: „Кромѣ служебныхъ отношеній, не было связи между офицеромъ и солдатомъ. Послѣдній, вмѣсто покровителя, отца, видѣлъ въ начальникѣ

строгаго, безотчетнаго повелителя, подвергавшаго его за каждый мелочной проступокъ сильному тѣлесному наказанію. Офицеры всѣ были изъ дворянъ, и если въ нѣкоторыхъ полкахъ встрѣчались такіе недворянскаго происхожденія (въ артиллеріи, въ гусарахъ), то это было лишь отступленіемъ отъ закона. Солдатъ не могъ думать о производствѣ въ офицеры. Хотя многіе и понынѣ находятъ эту систему хорошею, но съ ними трудно согласиться... Совершенное отдѣленіе офицеровъ отъ солдатъ лишало первыхъ большой части того вліянія, безъ котораго командованіе въ трудныхъ обстоятельствахъ невозможно".

Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ автора; но и здѣсь намъ кажется, что приведенная причина не исчерпываетъ факта. При всей несправедливости системы, предоставлявшей дворянамъ исключительный доступъ къ офицерскимъ должностямъ, она играла только второстепенную роль въ установленіи ежедневныхъ, бытовыхъ отношеній офицеровъ къ рядовымъ. Отношенія эти отнюдь не были исключительнымъ произведеніемъ ни военныхъ законовъ, ни военной дисциплины; они вырабатывались внѣ арміи и переносились въ нее изъ среды тогдашняго гражданскаго общества. Въ нихъ отражалось отношеніе помѣстнаго дворянства, почти исключительно владѣвшаго населенными имѣніями, къ несвободному сельскому сословію. Почти всѣ рядовые, набиравшіеся въ самой Пруссіи *), и значительная часть вербовавшихся въ сосѣднихъ областяхъ принадлежали къ званію простыхъ поселянъ: были между ними крестьяне, водворенные на земляхъ казенныхъ, и этотъ классъ, въ числительномъ отношеніи самый незначительный, пользовался почти всѣми правами свободныхъ сословій; были крестьяне, водворенные на помѣщичьихъ земляхъ на правѣ Германскомъ, нѣсколько обезпеченные противъ произвола владѣльцевъ; были водворенные на правѣ Славянскомъ или Вендскомъ, очень близко подходившемъ къ средневѣковому рабству; были фермеры наслѣдственные и пожизненные; были батраки, были оброч-

*) Извѣстно, что большая часть городскихъ гражданъ (Bürger) Пруссіи пользовалась изъятіемъ отъ натуральной рекрутской повинности.

ники, были издѣльные крестьяне. Но всѣ эти виды сливались въ одно общее понятіе зависимости личной и по имуществу, выражавшееся словами Eigenhörigkeit и Unterthänigkeit. Всему сельскому сословію средневѣковое право, такъ сказать, давало тонъ; оно ставило крестьянина въ зависимость отъ дворянина: какъ вотчинника, имѣвшаго право согнать его съ участка, какъ хозяина, располагавшаго его трудомъ, наконецъ, какъ мѣстнаго судьи и полицейскаго чиновника. Конечно, съ поступленіемъ на службу, его юридическое положеніе, его личныя права измѣнялись; но вѣдь онъ встрѣчался опять въ рядахъ арміи съ своимъ помѣщикомъ въ офицерскомъ мундирѣ. Теперь спрашивается: могли ли прежнія, взаимныя ихъ отношенія, ихъ наслѣдственныя понятія другъ о другѣ измѣниться мгновенно съ перемѣною формы одежды? До извѣстной степени, они точно измѣнялись, уступая вліянію новой среды, новыхъ требованій и новыхъ занятій; но сущность прежнихъ бытовыхъ отношеній, выработанныхъ вѣками и усвоенныхъ долголѣтнею привычкою, такъ сказать проростала сквозь и придавала взаимнымъ отношеніямъ начальствующихъ къ нижнимъ чинамъ тотъ особенный характеръ, который такъ вѣрно намѣченъ авторомъ.

Конечно, мы не поставимъ въ вину Прусскому офицеру того времени, что рядовой не признавалъ въ немъ своего *отца;* не всякому дано быть отцемъ, и этого никто не можетъ вмѣнить другому въ непремѣнную обязанность; слово отецъ слишкомъ полновѣсно и многозначительно, его нельзя такъ легко употреблять. Скажемъ простѣе; рядовой видѣлъ въ офицерѣ не столько начальника, закономъ надъ нимъ поставленнаго, сколько господина, почти безотчетно имъ располагавшаго.

При этомъ очень естественно, что хваленая дисциплина Прусской арміи, для поддержанія которой правительство прибѣгало къ самымъ суровымъ истязаніямъ, имѣла односторонній характеръ. Въ истинномъ и полномъ значеніи слова, дисциплина предполагаетъ строгое и ясное разграниченіе обязанностей каждаго не только къ высшимъ, начальствующимъ, но и [illegible] которые стоятъ ниже, — къ подчиненнымъ. [illegible] ствительно принимали эту двой-

ственность обязанностей и сопряженную съ нею двойственность отвѣтственности; но на практикѣ не было между ними правильнаго равновѣсія. Требованія начальства служили единственною нормою и боязнь отвѣтственности передъ высшими—единственною уздою. Какъ скоро ослабѣвалъ этотъ страхъ, или гдѣ можно было надѣяться ускользнуть отъ взгляда начальника, тамъ начиналась область неограниченнаго произвола, котораго уже не сдерживало ни уваженіе къ правамъ подчиненныхъ, ни боязнь утратить ихъ довѣренность. Офицеръ смотрѣлъ во всѣ глаза на своего начальника, ибо видѣлъ въ немъ свою олицетворенную судьбу; но онъ мало дорожилъ мнѣніемъ своихъ подчиненныхъ и не имѣлъ привычки прислушиваться къ ихъ голосу; этотъ зоркій, неподкупный судъ солдатской совѣсти не восходилъ до офицера. Печальный опытъ 1806 года доказалъ Пруссіи всю ненадежность ея односторонней, на одномъ страхѣ основанной дисциплины. Какъ скоро, послѣ первыхъ неудачъ, разстроился внѣшній гарнизонный порядокъ, и обстоятельства потребовали не одного механическаго навыка исполнять команду, а собственнаго смысла, доброй воли и живаго сознанія воинскаго долга: всѣ служебныя отношенія замѣшались, дисциплина исчезла, и армія разсыпалась. Правда, она скоро собралась опять и славно искупила свое паденіе; но въ короткій промежутокъ времени, отъ 1807 до 1813 года, много успѣла пережить Пруссія, и не даромъ говорилъ Шарнгорстъ, что общее горе послужило для нея великою школою самопознанія и раскаянья. Собралась не прежняя армія, а совершенно новая, въ которой стояли подъ ружьемъ свободные граждане одной земли.

Мы не считаемъ себя призванными входить въ разборъ той части книги графа Орлова, которая касается техническихъ вопросовъ военнаго искусства и потому можетъ быть оцѣнена по достоинству только спеціалистами; но мы приведемъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, дополняющія ясными и мѣтко схваченными чертами характеристику Прусской арміи, и въ то же время доказывающія, до какой степени самые очевидные признаки упадка могутъ укрываться отъ взоровъ, отуманенныхъ самодовольствіемъ.

„Сформированное великимъ курфирстомъ, усовершенство-

ванное Фридрихомъ Великимъ, войско Прусское въ началѣ нынѣшняго столѣтія почиталось первымъ въ Европѣ. Почти всѣ генералы участвовали въ Семилѣтней войнѣ; на нихъ смотрѣли съ уваженіемъ, какъ на учениковъ Фридриха. Ежегодно дѣлаемые ими маневры привлекали множество иностранцевъ. Всѣ удивлялись необыкновенному искусству и соображеніямъ Прусскихъ генераловъ, а офицеры слыли учеными знатоками своего дѣла. Ихъ почитали исполненными геніальнымъ духомъ Фридриха; въ сущности они были только напитаны его уставомъ. Солдаты были выучены превосходно, и въ стойкѣ, маршировкѣ, пріемахъ ружьемъ неподражаемы. Разводъ въ Потсдамѣ былъ идеаломъ военной Европы. Всѣ наперерывъ старались поддѣлаться подъ одежду и обученіе Прусскихъ войскъ. Находились, правда, люди, сомнѣвавшіеся въ непобѣдимости Прусаковъ. Вспоминали про ихъ неудачи въ Шампаніи, про медленность герцога Брауншвейгскаго въ Голландіи въ 1787 году; наконецъ, помнили, что преемникъ Фридриха Великаго, съ сорокатысячною арміею, стоявъ семь недѣль подъ Варшавою, былъ вынужденъ снять осаду, и что въ томъ же году столица Польши была покорена Русскимъ оружіемъ. Подобныя размышленія были, однако, весьма рѣдки и общественное мнѣніе почитало ихъ неосновательными. Еще во времена Фридриха, Гиберъ предсказывалъ будущую участь Пруссіи; но его обвинили въ пристрастіи и не повѣрили его словамъ... Когда герцогъ Брауншвейгскій вступилъ въ 1787 году въ Голландію, то одинъ изъ ея жителей писалъ: „здѣсь сравниваютъ одежду Прусскихъ солдатъ съ одеждою обезьянъ, которыхъ водятъ по улицамъ съ медвѣдями на показъ“. Сравненіе, конечно, преувеличенное, но подающее, однако, понятіе о тогдашневъ нарядѣ тѣхъ войскъ. Короткій мундиръ съ пришитымъ къ нему камзоломъ, короткіе бѣлые штаны, штиблеты, башмаки, маленькая шляпа или гренадерская шапка, едва покрывающая голову—вотъ одежда тогдашняго Прусскаго солдата; кавалерія и егеря имѣли шинели, но у линейной пѣхоты не был [redacted] рѣчи. Солдаты спали подъ палатками, [redacted] лись вмѣсто того одѣяла, которыя, хъ лошадяхъ за полками

полное разстройство арміи, не имѣвшей понятія о бивуакѣ. Вооруженіе соотвѣтствовало одеждѣ. Есть рапортъ одного полковаго командира въ концѣ августа 1806 года, т.-е. передъ самою войною, въ которомъ сказано: „что въ его полку стволы ружей такъ тонкостѣнны, что изъ нихъ нельзя стрѣлять боевыми патронами“. Это легко могло встрѣтиться и въ другихъ полкахъ, потому что кромѣ фузелеровъ и стрѣлковъ (по десяти въ ротѣ) никто не обучался стрѣльбѣ въ цѣль. Стрѣляли холостыми зарядами на ученьяхъ и, сверхъ того, портили еще ружья чисткою и ослабляли винты, чтобы означать темпъ при ружейныхъ пріемахъ. Опусканіе шомпола въ стволъ, при примѣрномъ заряженіи ружей, приводило ихъ въ совершенную негодность. Вообще всѣмъ жертвовали блеску, такъ что строевая часть убила боевую, и главнымъ предметомъ гордости Прусскихъ военныхъ были ихъ ученья. Фридрихъ, дѣйствительно, имѣлъ даръ учить войска; но послѣ него педантизмъ и подражательность привели къ ложнымъ взглядамъ. Не были принимаемы въ соображеніе перемѣны, происшедшія въ военномъ искусствѣ. Генералъ Салдернъ слилъ уставъ съ тактикою и такъ спуталъ этимъ понятія, что нельзя было разобрать дѣйствительнаго отъ воображаемаго“

Одинаково отчетливо и ясно разобраны военное управленіе, укомплектованіе и продовольствіе войскъ; но, къ сожалѣнію, авторъ мало говоритъ о системѣ первоначальнаго образованія рекрутовъ, опредѣляющаго умственный и физическій складъ солдата, хотя очень важные недостатки этой системы, кажется, должны быть отнесены къ числу главныхъ причинъ слабости тогдашней Прусской арміи. Извѣстно, что на этотъ предметъ военные люди въ Пруссіи обращали особенное вниманіе; нигдѣ рекрутская школа не проходилась такъ медленно и съ такою строгостію; это была для новобранца тяжелая, продолжительная пытка, и нужно было желѣзное тѣлосложеніе, чтобы ее выдержать. Между тѣмъ, война 1806 года, обнаруживъ рѣшительное превосходство Французовъ надъ Прусаками, особенно въ одиночномъ бою и въ застрѣльщичьемъ дѣйствіи *), ясно доказала, что вторые уступали

*) См. Гейссера, т. II.

Графъ Орловъ ознакомилъ Русскую публику съ причинами военнаго и политическаго крушенія Пруссіи въ 1806 году; мы не можемъ разстаться съ его книгою, не выразивъ искренняго желанія услышать отъ него же впослѣдствіи, какимъ образомъ, трудами Шарнгорста, короля, и при содѣйствіи Штейна, совершилось преобразованіе Прусской арміи, въ связи съ другими перемѣнами въ государственныхъ учрежденіяхъ и въ устройствѣ общества; какимъ образомъ изъ войска, разбитаго подъ Іеною и Ауэрштедтомъ, сложилось то новое войско, которымъ теперь съ полнымъ правомъ гордится Пруссія, признающая въ немъ свою народность во всеоружіи.

Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина *)

Нельзя не отдать полной справедливости трудолюбію и дарованіямъ г. Чичерина. Онъ выступилъ на литературное поприще съ готовымъ запасомъ свѣдѣній и самостоятельныхъ мнѣній, добытыхъ продолжительными занятіями, и оттого, хотя имя его въ первый разъ появилось въ печати въ началѣ прошлаго года, онъ успѣлъ въ это короткое время представить публикѣ: два изслѣдованія „О древней Русской общинѣ", „О несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи" и, наконецъ, цѣлую книгу „О Русской администраціи въ XVII вѣкѣ", не говоря о нѣсколькихъ критическихъ статьяхъ. Изъ одного этого перечня видно, что г. Чичеринъ не уклоняется отъ трудностей и приступаетъ прямо къ самымъ важнымъ и по сю пору самымъ неразработаннымъ вопросамъ Русской исторіи. На каждый изъ нихъ онъ предлагаетъ ясный и рѣшительный отвѣтъ. Онъ обладаетъ искусствомъ легко управляться съ матеріалами и такъ мастерски группируетъ факты, что читатель, плѣненный округленностью изложенія, принимаетъ охотно вмѣстѣ съ фактами систему, по которой они разставлены, и выводы изъ нихъ извлеченные. Какова эта система и каковы эти выводы сами по себѣ, — это другой вопросъ.

„Русская Бесѣда" представила подробный разборъ трудовъ г. Чичерина, и этотъ разборъ, въ которомъ каждое слово подкрѣплено ссылками на документы, кажется, даетъ намъ

---

*) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., № 1.

первымъ въ ловкости и въ находчивости, стало быть именно въ тѣхъ личныхъ способностяхъ, которыхъ развитіе, судя по времени и усиліямъ, употреблявшимся на одиночное ученіе, казалось, могло бы быть доведено въ нихъ до высокой степени. Значитъ, средства не соотвѣтствовали цѣли.

Рекрутовъ набирали, какъ сказано было выше, изъ низшихъ состояній, слѣдственно изъ людей привычныхъ къ тяжелой, черной работѣ, требующей непремѣнно и силы и ловкости. Употребить въ дѣло весь запасъ физическихъ способностей, съ которыми рекрутъ поступалъ на службу, не теряя ничего изъ нихъ, и по возможности облегчить для него переходъ отъ старыхъ, привычныхъ ему занятій къ новымъ приложеніямъ тѣхъ же способностей—вотъ въ чемъ полагалась главная задача рекрутской школы; но на практикѣ исполненіе вело къ противному.

Военное начальство, принявъ рекрута на свои руки и ошеломивъ его на первыхъ же порахъ своимъ обращеніемъ и непонятною для него странностью своихъ требованій, какъ будто съ намѣреніемъ отбивало у него всякій смыслъ и свинчивало его по всѣмъ суставамъ. Несчастный проходилъ мучительный процессъ, постепенно лишавшій его развязности, свободы и самостоятельности въ движеніяхъ и часто здоровья: его руки и ноги дѣлались для него какъ бы чужими, и живой человѣкъ превращался въ истукана. Доведя его до такого состоянія, начальство принималось выдѣлывать изъ него новую машину—солдата. Но и тутъ, лишившись на половину прежнихъ своихъ способностей, рекрутъ не пріобрѣталъ новыхъ. Вопреки положительнымъ требованіямъ устава, обучающіе заставляли рекрутовъ *перенимать* пріемы, не заботясь о томъ, *понимаютъ* ли они ихъ цѣль и пользу. Это была *выучка,* а не *образованіе.* То, чему выучивался солдатъ, приставало къ нему механически, обращалось въ какую - то безсознательную привычку, нисколько не развивая его ни умственно, ни физически. Повидимому, что могло бы быть ближе и дороже для солдата, какъ не его ружье? А между тѣмъ онъ смотрѣлъ на него, какъ на орудіе, изобрѣтенное для его мученія, и не питалъ къ нему ни привязанности, ни довѣренности; онъ владѣлъ имъ безъ смысла, по командѣ,

и оттого не умѣлъ имъ пользоваться, когда ему доводилось дѣйствовать внѣ строя, своимъ лицемъ.

Всѣ указанныя нами причины и многія другія, о которыхъ мы не распространялись, находя ихъ вполнѣ исчерпанными въ книгѣ графа Орлова, сводились въ цѣлую систему кривыхъ понятій о правительствѣ, о службѣ, объ обществѣ, о солдатѣ, о человѣкѣ. Благонамѣренная критика скользила по нимъ, не будучи въ состояніи поколебать ихъ, и никакая свѣжая мысль не могла черезъ нихъ пробиться. Но гдѣ лишается законныхъ правъ своихъ критика слова, тамъ мститъ за нее неотразимая критика событій, и эту критику самодовольная, самоувѣренная, ослѣпленная Пруссія должна была принять изъ рукъ надменнаго побѣдителя, однимъ ударомъ посрамившаго ея военную славу. Никогда цѣлая нація не испытывала такого полнаго и неожиданнаго разочарованія, и, къ чести Пруссіи, мы должны прибавить, никогда нація не извлекала для себя столько внутренней пользы изъ общаго горя.

Пруссія не искала себѣ оправданія о не старалась уйти отъ собственнаго суда надъ собою. Она осушила горькую чашу политическаго униженія, не подслащивая ея и, съ полнымъ сознаніемъ своей слабости, своихъ ошибокъ и своей испорченности, приступила къ трудному подвигу самоисправленія. Цѣлое государство, сверху до низу, преобразилось и обновилось не болѣе какъ въ 10 лѣтъ; притомъ въ глазахъ непріятеля, который занималъ своими гарнизонами ея крѣпости, намѣренно истощалъ ее военными контрибуціями и безпощадно преслѣдовалъ лучшихъ изъ ея дѣятелей.

Чудное зрѣлище—это единодушное напряженіе всѣхъ сословій, всѣхъ силъ матеріальныхъ и нравственныхъ, всѣхъ личныхъ дарованій, внезапно пробужденныхъ отъ долговременнаго усыпленія, и надъ ними эта благородная, задумчивая личность короля Фридриха Вильгельма III, благодушіемъ своимъ привлекавшаго къ себѣ все, что было отторгнуто или заподозрѣно ложною системою! Оно не только возбуждаетъ глубокое сочувствіе, но поднимаетъ духъ, укрѣпляя въ немъ увѣренность въ несомнѣнной осуществимости твердо задуманнаго добра.

во время процвѣтанія аристократіи, когда дворянскія имѣнія переходили нераздѣльно по наслѣдству къ старшему сыну, младшіе сыновья (les cadets de famille) поступали обыкновенно въ духовное званіе, и состояніе ихъ обезпечивалось доходами епархій, монастырей, духовныхъ корпорацій. Въ Пруссіи, въ началѣ нынѣшняго вѣка, многіе юристы доказывали, что всякій чиновникъ, увольняемый отъ должности даже за неспособность, имѣлъ право требовать вознагражденія за потерю мѣста и жалованья; въ Англіи до сихъ поръ военные чины продаются, покупаются, закладываются какъ частная собственность. Спрашивается: изъ всего этого слѣдуетъ ли, что Франція смотрѣла на свою іерархію единственно какъ на средство поддержать достоинство и блескъ знатныхъ родовъ, что Прусскіе юристы считали судебныя и административныя должности кормленіями, что Англія не понимаетъ общественнаго значенія военной службы? Если въ отношеніи къ Франціи, Пруссіи и Англіи подобный выводъ былъ бы несправедливою натяжкою, то какое право имѣемъ мы примѣнять его къ древней Руси?

Далѣе, извѣстно всѣмъ, и самъ г. Чичеринъ утверждаетъ насъ въ томъ убѣжденіи, что никакое общество не можетъ существовать безъ суда, конечно, не въ смыслѣ *кормленія*; что судъ составляетъ существенную потребность всякаго общества, конечно, не ради поборовъ, съ нимъ сопряженныхъ. Такъ въ чемъ же заключалось понятіе *народа* о томъ, что́ есть судъ самъ по себѣ и чѣмъ долженъ быть судья для подсудимыхъ? Въ чемъ выражалось это понятіе и какъ оно относилось къ офиціальному воззрѣнію служилаго сословія? Эти вопросы не со стороны примыкаютъ къ главному тезису; они въ немъ содержатся, и, взявшись опредѣлить характеръ цѣлаго общественнаго устройства по характеру судебныхъ учрежденій, нельзя было миновать ихъ разрѣшенія.

Если не нашлось для этого никакихъ данныхъ въ юридическихъ актахъ, въ чемъ позволительно усомниться, то вольножъ было ими ограничиваться.

Здѣсь вѣроятно пригодилась бы къ дѣлу справка съ проповѣдями и посланіями, посредствомъ которыхъ церковь проводила въ гражданское общество идеальныя понятія, приви-

вавшiяся ко всѣмъ сословiямъ; можетъ быть, и повѣствованiя лѣтописцевъ, особенно тѣ, на которыхъ лежитъ отпечатокъ народныхъ преданiй, дали бы указанiя для воспроизведенiя понятiй древней Руси о правдѣ и о судѣ. Вѣдь убѣжденiя, представленiя, даже предразсудки цѣлыхъ народовъ такiе же *факты*, такой же историческiй матерiалъ, какъ и грамота, выданная однимъ лицемъ другому, или происшествiе, совершившееся въ такомъ-то году и въ такомъ-то мѣстѣ. Если бы г. Чичеринъ принялъ въ соображенiе *всѣ* источники и провѣрилъ бы свои выводы характеромъ *всей* древней жизни, онъ неминуемо пришелъ бы къ заключенiю, что юридическiе памятники выражали одно понятiе, одинъ видъ учрежденiй, а въ народной жизни существовало другое понятiе и цѣлый порядокъ соотвѣтственныхъ ему явленiй; или, что юридическiе памятники обрисовывали только одну сторону учрежденiй, далеко не исчерпывая ихъ общественнаго, значенiя, слѣдовательно не представляя данныхъ для полнаго вывода о характерѣ цѣлой жизни; или, наконецъ, что онъ самъ не совсѣмъ вѣрно опредѣлилъ себѣ смыслъ этихъ памятниковъ.

II) Россiя завоевана князьями и ихъ дружинами — эту гипотезу проводитъ г. Чичеринъ единственно потому, что она составляетъ необходимое основанiе другой любимой его гипотезы о принадлежности всей земли князьямъ на правѣ частной собственности. Первый вопросъ: была ли Россiя завоевана или нѣтъ, кажется, тождественъ съ вопросомъ: зналъ ли что-нибудь Русскiй народъ про такое завоеванiе, считалъ ли онъ себя и свою землю военною добычею князей? Очевидно, что насилiе, испытанное здѣсь и тамъ, еще не составляетъ завоеванiя; если мы не находимъ признаковъ его *въ цѣлой совокупности отношенiй* пришельцевъ къ туземцамъ, если древнѣйшiя преданiя вторыхъ о первыхъ, восходящiя къ временамъ не слишкомъ отдаленнымъ отъ первой ихъ встрѣчи, не содержатъ въ себѣ выраженiя сознаннаго униженiя, то мы не въ правѣ предполагать завоеванiя, хотя бы два-три случая или выраженiя, сохранившiяся въ лѣтописяхъ, и не подходили подъ наши понятiя о мирномъ водворенiи. Гдѣ же слѣды народныхъ воспоминанiй о завоеванiи

Россія Варяжскою дружиною? Въ преданіяхъ о Владимірѣ, этомъ типическомъ образѣ древняго князя-дружинника, есть ли хоть одна черта, напоминающая представленіе побѣжденныхъ о побѣдителѣ? Мы теперь не опровергаемъ гипотезы г. Чичерина; едва ли онъ и самъ крѣпко стоитъ за нее: мы хотимъ только сказать, что странно утверждать или отрицать въ исторіи народа фактъ первой величины, фактъ, долженствующій непремѣнно имѣть рѣшительное вліяніе на всю его судьбу, не допросивши воспоминаній самаго народа.

III) Съ какого времени и при какихъ условіяхъ установилось въ нашихъ селахъ общественное владѣніе и вошелъ въ обычай срочный передѣлъ земель? И этотъ вопросъ (котораго возбужденіе есть уже заслуга) обработанъ г. Чичеринымъ только по юридическимъ даннымъ, тогда какъ почва его не столько область права, сколько область сельскаго хозяйства. Автору представляется сельская община и общественное владѣніе, только какъ *учрежденіе*, какъ результатъ законовъ, какъ твореніе государственной власти, и онъ совершенно упускаетъ изъ виду тѣсную, неразрывную связь юридическаго вопроса съ экономическими условіями народнаго быта, забывая, что въ основаніи всѣхъ отношеній земледѣльцевъ къ землѣ лежитъ пользованіе землею, и что отъ способа этого пользованія, который опредѣляется свойствомъ почвы и отношеніемъ народонаселенія къ пространству удобныхъ земель, зависитъ главнѣйшимъ образомъ и юридическое развитіе всѣхъ поземельныхъ отношеній. Здѣсь, простой взглядъ на современный крестьянскій бытъ открылъ бы, что не въ томъ вопросъ, когда и кто приказалъ, дозволилъ или разрѣшилъ владѣть землею сообща и передѣлять ее, а въ томъ: при какихъ условіяхъ Русскій народъ находитъ этотъ порядокъ вещей возможнымъ, справедливымъ и выгоднымъ. Оглянувшись вокругъ себя, авторъ нашелъ бы въ современной Россіи такія области, гдѣ еще не начинали передѣлять полей, другія, гдѣ (вопреки противодѣйствію разныхъ распорядительныхъ властей) обычай этотъ держится во всей своей силѣ, и третьи, гдѣ онъ постепенно ограничивается и выводится. Разумная и постоянная послѣдовательность этихъ явленій объяснила бы многое въ исторической судьбѣ нашей

древней общины, и если бы авторъ, въ дополненіе къ своимъ источникамъ, обратилъ вниманіе на современный обычай, то онъ, вѣроятно, не отнесъ бы къ числу изобрѣтеній законодательства одну изъ отличительныхъ особенностей нашего народа, принадлежащую ему такъ же неотъемлемо и такъ же независимо отъ всякихъ теорій и распоряженій, какъ его физіономія и его языкъ.

IV) То же замѣчаніе примѣняется къ изслѣдованію о несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи. Авторъ удовлетворительно раскрылъ государственныя потребности, имѣвшія вліяніе на судьбу сельскаго народонаселенія; но, упустивъ изъ виду экономическую сторону вопроса, онъ не замѣтилъ, что въ эпоху, когда заканчивалась аппропріація земель, прикрѣпленіе крестьянъ представлялось единственнымъ средствомъ удержать нераздѣльность земледѣльца съ землею, и что подъ крѣпостнымъ правомъ, въ формѣ зависимости лица отъ земли, укрылось и спаслось для другихъ временъ право крестьянъ на землю.

Далѣе, судя по тому какъ г. Чичеринъ пользуется самыми юридическими памятниками, такъ близко ему знакомыми, можно подумать, что онъ недостаточно уяснилъ себѣ обстоятельства, подававшія поводы къ ихъ возникновенію и общее ихъ отношеніе къ древней жизни. Онъ обращается съ историческими свидѣтельствами какъ королевскій прокуроръ (accusateur public) съ уликами, собранными слѣдствіемъ противъ обвиненнаго. Мы сказали выше, что у насъ въ старину, какъ и у всякаго народа въ періодѣ его младенчества, письменность играла очень ограниченную роль и употреблялась какъ вспомогательное средство для достиженія чисто-практическихъ цѣлей. Оттого обычный порядокъ вещей, всѣмъ извѣстный, всѣми признанный и никого изъ современниковъ не поражавшій, рѣдко и то случайно высказывался въ древнихъ памятникахъ. Въ тѣ времена, чтобы заставить человѣка взяться за перо, нужны были особенныя побужденія. Въ грамотахъ, договорахъ, уставахъ, челобитныхъ, записывалось вопервыхъ то, что подвергалось частымъ измѣненіямъ и нелегко удерживалось въ памяти, напримѣръ, таксы разнаго рода сборовъ, пошлинъ, штрафовъ и пеней; во-вторыхъ, но-

вовведенія или изъятія, нарушавшія старину, напримѣръ, разнаго рода льготы и привилегіи; наконецъ, случаи сильно и глубоко захватывавшіе чьи-либо частные интересы; сюда относятся жалобы на обиды и злоупотребленія властей и всякаго рода просьбы по частнымъ дѣламъ.

Все это вмѣстѣ, очевидно, далеко еще не исчерпываетъ обычнаго порядка вещей, а относится къ нему, какъ дополненіе, какъ примѣненіе общаго къ частнымъ случаямъ, или какъ прямая противоположность къ обычаю и закону. Г-нъ Чичеринъ выводитъ обильныя заключенія изъ того, что въ нашихъ древнихъ уставныхъ и прочихъ грамотахъ, которыми опредѣлялись обязанности и кругъ дѣятельности должностныхъ лицъ, преимущественно обращено вниманіе на сборы, пошлины и доходы; но это объясняется очень просто потребностью облечь въ письменную форму и закрѣпить именно то, о чемъ легко могли возникать споры, чего не вмѣщала въ себѣ народная память и не опредѣляло преданіе. Г-нъ Чичеринъ сводитъ разные отзывы о ходѣ управленія, о дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ и приходитъ къ заключенію, что наша древняя администрація представляла безобразный хаосъ; но онъ забываетъ, что въ большей части дошедшихъ до насъ памятниковъ, по самому характеру практическихъ поводовъ, которымъ они обязаны своимъ происхожденіемъ, должна была отразиться именно одна эта темная сторона, одинъ *безпорядокъ,* а не *порядокъ* древней жизни. Вся ошибка— въ неправильномъ обобщеніи частнаго, въ принятіи одной стороны за цѣлое. Эта односторонность и натянутость выводовъ г. Чичерина сдѣлается очевидною, если примѣнить ихъ къ современнымъ даннымъ. Изъ того, что чиновникъ объясняетъ своему начальнику, что получаемое имъ жалованье недостаточно для его содержанія и проситъ перевести его на высшій окладъ, слѣдуетъ ли, что чиновникъ, начальникъ его и цѣлое общество смотрятъ на занимаемую имъ должность единственно какъ на оброчную статью? Изъ того, что въ Московской Уголовной Палатѣ ни о чемъ нѣтъ рѣчи, какъ только о преступленіяхъ и проступкахъ, въ правѣ ли мы заключить, что Московская губернія населена сплошь ворами и убійцами?

Наконецъ, третья и главная причина ошибокъ, въ которыя впалъ г. Чичеринъ, заключается по нашему убѣжденію въ *отрицательности его воззрѣнія*. Употребивши это выраженіе, мы должны тотчасъ же, во избѣженіе всякихъ недоразумѣній, пояснить, какое значеніе мы придаемъ ему. Оно не имѣетъ ничего общаго съ преднамѣреннымъ порицаніемъ. Мы относимъ его не къ *намѣренію*, о которомъ въ ученомъ спорѣ никогда не можетъ быть и рѣчи (ибо намѣреніе у всѣхъ одно: выразумѣть и объяснить предметъ изученія); но мы опредѣляемъ имъ характеръ логическаго вывода, совершенно независимаго отъ воли мыслителя и принимающаго форму отрицанія вслѣдствіе *непримѣнимости избраннаго мѣрила къ предмету изученія*. Представьте себѣ Лапландца, никогда не видавшаго ничего кромѣ своей родины и перенесеннаго внезапно подъ знойное небо Африки; первое его сужденіе непремѣнно выразится отрицаніемъ: Африка поразитъ его какъ земля, въ которой *нѣтъ* ни снѣга, ни трескучихъ морозовъ. Такого рода сужденія одинаково способны выражать и похвалу и порицаніе. Въ примѣненіи къ Русской исторіи, выставляютъ ли намъ, какъ отличительное свойство нашего прошедшаго, отсутствіе непримиримой вражды сословій и ужасовъ инквизиціи, или недостатокъ союзнаго духа и государственныхъ понятій, въ обоихъ случаяхъ мысль относится одинаково къ предмету, ибо не проникаетъ глубже отрицательныхъ, внѣшнихъ его признаковъ. Уяснивши это, мы въ правѣ сказать, что доселѣ господствуетъ у насъ отрицательное воззрѣніе на Русскую жизнь; иными словами: ее опредѣляютъ не столько по тѣмъ даннымъ, которыя въ ней *есть*, сколько по тѣмъ, которыхъ въ ней *нѣтъ*, и которымъ, по субъективному убѣжденію изучающихъ ее, слѣдовало бы непремѣнно въ ней быть. Послѣдовательное развитіе нашего самосознанія должно было неизбѣжно поставить насъ на эту точку зрѣнія, составляющую логическій переходъ отъ подражательнаго направленія мысли къ народному.

Историческая наука зачалась въ Россіи вслѣдъ за переворотомъ, перервавшимъ у насъ живую нить историческаго преданія. Оттого наука явилась не какъ плодъ созрѣвшаго

народнаго самосознанія, а какъ попытка со стороны *цивилизованнаго общества*, оторвавшагося отъ народной почвы, возстановить въ себѣ утраченное самосознаніе, придти въ себя *).

У другихъ народовъ идея исторіи представлялась какъ своя исторія; форма и содержаніе зарождались нераздѣльно въ живомъ народномъ самосознаніи; у насъ же возникла сперва чисто-формальная потребность исторіи, ибо внутреннее содержаніе ея составляло для насъ искомое. Намъ пришлось задать себѣ вопросъ: чего намъ искать въ своемъ прошедшемъ и какую бы намъ сочинить для себя исторію?

Передъ нами лежала разработанная, разъясненная исторія другихъ народовъ, какъ бы готовая формула исповѣди, и мы приняли ее и начали повторять отъ себя, чистосердечно радуясь чужимъ подвигамъ и проливая слезы покая-

---

*) Никто такъ ясно не выразилъ этой мысли какъ самъ г. Чичеринъ, конечно, не подозрѣвавшій, что въ то самое время, какъ онъ такъ заботливо охранялъ науку отъ прикосновенія народности, въ словахъ его высказывалось рѣшительное, хотя и невольное признаніе неестественности отношенія безнародной науки въ жизни. Въ статьѣ, напечатанной въ № 14 „Русскаго Вѣстника" за прошлый годъ, мы читаемъ: „Что такое *Русскія начала* —это можетъ *открыться только* изъ основательнаго изученія прошедшей и настоящей жизни нашего народа, то-есть изъ науки; а наука Русской жизни едва начинается". Переведите эти слова на любой языкъ, смысла ихъ не пойметъ ни Французъ, ни Нѣмецъ, ни Англичанинъ; развѣ только пойметъ ихъ Кургессенская Церковь, публиковавшая недавно о потерѣ своего вѣроисповѣданія. По мнѣнію г. Чичерина, наука должна не только уяснить, не только облечь въ систематическую форму сознаніе народа о присущихъ въ немъ началахъ, она должна ихъ *открыть*; а наука Русской жизни едва начинается! Мы бы охотно согласились терпѣливо ожидать этого открытія, еслибы можно было пріостановить развитіе народа до тѣхъ поръ, пока ученые сдѣлаютъ свое дѣло, пока наука назоветъ народныя начала, иными словами: укажетъ народу цѣли, законы и средства; но вѣдь народъ идетъ впередъ безостановочно, и въ каждую минуту своего бытія ему приходится словомъ и дѣломъ выражать и отстаивать эти начала, которыхъ еще не открыла наука; на каждомъ шагу возникаютъ передъ нимъ вопросы, которыхъ нельзя отложить до лучшихъ временъ; ихъ нужно разрѣшать немедленно, на основаніи тѣхъ же началъ, которыхъ народъ будто бы не вѣдаетъ и о которыхъ наука рѣшительно ничего не знаетъ, Жалкое, небывалое въ исторіи положеніе!

нія о чужихъ грѣхахъ. Какъ относились къ тогдашней нашей общественной жизни комедіи, передѣланныя съ Французскаго и *приспособленныя къ Русскимъ нравамъ*, такъ точно относились къ Русской старинѣ первые наши историческіе труды. И Карамзинъ, не говоря уже о второстепенныхъ ученыхъ, въ первыхъ томахъ своей Исторіи заплатилъ дань этому воззрѣнію. Результаты, къ которымъ оно привело, не могли быть утѣшительны. Напрасно старались отыскать у насъ героевъ, законодателей, аристократію и демократію, поэтическихъ рыцарей и гордыхъ прелатовъ; ихъ не оказалось, и пришлось сознаться, что явленія нашей жизни, въ сравненіи съ древнимъ классическимъ міромъ и съ западнымъ, были блѣдны и тощи, что изъ данныхъ, повидимому сходныхъ, у насъ слагалось не то, чего бы хотѣлось, и, наконецъ, что итогъ всего нашего прошедшаго развитія совсѣмъ не походилъ на Западно-Европейскую цивилизацію, принятую нами за образецъ. Итакъ, вмѣсто отвѣта на первый вопросъ, мы пришли къ сомнѣнію: видно мы чѣмъ то обдѣлены, чего то существеннаго намъ не достаетъ; ужъ не страдаемъ ли мы кореннымъ, прирожденнымъ недугомъ? А если такъ, то гдѣ же онъ таится, какъ назвать его и въ чемъ искать врачеванія?—Разумѣется, самое возбужденіе этихъ вопросовъ, сравнительно съ прежнимъ направленіемъ, изъ котораго они вышли, являло несомнѣнный успѣхъ. Они должны были заставить насъ оглянуться пристальнѣе на самихъ себя, строже себя допросить; но въ то же время, они были такъ поставлены, что рѣшеніе ихъ зависѣло безусловно отъ субъективнаго убѣжденія каждаго взирающаго на предметъ. Одному могло показаться, что наше историческое прошедшее было неполно, потому что Россія лишена была возможности принять въ себя изъ первыхъ рукъ результаты классической древности; другой могъ приписать мнимую незаконность нашего развитія удаленію Россіи отъ духовнаго средоточія средневѣковой Западно-Европейской жизни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Кавелинъ, въ мастерскомъ очеркѣ юридическихъ отношеній древней Россіи, доказывалъ, что отличительная особенность ихъ заключалась въ слабомъ развитіи личности, исчезавшей въ обществѣ, а теперь г. Чичеринъ доказываетъ намъ, что

Графъ Орловъ ознакомилъ Русскую публику съ причинами военнаго и политическаго крушенія Пруссіи въ 1806 году; мы не можемъ разстаться съ его книгою, не выразивъ искренняго желанія услышать отъ него же впослѣдствіи, какимъ образомъ, трудами Шарнгорста, короля, и при содѣйствіи Штейна, совершилось преобразованіе Прусской арміи, въ связи съ другими перемѣнами въ государственныхъ учрежденіяхъ и въ устройствѣ общества; какимъ образомъ изъ войска, разбитаго подъ Іеною и Ауэрштедтомъ, сложилось то новое войско, которымъ теперь съ полнымъ правомъ гордится Пруссія, признающая въ немъ свою народность во всеоружіи.

Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина *)

Нельзя не отдать полной справедливости трудолюбію и дарованіямъ г. Чичерина. Онъ выступилъ на литературное поприще съ готовымъ запасомъ свѣдѣній и самостоятельныхъ мнѣній, добытыхъ продолжительными занятіями, и оттого, хотя имя его въ первый разъ появилось въ печати въ началѣ прошлаго года, онъ успѣлъ въ это короткое время представить публикѣ: два изслѣдованія „О древней Русской общинѣ“, „О несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи“ и, наконецъ, цѣлую книгу „О Русской администраціи въ XVII вѣкѣ“, не говоря о нѣсколькихъ критическихъ статьяхъ. Изъ одного этого перечня видно, что г. Чичеринъ не уклоняется отъ трудностей и приступаетъ прямо къ самымъ важнымъ и по сю пору самымъ неразработаннымъ вопросамъ Русской исторіи. На каждый изъ нихъ онъ предлагаетъ ясный и рѣшительный отвѣтъ. Онъ обладаетъ искусствомъ легко управляться съ матеріалами и такъ мастерски группируетъ факты, что читатель, плѣненный округленностью изложенія, принимаетъ охотно вмѣстѣ съ фактами систему, по которой они разставлены, и выводы изъ нихъ извлеченные. Какова эта система и каковы эти выводы сами по себѣ, — это другой вопросъ.

„Русская Бесѣда“ представила подробный разборъ трудовъ г. Чичерина, и этотъ разборъ, въ которомъ каждое слово подкрѣплено ссылками на документы, кажется, даетъ намъ

---

*) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., № 1.

право сказать, что ни одно изъ новыхъ его положеній, собственно ему принадлежащихъ, не выдерживаетъ критики. Конечно, историческія изслѣдованія автора, какъ сводъ матеріаловъ, имѣютъ прочное достоинство, независимое отъ выводовъ; но отчего же столько добросовѣстнаго труда и столько дарованій, употребленныхъ на такомъ поприщѣ, гдѣ каждаго дѣятеля ожидаетъ обильная жатва, не внесли въ науку положительныхъ результатовъ, а обогатили ее только дознаніемъ нѣсколькихъ ошибокъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ непремѣнно указать на какой-нибудь недостатокъ въ самомъ способѣ изслѣдованія, въ ученыхъ пріемахъ автора, а потому мы считаемъ не безполезнымъ посвятить этому предмету нѣсколько страницъ.

Прежде всего поражаетъ во всѣхъ историческихъ трудахъ г. Чичерина неполнота употребленныхъ въ дѣло источниковъ. Онъ ссылается почти исключительно на юридическіе памятники (Акты Археологической Коммиссіи, Румянцевское собраніе, Полное Собраніе Законовъ и т. п.); рѣдко попадается ссылка на лѣтописи, и нигдѣ не приняты въ соображеніе ни сочиненія иностранцевъ о Россіи, ни памятники церковной литературы, ни народныя преданія, пѣсни, сказки, поговорки, ни наконецъ современный бытъ, представляющій живой и самый надежный комментарій къ скуднымъ остаткамъ древней письменности. Если намъ скажутъ, что на *юридическіе вопросы* естественнѣе и ближе всего искать разрѣшеній въ юридическихъ памятникахъ, то мы отвѣтимъ на это, что подобное правило, и то не безусловно, можетъ быть примѣнено только къ народной жизни, вышедшей изъ состоянія [illegible] и уже разветвившейся на множество самостоятельныхъ отраслей. Оно предполагаетъ спеціальныя дѣятельности, спеціальные предметы, спеціальныя ученія и спеціальныя литературы. Всего этого, разумѣется, мы не можемъ искать въ старину, ни у насъ, ни у другихъ народовъ. Чѣмъ ближе мы восходимъ отъ настоящаго къ прошедшему, тѣмъ менѣе находимъ мы тѣхъ разграниченныхъ спеціальностей [illegible] ни на практикѣ, тѣмъ [illegible]

рактеръ проповѣди на прошедшія событія, или частныхъ замѣтокъ; ученіе о домашнемъ хозяйствѣ сливается съ психологіею; все выражается во всемъ, но выражается всегда отрывочно, какъ будто невольно, и всякое подобное выраженіе называется искреннимъ ощущеніемъ практическихъ потребностей данной минуты, а вовсе не желаніемъ исчерпать всѣ свойства предмета, ограничить его со всѣхъ сторонъ и выяснить его самостоятельную особенность.

Къ этому мы должны еще прибавить, что вопросы, возбуждаемые г. Чичеринымъ, сами по себѣ такъ широки, что едва ли можно надѣяться разрѣшить ихъ, не захвативъ всѣхъ сферъ народной жизни и, слѣдовательно, всѣхъ ея проявленій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

I) „Безъ суда (говоритъ авторъ книги „О Русской администраціи“), не можетъ существовать никакое общество...

Судъ составлялъ *единственную* общественную потребность удѣльной Россіи, и характеръ суда прямо укажетъ на начала общественнаго устройства въ удѣльномъ періодѣ“.

Такъ поставленъ вопросъ, а вотъ на него отвѣтъ. Судъ разсматривался исключительно съ точки зрѣнія частнаго права, какъ привилегія судившаго, какъ его оброчная статья, отнюдь не какъ дѣло общественное; судъ учреждался для выгодъ судьи, а не для пользы подсудимыхъ, и потому не могло быть понятія о какихъ-либо обязанностяхъ судьи къ подсудимымъ, а могла быть рѣчь только о правахъ его надъ ними и объ опредѣленіи границъ этихъ правъ въ отношеніи къ высшей власти или къ другимъ должностнымъ лицамъ. Къ такому заключенію приводитъ автора разсмотрѣніе юридическихъ документовъ, Вѣрно ли они поняты, объ этомъ мы будемъ говорить послѣ. Допустимъ теперь, что выводъ вѣренъ. Очевидно, что понятіе о судѣ въ смыслѣ кормленія могло принадлежать только тому сословію, которое владѣло судомъ какъ собственностію; это было воззрѣніе служилыхъ людей, *довавшихъ судъ*, а, конечно, не общества, принимавшаго судъ. Почему же понятіе, возникшее изъ частнаго отношенія *одного* сословія къ разсматриваемому предмету, принято за выраженіе сознанія цѣлаго общества, за указаніе на начало, лежавшее въ основѣ его устройства? Во Франціи,

тались своими рѣзкими выпуклостями на нашей жизни и обозначили на ней *изъяны*, по которымъ опредѣляется ея образъ.

Этотъ примѣръ, мы надѣемся, убѣдитъ читателя въ томъ, что отрицательное воззрѣніе на Русскую исторію имѣетъ основаніе совершенно независимое отъ намѣреннаго порицанія, но вытекаетъ прямо изъ характера нашего умственнаго воспитанія, изъ разобщенія нашей мысли съ народною средою, въ которой мы живемъ, изъ привычки прилагать къ ея явленіямъ понятія и категоріи, не ею самою выработанныя, но внесенныя въ нее изъ чуждой ей среды, изъ которой мы приняли на вѣру готовое умственное просвѣщеніе.

Въ сущности, отрицательность выводовъ есть выраженіе неспособности угадать причину своеобразности народной жизни и уловить въ ней тѣ духовныя побужденія, въ которыхъ сперва безсознательно обнаруживаются предрасположенія народа къ его историческому призванію, и которымъ позднѣе, въ эпоху зрѣлости, предназначено развиться въ стройную систему понятій и найти для себя идеальные образы.

Но пока не наступило это время, чтобы постигнуть въ явленіяхъ человѣческой жизни, личной или народной, еще недостаточно, не вполнѣ проявленную ихъ сущность, кромѣ способности нанизывать факты и связывать понятія по правиламъ логики, нужно сочувственное настроеніе мысли допрашивающей эти явленія къ мысли въ ней проявившейся. Въ этомъ заключается очевидная разница между процессомъ постиженія законовъ свободнаго духа и постиженіемъ законовъ вещественной необходимости, которыми управляется природа, и потому неумѣстны были въ вопросѣ о народности въ наукѣ ссылки на ботанику, зоологію и физику.

Дѣло въ томъ, что, независимо отъ общихъ категорій, каковы, напримѣръ, умозрѣніе и опытъ, категорій, опредѣляющихъ отношеніе *отвлеченной мыслительной способности къ ея объекту,* постиженіе имѣетъ свои степени, которымъ соотвѣтствуютъ особенныя условія въ отношеніяхъ живаго *мыслителя* къ предмету изученія.

Прежде чѣмъ произнести приговоръ надъ человѣкомъ

или надъ цѣлымъ народомъ, прежде чѣмъ опредѣлить отношеніе жизни къ закону и сказать, что въ ней недоставало того и другаго, мы должны не только установить ея внѣшніе признаки, но *выразумѣть* ее, какъ явленіе естественно возникшее изъ внутреннихъ свободныхъ побужденій, мы должны пережить ее въ себѣ и, такъ сказать, провѣрить ее своимъ личнымъ опытомъ. Жизнь, усвоенная такимъ образомъ, не однимъ разсудкомъ, не въ одной ея логической возможности, но всѣмъ существомъ мыслителя или художника (ибо и въ основаніи художества, какъ справедливо сказалъ г. Катковъ въ своей статьѣ о Пушкинѣ, лежитъ постиженіе), какъ живое живымъ, черезъ его посредство дѣлается общепонятною и проводится въ сознаніе цѣлаго человѣчества.

Для насъ, раздѣленныхъ съ древнею Элладою неизмѣримымъ пространствомъ пережитыхъ человѣчествомъ вѣковъ и понятій, доступно теперь все богатство ея внутренней жизни, потому что художники, ораторы, историки и философы, проникнутые ею насквозь, Еллины по убѣжденіямъ, по образу мыслей, по сочувствіямъ и привычкамъ, раскрыли передъ нами ея тайны. Но мы стоимъ еще безконечно выше ея по нашей христіанской точкѣ зрѣнія, и потому мы видимъ въ ней то, чего не видѣли ни Эсхилъ, ни Геродотъ, ни Аристотель; нашъ взглядъ, переступая за предѣлы Греческаго міра, видитъ ограниченность его созерцанія и опредѣляетъ его отношенія не только къ прошедшему, но и къ дальнѣйшему развитію человѣчества, въ чемъ и состоитъ историческій судъ. Подобно Еллинамъ, и всякій народъ обязанъ истолковать себя, оставить свою исповѣдь и передать данныя для будущей его оцѣнки тому народу, который вступитъ въ его наслѣдство. Этой обязанности нельзя возложить на другаго, ибо задача состоитъ въ обнаруженіи того, что знаетъ про себя только самъ народъ, чего другой не знаетъ и не узнаетъ никогда безъ его посредства. Если по чему - либо самъ народъ не выполнитъ этой задачи, или если пропадутъ памятники его слова, въ которыхъ выразилось его представленіе о самомъ себѣ, все существованіе его останется для исторіи навсегда неразгаданною тайною. Таково отчасти наше отношеніе къ древнему Востоку.

Итакъ, народность, какъ опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки; а для того, чтобы произнести надъ нею историческій приговоръ, иными словами, для опредѣленія ея отношенія къ будущему, нужно, чтобы мысль перешагнула за ея предѣлы и вознеслась на высшую точку зрѣнія, на которую подниметъ ее другая народность.

Теперь понятно, отчего Русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школѣ одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ, загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея.

Воспоминаніе о Дмитріѣ Петровичѣ Журавскомъ

Письмо къ редактору русской бесѣды *)

Вы хотите помянуть въ „Русской Бесѣдѣ“ недавно скончавшагося Дмитрія Петровича Журавскаго и требуете отъ меня, чтобы я написалъ вамъ все, что я о немъ знаю и помню.... Скажу вамъ откровенно, я знаю о немъ такъ мало и все, что я въ состояніи припомнить, будетъ такъ недостаточно для оцѣнки по достоинству этой замѣчательной личности, что я не рѣшился бы принять на себя обязанность, которую вы возлагаете на меня, и передалъ бы ее другому, еслибы имѣлъ въ виду другаго, кто бы могъ ее исполнить. Но, сколько мнѣ извѣстна жизнь Журавскаго (по крайней мѣрѣ, по тремъ годамъ, проведеннымъ имъ въ Кіевѣ въ то время, какъ и я тамъ жилъ), едва ли кто - нибудь, кромѣ жены его, помогавшей ему даже въ ученыхъ его трудахъ, находился съ нимъ въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ. Видаясь съ нимъ довольно часто, я очень рѣдко заставалъ у него кого - нибудь, да и тѣ, которые знали и цѣнили его, видѣли въ немъ добросовѣстнаго, ученаго спеціалиста, исключительно преданнаго своему дѣлу и съ которымъ, повидимому, больше ни о чемъ не приходилось говорить, какъ только о статистикѣ. Разсудите же: легко ли сблизиться съ человѣкомъ на однѣхъ таблицахъ и цифрахъ?

Я сказалъ, что немногіе знали и цѣнили покойнаго, и заранѣе увѣренъ, что никто изъ этихъ немногихъ не по-

---

*) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., № 2.

упрекнетъ меня въ несправедливости, если я прибавлю, что мы всѣ цѣнили его какъ-то равнодушно и холодно. По крайней мѣрѣ, во мнѣ воспоминаніе о Журавскомъ неразлучно съ тайнымъ упрекомъ совѣсти. Вѣдь существуетъ же въ каждомъ обществѣ хоть слабая связь, хоть нѣкоторая круговая отвѣтственность всѣхъ за каждаго, во имя одной общей пользы и независимо отъ родства или службы. Мы встрѣтили человѣка съ замѣчательнымъ, и въ своемъ родѣ почти единственнымъ у насъ, дарованіемъ, человѣка, котораго самый утомительный трудъ не только не пугалъ, но, повидимому, привлекалъ къ себѣ, человѣка, который могъ сдѣлать много и много полезнаго, и при этомъ ничего не просилъ для себя, кромѣ занятій и дѣла—и въ нашихъ глазахъ этотъ талантъ пролежалъ почти праздно, по крайней мѣрѣ, не давъ и половины тѣхъ процентовъ, которые можно было получить съ него; это рвеніе къ труду истомилось, не найдя для себя достаточной пищи.—„Ему не повезло!“

Да, но правы ли мы передъ нимъ и можемъ ли сказать теперь, положа руку на сердце, что мы все то для него сдѣлали, что бы должно и что бы можно было сдѣлать?

Вотъ это грустное убѣжденіе, подтверждаемое не однимъ примѣромъ, что много у насъ пропадаетъ доброй воли и дарованій, можетъ быть и признанныхъ, но неупотребленныхъ въ дѣло единственно потому, что скучно и какъ будто совѣстно расталкивать передъ ними равнодушную толпу и прочищать для нихъ тропинку,—заставляетъ меня теперь, хотя уже и поздно, посвятить нѣсколько строкъ памяти почтеннаго и скромнаго труженика.

Д. П. Журавскій родился въ Могилевской губерніи и, лишившись отца еще въ дѣтствѣ, отданъ былъ на воспитаніе въ Петербургскій 1-й Кадетскій корпусъ. Любовь къ серіознымъ занятіямъ и страсть къ чтенію развились въ немъ чрезвычайно рано. Не ограничиваясь слушаніемъ и повтореніемъ уроковъ по предметамъ, входившимъ въ кругъ преподаванія, онъ и въ свободное отъ обязательныхъ занятій время не выпускалъ изъ рукъ книгъ самаго серіознаго, даже ученаго содержанія, до которыхъ въ дѣтскомъ возрастѣ обыкновенно и не ся. Такимъ образомъ, въ продолже-

ніи своего ученія, онъ перечиталъ, кромѣ древнихъ классиковъ, нѣсколько философскихъ сочиненій и вынесъ изъ кадетскаго корпуса обильный запасъ познаній и ученое образованіе, конечно неполное, но прочное и живое, какъ все пріобрѣтаемое самостоятельнымъ трудомъ. Чрезъ годъ по выходѣ изъ корпуса, въ 1830 году, Журавскій отправился въ походъ. Скуденъ былъ багажъ молодаго прапорщика; но и въ немъ главное мѣсто занимали его любимыя книги. За отличную храбрость, оказанную имъ при взятіи Варшавы, онъ получилъ первый свой орденъ и, по окончаніи войны, перешелъ въ гражданскую службу, къ занятіямъ по составленію Свода Военныхъ Постановленій. Прямой его начальникъ, графъ Сперанскій, о которомъ до конца жизни своей Журавскій не могъ говорить безъ внутренняго волненія, скоро оцѣнилъ способности и безкорыстное рвеніе своего подчиненнаго; онъ полюбилъ въ немъ его упорное, неподкупное стремленіе къ пользѣ и правдѣ, и неоднократно отличалъ его самымъ лестнымъ для него образомъ, задавая ему трудныя работы, отъ которыхъ уклонялись другіе. Впрочемъ, и здѣсь занятія Журавскаго не ограничивались предѣлами его служебныхъ обязанностей; онъ пристрастился къ механикѣ, изучилъ ее очень основательно и началъ самъ строить модели и машины. Къ этому же времени относится его женитьба. Все, повидимому, благопріятствовало Журавскому; впереди было много дѣла, требовавшаго полнаго напряженія силъ, и вдругъ все разстроилось. Смерть Сперанскаго (весною 1839 года) лишила его покровителя, котораго онъ глубоко почиталъ и которому былъ преданъ всею душею; въ сослуживцахъ же своихъ онъ не находилъ ни согласія въ убѣжденіяхъ, ни сочувствія, и потому рѣшился уѣхать изъ Петербурга, оставивъ за собою съ глубокимъ сожалѣніемъ прерванныя занятія и лучшую пору служебной своей дѣятельности. Министерство Государственныхъ Имуществъ въ ту пору только что образовалось. Журавскій перешелъ на службу въ это вѣдомство и перебрался въ Каменецъ - Подольскъ, а оттуда въ Одессу; тамъ онъ познакомился со Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, который, имѣвъ случай оцѣнить способности Журавскаго и его неподкупную правдивость,

привязался къ нему, возилъ его съ собою въ Парижъ и въ Вѣну и, потомъ, доставилъ ему мѣсто въ штатѣ канцеляріи главнаго директора Коммиссіи финансовъ и казначейства Царства Польскаго. Два года, 1841 и 1842, провелъ Журавскій въ Варшавѣ, въ постоянныхъ занятіяхъ финансовыми вопросами и разысканіями разнаго рода, болѣе и болѣе вводившими его въ кругъ камеральныхъ наукъ. Здѣсь, какъ кажется, окончательно установился тотъ спеціальный характеръ его ученой дѣятельности, которому онъ обязанъ своею извѣстностью.

Черезъ нѣсколько времени, обстоятельства поставили Журавскаго въ совершенно новое положеніе. По предложенію Л. А. Нарышкина, онъ согласился принять въ свое управленіе огромное и разстроенное его имѣніе Саратовской губ., Балашевскаго уѣзда. Страннымъ можетъ показаться такое предпочтеніе скромной дѣятельности, въ деревенской глуши, служебнымъ занятіямъ на довольно видномъ мѣстѣ; но въ Журавскомъ служебное честолюбіе было весьма мало развито. Ему нуженъ былъ трудъ и увѣренность въ пользѣ употребляемыхъ имъ усилій, а этимъ двумъ условіямъ частная должность, имъ принятая, вполнѣ удовлетворяла: ему предстояло изучить до основанія, какъ онъ изучалъ все, новый для него бытъ, раскрыть много затаеннаго и прикрытаго, и внести разумную стройность въ такую сферу, гдѣ обыкновенно господствуетъ одинъ обычный безпорядокъ. Къ тому же, здѣсь каждая мысль его немедленно переводилась въ дѣло, исполненіе было въ его рукахъ; всѣ средства были ему даны для того, чтобы обезпечить благосостояніе 6500 душъ крестьянъ. Лучшей для себя задачи онъ не искалъ. Въ какой мѣрѣ внѣшнія, отъ воли его независимыя, обстоятельства благопріятствовали исполненію его добрыхъ намѣреній, объ этомъ я не могу судить; но помню, что впослѣдствіи онъ не только не сожалѣлъ о томъ, что на два года прервалъ свои служебныя занятія, а, напротивъ, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о времени, проведенномъ въ деревнѣ и въ скромныхъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ.

Въ 1845 году Журавскій переѣхалъ въ Кіевъ и взялъ въ

аренду хуторокъ подъ самымъ городомъ, на Куреневкѣ. Здѣсь, на свободѣ, написалъ и выдалъ онъ первое свое сочиненіе, съ котораго началась его литературная извѣстность: *Объ источникахъ статистическихъ свѣдѣній* (1846).

Эта книга содержитъ въ себѣ не болѣе 210 страницъ, но въ такомъ тѣсномъ объемѣ и въ примѣненіи къ спеціальному предмету, сосредоточенъ богатый запасъ многостороннихъ наблюденій и долгихъ размышленій,—умственный опытъ цѣлой жизни человѣка, мимо котораго ни одно явленіе не прошло незамѣченнымъ, и котораго неутомимая пытливость исходила изъ горячаго желанія принести посильную помощь бѣднѣйшей половинѣ общества.

Мы вообще привыкли поспѣшно износить изъ себя и пускать въ оборотъ всѣ наши впечатлѣнія и мысли, не давая имъ времени сложиться и окрѣпнуть; не такъ поступилъ Журавскій: ему было 35 лѣтъ, когда онъ рѣшился издать свое первое сочиненіе, отличающееся полною зрѣлостью строго выдержанной мысли и какимъ-то особеннымъ, лично ему свойственнымъ, характеромъ суровой правдивости. Именно этими качествами книга его въ то время поразила многихъ, и въ томъ числѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, покойнаго графа Л. А. Перовскаго, который долго держалъ ее на своемъ столѣ и не разъ о ней заговаривалъ. Но, можетъ быть, самыя ея достоинства были одною изъ причинъ, почему она прошла безъ всякихъ послѣдствій какъ для статистики, такъ и для автора. Въ ней высказывалось такое требованіе искренности и дѣльности, котораго нельзя было допустить, безъ нѣкотораго опасенія, въ область бюрократической рутины; а для того, чтобы разомъ оторваться отъ рутины, чтобы перевернуть издавна установившіяся понятія и пріемы—на это нужно было время, нужны были новые люди и продолжительныя усилія не одного, а всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ. Оставалось похвалить книгу, указывавшую на глубоко укоренившіеся недостатки, и отложить ее въ сторону. Личной для себя пользы отъ успѣха ея, Журавскому также нельзя было ожидать. По прочтеніи ея, всякій могъ легко почувствовать, что авторъ долженъ быть человѣкъ несговорчивый, котораго не удовлетворитъ суетливое бездѣлье,

и который, дорожа исключительно дѣломъ, едвали въ состояніи будетъ, хотя бы и захотѣлъ, подчиниться множеству постороннихъ соображеній, замедляющихъ успѣхъ его.

Книга Журавскаго промелькнула быстро и скоро вышла изъ обращенія; но именно теперь, когда начинаетъ у насъ пробуждаться потребность трезвой правды, кстати будетъ о ней напомнить.

Всѣ согласны въ томъ, что статистическое изученіе необходимо для пріобрѣтенія отчетливаго познанія о матеріальныхъ нуждахъ и средствахъ нашего отечества; но этимъ далеко еще не исчерпывается его назначеніе и польза, которой мы вправѣ отъ него ожидать. Вопросы, повидимому, выходящіе изъ области статистики и возникающіе изъ общаго стремленія всей современной литературы уразумѣть внутренній бытъ Русскаго человѣка, заглянуть въ его душу и подмѣтить въ ней тѣ духовныя силы, которыми должна опредѣлиться роль его въ исторіи человѣчества—эти вопросы, придающіе существенный интересъ и ученымъ розысканіямъ, и современнымъ повѣстямъ, имѣютъ всѣ такую сторону, которая доступна исключительно для статистическихъ розысканій; а безъ уясненія этой стороны, ни одинъ изъ нихъ не можетъ получить окончательнаго разрѣшенія.

Вы вѣрно замѣчали, что въ нашихъ сужденіяхъ и спорахъ мы обыкновенно довольствуемся самыми неопредѣленными категоріями; мы говоримъ: *много, мало, сильно, слабо, часто, рѣдко* и т. д., выражая этими словами не столько отношеніе явленія, о которомъ идетъ рѣчь, къ цѣлой средѣ, изъ которой оно взято (для этого у насъ недостаетъ данныхъ), сколько совершенно случайное отношеніе этого явленія къ намъ самимъ, или мѣсто, занимаемое имъ въ ограниченномъ кругѣ нашихъ личныхъ наблюденій. Оттого такъ часто сталкиваются совершенно противоположныя сужденія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, сужденія, въ основаніи которыхъ почти всегда лежитъ живое, искреннее ощущеніе какой-нибудь стороны явленія, слѣдовательно лежитъ и нѣкоторая доля правды; но взаимное отношеніе этихъ долей, этихъ отвлеченныхъ свойствъ и неполныхъ очертаній намъ неизвѣстно. Мы ищемъ его и не находимъ.

Къ счастію, каждой духовной силѣ, каждому самому отвлеченному свойству живаго существа, народа или человѣка, непремѣнно соотвѣтствуетъ особый порядокъ внѣшнихъ проявленій и твердыхъ, осязаемыхъ признаковъ, доступныхъ математически точному опредѣленію. Угадать эти признаки и уловить ихъ — вотъ высшая задача статистики. Приводя къ одному знаменателю явленія жизни и опредѣляя ихъ взаимное *количественное* отношеніе, она даетъ возможность опредѣлить и *качественное* отношеніе невѣсомыхъ силъ, въ нихъ проявляющихся, отличить въ нихъ что̀ существенно и что̀ случайно, чему суждено рости и множиться и что̀ вымираетъ.

Указывая на эту высшую задачу статистики, въ той сферѣ, до которой, повидимому, ей нѣтъ дѣла, я знаю, что нѣтъ ничего легче, какъ поддаться соблазнительной очевидности ея выводовъ и употребить во зло возможность переложенія сложныхъ понятій и явленій въ цифры; отсюда произошло много неудачныхъ попытокъ, отъ которыхъ, въ глазахъ многихъ, всѣ выводы вообще, основанные на цифрахъ, подверглись незаслуженному подозрѣнію. Но само собою разумѣется, что злоупотребленіе не даетъ права отвергать безусловно ничѣмъ незамѣнимый способъ изученія, тѣмъ болѣе, что неудачи, нѣсколько разительныхъ примѣровъ которыхъ привелъ самъ Журавскій въ своей книгѣ, происходили по большей части отъ неумѣнія угадывать существенные, характерные признаки и опредѣлять, въ чемъ именно искать отвѣта на данный вопросъ.

Журавскій имѣлъ цѣлью убѣдить публику въ необходимости правдивой статистики и показать, какъ должно обращаться съ числами; къ сожалѣнію, вниманіе большинства читателей, и то ненадолго, обратилось на критическую сторону его труда и на разные промахи, выведенные имъ для примѣра. Книга его принята была за смѣлую выходку, а существенное осталось незамѣченнымъ.

Итакъ, авторъ не достигнулъ того успѣха, котораго желалъ, и этотъ первый опытъ скоро убѣдилъ его, что требованія, съ которыми онъ выступилъ, простирались слишкомъ далеко, и были, можетъ быть, преждевременны. „Я старался,

говорилъ онъ мнѣ, доказать, что почти всѣ наши свѣдѣнія тоже, что̀ фальшивая монета. Я долго ломалъ себѣ голову надъ изобрѣтеніемъ простѣйшаго средства отличить ее и выкинуть изъ обращенія; но я еще не понималъ въ то время, что фальшивая монета много представляетъ такихъ удобствъ, которыхъ не имѣетъ подлинная, и за которыя многіе сознательно предпочитаютъ первую. Мнѣ случилось разъ составить таблицу, извлеченную изъ матеріаловъ, добытыхъ изъ первыхъ рукъ, и мнѣ захотѣлось сравнить ее съ офиціальными выводами изъ тѣхъ же источниковъ. Обнаружилась такая огромная разница, что я рѣшился сказать составителю офиціальнаго отчета, что всѣ его цифры никуда не годились. Онъ повертѣлъ въ рукахъ мою таблицу, потомъ взглянулъ на свою и отвѣчалъ очень спокойно: „Вы, то-есть, хотите, вѣроятно, сказать, что цифры невѣрны и не сходятся съ книгами? Ну, а по нашему, такъ ваша таблица не годится! Мы больше примѣняемся къ отчетамъ прежнихъ годовъ: коли немного побольше выставить или поменьше, это еще ничего, а только, чтобы не очень разнилось, а то вѣдь сами знаете,—сейчасъ запросъ: почему, да какъ?“

Мое знакомство съ Журавскимъ началось въ 1850 году. Я засталъ его въ Кіевѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при бывшемъ губернаторѣ И. И. Фундуклеѣ, извѣстномъ въ нашей литературѣ по двумъ изданіямъ о Кіевскихъ древностяхъ. Личность Журавскаго не имѣла ничего привлекательнаго. Блуждающій взглядъ, сжатыя губы, желчный цвѣтъ лица и впалыя щеки, упорная молчаливость и какая-то холодная принужденность въ обращеніи, все это съ перваго раза обрисовывало передъ вами образъ человѣка, ближе знакомаго съ горечью жизни, чѣмъ съ ея радостями, и, повидимому, навсегда заключившагося въ самомъ себѣ. При ближайшемъ знакомствѣ, вы открывали подъ этою непривѣтливою наружностью высокую добросовѣстность, ничѣмъ неподкупную правдивость, рѣдкое безкорыстіе и теплое участіе ко всѣмъ страждущимъ; но всѣ его душевныя качества были въ немъ глубоко затаены; по недовѣрчивости, сдерживавшей ихъ обнаруженіе, можно было угадать, что въ ту пору жизни, когда окончательно опредѣляется внутренняя

природа человѣка, судьба отказала Журавскому въ сочувственной средѣ. Дѣйствительно, жизнь никогда не баловала его, а, напротивъ, вела его довольно тяжкимъ путемъ; но, не смотря на то, онъ не пріобрѣлъ того, что̀ называють житейскою мудростью. Онъ не имѣлъ дара снискивать къ себѣ расположеніе другихъ иначе, какъ своими трудами; улыбнуться въ пору, смолчать или похвалить, гдѣ нужно, онъ былъ рѣшительно неспособенъ, не съумѣлъ бы, если бы даже и захотѣлъ себя къ тому принудить; строгій къ себѣ, онъ строго судилъ и другихъ. Ему недоставало того снисходительнаго добродушія, которое такъ неисчерпаемо - находчиво на извиненія всякаго рода, такъ мастерски сливаетъ полутѣнями рѣзкія противоположности добра и зла,—этого свойства, разлитаго у насъ повсемѣстно и составляющаго нравственную основу нашего общежитія. Понятно, что, при этомъ существенномъ недостаткѣ, самыя лучшія его свойства должны были часто обращаться ему во вредъ. Вообще, онъ не былъ рожденъ для успѣховъ ни въ обществѣ, ни на службѣ, и, чувствуя это хорошо, говаривалъ мнѣ неразъ: „Я былъ бы совершенно доволенъ, еслибы на меня смотрѣли какъ на рабочую силу и цѣнили бы меня въ мѣру моего труда. На это, кажется, я имѣлъ бы право, а бо̀льшаго не прошу и не приму. Но я знаю, какъ это трудно; знаю, что гораздо труднѣе добиться справедливости, чѣмъ милости“.

Журавскій не имѣлъ почти никакого состоянія. Онъ жилъ своимъ трудомъ, чрезвычайно скромно, занимая небольшой флигель при собственномъ его домикѣ, который отдавался въ наемъ. На квартирѣ его все было опрятно, въ порядкѣ, но не было рѣшительно ничего лишняго. Съ перваго взгляда видно было, что хозяинъ ограничивалъ себя во всемъ до послѣдней возможности. Когда я съ нимъ познакомился, Журавскій, по порученію губернатора, занимался составленіемъ подробной статистики Кіевской губерніи, и, кажется, на другой же день послѣ первой нашей встрѣчи, онъ сообщилъ мнѣ въ рукописи три первыя, уже вполнѣ оконченныя части, то-есть бо̀льшую половину своего сочиненія. Мнѣ принесли три фоліанта, и признаюсь, хотя я многаго ожидалъ отъ автора книги „Объ источникахъ статистики“, но этотъ новый

трудъ его далеко превзошелъ всѣ мои ожиданія. Прежде всего меня поразилъ самый трудъ своею громадностью. На каждой страницѣ видна была работа каменотёса, кладчика и архитектора. Тяжесть, отъ которой отступилась бы цѣлая коммиссія, онъ поднималъ одинъ на своихъ плечахъ *). Такой способности къ труду, такой рабочей силы, не случилось мнѣ встрѣтить ни въ комъ. Я сказалъ, что первыя три части были уже окончены, когда я пріѣхалъ въ Кіевъ; четвертою Журавскій занимался при мнѣ, и я слѣдилъ за ходомъ его работы. Бывало, сидишь у него вечеромъ, въ небольшомъ кабинетѣ, загроможденномъ всякими вѣдомостями, дѣлами и списками; въ передней раздается звонокъ. „Кто тамъ?—Изъ Казенной Палаты очередные списки и вѣдомости о недоимкахъ“: крехтя подъ бременемъ десятка фоліантовъ, входитъ вѣстовой и сваливаетъ въ уголъ безобразную груду, отъ которой пыль поднимается столбомъ, и дрожитъ полъ. Но Журавскій этого не замѣчаетъ; онъ улыбается, ходитъ кругомъ, потирая руки и приговаривая: „насилу дождался; второй день сижу безъ дѣла“, и съ этой минуты разговоръ уже не клеится; хозяинъ не сводитъ глазъ съ свѣжей добычи, а гость начинаетъ чувствовать, что онъ лишній.

Не думайте однакоже, чтобы Журавскаго тѣшилъ одинъ механическій процессъ труда; да такихъ людей у насъ, кажется, и не водится. Это — принадлежность Германіи. Сухая работа его была проникнута живою мыслью и согрѣта теплымъ побужденіемъ. Цѣль его трудовъ и главная задача всей его жизни, которая была безпрерывнымъ рядомъ трудовъ, обнаружилась передо мною въ одномъ изъ послѣднихъ моихъ разговоровъ съ нимъ, очень для меня памятномъ. Я засталъ его передъ разогнутою книгою въ глубокомъ размышленіи.

— О чемъ вы задумались?

---

*) Само собою разумѣется, что Журавскій работалъ не одинъ. У него были и помощники; но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ главъ, которыя получены и внесены имъ готовыми (н. п. геогностическое описаніе края, перечень растеній, животныхъ и пр.) все рѣшительно прошло черезъ его руки: онъ былъ не только распорядителемъ но и главнымъ исполнителемъ всѣхъ работъ.

— Да вотъ заняло меня въ книгѣ (не помню какого-то Французскаго экономиста) одно мѣсто: La grandeur et la prospérité d'une nation dépend bien moins de la somme de *forces*, dont elle dispose, que du degré *d'effort* dont elle est capable". Это вѣдь избитое общее мѣсто, но въ примѣненіи къ намъ оно пріобрѣтаетъ особенную выразительность и свѣжесть. Въ самомъ дѣлѣ, сколько у насъ всякихъ силъ, и вещественныхъ, и нравственныхъ, которыми мы не владѣемъ, и какъ мало мы способны къ напряженному труду! Я сравнивалъ обыкновенные уроки чернорабочихъ и ежедневную ихъ выработку во Франціи, въ Англіи, въ Германіи и въ Россіи; выходитъ огромная разница: иностранецъ сработаетъ на одну треть, иногда на половину болѣе Русскаго. Обыкновенно это приписываютъ вліянію мясной пищи на физическій организмъ; но это причина весьма второстепенная, далеко необщая. У насъ недостатокъ не силы, а усилія. Да и не во всѣхъ ли сословіяхъ таже разница? Посмотрите, какъ живетъ за границею купецъ, фабрикантъ, помѣщикъ, конторщикъ, и взгляните, какъ они живутъ у насъ. Посмотрите, наконецъ, на наши канцеляріи и присутственныя мѣста; къ тому дѣлу, которое тамъ справляется однимъ, у насъ приставляютъ двоихъ и троихъ. Правда, не диво встрѣтить и у насъ людей постоянно занятыхъ, да вѣдь занятіе занятію рознь. Пожалуй, многіе суетливую хлопотню принимаютъ за трудъ; но не видно у насъ того добросовѣстнаго, полнаго сосредоточенія вниманія на дѣлѣ, того толковитаго распредѣленія времени и силъ, данныхъ человѣку, а главное: не достаетъ того упорнаго желанія сдѣлать какъ можно больше и какъ можно лучше... И вотъ почему такъ дорожу я статистикою. Лучше всякой другой науки, однѣми цифрами, безъ словъ, она должна обнаружить передъ нами эту несоотвѣтственность употребляемыхъ въ дѣло усилій съ наличными силами.

— Чему же однако вы это приписываете?

Дмитрій Петровичъ задумался и понизилъ голосъ: „Причинъ-то можно бы насчитать много, а главной, существенной, все-таки не скроешь. У насъ, одни привыкли располагать чужимъ, безплатнымъ трудомъ, а другіе привыкли трудиться для чужой корысти. Я знаю, что эта причина, повидимому,

не относится ни къ купцамъ, ни къ мѣщанамъ, ни къ казеннымъ крестьянамъ; но дѣло въ томъ, что въ понятіяхъ и привычкахъ цѣлаго общества устанавливается всегда извѣстный уровень, который поднимается и опускается равномѣрно. Есть и понятіе о *среднемъ* трудѣ, служащее общею мѣркою, которой всѣ подчиняются, часто безсознательно. Посмотрите, какъ скоро облѣниваются и балуются у насъ пріѣзжіе иностранцы. И на нихъ дѣйствуетъ общая атмосфера".

Я привелъ этотъ разговоръ потому, что тема его составляла предметъ постоянныхъ размышленій и заботъ Журавскаго. Онъ естественно возвращался къ ней, съ чего бы ни начался разговоръ, и, затронувъ ее, онъ тотчасъ одушевлялся и становился разговорчивѣе. Мнѣ былъ извѣстенъ въ этомъ отношеніи его твердо установившійся образъ мыслей; но я не подозрѣвалъ въ то время, и только теперь, по смерти его, узналъ я, что убѣжденіе, оживлявшее его ученую дѣятельность, переходило у него въ дѣло, и что въ тѣсныхъ предѣлахъ своего домашняго быта, при всей скудости матеріальныхъ средствъ своихъ, онъ приносилъ ему постоянныя, посильныя жертвы. Но объ этомъ я скажу послѣ, а теперь дополню то, что̀ мнѣ извѣстно о капитальномъ трудѣ его и о другихъ его сочиненіяхъ.

Составленная Журавскимъ Статистика Кіевской губерніи состоитъ изъ четырехъ частей и обнимаетъ: 1) обозрѣніе площади, народонаселенія, населенныхъ мѣстъ и путей сообщенія; 2) обозрѣніе сельскаго хозяйства и поземельной собственности; 3) обозрѣніе промышленности и торговли; 4) обозрѣніе мѣстнаго управленія и правительственныхъ учрежденій. Въ этихъ четырехъ отдѣлахъ собрано рѣшительно все, что̀ только можно было узнать о положеніи края, не только изъ офиціальныхъ источниковъ, но и посредствомъ частныхъ розысканій; къ этому должно прибавить, что Кіевская губернія, именно въ ту пору, когда Журавскій занимался ея описаніемъ, представляла обиліе матеріаловъ, вовсе несуществующихъ или недоступныхъ въ другихъ краяхъ; я разумѣю *инвентари* или подробныя описанія всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, представленныя самими владѣльцами въ мѣстный комитетъ, учрежденный для опредѣленія на правомѣрныхъ нача-

лахъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Изъ этого богатаго источника, дополненнаго мѣстными розысканіями, извлечены почти всѣ свѣдѣнія, наполняющія второй томъ статистическаго описанія, безспорно самый замѣчательный, самый полный и, въ своемъ родѣ, у насъ единственный. Помѣщичье хозяйство, бытъ крестьянъ, система управленія, экономическія и полицейскія отношенія владѣльцевъ къ поселянамъ изображены здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ застали ихъ преобразованія, осуществленныя правительствомъ въ 1848 г. На этомъ останавливается изслѣдованіе. Оно закрѣпляетъ порядокъ вещей, который, въ отношеніи къ современному, есть уже *старина*, и, вѣроятно, скоро изгладится изъ памяти мѣстныхъ жителей; но, къ сожалѣнію, предѣлы, заранѣе установленные для статистическаго описанія, не позволили внести въ него данныхъ позднѣйшихъ годовъ, по которымъ бы читатели, незнакомые съ теперешнимъ положеніемъ края, могли убѣдиться въ благодѣтельныхъ и замѣчательно быстрыхъ послѣдствіяхъ правительственныхъ мѣръ, обезпечившихъ неприкосновенность мірской земли и положившихъ законный предѣлъ обязательнымъ повинностямъ крестьянъ. То же самое должно сказать и о казенныхъ имѣніяхъ, которыя, одновременно со введеніемъ инвентарныхъ правилъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, переведены были на оброчное положеніе, по примѣру Великороссійскихъ губерній, тогда какъ въ прежнее время они отдавались въ арендное содержаніе съ правомъ пользоваться барщиною.

Обозрѣвая въ бѣгломъ очеркѣ ученую дѣятельность Журавскаго, я не берусь представить вамъ подробнаго разбора главнаго труда его, а безъ этого все, что я могъ бы сказать о его достоинствѣ, имѣло бы видъ голословной похвалы, никого неубѣждающей; но я не могу не обратить вниманія на странную участь этой книги. Три первыя части были представлены издателемъ къ печати въ 1849 г.; но, по обстоятельствамъ совершенно отъ него независившимъ, онѣ печатались два съ половиною года, а выходъ ихъ въ свѣтъ замедлился до 1856 г.; что же касается до четвертой части, то время ея появленія, какъ сказано въ предисловіи къ первому тому, и теперь даже опредѣлено быть не можетъ.

Итакъ, свѣдѣнія, собранныя въ 1845 году, были обнародованы 11 лѣтъ спустя, и я не знаю, дожилъ ли Журавскій до выхода сочиненія, надъ которымъ онъ трудился такъ долго и усердно.

Въ то самое время, какъ онъ оканчивалъ четвертую часть, между дѣломъ, онъ составилъ еще, по порученію генералъ-губернатора, записку о доходахъ и расходахъ города Кіева и пространный проэктъ устройства статистической части въ губерніи. Поводъ къ послѣдней работѣ подало введеніе новаго, нѣнѣ дѣйствующаго, Устава о Земскихъ повинностяхъ, по которому вмѣняется въ обязанность Губернскимъ Комитетамъ производить уравнительную раскладку земскихъ сборовъ по городамъ и уѣздамъ, принимая въ соображеніе степень ихъ относительнаго благосостоянія, а начальникамъ губерній поручается озаботиться собраніемъ необходимыхъ для этого статистическихъ свѣдѣній. Вѣрный своей мысли, выраженной имъ въ книгѣ „Объ источникахъ статистики", что только тѣ данныя заслуживаютъ вѣры и годятся въ дѣло, которыя накопляются сами собою непрерывно и постоянно въ теченіе цѣлаго года, Журавскій предлагалъ, между прочимъ, снабдить каждое присутственное мѣсто и должностное лице особою книгою, съ обязанностію вносить въ нее простыя отмѣтки, по мѣрѣ поступленія свѣдѣній и разрѣшенія дѣлъ. Такого же рода книга должна была, по его проэкту, вестись въ конторѣ каждаго помѣщичьяго имѣнія; ибо Журавскій справедливо замѣчалъ, что правительство, предоставляя помѣщику ближайшую судебнополицейскую власть въ предѣлахъ его владѣній, въ правѣ было подчинить его, наравнѣ съ другими правительственными учрежденіями, извѣстнаго рода отчетности по его управленію.

Съ окончаніемъ описанія Кіевской губерніи, Журавскій остался безъ дѣла. Тогда, бывшій помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, М. В. Юзефовичъ, задумалъ воспользоваться его способностями и трудолюбіемъ въ болѣе широкой сферѣ. Предположено было учредить при университетѣ св. Владиміра статистическую коммиссію для описанія всего учебнаго округа, состоящаго изъ пяти губерній; и въ этомъ случаѣ, не человѣка пришлось отыскивать для испол-

ненія напередъ задуманной мысли, а самая мысль возникла потому, что былъ въ виду человѣкъ, котораго М. В. Юзефовичъ цѣнилъ по его достоинству. Благодаря его ревностной заботливости, проэктъ коммиссіи былъ одобренъ, уставъ утвержденъ, многіе изъ профессоровъ Кіевскаго университета вызвались принять на себя завѣдываніе ея отдѣленіями, а нѣкоторые изъ помѣщиковъ того края обѣщали свое содѣйствіе. Журавскій назначенъ былъ непремѣннымъ секретаремъ. Онъ составилъ планъ статистическаго описанія губерній, входящихъ въ составъ Кіевскаго учебнаго округа (1851 года), и принялся за разработку статьи о народонаселеніи по послѣдней, въ то время только-что оконченной, ревизіи. Ближайшимъ его сотрудникомъ, впослѣдствіи продолжателемъ его трудовъ по коммиссіи, былъ профессоръ политической экономіи Бунге. Вамъ извѣстны два тома изданій коммиссіи, и вы, конечно, замѣтили въ нихъ превосходную статью В. В. Тарновскаго „О дѣлимости семействъ въ Малороссіи", обратившую на себя всеобщее вниманіе. Журавскій однакоже недолго, кажется, только годъ, исправлялъ должность секретаря. Его разстроенное здоровье не могло возстановиться, даже подъ благотворнымъ небомъ Кіева, и требовало поѣздки на южный берегъ Крыма. Осенью 1852 года я съ нимъ простился; но продолжалъ по временамъ съ нимъ переписываться. Мысль его работала постоянно; онъ сообщалъ мнѣ интересныя подробности о хозяйственномъ положеніи Крыма, гдѣ онъ думалъ было поселиться и заняться разведеніемъ виноградниковъ, о своемъ намѣреніи ознакомить нашу публику съ порядкомъ производства Англійскихъ парламентскихъ слѣдствій (inquiry), которыми онъ восхищался какъ образцовыми примѣненіями опытности и познаній цѣлыхъ сословій къ потребностямъ правительства, о задуманномъ имъ сочиненіи о народномъ образованіи; потомъ, узнавъ отъ меня что я оставилъ службу и занимаюсь управленіемъ имѣній онъ, съ свойственною ему готовностью дѣлиться со всѣми своею опытностью, прислалъ мнѣ цѣлую инструкцію и нѣсколько формъ для введенія правильной хозяйственной отчетности. Между тѣмъ, тонъ его писемъ становился все грустнѣе и грустнѣе; въ нихъ проглядывало какое-то тоскливое

расположеніе духа, прежде ему несвойственное. Въ послѣдній разъ я писалъ къ нему по вашему порученію, приглашая его въ сотрудники „Русской Бесѣды“. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что для него уже прошло время литературныхъ занятій, что онъ считаетъ себя почти отжившимъ дѣятелемъ. Незадолго до его кончины, я получилъ его „Обозрѣніе кредитныхъ сдѣлокъ въ Кіевской губерніи“. Кажется, это былъ послѣдній трудъ его *).

Вотъ все, что̀ я помню, и все, что̀ я могъ собрать наскоро о Журавскомъ... и теперь мнѣ остается повторить сказанное мною въ началѣ моего письма: только по смерти его, раскрылись для меня лучшія стороны его души и скромное величіе этого человѣка. Въ правѣ ли я употребить это выраженіе, вы рѣшите сами, когда прочтете слѣдующій отрывокъ изъ письма ко мнѣ Г. П. Галагана.

„23 Ноября 1856 года, скончался въ Кіевѣ Д. П. Журавскій, къ общему сожалѣнію всѣхъ коротко его знавшихъ. Какъ вамъ извѣстно, онъ былъ человѣкъ очень несообщительный, и этимъ многихъ удалялъ отъ себя; но въ послѣднее время мнѣ и В. В. Тарновскому удалось съ нимъ сблизиться. Пріобрѣтя къ намъ довѣріе и сознавая довольно быстрое разрушеніе своего здоровья, онъ написалъ завѣщаніе, которымъ назначилъ насъ обоихъ своими душеприкащиками. Въ этомъ завѣщаніи заключается главная задача его жизни какъ частнаго человѣка. Среди занятій и трудовъ, самыхъ непрерывныхъ, его преслѣдовала уже съ давняго

*) Кстати я упомяну здѣсь о другихъ, мнѣ извѣстныхъ, сочиненіяхъ Журавскаго: 1) Проэктъ учрежденія общества для выкупа дворовыхъ людей, неприписанныхъ къ имѣніямъ, составленъ за годъ до его смерти; 2) Обозрѣніе финансовъ Царства Польскаго, писано во время службы его въ Варшавѣ; 3) Обозрѣніе штатныхъ расходовъ на содержаніе Русской арміи со времени преобразованія ея на Европейскую ногу, составлено въ [illegible] годахъ по Полному Собранію Законовъ и другимъ источникамъ. Кромѣ этихъ неизданныхъ трудовъ, Журавскій оставилъ двѣ связки рукописныхъ сочиненій, поступившія по его завѣщанію въ распоряженіе В. В. Тарновскаго и Г. П. Галагана, съ которыми онъ особенно сблизился подъ [illegible] своей жизни, и которыхъ дружеская заботливость усладила послѣдніе [illegible] его. Будемъ надѣяться, что они издадутъ въ свѣтъ все, что подлежитъ обнародованію.

времени мысль способствовать всѣми силами къ облегченію участи сословія, наиболѣе нуждающагося въ помощи. Не имѣя средствъ сдѣлать для него что-нибудь общеполезное, онъ работалъ для той же цѣли въ частности. Отказывая себѣ во многомъ изъ того, что̀ считается въ нашемъ кругу почти необходимымъ, живя какъ нельзя болѣе скромно съ женою, во всемъ раздѣлявшею его образъ мыслей и его убѣжденія, онъ что̀ могъ откладывалъ изъ своихъ скудныхъ доходовъ, и употреблялъ на выкупъ дворовыхъ людей. Такимъ образомъ, при свойственномъ ему постоянствѣ въ усиліяхъ, ему удалось выкупить болѣе десяти семействъ. Въ послѣднее время жизни, онъ задумалъ и написалъ проэктъ учрежденія общества для той же цѣли, но, разумѣется, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и завѣщалъ, по смерти своей жены, весь накопленный имъ капиталъ и все небольшое состояніе его положить на основаніе этого общества, а если оно не состоится, то употребить на выкупъ дворовыхъ людей обыкновеннымъ порядкомъ. Послѣдній долгъ, благодаря участію М. В. Юзефовича, былъ отданъ покойному прилично его заслугамъ; нѣсколько искреннихъ и теплыхъ словъ было сказано надъ его могилою; за гробомъ его шло нѣсколько бѣдныхъ людей въ слезахъ. По распросамъ оказалось, что это были выкупленные имъ дворовые".

Согласитесь, что не часто случается видѣть подобные проводы и встрѣтить такой образецъ искренняго союза между словами и дѣлами, выдержаннаго въ теченіе цѣлой трудовой жизни.

Замѣчанія на статью г. Соловьева: Шлёцеръ и анти-историческое направленіе [1]).

Авторъ статьи о Шлёцерѣ [2]) возвѣщаетъ публикѣ объ открытой имъ анти-исторической школѣ и подтверждаетъ свое открытіе разборомъ нѣсколькихъ мнѣній, выхваченныхъ изъ „Русской Бесѣды". Обвиненіе тяжело; но, въ какой мѣрѣ дюжина остроумныхъ придирокъ можетъ замѣнить одно полновѣсное доказательство, пусть рѣшатъ читатели; съ своей стороны, я ограничусь возможно-краткимъ объясненіемъ по тѣмъ пунктамъ, которые направлены противъ меня.

1) Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за прошлый годъ выражена была мысль: „что самъ по себѣ, отдѣльно взятый, народъ не можетъ имѣть исторіи въ истинномъ смыслѣ слова; самъ по себѣ, онъ не можетъ быть ни *самостоятельнымъ, ни оригинальнымъ,* потому что не въ чемъ будетъ выразиться его самостоятельности и оригинальности" (Р. Вѣстн. 1856, № 11, стр. 221).

„Русская Бесѣда" возразила противъ этого указаніемъ на Китай и Японію, а въ Европѣ на Англію, какъ на землю, которая развивалась въ сравнительно-бо́льшемъ разобщеніи съ сосѣдями, чѣмъ другіе западные народы, и, будучи со всѣхъ сторонъ обнесена моремъ, въ силу своего географическаго положенія, вела болѣе сосредоточенную въ себѣ жизнь, чѣмъ Франція или Австрія (Р. Бесѣда 1856 г. кн. 2, стр. 103).

---

1) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1857 г. № 3.

2) Статья г. Соловьева „Шлёцеръ и анти-историческое направленіе" была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г. Апрѣль, кн. 2.

Дѣло шло не о томъ, должно ли *желать*, чтобы народъ велъ разобщенную жизнь, а о томъ, можно ли утверждать, что разобщенность народной жизни исключаетъ самостоятельность и оригинальность ея развитія?

Въ этихъ двухъ послѣднихъ свойствахъ г. Соловьевъ не рѣшается отказать ни Китайской, ни Японской образованности, и слѣдовательно признаётъ силу возраженія, сдѣланнаго „Русскому Вѣстнику“. Но, не смотря на то, что вопросъ былъ поставленъ какъ нельзя яснѣе, ученый профессоръ находитъ средство запутать его и, будто бы въ опроверженіе „Русской Бесѣдѣ“, разводитъ на цѣлой страницѣ мысль о пользѣ общенія и несовмѣстности Христіанства съ народною исключительностію.

Да кто жъ противъ этого споритъ? Мы имѣли бы полное право пропустить все, что̀ говоритъ г. Соловьевъ неизвѣстно противъ кого и противъ чего; но, дабы не подумали читатели, что мы уклоняемся отъ объясненія, мы охотно выскажемъ, какъ понимаемъ общеніе и въ какихъ предѣлахъ считаемъ его обязательнымъ.

Христіанство отрѣшаетъ народную жизнь отъ *преднамѣренной* замкнутости и открываетъ для нея *возможность* всечеловѣческаго общенія — эта истина внѣ и выше всякаго спора. Оттого, чѣмъ чище вѣра и чѣмъ она глубже прохватываетъ жизнь народа, тѣмъ менѣе предстоитъ для него опасности задохнуться въ грубомъ самопоклоненіи; ибо живое, постоянно - присущее сознаніе отношенія всего земнаго къ божественному, поддерживая ясность совѣсти и вызывая эту строгость суда надъ собою, которой нельзя не признать въ древней Руси, движетъ впередъ къ недосягаемому совершенству, независимо отъ *внѣшнихъ* побужденій, каковы, напримѣръ, боязнь сосѣдей или соревнованіе съ ними. Мы говоримъ, что *преднамѣренное, вольное* разобщеніе, происходящее отъ гордо̀й самоувѣренности, противно духу Христіанства, и что, напротивъ, внутреннее *расположеніе* къ общенію съ остальнымъ человѣчествомъ развивается въ народѣ вслѣдствіе и въ мѣру духовнаго его просвѣщенія. Но переходъ въ дѣйствительность стремленія, лежащаго въ основѣ христіанскаго просвѣщенія, какъ духовное *требованіе*, иными сло-

вами: осуществленіе общенія на практикѣ, для *извѣстнаго* народа и въ *извѣстную* эпоху, зависитъ отъ всей его исторической обстановки, опредѣляющей тѣ условія, на которыхъ сближеніе съ другими народами для него возможно. Эти условія иногда благопріятствуютъ общенію, иногда препятствуютъ ему, а иногда рѣшительно воспрещаютъ его. Когда передъ вами стоитъ народъ особнякомъ, въ сторонѣ отъ другихъ, не спѣшите осуждать его; сперва разберите, на чьей сторонѣ вина, поймите: расположены ли сосѣдніе народы принять его въ свое согласіе, какъ равноправную, своеобразную личность, и не забывайте никогда, что ничто въ мірѣ такъ сильно не подкупаетъ къ отступничествамъ всякаго рода, какъ *соблазнъ* общенія. Латинская церковь понимала это лучше всѣхъ, и не даромъ она нашептывала намъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, что *стыдно* стоять особнякомъ въ семьѣ Европейскихъ народовъ. Это чувство ложнаго стыда, искусно возбужденное церковною и свѣтскою пропагандою, обезпечило временный успѣхъ Уніи. Теперь, въ области вѣры она осуждена окончательно, и приговоръ надъ нею исполненъ. Но Унія болѣе, чѣмъ изолированное явленіе; это историческій типъ, одаренный необыкновенною живучестью. Вытравленное въ одной сферѣ, *уніятство* воскресаетъ въ другой: въ политикѣ, въ наукѣ, въ частномъ и общественномъ быту. Неужели мы никогда не научимся распознавать его по его гнилымъ плодамъ, не перестанемъ никогда прославлять общеніе во чтò бы оно ни стало, общеніе ради одного общенія, и легкомысленно бросать черезъ бортъ все, чтò еще мѣшаетъ намъ сдѣлаться вполнѣ похожими на другихъ и вполнѣ непохожими на самихъ себя?

Отъ общихъ мѣстъ, не имѣющихъ прямой связи съ вопросомъ, переходя къ третьему, мною указанному примѣру, т. е. къ Англіи, г. Соловьевъ продолжаетъ: „Что касается до Англіи, то, конечно, это — обмолвка со стороны почтеннаго автора, приведшаго этотъ примѣръ; ибо извѣстно, что Англія, не смотря на то, что обнесена моремъ, постоянно принимала самое дѣятельное участіе въ общей жизни Европы: стòитъ только вспомнить, что изученіе исторіи Англіи невозможно безъ изученія исторіи Франціи; такъ тѣсно связана судьба

этихъ двухъ странъ! Стоитъ только вспомнить участіе Англіи въ крестовыхъ походахъ; о новой исторіи, начиная съ протестантизма, мы уже не говоримъ; наконецъ, замѣтимъ, что на почвѣ Англіи столкнулись двѣ крѣпкія народности, Саксонская и Норманно-Французская; изъ взаимнодѣйствія этихъ двухъ народностей произошла крѣпкая народность Англійская“ (стр. 463).

Нѣтъ, это не обмолвка съ моей стороны, а скорѣе недоразумѣніе со стороны моего возражателя. Вопервыхъ, нѣтъ въ Европѣ почти ни одного значительнаго государства, которое бы не вмѣщало въ себѣ разноплеменныхъ стихій. Въ этомъ отношеніи процессъ историческаго образованія Англіи, Россіи, Испаніи, совершенно одинаковъ, и если авторъ хочетъ сказать, что нація, сложившаяся изъ нѣсколькихъ племенъ, *по одной этой причинѣ,* не можетъ вести сосредоточенной въ себѣ самой жизни, то придется отказаться отъ любимой темы, будто бы до Петра Россія заключена была въ предѣлахъ своей національности. Развѣ не столкнулись на ея почвѣ Славяне, Финны, Варяги, Литовцы, Татарскія племена? Далѣе, обращаясь къ Англіи, послушаемъ, что̀ говоритъ о ней Маколей: „Исторія Англичанъ, какъ націи, начинается съ того времени, когда слились потомки товарищей Вильгельма съ потомками Гаральда. Собственно тогда сложилась великая Англійская нація, и выступили впервые оригинальныя черты ея характера, никогда съ тѣхъ поръ не терявшіяся; тогда же наши предки сдѣлались островитянами по преимуществу (emphatically islanders), не только по географическому своему положенію, но и въ политикѣ, въ чувствахъ, въ нравахъ“ (islanders in their politics, their feelings and their manners. History of England. Chapt. I t. I.). Что это значитъ? Какимъ образомъ островитяне могли сдѣлаться островитянами по преимуществу? Какимъ образомъ географическій характеръ страны, острова, могъ отразиться въ политикѣ, въ чувствахъ и нравахъ? Не ясно-ли, что Маколей указываетъ на *замкнутость и сосредоточенность внутренней жизни народа,* условленную свойствомъ занимаемой имъ мѣстности?

Туже мысль, въ томъ же сочиненіи, онъ развиваетъ да-

лѣе въ слѣдующихъ словахъ: „На материкѣ, представительныя учрежденія пали рано, вслѣдствіе организаціи значительныхъ военныхъ силъ, которыми располагала центральная власть. Но въ Англіи дѣла приняли другой оборотъ. Этою счастливою особенностію она обязана своему географическому положенію. Еще до истеченія XV вѣка, Французская и Испанская монархіи необходимо нуждались въ значительныхъ военныхъ силахъ для поддержанія своего достоинства и для своей безопасности. Еслибы которая нибудь изъ этихъ державъ вздумала распустить свое войско, она бы неминуемо подпала подъ владычество другой. Напротивъ, Англія, защищенная моремъ отъ всякаго нападенія на нее извнѣ, и *рѣдко принимавшая участіе въ войнахъ, происходившихъ на материкѣ* (rarely engaged in warlike operations on the Continent), въ то время не ощущала необходимости, какъ теперь, содержать регулярную армію. XVI и XVII вѣка застали ее безъ постояннаго войска“ (см. тамъ же).

Итакъ, по мнѣнію автора слово въ слово переведенныхъ отрывковъ, Англія, по своему географическому положенію, стояла въ сторонѣ, особнякомъ отъ другихъ державъ, рѣдко вмѣшивалась въ дѣла сосѣдей и не подвергалась ихъ воздѣйствію на себя; развитіе государства ad extra не требовало насильственныхъ переворотовъ, нарушающихъ процессъ свободнаго и правильнаго роста общественнаго организма; новое возникало изъ стараго безъ перерывовъ, безъ вторженія постороннихъ стихій, какъ дерево выростаетъ изъ кустарника (по сравненію Маколея), и не было въ ея исторіи такой минуты, когда бы въ ея внутреннемъ устройствѣ старое не преобладало надъ новымъ (см. тамъ же). Не тоже-ли самое говоритъ „Русская Бесѣда“, утверждая, что Англія развилась въ сравнительно бо̀льшемъ разобщеніи съ сосѣдями, чѣмъ другія державы, и вела жизнь болѣе сосредоточенную въ себѣ самой?

Кажется, я вправѣ сказать, что если я *обмолвился,* то обмолвился вмѣстѣ съ лучшимъ изъ Англійскихъ историковъ XIX вѣка, и это обстоятельство, можетъ быть, извинитъ въ глазахъ читателей неожиданное мое разномысліе съ ученымъ преподавателемъ Русской Исторіи.

Дѣло въ томъ, что г. Соловьевъ, кажется, не сообразилъ, что народъ можетъ развиваться совершенно оригинально, никому не подражая, не отрекаясь отъ своей духовной самобытности, ради общенія съ кѣмъ бы то ни было, и въ тоже время дѣйствовать на сосѣдей силою своего оружія, своихъ капиталовъ, своей мысли. Англія посылала свои войска во Францію и на Востокъ, но она не переносила на свою родную почву ни учрежденій, ни обычаевъ другихъ земель; она снаряжала во всѣ страны свѣта свои корабли, нагруженные произведеніями своего народнаго труда, и въ тоже время, знаменитымъ навигаціоннымъ актомъ, она укрѣпляла за собою же обратный привозъ продуктовъ другихъ земель и почти безусловно воспрещала чужимъ кораблямъ доступъ въ свои гавани. Мы не оправдываемъ и не осуждаемъ этой экономической системы; мы только указываемъ на нее съ цѣлью пояснить, что даже преднамѣренная сосредоточенность вовсе не исключаетъ развитія внѣшнихъ сношеній въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Съ первымъ пунктомъ мы покончили и переходимъ ко второму.

2) Другая придирка г. Соловьева отличается еще большею сбивчивостію, чѣмъ первая. Вотъ сущность дѣла. Г. Чичеринъ въ своемъ трудѣ объ областной администраціи въ древней Россіи выставилъ слѣдующія положенія:

Никакое общество не можетъ обойтись безъ суда; судъ составлялъ единственную общественную потребность древней Руси.

По характеру суда можно вывести заключеніе о характерѣ цѣлаго общественнаго устройства.

Въ древней Руси судъ разсматривался, какъ оброчная статья, какъ кормленіе, какъ частная собственность судившаго, а не какъ общественная должность, слѣдовательно... Но о выводахъ было такъ много говорено, что мы въ правѣ предположить ихъ извѣстными всѣмъ читателямъ.

„Русская Бесѣда" возразила:

Опредѣленіе суда, какъ оброчной статьи, выражаетъ отношеніе его *только* къ дававшимъ судъ, взглядъ и понятія *одного* сословія чиновниковъ, кормленщиковъ, а не цѣлаго общества, которому нуженъ былъ судъ, конечно, не въ смыслѣ кормленія.

Слѣдовательно, этимъ опредѣленіемъ не исчерпывается сознаніе древней Руси о судѣ, и не даетъ оно основанія для характеристики цѣлаго общества. Въ поясненіе были приведены паралельные факты изъ прошедшаго и современнаго быта западныхъ народовъ.

По поводу этого спора, авторъ статьи о Шлёцерѣ, не знаю право, въ защиту ли г. Чичерина, или въ подтвержденіе сказаннаго въ „Русской Бесѣдѣ", говоритъ слѣдующее: „Есть ли какой нибудь народъ на свѣтѣ, который бы понималъ судъ иначе, какъ судъ правый? Народъ требуетъ суда праваго, а до того, кто его судитъ, ему дѣла нѣтъ (?). Творится судъ правый—народъ молчитъ; беззаконствуетъ судья, грабитъ подсудимыхъ—раздаются жалобы" (то-есть, если всенародная жалоба возможна, прибавимъ мы отъ себя, а это бываетъ невсегда). „Эти громкія жалобы, дошедшія до насъ изъ древней Руси, свидѣтельствуютъ о неправомъ судѣ, и въ тоже время свидѣтельствуютъ, что *жалующіеся, подсудимые* и *верховная власть*, подтверждающая законность жалобъ также *церковь,* напоминающая о судѣ правомъ, *имѣютъ иное понятіе о судѣ, чѣмъ судьи* и т. д." (Стр. 478).

Остановимся на этомъ и скажемъ искреннее спасибо г. Соловьеву, который лучше „Русской Бесѣды" выразилъ ея мысль. Такъ! народъ, верховная власть и церковь понимали судъ и обязанности судившихъ иначе, нежели какъ понимали ихъ служилые люди. Служебная практика, установившаяся подъ вліяніемъ частныхъ выгодъ, противорѣчила понятію цѣлаго общества и была ниже народнаго требованія—только это и нужно было доказать, чтобы понять фальшивость колорита на картинѣ г. Чичерина, которому и предоставляемъ вѣдаться съ своимъ защитникомъ.

Продолжаемъ прерванную выписку изъ статьи г. Соловьева: „Жалоба—какого рода она? Если мнѣ попадается подъ руку юридическій актъ или множество актовъ такого содержанія: Кузьма прибилъ Ивана безвинно, а судья, взявши посулъ съ Кузьмы, обвинилъ Ивана же, — то эти акты не имѣютъ для меня, какъ для историка, никакого значенія: не могу я на ихъ основаніи произнести приговоръ относительно нравственнаго состоянія общества; не могу сказать, что въ из-

вѣстное время суды беззаконствовали, ибо это отдѣльные случаи. Но если въ актѣ Земскаго Собора цѣлое сословіе говоритъ: „„мы разорены не войною, а Московскою волокитою"", то я не имѣю никакого права отвергнуть это свидѣтельство, какъ голосъ всей земли. *Заподозриваютъ* *) юридическіе акты, указываютъ на лѣтописи! Мы не станемъ говорить, что въ лѣтописяхъ, *вѣроятно, можетъ быть*, ничего не найдемъ; въ лѣтописяхъ мы найдемъ кое что. Годуновъ, говоритъ лѣтописецъ, старался искоренить взяточничество, но никакъ не могъ. При описаніи извѣстнаго видѣнія въ Успенскомъ соборѣ, читаемъ страшныя слова: „„Неправеденъ судъ творятъ и правымъ насилуютъ и грабятъ чуждая имѣнія; нѣсть истины во всемъ народѣ""; уже не говорю о жалобахъ Псковскаго лѣтописца. Это для XVII вѣка; а если обратимся къ глубокой старинѣ,—къ тому блаженному времени, когда Русскіе нравы были проникнуты постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному,—то найдемъ, что у народа слово *тіунъ* было синонимомъ беззаконника. Историку встрѣчается явленіе, о которомъ современники выражаются, положимъ, такъ: „„мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ"". Историкъ, пораженный такимъ явленіемъ, начинаетъ разыскивать причины, по которымъ оно произошло, а ему кричатъ: „„Какъ не стыдно? Какое одностороннее, отрицательное направленіе! Толкуетъ объ одной мерзости запустѣнія, а святаго мѣста не видитъ; у народа была не одна мерзость запустѣнія, было и свято мѣсто!"" Разумѣется, историку отвѣчать легко на эти крики „„Если бы мерзость запустѣнія была на приличномъ ей мѣстѣ, а не на святомъ, то я бы объ ней и не говорилъ"". (стр. 479).

Должно полагать, что ученый историкъ дѣйствительно былъ погруженъ въ глубокую думу о причинѣ явленій, когда встревожилъ его неосторожный голосъ „Русской Бесѣды"; оттого, вѣроятно, ему почудился *крикъ*, а словъ онъ не разслышалъ. Нѣтъ, упрекаютъ отрицательную школу не въ

*) Вмѣсто *заподозриваютъ* слѣдуетъ читать: *совѣтуютъ не ограничиваться одними юридическими актами.*

томъ, что она повторяетъ скорбныя признанія нашихъ предковъ и останавливаетъ свой взоръ на темныхъ сторонахъ древней жизни; но, вопервыхъ, мы сожалѣемъ о томъ, что, обращая это признаніе въ обвинительные акты противъ цѣлаго общества, она какъ будто ни во что не ставитъ нравственной заслуги самоосужденія и этой громкой всенародной исповѣди, умолкнувшей не ранѣе XVIII вѣка; вовторыхъ, обращаясь къ самому содержанію жалобъ на [illegible] насилія и неправды, мы желали бы, чтобы отрицательная школа взглянула на нихъ хладнокровнѣе и задала себѣ вопросъ: не есть ли это неизбѣжное и повсемѣстное послѣдствіе [illegible] строенія государства; втретьихъ, мы присовѣтовали бы отрицательной школѣ внимательнѣе [illegible] одно другимъ собственныя свои изслѣдованія, которыми она дѣлится съ публикою: тогда бы, вѣроятно, написавъ цѣлую статью въ доказательство, что никогда Русское общество не мирилось со зломъ и что ни одинъ вѣкъ нашей древней исторіи не можетъ быть названъ вѣкомъ косности[1], она бы черезъ годъ не стала утверждать, что Россія предстояла въ началѣ XVIII вѣка ступить на грозную дорогу, чтобы выйти изъ состоянія застоя и оскудѣнія нравственнаго[2]. Такъ пишутся памфлеты, не исторія.

Наконецъ, мы обвиняемъ отрицательную школу не въ излишествѣ критики, а напротивъ въ недостаткѣ критики; мы просимъ у нея не снисхожденія и пощады, а только строгой послѣдовательности. Мы не вычеркиваемъ изъ исторіи послѣднихъ полутораста лѣтъ, какъ утверждаетъ г. Соловьевъ; напротивъ, мы давно, хотя безуспѣшно, убѣждаемъ отрицательную школу обратить и на эти годы ту грозную и жгучую критику, которая, повидимому, нужна ей только для осужденія древней жизни и не допускается никогда за порогъ XVIII вѣка. Еслибы когда-нибудь отрицательной школѣ вздумалось послѣдовать нашему приглашенію, то мы предложили

[1] См. въ „Русск. Вѣстн.“ [illegible] года № [illegible] статью г. Соловьева о [illegible]

[2] „Русск. Вѣстн.“ [illegible] года № [illegible] [illegible] статьи г. Соловьева.

бы ей заняться совокупными силами разрѣшеніемъ вотъ какого вопроса.

Два недуга разъѣдали древнюю жизнь: лихоимство и обрядность; противъ этого г. Соловьевъ спорить не будетъ. Древняя Русь ихъ не скрывала; напротивъ, она каялась въ нихъ во всеуслышаніе, искала средствъ противъ нихъ, но не находила исцѣленія (съ этимъ также согласится г. Соловьевъ). Итакъ, съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ своей болѣзни, съ готовностью на все для кореннаго исцѣленія, поступила Русская земля на попеченіе безстрашнаго хирурга, привезшаго изъ-за границы новую систему лѣченія. Она теперь испробована, прошло полтораста лѣтъ. Мы не спрашиваемъ: здорова ли Россія? Нѣтъ — это было бы много. Мы просимъ только, чтобы намъ указали, какое новое, притомъ дѣйствительное и древней Руси невѣдомое или недоступное, средство открыто и употреблено въ дѣло? Противъ двухъ коренныхъ недуговъ, лихоимства и обрядности, которыхъ всѣ признаки такъ подробно описаны, что̀ пріобрѣла Россія? И когда намъ укажутъ, что̀ она пріобрѣла, мы беремся показать, что̀ она утратила.

Да позволено намъ будетъ нѣсколько продолжить предположеніе, недоведенное до конца г. Соловьевымъ. Точно! Стояла на мѣстѣ святѣ мерзость запустѣнія; видѣлъ это цѣлый народъ, скорбѣлъ, негодовалъ и непрестанно думалъ о томъ, какъ бы очистить дорогую свою святыню; много подано было добрыхъ совѣтовъ, много положено на это дѣло честнаго труда, немало пролито чистой мученической крови, но мерзость запустѣнія не сходила съ святаго мѣста... Явились, наконецъ, новые люди. Не полюбился имъ утомительный уходъ около народной святыни, и порѣшили они про себя, что видно съ мерзостью не совладать. И вотъ повернулись они спиною къ старому мѣсту и въ сторонѣ отъ него отвели себѣ новое мѣсто, гдѣ мерзость не колетъ глазъ, да и святыни тамъ не видитъ народъ, а къ старому мѣсту перекопали дорогу. Разжились на новосельѣ новые, передовые люди; но старые люди не пошли за ними и въ молчаливомъ раздумьѣ остановились на прежней, изстари протоптанной дорогѣ. Прошло немало времени, и стали, наконецъ, понимать,

что не къ добру поведетъ такое раздвоеніе; пришло на память слово про раздѣлившійся домъ, и запала спасительная тоска въ сердца передовыхъ людей; почувствовали они, что тяжело жить въ одиночествѣ и стали чаще оглядываться назадъ на брошенное мѣсто и на оставшійся въ сторонѣ народъ. Бѣдные передовые люди! Чуть было не дошли они до раскаянія. Какое-то новое чувство, что̀-то похожее на ропотъ пробужденной совѣсти начинало отравлять всю прелесть, всѣ удобства, весь комфортъ ихъ беззаботной жизни... Но въ эту минуту, неожиданно для нихъ, раздался успокоительный голосъ: „о чемъ горюете, кого поминаете!"... Впрочемъ, пусть лучше этотъ голосъ говоритъ самъ за себя. Вслушайтесь внимательно въ эти доселѣ неслыханныя рѣчи. Дѣло идетъ о народѣ: „Однообразіе, простота занятій, подчиненіе этихъ занятій природнымъ условіямъ, надъ которыми трудно взять верхъ человѣку, однообразіе формъ быта, разобщеніе съ другими классами народа, ведетъ въ земледѣльческомъ сословіи къ господству формъ, давностью освященныхъ, къ безсознательному подчиненію обычаю, преданію, обряду. Отсюда въ этомъ сословіи такая удержливость относительно стараго, такое отвращеніе къ нововведеніямъ, осязательно полезнымъ, такое *безсиліе смысла передъ подавляющею силою привычки*. Въ земледѣльческомъ сословіи сохранились преданія, обряды, идущіе изъ глубочайшей древности: попробуйте попросить у земледѣльца объясненія смысла обряда, который онъ такъ суевѣрно соблюдаетъ—вы не получите другаго отвѣта кромѣ: „„такъ водится""; но попробуйте нарушить обрядъ или часть его, вы взволнуете человѣка, цѣлое общество, которые придутъ въ отчаяніе, будутъ ждать всѣхъ возможныхъ бѣдствій отъ нарушенія обряда. Но понятно, какую помощь оказываетъ это сословіе государству, когда послѣднее призоветъ его на защиту того, что всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. Поэтому справедливо называютъ земледѣльческое сословіе по преимуществу охранительнымъ. Почтенныя свойства этого сословія, *какъ сословія*, не могутъ быть оспариваемы; но что̀ же, если цѣлый народъ живетъ въ формѣ быта земледѣльческаго сословія?"

Какъ бы пріятно было поддаться успокоительной гармо-

ніи этихъ словъ! Но не такое теперь время; нужно ихъ оговорить. Точно, спасительная помощь идетъ отъ простаго народа, отъ жителей селъ, и эта помощь не оскудѣетъ, пока не только народъ, но *всѣ* безъ изъятія, и не только передъ грозою, а и въ мирное, спокойное время чтутъ одну святыню, уважаютъ одну существенность. Но прибѣгнемъ къ предположенію, выдумаемъ иной, можетъ быть, и небывалый, но все-таки возможный порядокъ вещей. Предположимъ, что передовыя сословія и простой народъ разошлись по разнымъ путямъ и перестали понимать другъ друга; они какъ будто раззнакомились; передовыя сословія смотрятъ на народъ какъ на курьезную окаменѣлость, народъ не узнаётъ себя въ передовыхъ сословіяхъ, отдѣлившихся отъ него по своимъ понятіямъ, по правиламъ и образу жизни; онъ не участвуетъ въ ихъ занятіяхъ, не чуетъ даже, чѣмъ они вдохновляются: правда, они постоянно дѣйствуютъ на него законами и распоряженіями, но все это народъ принимаетъ какъ атмосферическія явленія, какъ ненастье и вёдро, не возбуждающія въ немъ ни сочувствія, ни осужденія. При такомъ отношеніи высшихъ сословій къ низшему, что̀ должно произойти въ случаѣ бѣды? Конечно правительство призоветъ народъ на защиту *святаго* и *существеннаго*; но если народъ и правительство розно понимаютъ существенное и святое?.. Въ состояніи ли будетъ правительство поднять народный духъ? Мы надѣемся, что на сей разъ ученый профессоръ пойметъ, почему мы прибѣгаемъ къ предположеніямъ и говоримъ *можетъ быть*, а не есть. Впрочемъ, если факты необходимы, мы сошлемся на примѣръ Польши и присовѣтуемъ справиться, отчего народъ такъ равнодушно смотрѣлъ на крушеніе государства въ то самое время, какъ за него распиналось дворянство.

По системѣ ученаго историка XIX вѣка *черные люди* годны только на *черный день*. Ихъ дѣло встрѣчать грудью непріятелей и складывать свои головы, когда правительство ударитъ въ набатъ; но развѣ одно нашествіе иноплеменниковъ со штыками и пушками угрожаетъ тому, что̀ признается народомъ за необходимое и святое? Бываютъ бѣды и отъ другихъ причинъ. Вспомните слѣпую любовь къ новизнѣ, тупое

презрѣніе къ обычаю и привычкѣ, самоувѣренность полупросвѣщенія, всецѣло вѣрующаго въ безошибочность послѣдней вычитанной теоріи, наконецъ легіонъ невинныхъ, благонамѣренныхъ поборниковъ самодержавныхъ притязаній разсудка на исправленіе жизни. А чего не выдумаетъ разсудокъ! Сегодня, напримѣръ, кого-то озарила мысль, что жителямъ селъ подобаетъ быть хлѣбопашцами, и что только въ городахъ можетъ существовать промышленность *). Такъ дѣйствительно было въ Германіи, такъ должно быть и вездѣ. Правда, что у насъ на Сѣверѣ, въ теченіе полугода, земледѣльческія занятія поневолѣ прекращаются, и поселяне по необходимости должны обращаться къ торговлѣ и промысламъ; правда также, что есть у насъ цѣлыя губерніи, для которыхъ хлѣбопашество составляетъ лишь второстепенное подспорье, и что именно тамъ встрѣчаются богатѣйшія села, гдѣ въ каждой избѣ заведена фабрика; но что до этого! Обычай не указъ *наукѣ*. *Наука* требуетъ городовъ; подавайте намъ города, мануфактуры, фабрики; если на то пойдетъ, мы пожалуй за одинъ разъ сотню богатыхъ селеній произведемъ въ городскій чинъ, то-есть мы навалимъ на нихъ многосложный штатъ, съ думами, магистратами, цехами, управными уроками, и подъ бременемъ этого штата исхудаетъ нѣкогда цвѣтущее, полное жизни село, и выродится въ чахлый городъ—но все же городъ! А что, если завтра другому книжнику почудится, что намъ совсѣмъ не нужны ни фабрики, ни мануфактуры, что мы исключительно земледѣльцы, что наше дѣло пахать, пасти овецъ и топить сало, а все остальное мы должны получать отъ другихъ? Бѣдная земля! Какой безконечный рядъ операцій и опытовъ готовится для нея впереди, сколько ломки, противорѣчій, сколько ударовъ по самымъ чувствительнымъ жиламъ, сколько даромъ погубленнаго труда, сколько напраснаго насилія! Что же предохранитъ ее отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, едва ли чѣмъ уступающихъ нашествію 20 языковъ или Московской волокитѣ, если не отпоръ, вполнѣ разумный, хотя и безсознательный, именно того сословія, которое, обладая безошибочностью

*) См. разбираемую статью, стр. 463, 464 и 465.

духовнаго инстинкта, хранитъ въ себѣ цѣльность народной стихіи?

Но этого-то именно и не вмѣщаетъ *школа*; здѣсь-то и обрывается ея книжная мудрость. Разумность, не облеченная въ затверженныя формы логическаго сознанія, для нея не существуетъ; устойчивость факта, право жизни передъ истязующимъ ее разсудкомъ, кажется ей оскорбленіемъ величества науки и раздражительныхъ ея служителей. Особенность этого *школьнаго* воззрѣнія на отношеніе живаго быта къ отвлеченной мысли, противопоставляющей существующему факту отвлеченную возможность, никогда еще не выражалась такъ ясно, какъ въ слѣдующихъ строкахъ изъ той же статьи ученаго профессора объ отношеніи Петровской реформы къ древней Руси: „Существуетъ странное мнѣніе, что такъ - называемый Петровскій переворотъ совершенъ насильственно, въ томъ смыслѣ, что противники его выставляли ему разумное сопротивленіе. Этого не было и быть не могло (?); извѣстій объ этомъ нѣтъ нигдѣ (?). Человѣкъ, который не хотѣлъ перемѣнить стараго покроя своего платья и сбрить бороды, не разсуждалъ такъ: „„не разумно мѣнять свое, приспособленное къ климату, на чужое; не можетъ произойти отсюда никакой пользы; одежда должна служить внѣшнимъ выраженіемъ народности““ и т. п. Онъ не хотѣлъ измѣнить покроя одежды и сбрить бороду въ силу безсознательнаго подчиненія ведущемуся изъ старины обычаю, нарушить который онъ считалъ грѣхомъ. *Точно также* и приверженцы новаго брили бороды и надѣвали Нѣмецкое платье, *безсознательно* увлекаясь стремленіемъ къ новому, *безсознательно* подчиняясь силѣ новаго начала, подъ вліяніе котораго вступалъ тогда народъ Русскій. Приверженцы новаго не разсуждали такъ: „„правда, что одежда должна служить внѣшнимъ выраженіемъ народности; но у насъ на первомъ планѣ вопросъ: къ семьѣ какихъ народовъ долженъ принадлежать народъ Русскій? Онъ долженъ принадлежать къ семьѣ народовъ Европейско - христіанскихъ, а покрой одежды его есть Азіатскій (?); слѣдовательно долженъ быть измѣненъ; и притомъ согласіе всѣхъ Европейскихъ народовъ ознаменовать свое единство однимъ покроемъ платья есть такое прекрасное

явленіе, что мы, Русскіе, *не имѣемъ права* не подражать имъ въ этомъ.""

Мы никакъ не можетъ допустить, чтобы Петровскій переворотъ (называемый этимъ именемъ совершенно правильно) рѣшительно не встрѣтилъ ни въ комъ разумнаго и отчетливо выраженнаго сопротивленія; со временемъ, мы надѣемся, представлены будутъ отзывы современниковъ, доказывающіе, что многіе знали, за что и почему они стояли; этихъ отзывовъ, правда, немного; они заглушены офиціальными панегириками, да къ тому же—надѣемся, что ученый профессоръ съ этимъ согласится — время было несовсѣмъ благопріятно для ученыхъ диспутовъ. Но оставимъ этотъ пунктъ до времени. Положимъ, что переворотъ въ формахъ общежитія совершился такъ точно, какъ полагаетъ авторъ. Одни безсознательно и слѣпо держались того, что было, отстаивали фактъ, другіе безсознательно и слѣпо возставали на фактъ и вводили новое, небывалое, неиспытанное. Неужели обѣ стороны были одинаково правы или одинаково неправы? Неужели не видитъ ученый профессоръ, что существующее изстари, укоренившееся, всѣми принятое, много значитъ *само по себѣ*, совершенно независимо отъ доказательствъ, которыми оно можетъ быть подкрѣплено, и что обязанность предъявить доказательство негодности того, что есть, лежитъ на томъ, кто истязуетъ? Господинъ А. спокойно живетъ въ своемъ домѣ; господинъ Б. предъявляетъ на него искъ и домогается, чтобы этотъ домъ былъ переданъ ему. Потребуются ли доказательства отъ г. А., что онъ ничего не долженъ, или отъ г. Б., что г. А. дѣйствительно его должникъ? Если ни тотъ, ни другой доказательствъ не представятъ, то какъ поступитъ судья? Положитъ ли онъ такое рѣшеніе: хотя господинъ Б. ничѣмъ не оправдалъ своей претензіи и совершенно голословно добивается чужой собственности, но и г. А. не могъ доказать, что онъ ничего не долженъ господину Б., и такъ какъ ни тотъ, ни другой права своего доказать не могъ, то признать обоихъ неправыми, а споръ между ними пусть рѣшитъ сила? Какъ въ настоящемъ примѣрѣ, такъ и въ уголовномъ дѣлѣ, когда является обвинитель и обвиненный, для каждаго очевидно, какимъ образомъ поступитъ

честный слѣдователь и *честный* судья, а до безчестнаго намъ дѣла нѣтъ. Обязанность доказать искъ или обвиненіе возлагается всегда на истца или обвинителя, отвѣтчикъ же только обороняется, и, въ случаѣ дознанной бездоказательности жалобы, податель ея подлежитъ отвѣтственности. Это уваженіе къ существующему и неуличенному въ противозаконности факту заключаетъ въ себѣ самую существенную и драгоцѣнную гарантію прочности правъ какъ личныхъ, такъ и общественныхъ, и крѣпости народнаго быта.

Ученый историкъ XIX вѣка увѣряетъ насъ, что отрицательная школа, къ которой онъ окончательно себя пріурочилъ своею послѣднею статьею, наслѣдовала прямо отъ Шлёцера умѣніе *честно* обходиться съ источниками; отъ души желаемъ ей не только сохранить это драгоцѣнное наслѣдство, но еще пріумножить его пріобрѣтеніемъ умѣнія *честно* обходиться съ обычаемъ, съ преданіемъ, съ жизнью: жизнь поучительна не менѣе исписанной бумаги и заслуживаетъ еще бóльшаго уваженія.

Замѣтка *).

Развитіе мнѣній литературныхъ, ученыхъ и политическихъ, какъ и всякое человѣческое развитіе, независимо отъ свободной воли, подчиняется непреложному закону логики. Принятое начало, рано или поздно, дастъ свой выводъ, какъ положенное въ землю сѣмя даетъ свой плодъ, и этотъ выводъ выскажется невольно, безсознательно, вопреки чувству, наперекоръ благоразумному разсчету. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, исторію любой мысли.

Въ предпрошломъ году между „Русскимъ Вѣстникомъ" и „Русскою Бесѣдою" возникъ споръ объ отношеніи народности къ общечеловѣческому просвѣщенію. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ. „Русская Бесѣда" доказывала, что общечеловѣческія идеи вырабатываются изъ живыхъ народныхъ стихій, и обратно, что народъ, заимствуя у другаго плоды его умственной жизни, не просто переливаетъ ихъ въ свое сознаніе, а претворяетъ ихъ въ свое духовное существо. „Русскій Вѣстникъ" смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ не признавалъ органической связи общечеловѣческихъ началъ съ народностями; принимая народность за форму, а идею за содержаніе, онъ предполагалъ между формою и содержаніемъ механическое отношеніе сосуда къ веществу, которымъ онъ наполненъ, или мѣста къ матеріаламъ, на немъ сложеннымъ.

---

*) Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ № 1 Русской Бесѣды 1858 года, съ подписью .....ъ, критическая замѣтка Ю. Θ — ча на статью Е. К. „Взглядъ на задачи современной критики", напечатанную въ № 1 - мъ „Атенея" 1858 г.

Въ надеждѣ лучше всего обнаружить ошибочность этого взгляда на практическомъ его примѣненіи, „Русская Бесѣда“ воспользовалась статьею г. Великосельцева, и, принявъ посылки „Вѣстника“, сдѣлала изъ нихъ слѣдующій выводъ: если народность относится къ общечеловѣческимъ идеямъ, какъ сосудъ къ своему содержанію, то-есть механически, то нѣтъ причины не допустить механическихъ пріемовъ нажиманія и надавливанія, то-есть принужденія и насилія, когда дѣло идетъ о просвѣщеніи темной народной массы. Выводъ, кажется, былъ совершенно строгъ; къ тому же „Бесѣда“ указывала на него только какъ на требованіе логики, отнюдь не думая приписывать его редакторамъ и сотрудникамъ „Русскаго Вѣстника“, и, во избѣжаніе ошибочнаго толкованія, она оговорилась въ самомъ началѣ статьи въ слѣдующихъ словахъ: „мы знаемъ, что очень часто здравое чувство истины и мѣры у большинства дѣйствительно-образованныхъ людей спасается черезъ непослѣдовательность отъ требованій логики. Это счастіе, и было бы непростительно не цѣнить его и приписывать всѣмъ или многимъ крайности одного“.

Не смотря на эту оговорку, статья „Русской Бесѣды“ возбудила негодованіе. „Русскій Вѣстникъ“ счелъ не лишнимъ протестовать противъ сдѣланнаго нами вывода и отвергнуть торжественно всякую мысль о распространеніи просвѣщенія посредствомъ принудительныхъ мѣръ. Мы искренно этому обрадовались и подумали про себя: пусть лучше гибнетъ логика и торжествуетъ здравое чувство! Но что̀ дѣлать съ логикою? Видно она только притаилась на время, а потомъ всетаки взяла свое.

Отъ „Русскаго Вѣстника“ въ нынѣшнемъ году отдѣлились нѣкоторые изъ постоянныхъ его сотрудниковъ и основали новый журналъ. Теперь, разумѣется, еще рано судить объ общемъ направленіи „Атенея“; но вотъ что мы читаемъ на страницѣ 65-й перваго № этого журнала въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Взглядъ на задачи современной критики“: „Если исторія показываетъ намъ на каждомъ шагу, что внутреннее воздѣйствіе, по большей части, ждетъ внѣшнихъ побужденій, то нечего сѣтовать, что въ Индіи Англійскій солдатъ, а въ Стиріи Австрійскій жандармъ являются орудіями образованности“.

Итакъ, „Атеней“ договорилъ то, чего по здравому чувству истины и правды не могъ сказать „Русскій Вѣстникъ“. Незавидная честь строгой послѣдовательности остается за „Атенеемъ“. Онъ смѣло довелъ свой взглядъ до того практическаго примѣненія, отъ котораго еще недавно отворачивался съ негодованіемъ его сотоварищъ по основному воззрѣнію на народность.

Немного словъ въ выписанныхъ нами строкахъ, а сказано въ нихъ такъ много, что невольно надъ ними призадумаешься.

Авторъ, конечно, знаетъ очень хорошо, что Австрійцы въ Славянскихъ земляхъ и Англичане въ Индіи держатъ туземцевъ подъ своею пятою совсѣмъ не для того, чтобы просвѣтить ихъ. Не та у нихъ цѣль, не то побужденіе. Австрійцамъ нужно, чтобы Славяне какъ можно меньше думали вообще и о своей народности въ особенности; Англичанамъ нужны сырые продукты Индіи. Но Австрійцы просвѣщеннѣе Славянъ, Англичане просвѣщеннѣе Индѣйцевъ; а потому, *и только потому,* Австрійскій жандармъ и Англійскій солдатъ возводятся на степень апостоловъ цивилизаціи, а борьба Австрійцевъ съ Славянами и Англичанъ съ Индѣйцами выставляется какъ борьба цивилизаціи съ варварствомъ. Скажемъ общѣе: насиліе одного народа надъ другимъ оправдывается, если народъ насилующій образованнѣе народа за нимъ укрѣпленнаго. Этотъ силлогизмъ не новъ. Тому назадъ два года мы сами были жертвою его и могли собственнымъ опытомъ удостовѣриться, на сколько въ немъ правды. Вотъ что̀ говорили Французы и Англичане, натравливая на насъ Пьемонтцевъ, Шведовъ и Прусаковъ: „Какое вамъ дѣло, изъ-за чего началась война? Довольно того: мы (Французы и Англичане) гораздо просвѣщеннѣе Русскихъ. Итакъ, это не обыкновенная война, а крестовый походъ цивилизаціи противъ варварства: обращая въ пепелъ Русскіе приморскіе города, затопляя Русскіе купеческіе корабли, мы служимъ просвѣщенію и дѣлаемъ дѣло угодное всему человѣчеству. Мы опираемся на сочувствіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и требуемъ ихъ содѣйствія“. Эта тема на разныхъ тонахъ и на всѣхъ языкахъ повторялась въ газетахъ, прокламаціяхъ и брошюрахъ; читая

ихъ, мы пожимали плечами и дивились безстыдству нашихъ учителей, а теперь—мы повторяемъ отъ себя тотъ же софизмъ въ примѣненіи къ Индіи и къ нашимъ братьямъ Славянамъ [1]). Коротка у насъ память!

Далѣе, если неприлично сѣтовать при видѣ насилія, служащаго для достиженія вожделѣннаго результата, если дѣйствительно цѣль оправдываетъ средства и омываетъ орудія, то, чѣмъ возвышеннѣе цѣль, тѣмъ менѣе прилична строгая разборчивость въ выборѣ средствъ. Когда Герцогъ Альба вступалъ въ Нидерланды съ Испанскою арміею и цѣлымъ отрядомъ инквизиторовъ, онъ разсуждалъ точно такъ, какъ издатель „Атенея": „Конечно, можно бы желать, чтобы эти проклятые протестанты одумались сами; но если исторія показываетъ намъ на каждомъ шагу, что внутреннее воздѣйствіе по большей части ждетъ внѣшнихъ побужденій, то нечего сѣтовать, что придется кое-кого поджарить или повѣсить для вразумленія темной толпы. Тутъ важно спасеніе душъ" [2]).

Когда Екатерина II задумала уничтожить пытку, вѣроятно и ей говорили дѣльцы того времени: „Конечно, можно бы желать, чтобы всѣ виновные добровольно сознавались въ своихъ преступленіяхъ; но если ежедневная практика убѣждаетъ насъ, что совѣсть по большей части ожидаетъ внѣшнихъ побужденій, и что показаніе, исторгнутое за простѣнкомъ, оправдывается обстоятельствами дѣла, то нечего сѣтовать, что палачи являются орудіями правды и врачами совѣсти". Наконецъ, когда вся Европа громко поднимала голосъ противъ торговли Неграми, вотъ что̀ отвѣчали плантаторы: „Убѣдитесь, что Негры коснѣютъ въ невѣжествѣ и дикости, что это почти не люди, но скорѣе звѣри; мы ловимъ и добываемъ ихъ, конечно, не съ цѣлью просвѣтить ихъ, но если и эта побочная цѣль достигается на плантаціяхъ, сама собою, безъ нашего вѣдома; если Негры, побывавъ въ на-

---

[1]) Легко себѣ представить, какъ отрадно имъ будетъ узнать отъ насъ, что подъ бѣлымъ мундиромъ, который стережетъ ихъ на всѣхъ перекресткахъ и заглядываетъ въ ихъ дома, скрывается апостолъ просвѣщенія.

[2]) Мы полагаемъ, что герцогъ Альба былъ такъ же искренно убѣжденъ въ превосходствѣ котоличества надъ протестантствомъ, какъ убѣжденъ издатель „Атенея" въ превосходствѣ Австрійцевъ надъ Славянами.

шихъ рукахъ, выходятъ смышленнѣе, расторопнѣе и человѣчнѣе (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія), то захотите ли вы закрыть этотъ единственный, уже проложенный путь, которымъ толпы людей ежегодно изъ тьмы невѣжества выводятся на свѣтъ?"— Прочитавъ первый № „Атенея", плантаторы и честные торговцы, промышлявшіе Неграми (жаль, что они не дожили до выхода „Атенея"!), сказали бы смѣлѣе и проще: „Примите насъ всѣхъ, гуртомъ, въ члены вашихъ человѣколюбивыхъ обществъ: мы тоже орудія просвѣщенія и провозвѣстники цивилизаціи".

А что если бы что-нибудь похожее сорвалось съ языка Котошихина или Посошкова? Какіе упреки, какіе возгласы и обличенія посыпались бы на древнюю Русь!

Но довольно объ этомъ явленіи, печальномъ и къ счастью единственномъ въ своемъ родѣ, въ современной литературѣ. Оставимъ его, и поспѣшимъ поздравить „Русскій Вѣстникъ" съ отдѣленіемъ отъ него „Атенея". Мы увѣрены, что первый изъ этихъ журналовъ много отъ этого выиграетъ.

Хомяковъ и крестьянскій вопросъ *).

(Письмо къ М. П. Погодину, читанное 6 ноября 1860 г., въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности).

Вы сообщили мнѣ о намѣреніи членовъ Общества Любителей Россійской Словесности посвятить чрезвычайное засѣданіе памяти покойнаго предсѣдателя Общества, Алексѣя Степановича Хомякова, чтобы, на первый разъ и впредь до будущей оцѣнки этого великаго дѣятеля въ области мысли и слова, намѣтить, хоть въ главныхъ чертахъ, предѣлы его многосторонней дѣятельности. Дѣйствительно, одному лицу трудно бы было обнять ее во всей полнотѣ. Ее нельзя опредѣлить извнѣ, заключивъ ее въ готовыя рамки какой-нибудь спеціальной области знанія; свѣтлый умъ его бросалъ лучи во всѣ стороны, и только когда собрано будетъ все, что̀ онъ намъ оставилъ, раскроется внутреннее единство его, повидимому безсвязныхъ, начинаній и обозначится строго выдержанная цѣльность его воззрѣнія.—Мнѣ вы поручили сообщить вамъ, что̀ мнѣ извѣстно о взглядѣ его на современный вопросъ о крѣпостномъ состояніи. Предметъ этотъ, какъ вамъ извѣстно, занималъ его издавна. Онъ написалъ о немъ двѣ статьи, напечатанныя (кажется) въ „Москвитянинѣ“, въ 1842 г., и еще третью дополнительную къ нимъ статью, оставшуюся въ рукописи; потомъ, въ прошедшемъ году, онъ составилъ записку о выкупѣ крестьянами отведенныхъ имъ угодій, которая была имъ отправлена, безъ подписи, въ Петербургъ.

*) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1860 г., № 2.

Къ сожалѣнію, всего этого я не имѣю теперь подъ рукою: приглашеніе Общества застало меня врасплохъ, и по краткости времени я вынужденъ ограничиться моими личными воспоминаніями и нѣсколькими выдержками изъ уцѣлѣвшихъ его писемъ.

Вы, конечно, помните, какое впечатлѣніе произвелъ на нашу публику указъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ, во многихъ отношеніяхъ недостаточный, невыдержанный, и, къ сожалѣнію, оставшійся почти безъ примѣненія, но превосходно задуманный, какъ первый приступъ къ дѣлу. А. С. Хомяковъ, въ числѣ весьма немногихъ, встрѣтилъ его съ искреннею радостью, и, кажется, одинъ печатно заявилъ свое сочувствіе къ основной его мысли. Статьи, по этому случаю имъ написанныя, имѣли цѣлью успокоить встревоженное общественное мнѣніе, разогнать призраки, созданные безотчетнымъ страхомъ, и показать, что можно перейдти отъ личнаго полновластія и произвола къ добровольнымъ сдѣлкамъ, не потрясая коренныхъ основъ нашего сельско-хозяйственнаго быта. Устраняя вопросъ о правѣ на личность, онъ основывалъ будущій порядокъ вещей на чисто-поземельныхъ отношеніяхъ между землевладѣльцемъ и сельскою общиною. Необходимость сохранить ея неприкосновенность, прн всѣхъ будущихъ преобразованіяхъ, составляла одно изъ коренныхъ его убѣжденій. Онъ дорожилъ ею не только, какъ самороднымъ произведеніемъ народной жизни, и какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ застраховать право крестьянъ на землю отъ тѣхъ несчастныхъ и неизбѣжныхъ случайностей, которыхъ бы не вынесли разобщенныя личности, но еще болѣе какъ нравственною средою, въ которой лучшія черты народнаго характера спасались отъ заразительнаго вліянія крѣпостнаго права. Эта мысль, въ одномъ изъ его писемъ, выражена въ слѣдующихъ словахъ: „Чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ крестьянскій бытъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что *міръ* для Русскаго крестьянина есть какъ бы олицетвореніе его общественной совѣсти, передъ которою онъ выпрямляется духомъ; міръ поддерживаетъ въ немъ чувство свободы, сознаніе его нравственнаго достоинства и всѣ высокія побужденія, отъ которыхъ мы ожидаемъ его возрожденія. Можно бы написать ле-

генду на слѣдующую тему: Русскій человѣкъ, порознь взятый, не попадетъ въ рай, а цѣлой деревни нельзя не пустить".

Статья А. С. Хомякова, о которой я упомянулъ выше, вызвала возраженіе, на которое онъ отвѣчалъ печатно; потомъ онъ изготовилъ еще статью, читанную мною въ рукописи, въ которой, между прочимъ, онъ доказывалъ, что цѣлымъ обществомъ легче пріобрѣсти землю въ собственность, чѣмъ отдѣльнымъ хозяевамъ; но эта статья, по причинамъ, какъ говорится, независящимъ отъ автора и отъ редакціи, не могла быть напечатана. Той же участи подверглось нѣсколько другихъ статей, доставленныхъ изъ разныхъ губерній. Начавшійся, по поводу указа 1842 года, живой обмѣнъ мыслей, который, можетъ быть, остался бы не безъ пользы, по крайней мѣрѣ для постепеннаго ознакомленія общества съ великимъ вопросомъ, въ этомъ указѣ затронутомъ, прекратился надолго.

Въ первой статьѣ своей, о добровольныхъ соглашеніяхъ, А. С. Хомяковъ допускалъ еще возможность сдѣлокъ, основанныхъ на обязательной для крестьянъ въ пользу помѣщика работѣ; по крайней мѣрѣ, онъ не высказывалъ въ ней положительно необходимости предоставить имъ право переходить на оброкъ. Впослѣдствіи, мнѣніе его объ этомъ предметѣ измѣнилось, или, можетъ быть, только рѣшительнѣе выразилось въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма, написаннаго имъ по поводу инвентарныхъ правилъ, изданныхъ въ 1849 году, для западныхъ нашихъ губерній: „Главный недостатокъ инвентарнаго положенія заключается въ томъ, что оно, повидимому, опредѣляетъ окончательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и не содержитъ въ себѣ никакого указанія на дальнѣйшее ихъ развитіе. Дѣятельность крестьянина заключена въ безвыходно-тѣсномъ кругѣ; ему даже не дано права требовать замѣна барщины оброкомъ; пусть бы лучше наложили высокій оброкъ, лишь бы крестьянинъ видѣлъ, что когда-нибудь да прекратится барщина. У насъ, на Руси, барщина, усовершенствованная и подведенная подъ строгія правила, недолго продержится съ упраздненіемъ помѣщичьяго полновластія. Германія, въ этомъ случаѣ, намъ

не указъ. Нашъ крестьянинъ терпѣливѣе Нѣмца: вынесетъ грубый произволъ; но ему нужно больше простора, и онъ не пойметъ свободы въ кандалахъ, хотя бы кандалы были законнаго вѣса и образцовой мѣрки".

Вотъ еще отрывокъ изъ другаго письма къ одному изъ его пріятелей, который сообщилъ ему записку, составленную за три года до выхода перваго рескрипта: „Вы подробно изслѣдовали хозяйственную сторону вопроса, но вы мало обратили вниманія на его нравственную сторону. У насъ подъ рукою неисчерпаемый запасъ матеріаловъ для развитія темы, заброшенной кѣмъ-то изъ Французскихъ писателей: „L'esclavage déprave le maître plus que l'esclave". Обращеніе съ людьми, которыхъ нравственный судъ до насъ не доходитъ, пріучаетъ насъ жить спустя рукава; а внутреннее, хотя и затаенное, сознаніе нашей неправды передъ ними лишаетъ насъ всякой свободы суда надъ равными. Есть какая-то всеобщая стачка не проговариваться о томъ, что̀ у всѣхъ на умѣ и на сердцѣ. Отсюда—застой мысли, дряблость воли, безплодность нашего негодованія, и это разсчетливое равнодушіе къ добру и злу, которое выноситъ все, кромѣ искренняго слова, затрогивающаго совѣсть".

Первый Высочайшій Рескриптъ обрадовалъ Хомякова, какъ ранній благовѣстъ, возвѣщающій наступленіе дня послѣ долгой, томительной ночи. Вы помните, какое множество оттѣнковъ обозначилось въ общественномъ мнѣніи, когда въ нестройномъ говорѣ, поднявшемся на всемъ протяженіи Русскаго царства, мало-по-малу начали выясняться понятія о характерѣ и объемѣ возвѣщенной реформы. Въ то время, какъ большинство видѣло въ ней не болѣе какъ смягченіе и ограниченіе крѣпостныхъ отношеній, Хомяковъ, изъ первыхъ, понялъ необходимость полнаго освобожденія крестьянъ и предоставленія имъ земли въ собственность посредствомъ выкупа. Теперь эта мысль никого не пугаетъ и ежедневно пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе поборниковъ; но на первыхъ порахъ многіе видѣли въ ней дерзкую мечту и посягательство на право собственности. Подъ вліяніемъ этихъ толковъ, составлена была А. С. Хомяковымъ записка, которой главная задача заключалась въ раскрытіи несостоятельности безвыход-

но-обязательныхъ отношеній, въ оправданіи выкупа, какъ необходимой, окончательной развязки предпринятой реформы, и въ опроверженіи тѣхъ доводовъ, которые заявлялись противниками выкупа, безоговорочно принимавшими начала, изложенныя въ Высочайшемъ Рескриптѣ. Не вдаваясь въ изложеніе финансовыхъ средствъ, въ этой запискѣ указанныхъ, достаточно прибавить, что еще прежде, чѣмъ она была составлена, правительство признало *необходимость стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками, и сообразить, какіе способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій.* Составленный въ этихъ видахъ особый проэктъ теперь уже поступилъ на разсмотрѣніе высшаго правительства.

Остается сказать нѣсколько словъ о практической сторонѣ дѣятельности А. С. Хомякова, какъ помѣщика, владѣльца нѣсколькихъ населенныхъ имѣній въ разныхъ губерніяхъ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ началъ управлять ими самъ въ ранней молодости и, съ перваго шага, поставилъ себя въ прямыя, непосредственныя отношенія къ своимъ крестьянамъ. Онъ часто созывалъ мірскія сходки, выслушивалъ всѣ требованія и жалобы, дѣлалъ всѣ свои распоряженія гласно и открыто, и никогда не прятался за личностью своихъ повѣренныхъ, какъ дѣлаютъ это многіе, добрые помѣщики, которые сознаютъ всю тягость крѣпостныхъ отношеній и не рѣшаются принять на себя отвѣтственности за порядокъ вещей, которымъ сами пользуются. За нѣсколько лѣтъ до выхода Высочайшихъ Рескриптовъ, онъ приступилъ къ исполненію давнишней своей мысли, отмѣнить въ своихъ имѣніяхъ барщину и перевести кр.стьянъ на оброкъ. Онъ взялся за это дѣло не вдругъ и не сгоряча, не подъ вліяніемъ досады на хлопоты и непріятности, сопряженныя съ отбываніемъ барщины, но обдумавъ зрѣло всѣ послѣдствія, и не скрывая отъ себя трудностей, которыя онъ долженъ былъ встрѣтить. Ему хотѣлось, вопервыхъ, чтобы новый, задуманный имъ, порядокъ осуществился не въ силу помѣщичьяго полноправія, а по обоюдному соглашенію съ крестьянами, и, вовторыхъ, чтобъ этотъ порядокъ оправдался въ своихъ послѣдствіяхъ

не указъ. Нашъ крестьянинъ терпѣливѣе Нѣмца: вынесетъ грубый произволъ; но ему нужно больше простора, и онъ не пойметъ свободы въ кандалахъ, хотя бы кандалы были законнаго вѣса и образцовой мѣрки“.

Вотъ еще отрывокъ изъ другаго письма къ одному изъ его пріятелей, который сообщилъ ему записку, составленную за три года до выхода перваго рескрипта: „Вы подробно изслѣдовали хозяйственную сторону вопроса, но вы мало обратили вниманія на его нравственную сторону. У насъ подъ рукою неисчерпаемый запасъ матеріаловъ для развитія темы, заброшенной кѣмъ-то изъ Французскихъ писателей: „L'esclavage déprave le maître plus que l'esclave“. Обращеніе съ людьми, которыхъ нравственный су́дъ до насъ не доходитъ, пріучаетъ насъ жить спустя рукава; а внутреннее, хотя и затаенное, сознаніе нашей неправды передъ ними лишаетъ насъ всякой свободы суда надъ равными. Есть какая-то всеобщая стачка не проговариваться о томъ, что̀ у всѣхъ на умѣ и на сердцѣ. Отсюда—застой мысли, дряблость воли, безплодность нашего негодованія, и это разсчетливое равнодушіе къ добру и злу, которое выноситъ все, кромѣ искренняго слова, затрогивающаго совѣсть“.

Первый Высочайшій Рескриптъ обрадовалъ Хомякова, какъ ранній благовѣстъ, возвѣщающій наступленіе дня послѣ долгой, томительной ночи. Вы помните, какое множество оттѣнковъ обозначилось въ общественномъ мнѣніи, когда въ нестройномъ говорѣ, поднявшемся на всемъ протяженіи Русскаго царства, мало-по-малу начали выясняться понятія о характерѣ и объемѣ возвѣщенной реформы. Въ то время, какъ
ньшинство видѣло въ ней не болѣе какъ смягченіе и огра-
ніе крѣпостныхъ отношеній, Хомяковъ, изъ первыхъ, по-
необходимость полнаго освобожденія крестьянъ и пре-
вленія имъ земли въ собственность посредствомъ вы-
Теперь эта мысль никого не пугаетъ и ежедневно прі-
болѣе и болѣе поборниковъ; но на первыхъ порахъ
въ ней дерзкую мечту и посягательство на
сти. Подъ вліяніемъ этихъ толковъ, состав-
омяковымъ записка, которой главная за-
раскрытіи несостоятельности безвыход-

не какъ милость, на которую нѣтъ ни образца, ни мѣры, а какъ вѣрный разсчетъ, выгодный для крестьянъ и вовсе не разорительный для владѣльца. Переговоры его съ крестьянами въ имѣніи, съ котораго онъ началъ, продолжались довольно долго; каждый пунктъ предложенныхъ имъ условій обсуждался на сходкахъ, и нѣкоторые изъ нихъ были измѣнены, по требованію крестьянъ: по окончательномъ утвержденіи всѣхъ статей, положено было, въ случаѣ споровъ и недоразумѣній, обращаться къ третейскому разбирательству. Черезъ два года, крестьяне другой деревни, принадлежавшей Хомякову, сами, при мнѣ, приходили просить его, чтобы онъ и ихъ перевелъ на тоже положеніе, и, если я не ошибаюсь, теперь уже во всѣхъ, или почти во всѣхъ, имѣніяхъ его барщина замѣнена оброкомъ.

Вотъ все, что̀ я могъ собрать на-скоро, въ короткое время, въ отвѣтъ на заданный мнѣ вопросъ....

Въ числѣ немногихъ, собравшихся въ Даниловомъ монастырѣ въ день похоронъ, вы, конечно, замѣтили крестьянина въ дубленомъ тулупѣ, который не спускалъ глазъ съ заключеннаго гроба и обливался горючими слезами. Эти слезы краснорѣчивѣе всякаго надгробнаго слова.

Предисловіе къ отрывку изъ записокъ А. С. Хомякова о Всемірной Исторіи *).

Помѣщая въ нашемъ журналѣ первый отрывокъ изъ рукописи, найденной въ бумагахъ покойнаго Алексѣя Степановича Хомякова, мы должны сказать нѣсколько объяснительныхъ словъ о происхожденіи и характерѣ труда, изъ котораго онъ заимствованъ. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что трудъ этотъ отличается не только внутреннею своеобразностью проведеннаго въ немъ воззрѣнія, но и внѣшнею оригинальностью своего построенія, такъ что, не составивъ себѣ предварительнаго объ немъ понятія, трудно бы было читателю стать на надлежащую точку зрѣнія для его оцѣнки, и уяснить себѣ, чего можно отъ него ожидать и чего должно отъ него требовать.

Тому назадъ лѣтъ двадцать, когда историческая будущность Славяно - православнаго міра начала переходить изъ области темныхъ гаданій и поэтическихъ предчувствій въ отчетливое сознаніе, естественнымъ образомъ возникла мысль прослѣдить въ прошедшемъ исторію его образованія, и, такъ сказать, возсоздать его полузабытую генеалогію. Прежде всего,

---

*) Статья эта напечатана во 2-й кн. „Русской Бесѣды“ за 1860 г. въ видѣ предисловія „отъ редакціи“ къ отрывку изъ Записокъ А. С. Хомякова. Она написана Ю. Ѳ. Самаринымъ, что̀ подтверждается слѣдующими словами его въ письмѣ отъ 12 декабря 1860 г. къ К. С. Аксакову: „Мы съ Гильфердингомъ приготовили для послѣдняго нумера Бесѣды отрывокъ изъ „Семирамиды“, къ которому я написалъ небольшое предисловіе“. „Семирамидою“ покойный Хомяковъ въ шутку называлъ свое историческое сочиненіе. *Прим. Изд.*

нужно было отыскать Славянъ и живые слѣды православнаго вѣроученія, болѣе или менѣе затертые позднѣйшими наслоеніями, выдѣлить, изъ разныхъ примѣсей, народныя и религіозныя стихіи и назвать ихъ по имени. Но задача не могла ограничиться опредѣленіемъ внѣшней, осязаемой стороны историческихъ фактовъ. Возникли новые вопросы: къ чему предназначено это, долго непризнанное племя, повидимому осужденное на какую-то страдательную роль въ исторіи? Чему приписать его изолированность и непонятный строй его жизни, неподходящей ни подъ одну изъ признанныхъ наукою формулъ общественнаго и политическаго развитія: тому ли, что оно, по природѣ своей, неспособно къ самостоятельному развитію и только предназначено служить какъ бы запаснымъ матеріаломъ для обновленія оскудѣвающихъ силъ передовыхъ народовъ, или тому, что въ немъ хранятся зачатки новаго просвѣщенія, котораго пора наступитъ не прежде, какъ по истощеніи началъ, нынѣ изживаемыхъ человѣчествомъ? Что̀ значитъ эта загадочная церковь, повидимому задержанная въ своемъ развитіи и какъ бы оставшаяся въ сторонѣ отъ исторіи, съ тѣхъ поръ какъ христіанство на Западѣ распалось на свои два противоположные полюса? Наконецъ, какая таинственная связь соединяетъ эту церковь съ этимъ племенемъ, которое въ ней одной свободно дышетъ и движется, а внѣ ея неминуемо подпадаетъ рабскому подражанію и искажается въ самыхъ коренныхъ основахъ своего бытія? — Очевидно, что на эти вопросы нельзя было искать готовыхъ отвѣтовъ въ трудахъ западныхъ ученыхъ. Если бы мы приняли на вѣру и безоговорочно результаты науки, выработанные въ Германіи, Франціи и Англіи, мы, тѣмъ самымъ, безсознательно подписали бы свой собственный приговоръ и обрекли бы себя, если не къ смерти, то къ историческому ничтожеству и къ вѣчному хожденію чужимъ слѣдамъ. Каждый народъ, въ пониманіи чужой невольно ограничивается предѣлами своего собствен-ѳозерцанія; онъ усвоиваетъ себѣ внутренній смыслъ ленiй, въ которыхъ выражается собственная его лич-которыхъ онъ узнаетъ самого себя, или, по край-пости другихъ народовъ, связанныхъ съ нимъ

единствомъ духовнымъ стремленій; все, что лежитъ внѣ этого круга, естественнымъ образомъ, представляется ему своею отрицательною стороною, и опредѣляется имъ по ощутительному для него отсутствію тѣхъ началъ, въ которыхъ заключается для него цѣль и идеалъ человѣческаго развитія. Такимъ образомъ, воспроизводя прошедшія судьбы человѣчества, изъ всего забираемаго имъ историческаго матеріала, онъ невольно строитъ какъ бы пьедесталъ самому себѣ.

Въ бесѣдахъ своихъ съ молодыми людьми, воспитанниками Московскаго университета, собиравшимися около него, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ часто указывалъ на эту неизбѣжную односторонность готовыхъ выводовъ, заимствованныхъ нами, безъ надлежащей критики, изъ иностранныхъ литературъ; но онъ зналъ, что отвергать выводы науки можно только во имя самой науки, противопоставляя полнѣйшее знаніе знанію неполному или поверхностному, и потому онъ настаивалъ на необходимости обратиться къ источникамъ и по нимъ провѣрить всѣ историческія оцѣнки и сужденія, повторяемыя нами съ чужаго голоса. Подъ его руководствомъ задумано было въ то время обширное изданіе, посвященное изслѣдованіямъ о прошедшихъ судьбахъ и настоящемъ положеніи Славяно-православнаго міра: первый томъ его вышелъ въ свѣтъ подъ названіемъ Славянскаго Сборника, и уже много было заготовлено матеріаловъ для слѣдующихъ выпусковъ; но ранняя кончина главнаго распорядителя работъ, покойнаго Валуева, въ лицѣ котораго Русская наука лишилась незамѣнимаго дѣятеля, положила конецъ этому предпріятію. Тѣсный кружокъ, собравшійся для общаго дѣла, мало-по-малу разсѣялся въ разныя стороны, и Хомяковъ одинъ принялъ изъ рукъ Валуева наслѣдство имъ же задуманнаго труда.

О самомъ ходѣ его работъ, мы еще не могли собрать точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Кажется, онъ началъ съ изученія религіозныхъ сектъ, волновавшихъ православный Востокъ въ первые вѣка христіанства, въ связи съ движеніемъ народовъ, прорывавшихся, съ разныхъ сторонъ, въ предѣлы Римской имперіи; далѣе, попавши на живой слѣдъ восточныхъ религій въ христіанскомъ мірѣ, онъ углубился въ древ-

ность, перешелъ изъ Греціи въ Индію и Египетъ, изъ области богословія и исторіи, въ тѣсномъ значеніи слова, въ область этнографіи и филологіи. Кругъ его изслѣдованій, мало-по-малу расширялся, и, наконецъ, онъ обнялъ весь древній міръ до самыхъ раннихъ воспоминаній рода человѣческаго. Такимъ образомъ, не ограничивая заранѣе предмета своихъ занятій, не задавая себѣ цѣлью сочинить книгу, онъ втягивался въ работу, понемногу, и трудъ его, незамѣтно для него самого, разросся до огромныхъ размѣровъ.

Обыкновенно, отправляясь въ деревню, онъ забиралъ съ собою цѣлую библіотеку лѣтописей, словарей, новѣйшихъ изслѣдованій и путешествій; въ одинъ годъ, изъ-за границы, выписано имъ было книгъ на 10 т. рублей. При необыкновенной силѣ его ума, онъ одолѣвалъ весь этотъ сырой матеріалъ въ теченіе лѣта, осени и начала зимы, и затѣмъ, почти не прибѣгая къ выпискамъ, но полагаясь на свою громадную память, никогда ему не измѣнявшую, онъ заносилъ въ особыя тетради и въ самой сжатой формѣ результаты, выработанные имъ изъ всего прочтеннаго. Такъ въ теченіе, приблизительно, десяти лѣтъ набралось у него два толстыхъ тома изъ 21 мельчайшимъ почеркомъ исписанныхъ тетрадей, обнимающихъ собою всемірную исторію отъ древнѣйшихъ временъ до распаденія Скандинавскаго Сѣвера на отдѣльныя племенныя группы, послѣ полумифическаго царя Гаральда-Гильдетанди, погибшаго въ сраженіи при Бравуллѣ.

Самъ авторъ не озаглавилъ своей работы, и мы рѣшились назвать ее *Записками о Всемірной Исторіи*. Онѣ дошли до насъ въ томъ черновомъ, первобытномъ видѣ, въ какомъ онѣ постепенно разростались подъ его перомъ. Чтобы понять внѣшній ихъ характеръ, необходимо имѣть въ виду, что Алексѣй Степановичъ Хомяковъ велъ эти записки не для публики, а для себя; по этому, онъ заносилъ въ нихъ далеко не все то, что̀ нужно было бы знать читателямъ для точнаго уразумѣнія его мыслей, а только то, что̀ въ собственномъ его представленіи выливалось окончательно въ полное цѣлое, или то, въ чемъ онъ расходился въ мнѣніи съ писателями, которыхъ онъ изучалъ, или, наконецъ, новыя отрывочныя мысли, приходившія ему на умъ, иногда про-

стые намеки, сближенія, даже вопросы или предположенія, требовавшія дальнѣйшей провѣрки.

Едва ли найдется другой трудъ, который бы до такой степени соединялъ въ себѣ два свойства, повидимому противоположенныя: глубокое внутреннее единство основной мысли, при отсутствіи всякаго видимаго единства, всякаго систематическаго порядка въ расположеніи частей и при пестротѣ содержанія, на первыхъ порахъ отталкивающей читателя. Борьба *религіи нравственной свободы* (начала Иранскаго, окончательно осуществляющагося въ полнотѣ божественнаго откровенія, хранимаго православною церковью) *съ религіею необходимости вещественной или логической* (начала Кушитскаго, котораго позднѣйшее и полнѣйшее выраженіе представляютъ новѣйшія философскія школы Германіи), эта борьба, олицетворяющаяся въ вѣроученіяхъ и въ исторической судьбѣ передовыхъ народовъ человѣчества — такова основная тема, связывающая разрозненныя изслѣдованія въ одно органическое цѣлое. При этомъ, въ одной и той же тетради, мы находимъ полный обзоръ какого - нибудь событія или ученія, который бы могъ, почти безъ всякой передѣлки, занять мѣсто въ оконченномъ трудѣ; рядомъ—цѣлыя страницы филологическихъ корней и самыхъ дробныхъ розысканій о смѣшеніи нарѣчій, о превращеніи словъ и понятій, при переходѣ ихъ отъ одного народа къ другому; наконецъ, отрывочныя замѣчанія, взгляды, брошенные въ сторону, иногда забѣгающіе далеко впередъ, въ другую историческую среду, по поводу какого - нибудь нечаянно промелькнувшаго сближенія. Все это слѣдуетъ къ ряду, одно за другимъ, безъ раздѣленія на главы или періоды, безъ ссылокъ и указаній источниковъ, безъ краткихъ повтореній пройденнаго, безъ приготовительныхъ вступленій, и вообще безъ всѣхъ тѣхъ общепринятыхъ пріемовъ и условій, которыми облегчается изученіе труда, предназначеннаго для публики. Дѣло въ томъ, что авторъ никогда и не думалъ издавать свои Записки; онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на неистощимый запасъ матеріаловъ, отчасти уже переработанныхъ, котораго достало бы на нѣсколько книгъ или на цѣлую серію статей, и изъ котораго онъ намѣревался, въ свободное время, извлекать для печати от-

дѣльныя части, подвергая ихъ предварительному пересмотру и окончательной обработкѣ. Такъ изслѣдованія о ересяхъ въ православной церкви послужили ему для полемико-богословскихъ брошюръ, изданныхъ имъ за границею на Французскомъ языкѣ и доселѣ еще мало извѣстныхъ нашей публикѣ; другой отрывокъ, о династіи Меровинговъ, онъ хотѣлъ обработать въ видѣ отдѣльной статьи для „Русской Бесѣды", но въ послѣдніе годы вниманіе его было обращено на другіе предметы. Ему не было суждено не только довести до конца великій, задуманный имъ трудъ, но даже воспользоваться тѣмъ, что̀ уже было имъ исполнено; а чего онъ не успѣлъ совершить, того, конечно, не возьметъ на себя никто. Мы можемъ только сохранить для потомства богатое наслѣдство его мысли въ томъ видѣ, въ какомъ оно до насъ дошло.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ обширномъ, многосложномъ и окончательно непровѣренномъ трудѣ, каковы Записки Хомякова, найдутся недосмотры, ошибки, противорѣчія и произвольныя, а еще чаще неоправданныя догадки; на нихъ укажутъ, ихъ исправятъ спеціалисты, коротко знакомые съ источниками, и въ тоже время, мы въ этомъ не сомнѣваемся, они оцѣнятъ по достоинству великій ученый подвигъ покойнаго автора. Представители ремесленности въ наукѣ, не находя на его трудѣ своего цеховаго штемпеля, отвернутся отъ него съ пренебреженіемъ; одно отсутствіе раздѣленія на главы и рубрики надолго доставитъ поживу самодовольной критикѣ; мы предоставляемъ ей это легкое торжество надъ трудомъ, который, въ этомъ отношеніи, является передъ нею безоружнымъ; большинство читателей найдетъ въ немъ чтеніе, конечно, не легкое, но которое съ избыткомъ вознаградитъ всякое усиліе мысли. За послѣднее можно смѣло поручиться.

Въ непродолжительномъ времени, друзья покойнаго Хомякова надѣются приступить къ изданію всѣхъ его сочиненій. Два рукописныхъ тома „Записокъ о Всемірной Исторіи" составятъ отъ четырехъ до пяти томовъ печатныхъ. Помѣщаемый въ этомъ № отрывокъ взятъ изъ тетрадей 16 и 17-й и занимаетъ въ подлинникѣ менѣе 20 страницъ.

Гарибальди и Піемонтское правительство *).

Въ трагической коллизіи, обагрившей Италію, кого винить? Правительство, которому цѣлый народъ ввѣрилъ свою судьбу, правительство, отвѣтственное передъ своимъ народомъ и передъ всею Европою, очевидно, не могло увлечься восторженнымъ порывомъ малочисленной дружины и ринуться, зажмуривъ глаза, въ темную область неизвѣстнаго. Но не могло ли оно, по крайней мѣрѣ, задержать этотъ порывъ до времени, не прибѣгая къ силѣ, успокоить взволнованныя

---

*) Въ сентябрѣ 1862 года, послѣ трехмѣсячнаго перерыва, должна была снова начать выходить газета „День", но уже подъ отвѣтственною редакціею Ю. Ѳ—ча, хотя онъ въ то время жилъ въ Самарѣ и служилъ тамъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а „День" выходилъ въ Москвѣ (вслѣдствіе этого №№ отъ 35 до 52 и вышли безъ подписи дѣйствительнаго редактора-издателя И. С. Аксакова). Будучи занятъ исключительно крестьянскимъ дѣломъ, но желая тѣмъ не менѣе принять участіе въ газетѣ, которая начинала выходить подъ его отвѣтственною редакціею, Ю. Ѳ—чъ прислалъ, для напечатанія въ первомъ нумерѣ, нѣсколько словъ, написанныхъ имъ по поводу полученнаго извѣстія о пораженіи, нанесенномъ при Аспромонте Піемонтскою арміею Итальянскимъ дружинамъ, которыя, подъ предводительствомъ Гарибальди, пытались освободить Римъ отъ папскаго владычества, опиравшагося на Французскіе штыки, и возвратить возрождавшейся Италіи ея древнюю столицу. Попытка эта, какъ извѣстно, не удалась: Гарибальди былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, ополченіе его было разбито; но только черезъ восемь лѣтъ послѣ того удалось Піемонтскому правительству разрѣшить ту задачу, выполненіе которой стало, по выраженію Ю Ѳ—ча, „нравственною обязанностію для побѣдителя". Замѣтка эта была напечатана въ № 35 „Дня" 1 сентября 1862 года въ Славянскомъ отдѣлѣ и вставлена, съ обозначеніемъ, что она прислана однимъ изъ сотрудниковъ, въ статью И. С. Аксакова о Гарибальди, Сербіи и Черногоріи.

Примѣч. изд.

страсти и приберечь дорогую для Италіи кровь? Странно бы было изъ Москвы предпринимать ревизію надъ Піемонтскимъ министерствомъ, придумывать для него программу и уличать его въ ненаходчивости, когда, конечно, оно было заинтересовано болѣе, чѣмъ кто-нибудь въ предупрежденіи междоусобной схватки. Къ тому же мы знаемъ, что, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, убѣжденія, предостереженія, уступки, ласки, угрозы, словомъ всѣ средства были употреблены въ дѣло, къ несчастью, безъ успѣха. Когожъ винить? Винить ли Гарибальди за то, что народная волна, поднявшая его на высоту историческаго дѣятеля, не улеглась передъ холмами Рима и лагунами Венеціи? Винить ли его за то, что сердце его и вся Италія твердили: *мало*, когда императоръ Французовъ рѣшилъ про себя, что *довольно*. Наконецъ, винить ли его за то, что онъ не измѣнилъ своей вѣрѣ, той вѣрѣ, которая наканунѣ воскресила его родину, передъ этимъ подняла изъ гроба Грецію и рано или поздно воскреситъ Славянъ?

Двѣ силы правятъ судьбами народовъ: творческая сила безотчетнаго вдохновенія, пробивающая для исторіи новые пути, раздвигающая ея поприще, вводящая новыхъ дѣятелей на смѣну старыхъ,—и сила умѣряющаго разсчета, приводящая въ стройность и закрѣпляющая плоды народнаго творчества. Бываютъ минуты, когда желанное равновѣсіе между этими двумя силами нарушается, вслѣдствіе цѣлой совокупности непредотвратимыхъ условій, завѣщанныхъ настоящему отжившими поколѣніями. Въ подобныхъ случаяхъ жертвы неизбѣжны. Хотя старая поговорка и гласитъ: горе побѣжденнымъ; но дѣло въ томъ, что въ историческихъ тяжбахъ побѣда не всегда остается на сторонѣ того, кто удерживаетъ за собою поле битвы и подбираетъ добычу. Часто окончательное торжество дѣла требуетъ цѣлаго ряда пораженій. Вспомнимъ, сколько частныхъ возстаній, неудачныхъ порывовъ къ свободѣ и безразсчетныхъ вспышекъ, залитыхъ кровью, должна была явить Греція, какъ бы въ доказательство своей живучести, прежде чѣмъ она одолѣла долготерпѣливое равнодушіе Европы и завоевала ея сочувствіе. Можетъ быть, тѣмъ же путемъ, усѣяннымъ развалинами и трупами, пред-

стоитъ теперь пробиваться и другимъ племенамъ. Можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ, пораженіе Гарибальди подвинетъ дѣло окончательнаго возстановленія независимой Италіи въ ея естественныхъ границахъ успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ случайная удача. Побѣда, одержанная Піемонтскимъ правительствомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя налагаютъ на побѣдителя нравственную обязанность оправдать свое торжество передъ побѣжденнымъ, и потому, окончено ли политическое поприще Гарибальди или нѣтъ, правительство вынуждено будетъ принять отъ него, признать своимъ и поднять еще выше знамя, выпавшее изъ его рукъ.

———

С. Т. **Аксаковъ** и его литературныя произведенія *).

Прежде, чѣмъ я приступлю къ чтенію отрывка изъ „Семейной Хроники“ Аксакова, прошу позволенія сказать нѣсколько словъ о покойномъ авторѣ этой книги. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ и какъ человѣкъ, и какъ писатель. Первое, чтò въ немъ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе—это необыкновенно-поздній разцвѣтъ его литературной дѣятельности. Талантъ его чистый самородокъ, даръ природы, а вовсе не плодъ образованія, изученія и труда; между тѣмъ всѣ капитальныя, серьезныя произведенія его, тѣ, которыми онъ пріобрѣлъ всеобщее, никѣмъ не отрицаемое сочувствіе публики, писаны имъ на исходѣ шестаго десятка. Правда, литературу и театръ онъ любилъ страстно въ лѣта своей молодости, постоянно читалъ всѣ Русскіе журналы, съ горячимъ участіемъ слѣдилъ за всѣми литературными спорами и даже иногда принималъ въ нихъ скромное участіе; но первыя литературныя попытки его, чуждыя всякаго притязанія на успѣхъ, остались незамѣченными, да и не заслуживали вниманія. Страннымъ теперь покажется, что, въ молодости своей, авторъ „Записокъ Ружейнаго Охотника“, „Семейной Хроники“ и „Дѣтскихъ годовъ Багрова—внука“ передѣлалъ на Русскіе нравы для Московской сцены два-три Французскіе водевиля

*) Читано на публичномъ литературномъ вечерѣ въ Самарѣ въ то время, какъ Ю. Ѳ. состоялъ тамъ на службѣ въ должности члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, слѣдовательно между 1861—1863 г. Статья эта печатается съ черновой рукописи. *Прим. изд.*

и написалъ двѣ или три журнальныя статейки, кажется въ „Телескопѣ“, въ самый разгаръ его литературной войны съ „Телеграфомъ“ Полеваго. Перечитывая эти первые опыты, не только нельзя предугадать по нимъ позднѣйшаго развитія могучаго таланта, а скорѣе можно бы было найти въ нихъ признаки безплоднаго и мелкаго литературнаго дилетантизма. Отчего же такъ поздно и подъ какимъ вліяніемъ С. Т. Аксаковъ познать себя и явилъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по природѣ своей? Дѣло въ томъ, что ему, какъ истинному художнику, нужна была сочувственная среда, настроенная къ воспріятію тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ могъ ей дать. Чтò бы ни говорили о самостоятельности художества, мнѣ кажется, нѣтъ сомнѣнія, что художникъ не можетъ обойтись безъ сочувствія публики и творить для одного себя или для потомства. Ему необходимо это сочувствіе и какъ вдохновляющая сила, и какъ повѣрка искренности его вдохновенія. А этого-то условія и не доставало С. Т. Аксакову въ его молодости. Двадцатые, тридцатые года теперь ужъ далеко ушли отъ насъ; но вспомните то время, когда литературнымъ движеніемъ заправлялъ Полевой, когда споры о романтизмѣ и классицизмѣ играли ту же роль, какую играетъ теперь вопросъ о древней и новой Руси, о значеніи народа и народности, и другіе, возникшіе изъ живаго ощущенія нашихъ собственныхъ домашнихъ недуговъ,—и тогда вы поймете, что въ тѣ времена не могло придти въ голову подѣлиться съ публикою воспоминаніями о природѣ Заволжскаго края, о нашихъ степяхъ и займищахъ, о томъ, чтò творится въ курной избѣ, чему тамъ радуются, чего ждутъ и о чемъ горюютъ...

Понятно, что С. Т. Аксаковъ самъ не подозрѣвалъ ни своего призванія, ни глубокаго значенія тѣхъ сокровищъ, которыя хранились въ его памяти. Чтобы открыть ему глаза и вызвать къ жизни его самородный, свѣжій талантъ, нуженъ былъ поворотъ въ общественномъ сознаніи, извѣстный у насъ подъ названіемъ славянофильства, названіемъ, которое почему-то казалось когда-то очень смѣшнымъ тѣмъ, которые не понимали или не хотѣли понять его. Можно сказать, что это направленіе общественной мысли началось въ домѣ С. Т.

Аксакова, въ кругу самыхъ близкихъ его друзей и почти ежедневныхъ гостей его. Прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ пробужденію въ немъ сознанія его литературнаго призванія—Гоголь. Послѣ Пушкина, ничьимъ мнѣніемъ Гоголь такъ высоко не дорожилъ, какъ мнѣніемъ Сергѣя Тимоѳеевича. Весь первый томъ „Мертвыхъ Душъ" былъ прочитанъ ему авторомъ по нѣскольку разъ, съ глазу на глазъ, или въ присутствіи двухъ или трехъ близкихъ къ нимъ обоимъ людей. Читая, Гоголь безпрестанно взглядывалъ на Сергѣя Тимоѳеевича и слѣдилъ за каждымъ выраженіемъ сочувствія или несочувствія на его лицѣ. Между тѣмъ, я почти никогда не слыхалъ между ними продолжительныхъ бесѣдъ о достоинствѣ или недостаткѣ той или другой главы „Мертвыхъ Душъ". Богъ вѣдаетъ какъ они переговаривались или перемигивались, но дѣло въ томъ, что они другъ друга понимали насквозь. Громадный успѣхъ „Мертвыхъ Душъ" и необыкновенное уваженіе Гоголя къ эстетическому чутью Сергѣя Тимоѳеевича были для него какъ бы откровеніемъ его собственнаго таланта. Я помню съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ, уставивъ въ него глаза, Гоголь по цѣлымъ вечерамъ вслушивался въ разсказы Сергѣя Тимоѳеевича о Заволжской природѣ и о тамошней жизни. Онъ упивался ими, и на лицѣ его видно было такое глубокое наслажденіе, котораго онъ и самъ не въ состояніи былъ бы выразить словами. Гоголь присталъ къ Сергѣю Тимоѳеевичу и потребовалъ отъ него, чтобы онъ взялся за перо и записалъ свои воспоминанія. Сначала Сергѣй Тимоѳеевичъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ, даже почти обижался; потомъ, мало-помалу Гоголю удалось его раззадорить. Не говоря никому ни слова, онъ принялся за самую скромную часть своихъ воспоминаній, то-есть за уженіе и за весь подводный міръ, и такимъ образомъ онъ прошелъ всѣ царства природы, отъ рыбъ перешелъ къ птицамъ, отъ птицъ къ людямъ. Гоголь слѣдилъ за его работой съ необыкновеннымъ участіемъ. Уѣзжая за границу, онъ потребовалъ, чтобы Сергѣй Тимоѳеевичъ пересылалъ ему въ Римъ корректурные листы своихъ „Записокъ Ружейнаго Охотника"; самъ онъ въ то время работалъ надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ", и я помню, что

разъ онъ писалъ Сергѣю Тимоѳеевичу: „Дай Богъ, чтобы мои мертвецы вышли бы такъ живы, какъ ваши кулички"... Къ этому я прибавлю отзывъ другаго знатока. И. С. Тургеневъ писалъ о Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ: „Его описаніе природы дѣйствуетъ на меня такъ же освѣжительно, какъ сама природа... Выше этой похвалы я не знаю".

Единовременно другое вліяніе сильно содѣйствовало развитію таланта Сергѣя Тимоѳеевича. Это — вліяніе его старшаго сына, одного изъ даровитѣйшихъ двигателей народной мысли, той мысли, которая встрѣчена была съ насмѣшкою и пренебреженіемъ и процентами съ которой пробавляется теперь вся здоровая половина нашей современной литературы. Старшій сынъ Сергѣя Тимоѳеевича, Константинъ, имъ самимъ воспитанный, обученный и приготовленный къ вступленію въ университетъ, почти безъ всякой посторонней помощи, возвелъ въ сознаніе и оправдалъ въ глазахъ Сергѣя Тимоѳеевича то глубокое сочувствіе къ Русской народной жизни, которое было въ немъ природнымъ свойствомъ, но которому онъ самъ не вѣдалъ цѣны. Сергѣй Тимоѳеевичъ преобразился. Тѣсныя понятія, предубѣжденія, недовѣрчивость къ собственному сочувствію, все это мало-по-малу отъ него отпало, а что̀ въ немъ дремало и таилось долго подъ спудомъ наконецъ пробудилось къ ясному сознанію и къ творчеству. Старые его пріятели, товарищи его молодости, остановившіеся на понятіяхъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, не узнавали его и досадовали на него: зачѣмъ онъ поддается непонятному для нихъ вліянію. Сергѣй Тимоѳеевичъ долго, съ добродушною улыбкою, слушалъ ихъ упреки и насмѣшки; наконецъ, разъ, выведенный изъ терпѣнія, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами, которыя поразили меня своею глубокою мудростію: „Вы думаете уколоть меня вліяніемъ Константина! Такъ знайте же, что глупъ тотъ отецъ, который, воспитавъ своего сына, потомъ самъ не перевоспитается отъ него!"

Въ сочиненіяхъ Сергѣя Тимоѳеевича трудно найти какое-либо отдѣльное мѣсто, которое бы выдавалось изъ ряду по особенной своей яркости и могло бы быть указано, какъ полнѣйшее выраженіе его таланта. Я въ этомъ убѣдился, пере-

листывая ихъ вчера. Все въ нихъ равно хорошо, все выдержано, все цѣльно, но ничто не бросается въ глаза. Отрывокъ, который я прошу позволенія вамъ прочесть, взятъ изъ воспоминаній дѣтства: это—первая встрѣча мальчика съ Заволжскою природою и съ деревенскимъ бытомъ. О достоинствѣ разсказа я не буду распространяться: оно давно всѣми признано и оцѣнено; но я позволю себѣ обратить ваше вниманіе только на одну черту. Нѣтъ ничего труднѣе воспроизведенія дѣтства вообще. Оно рѣдко кому удается. Обыкновенно намъ выводятъ на сцену не дѣтей, какъ они есть, а дѣтей, какими они представляются взрослымъ людямъ; отъ этого мы получаемъ *наблюденія* надъ дѣтьми, часто вѣрныя, живыя, даже глубокія, но все же только наблюденія со стороны, а не воспроизведеніе дѣтской жизни. Сколько мнѣ извѣстно, только двумъ писателямъ, Диккенсу и Аксакову, удалось разрѣшить эту трудную задачу, то-есть: совлечь съ себя взрослаго человѣка, перенестись въ душу ребенка и передать, какъ отражаются въ ней впечатлѣнія внѣшняго міра и постепенно складываются въ понятія... Вотъ главная отличительная черта и главное достоинство этого простаго, безъискусственнаго и высоко-художественнаго разсказа. Прибавлю еще два слова. Мнѣ кажется, что мало одного таланта для того, чтобы постигнуть и воспроизвести дѣтскій міръ. Вѣрное пониманіе и живое ощущеніе дѣтства дается только тому, кто самъ въ своей внутренней жизни умѣлъ сохранить простоту дѣтства и теплоту молодости, пріобрѣтя трезвую мудрость старости. Именно этимъ рѣдкимъ сочетаніемъ свойствъ, повидимому несовмѣстимыхъ, личность Сергѣя Тимоѳеевича привлекала къ себѣ неотразимо всеобщее почтеніе и сочувствіе.

По поводу мнѣнія Русскаго Вѣстника о занятіяхъ философіею, о народныхъ началахъ и объ отношеніи ихъ къ цивилизаціи [1]).

Замѣтка „Русскаго Вѣстника" о статьѣ „Роковой вопросъ", напечатанная въ майской книжкѣ, должна была обратить на себя вниманіе по многимъ причинамъ и совершенно независимо отъ обстоятельства, ее вызвавшаго. Въ ней, едва ли не въ первый разъ, такъ опредѣлительно выразились отношенія этого журнала къ нашей публикѣ и взглядъ его на нѣкоторые общіе вопросы, которые онъ до сихъ поръ осторожно обходилъ.

Поводомъ, какъ извѣстно, послужила статья [2]), которой мы не беремся ни разбирать, ни опровергать, ни оправдывать. Она возбудила въ нашей публикѣ негодованіе, доселѣ небывалое, и „Русскій Вѣстникъ" поспѣшилъ принять это новое заявленіе общественнаго мнѣнія подъ свое покровительство....

Всѣ говорившіе до сихъ поръ о Русской цивилизаціи, по отношенію къ Западной, различали, вопервыхъ, степень развитости цивилизаціи, ея возрастъ—отъ ея содержанія, опреляющаго ея достоинство; вовторыхъ, различали цивилизацію наносную, заемную, отъ цивилизаціи какъ органическаго и своеобразнаго продукта народной жизни.

Едвали нужно доказывать важность этихъ различеній. Когда послѣ вознесенія Сына Божьяго, малое стадо Апостоловъ

---

1) Напечатано въ № 36 „Дня" 7 сентября 1863 года.

2) Статья г. Страхова „Роковой вопросъ (замѣтка по поводу Польскаго вопроса)," съ подписью „Русскій", была помѣщена въ апрѣльской книжкѣ 1863 г. журнала „Время", который подвергся за нее запрещенію.

Прим. изд.

оставалось на землѣ представителемъ новаго просвѣтительнаго начала, долженствовавшаго обновить человѣчество,— христіанская цивилизація, не имѣвшая еще ни выработанной догматики, ни полнаго устройства церковнаго, безъ всякаго сомнѣнія, была менѣе развита, чѣмъ юдаизмъ. Когда Германскія племена ворвались въ предѣлы Римской имперіи, они были въ отношеніи къ Римлянамъ въ полной силѣ варварами; но именно потому-то и началась отъ нихъ новая историческая эра, что своеобразность народной жизни не подчинилась высшему развитію иной цивилизаціи, а сохранила вѣру въ свои инстикты, хотя въ то время наука не имѣла для нихъ ни формулъ, ни оправданій. Всякое творчество, личное и народное, всякое движеніе впередъ предполагаетъ непремѣнно вѣру въ силы, еще не проявленныя, именно *вѣру*, то-есть живое извѣщеніе чаемаго, способность предчувствовать будущій фактъ въ тѣхъ внутреннихъ побужденіяхъ, которыя должны въ немъ выразиться. Поэтому, когда Русскіе цивилизованные люди, съ самодовольной улыбкой искушенной мудрости, говорятъ: „да гдѣ же эти пресловутыя народныя начала, покажите ихъ, дайте ощупать и взвѣсить, тогда и мы охотно имъ повѣримъ"—они этимъ заявляютъ только свою неспособность къ участію въ народномъ творчествѣ и добровольно, какъ бы выписываясь изъ среды своего народа, становятся къ нему въ отношеніи стороннихъ зрителей. Тѣ также не откажутся отъ признанія, когда все будетъ высказано, проявлено и доказано.

Различеніе цивилизаціи заемной и наносной отъ самородной также вполнѣ основательно. Типическое выраженіе первой мы видимъ теперь въ лицѣ молодаго поколѣнія Турокъ, довершившихъ свое воспитаніе въ Парижѣ, — молодой Турціи, исповѣдующей попрежнему исламизмъ или не исповѣдующей никакой вѣры, болтающей на трехъ Европейскихъ языкахъ, усвоившей себѣ все, что можно *перенять*, глубоко презирающей свою родину и совершенно неспособной принести ей какую бы то ни было пользу. [illegible], въ статьѣ, на которую ополчился „Вѣстникъ", [illegible]но не было выяснено понятіе цивилизаціи вообщ[illegible]мыхъ неопредѣленныхъ и сбивч[illegible] те по-

нятія болѣе тѣсныя, изъ которыхъ оно слагается. Слѣдовало оговорить, вопервыхъ, что подъ словомъ цивилизація подразумѣвается не одно накопленіе сознанныхъ фактовъ, не одно обогащеніе человѣческаго опыта и не одно усовершенствованіе внѣшнихъ условій жизни, ибо все это всегда и вездѣ перенимается и заимствуется; вовторыхъ, что бо̀льшая или меньшая плодотворность и живучесть нача̀ла, правила или учрежденія не зависитъ исключительно отъ внѣшнихъ условій, сопровождавшихъ его принятіе; что, осуждая въ народной цивилизаціи *заемное*, мы разумѣемъ не все то, что̀ прежде явилось у другихъ народовъ и отъ нихъ заимствовано, а только то, что̀ сохранило характеръ заемности, характеръ чужаго, что̀ не было и не могло быть усвоено народнымъ организмомъ, не претворилось въ его плоть и кровь, потому ли, что это заемное представляло собою не болѣе, какъ выводъ изъ данныхъ, не перенесенныхъ въ жизнь, или что оно по существу своему было противно организму, къ которому прививалось. Но дѣло въ томъ, что и „Русскій Вѣстникъ“ этого всего не выяснилъ. Мы узнаемъ, что г. Страховъ „причисляетъ себя къ послѣдователямъ Гегелевой философіи, *давно умершей, похороненной и всѣми забытой* (?)“. Это приводитъ редакцію въ негодованіе: „Не печальное ли это явленіе!“ восклицаетъ она. „Люди занимаются сами не зная чѣмъ, сами не зная зачѣмъ. Богъ знаетъ какимъ образомъ, вдругъ возникаютъ у насъ разныя направленія, ученія, школы, партіи. Какія дѣйствительныя причины могли бы возбудить у насъ въ человѣкѣ потребность не вымышленную, а серьезную, заниматься Гегелевскою философіею, и что̀ значатъ эти занятія, ничѣмъ не вызываемыя, ничѣмъ не поддерживаемыя, ни къ чему не клонящіяся, ни къ чему не ведущія? Съ какими преданіями они связываются, къ чему они примыкаютъ, на чемъ стоятъ? И дѣйствительно ли развился у насъ такъ широко философскій интересъ, что у насъ могутъ являться спеціалисты по разнымъ Нѣмецкимъ системамъ? Какой смыслъ представляетъ изъ себя Русскій человѣкъ, становящійся послѣдователемъ системы, выхваченной изъ цѣлаго ряда Нѣмецкихъ системъ, и отдѣльно не имѣющей никакого значенія ни у себя дома, ни для посторонняго наблюдателя?“ Если бы мы

не сами прочли эти строки, а кто-нибудь сказалъ бы намъ, что онѣ нашли мѣсто въ журналѣ, выходящемъ подъ редакціею бывшаго профессора Московскаго университета, преподававшаго психологію, и при постоянномъ сотрудничествѣ другаго профессора-филолога, мы приняли бы этотъ слухъ за пошлую клевету. Въ самомъ дѣлѣ, почему же именно *у насъ* никакая дѣйствительная причина не можетъ возбудить въ комъ бы то ни было искренней потребности заняться философіею вообще и Гегелевскою въ особенности? Мы думали до сихъ поръ, что это потребность довольно общая, сродная человѣку вообще. Начало философіи—въ актѣ самосознанія, въ различеніи *я* отъ *не я*; отсюда — потребность постигнуть законъ мышленія и воли, отношеніе ихъ къ объективному міру, отношеніе свободы къ необходимости, понятія къ явленію. Философія началась вмѣстѣ съ человѣкомъ и въ развитіи своемъ предшествовала обособленію другихъ сферъ знанія въ самостоятельныя науки. Въ томъ-то и заключается грубѣйшая ошибка новѣйшихъ преобразователей нашей системы воспитанія, что они воображаютъ себѣ, вопреки опыту всѣхъ вѣковъ и народовъ, будто-бы вопросъ о происхожденіи грома, молніи и паровъ ближе къ человѣку, раньше въ немъ возникаетъ, чѣмъ вопросы о разумѣ и о совѣсти. Отчего же намъ, Русскимъ, неприлично, не приходится заниматься философіею, то-есть останавливаться на тѣхъ коренныхъ задачахъ, разрѣшеніемъ которыхъ обусловливается весь строй человѣческихъ понятій? Кажется, что, не выходя даже изъ области совершившихся фактовъ, присматриваясь къ внѣшнему ходу нашего просвѣщенія, которое „Русскій Вѣстникъ" такъ заботливо прикрываетъ своимъ могучимъ крыломъ (какъ будто-бы кто-нибудь намѣревался растерзать его), не трудно бы было убѣдиться, что, за исключеніемъ Германіи можетъ быть, нигдѣ въ Европѣ философія не встрѣчала такого сочувствія и не имѣла такого значительнаго вліянія на образованіе вообще, какъ именно у насъ, въ нашихъ университетахъ и академіяхъ. Въ этомъ отношеніи, мы не только не отстали отъ Франціи и Англіи, а опередили ихъ. Это что нибудь да значитъ. Начиная съ родоначальника науки въ Россіи, начиная съ Ломоносова

носиться къ философіи съ живымъ участіемъ. Нужно ли напоминать „Русскому Вѣстнику" о томъ времени, когда профессоръ Павловъ и нѣкоторые изъ его товарищей увлекали своихъ слушателей, указывая имъ на новые горизонты мысли, открытые Шеллингомъ, и о позднѣйшемъ, намъ всѣмъ болѣе памятномъ времени, когда другое поколѣніе профессоровъ внесло въ университетъ новый взглядъ, осмысленный философіею Гегеля? Цѣлые курсы, такъ сказать, заражались ею, именно заражались, то-есть подчинялись ея вліянію, принимали на вѣру ея выводы, не подвергая строгой критикѣ основныхъ ея началъ. Одинъ изъ даровитѣйшихъ ея противниковъ, покойный Кирѣевскій, который дѣйствительно глубоко изучилъ ее, не безъ основанія называлъ тогдашнихъ молодыхъ Гегельянцевъ людьми, давшими себѣ слово не читать самого Гегеля, а довольствоваться тѣмъ, что объ немъ писалось или говорилось. Нашелся, однако, человѣкъ, который, какъ заявляетъ „Русскій Вѣстникъ", спеціально изучилъ философію Гегеля и не бросилъ ея, когда прошла на нее мода, и на него-то именно, къ удивленію, и обрушился гнѣвъ редакціи. „Русскій Вѣстникъ" относится съ какимъ-то особеннымъ пренебреженіемъ къ нашимъ философскимъ школамъ и партіямъ, потому, повидимому, что ихъ возникновеніе и смѣна однихъ другими представляются ему явленіями совершенно случайными, не имѣющими у насъ корня. Мы не ожидали этого именно отъ „Русскаго Вѣстника". Преемство философскихъ системъ зависитъ не отъ внѣшнихъ, историческихъ условій, а выражаетъ собою послѣдовательное движеніе человѣческой мысли, обыкновенно переходящей отъ одного односторонняго опредѣленія къ другому противоположному, и потомъ стремящейся примирить обѣ крайности. Правда, что это развитіе совершалось не у насъ, а въ Германіи, что въ этомъ выражалась особенная, прирожденная Германскому духу сила, участіе Германской народности въ развитіи общечеловѣческой науки, и что преемство философскихъ понятій у насъ, въ Россіи, было только отраженіемъ этого развитія; но что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Развѣ не то же самое мы видимъ и въ ходѣ другихъ наукъ; развѣ, напримѣръ, въ области политической экономіи, находящейся въ гораздо тѣснѣйшей

связи съ мѣстными, бытовыми условіями. смѣна протекціонизма системою фритредеровъ у насъ, въ Россіи, не была точно такимъ же случайнымъ явленіемъ, котораго разгадка не въ нашей жизни, а въ экономическомъ развитіи Англіи? Да и давно ли „Русскій Вѣстникъ“ началъ такъ строго относиться въ области науки ко всему заемному, не обусловленному народною жизнью и не имѣющему въ ней корня? Противополагая значеніе философіи въ Германіи ея значенію въ Россіи, допуская ея законность и необходимость тамъ и отрицая даже потребность въ ней у насъ, не склонился ли онъ съ разумнымъ жаромъ новообращеннаго къ мнѣнію объ участіи народности въ развитіи науки? Мы было это подумали; но въ той же статьѣ мы прочли, „что всѣ другъ у друга заимствуютъ, всѣ другъ у друга учатся, что кто бы ни помогъ намъ выучиться—это всеравно“ и т. д. На чемъ же, наконецъ, остановиться и чему вѣрить?

По мнѣнію „Русскаго Вѣстника“, послѣдователь не одной только Гегелевской философіи, но какой бы то ни было философской системы, представляетъ собою въ Россіи какое-то безобразное, дикое явленіе; но хотя бы даже приговоръ этотъ относился къ однимъ Гегельянцамъ, онъ былъ бы одинаково легкомысленъ. Система Гегеля, говорятъ намъ, „давно умерла, похоронена и всѣми забыта“. Подумаешь, что дѣло идетъ о какихъ-нибудь брошкахъ или наколкахъ. Да неужели въ самомъ дѣлѣ, и въ области отвлеченнаго мышленія, отступленіе отъ моды такъ же непростительно, какъ и въ нарядахъ, и точно ли система, довольно долго направлявшая, за немногими исключеніями, развитіе человѣческой мысли, могла умереть безслѣдно, не оставивъ по себѣ никакого наслѣдства и такъ-таки просто исчезнуть изъ человѣческой памяти? Гегеля теперь читаютъ немногіе, это правда; но можно ли сказать тоже, именно у насъ, о его послѣдователяхъ крайней лѣвой стороны, съ Фейербахомъ и Максомъ Штирнеромъ включительно? Если мы вникнемъ въ происхожденіе школы матеріалистовъ, которой, къ несчастію, нельзя еще отнести къ числу умершихъ и отні обнаружится ли намъ тѣсная ея зависимость имеі истемы Гегелевской? Обыкновенно, возрожденіе й половинѣ

XIX вѣка объясняютъ громадными завоеваніями и открытіями естественныхъ наукъ; но въ этомъ только *поводъ*, а не *логическое оправданіе*. Успѣхи естественныхъ наукъ могли внушить особенно-высокое понятіе о пріемахъ, ими употребляемыхъ, переходящее въ какое-то пренебреженіе къ другимъ способамъ познаванія, такъ сказать—пріучить къ безусловной вѣрѣ въ безошибочность зрѣнія, осязанія, слуха и выводовъ, основанныхъ на данныхъ, этими путями приводимыхъ въ сознаніе. Но повторяемъ, этимъ только обусловливалось субъективное предрасположеніе къ матеріализму, подготовлялась для него воспріимчивая почва. Самъ же по себѣ, какъ ученіе, матеріализмъ вовсе не вытекаетъ изъ естественныхъ наукъ. Физіологія, химія, физика говорятъ намъ, каждая въ своей области: вотъ, что̀ мы высмотрѣли, взвѣсили, ощупали, измѣрили и разложили. А матеріализмъ прибавляетъ: и, кромѣ этого, ничего нѣтъ; все остальное (для чего, однако, на человѣческомъ языкѣ существуютъ слова) не существуетъ вовсе. Очевидно, что естественныя науки отнюдь не причастны въ этомъ выводѣ. Онъ объясняется инымъ. Оторвавшись отъ ученія о свободно-творящемъ духѣ, Гегель по своему идентифировалъ знаніе съ бытіемъ, признавъ только то бытіе дѣйствительнымъ, которое оказывалось разумнымъ, то-есть оправдывалось какъ проявленіе моментовъ духа, по закону логической необходимости стремящагося къ полнотѣ самосознанія. Но этимъ путемъ можно было вывести и оправдать только *возможность* или *необходимость*, а не самое бытіе явленія. Отъ міра явленій, съ которымъ онъ не совладалъ, Гегель думалъ отдѣлаться окрестивъ его презрительнымъ названіемъ случайности, и такимъ образомъ весь этотъ міръ, не уложившись въ его системѣ, такъ сказать, выпалъ изъ нея. Понятно, послѣ этого, что по общему закону логическаго возмездія, матеріализмъ взялся за обиженнаго, заступился за него и, не выходя изъ круга понятій Гегелевской философіи, нашелъ оправданіе самосущности матеріи въ томъ же законѣ необходимости, только не логической, а вещественной. Мы знаемъ напередъ, что все это, въ глазахъ многихъ, пустыя отвлеченности, безплодная игра фантазіи, наборъ словъ и т. д.; но такое генеральское пренебреженіе

къ усиліямъ мысли, внѣ области дипломатическихъ нотъ и финансовыхъ комбинацій, даже не представляетъ ручательствъ за сильное развитіе практическаго смысла. А между тѣмъ, не этимъ ли моднымъ пренебреженіемъ объясняется отчасти одно изъ самыхъ прискорбныхъ явленій нашей современности, а именно, что направленіе мысли и образованіе молодыхъ учащихся поколѣній ускользнуло изъ рукъ присяжныхъ служителей науки и въ ихъ глазахъ было подхвачено другими? Редакторъ „Русскаго Вѣстника“ (мы обращаемъ его къ нашимъ общимъ воспоминаніямъ) согласится, что въ прежнее время было не такъ.

Занятія философіею, говорятъ еще, у насъ *ни къ чему не ведутъ*; но вопросъ въ томъ, кто къ чему идетъ? Конечно, нѣтъ надобности изучать Гегеля, чтобы имѣть право голоса въ Дворянскомъ Собраніи, попасть въ предводители или быть избраннымъ въ Англійскій клубъ. Да вѣдь есть же и у насъ и всегда водились люди и съ другими потребностями. Къ тому же, скажите на милость, къ чему, напримѣръ, ведетъ, чѣмъ вызывается у насъ изученіе филологіи, Санскритскаго или Латинскаго языка? Не правы ли будутъ тѣ, которые прямо заявляютъ, что у насъ это все роскошь и излишество, что пора бросить за бортъ, вмѣстѣ съ логикою, и Греческій синтаксисъ, и вмѣсто этого налечь на технологію, механику и обществовѣдѣніе; по крайней мѣрѣ, тутъ очевидно къ чему ведутъ пріобрѣтаемыя познанія: онѣ научатъ строить желѣзныя дороги, мосты, составлять краски, обороняться отъ придирокъ становаго пристава и т. д. „Современная лѣтопись“ въ рядѣ статей, которыхъ очень серьезное содержаніе, можетъ быть, укрылось отъ читателей подъ остроумною формою, въ которую онѣ облечены, возстала противъ этой системы умственнаго холощенія, а „Русскій Вѣстникъ“ этой системѣ вторитъ по поводу философіи!

Досталось г. Страхову за Гегеля; но за нимъ открылся и другой, не менѣе тяжелый грѣхъ. Оказалось, что онъ еще въ добавокъ и славянофилъ. Послушайте: „Съ Гегелевскою философіею у г. Страхова соединилось еще какое-то особаго рода славянофильство, состоящее въ исканіи [illegible]ъ-то началъ народныхъ, ни на что не похожи[illegible] уще-

ствующихъ, но долженствующихъ откуда-то прилетѣть, въ исканіи какой-то почвы — словомъ, въ повтореніи того, что̀ такъ словообильно говорится у насъ вездѣ, гдѣ только возникаетъ рѣчь о матеріяхъ важныхъ... Народныя начала! Коренныя основы! А что̀ такое эти начала? Что̀ такое эти основы? Представляется ли вамъ, господа, что-нибудь совершенно ясное при этихъ словахъ?" Какъ все это грозно, какъ надменно, что̀ за недосягаемость самоувѣренности и силы! Итакъ, эти *какія-то* народныя начала, *эти звѣри* ни на что не похожіе, какъ называетъ ихъ „Русскій Вѣстникъ" въ той же статьѣ, нигдѣ не существуютъ и должны откуда-то прилетѣть. Ну, а если они ужъ прилетѣли? Если намъ удастся доказать вамъ, что вы сами, въ минуту жизни трудную, прибѣгли къ ихъ помощи и ухватились за нихъ? Припомните весьма недавнее. „Московскія Вѣдомости", нѣсколько времени тому назадъ, пустили въ ходъ мысль о разрѣшеніи Польскаго вопроса совершеннымъ объединеніемъ Польши и Россіи въ общей политической конституціи. Цѣлый рядъ статей заканчивался этимъ облигатнымъ финаломъ, очень напоминавшимъ извѣстную Verfassungsfrage, на которой выѣзжали Прусскіе публицисты лѣтъ двадцать тому назадъ. Общая конституція рекомендовалась, какъ вѣрнѣйшее средство, во-первыхъ, удовлетворить Польшу и въ тоже время нейтрализировать ея силу, какъ самостоятельной, народной стихіи; во-вторыхъ,—отнять всякій предлогъ иностраннаго вмѣшательства. Противъ этого были предъявлены слѣдующія возраженія: если въ настоящее время Польша не можетъ жить спокойно, когда на каждую ея косу приходится десять Русскихъ штыковъ, то кто же поручится, что она смирится, когда на одинъ Польскій голосъ будетъ насчитываться десять голосовъ Русскихъ? Не тоже ли это владычество числительности или силы, только выразившееся въ другой формѣ, и потому не будемъ ли мы вынуждены такъ же, какъ и теперь, прибѣгать безпрестанно къ силѣ штыковъ, чтобы придать обязательность перевѣсу голосовъ? Далѣе, странно придумывать систему для устраненія *предлоговъ* къ иностранному вмѣшательству, тогда какъ оно, очевидно, само себѣ служитъ *цѣлью*, а за предлогами или поводами никогда дѣло не станетъ,

какъ бы ни управлялись Россія и Польша? Наконецъ, еще страннѣе, отстаивая не только внѣшнюю независимость, но и внутреннюю самобытность Россіи, въ тоже время и съ единственною цѣлью угодить Полякамъ и ублажить Западную Европу, навязывать Россіи форму правленія, можетъ быть, вовсе ей несродную, не уяснивъ себѣ, даже не упомянувъ о томъ, нужна ли для Россіи и желаетъ ли она подобной перемѣны? Надобно было что-нибудь отвѣтить, и „Русскій Вѣстникъ" началъ съ того, что различилъ понятіе о конституціи въ широкомъ смыслѣ всякаго государственнаго учрежденія, выражающаго собою сознаніе народа о значеніи власти и объ отношеніи его къ ней, отъ понятія о конституціи въ томъ тѣснѣйшемъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ Англія, Франція, Пруссія, Италія и Австрія,—словомъ, вся Европа, кромѣ насъ. Конституціонную форму, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, онъ подвергъ рѣшительному осужденію въ самой ея сущности, какъ сдѣлку, основанную на пондераціи (т. е. взвѣшиваніи) властей и на взаимныхъ гарантіяхъ, вызванныхъ взаимнымъ недовѣріемъ; словомъ, онъ призналъ несостоятельность ея и внутреннее противорѣчіе въ ней таящееся, отвергъ ее для Россіи, заявилъ, что эта форма ей несродна и что наши *особенныя народныя начала*, какъ видно, не похожія на Западно-Европейскія, требуютъ совершенно инаго государственнаго строя. Вотъ подлинныя слова: „Выработалась общая схема политическаго устройства, которая, подъ именемъ *конституціи*, считается обязательною для всякаго государства, желающаго стать съ вѣкомъ наравнѣ. Всѣ Европейскія государства народились въ конституціи... Откидывая въ сторону всѣ смутныя представленія, всю ту внѣшнюю обстановку, которая соединяется съ значеніемъ этого слова, мы получимъ въ остаткѣ понятіе, на которомъ болѣе или менѣе сходятся разные люди, какъ на самомъ существенномъ смыслѣ его. Это понятіе есть договоръ, или контрактъ между верховною властью страны и народомъ. Въ такомъ договорѣ или контрактѣ и поклонники, и порицатели такъ-называемаго конституціоннаго устройства готовы видѣть главное значеніе конституціоннаго порядка, хотя до сихъ поръ не находится нотаріуса, который могъ бы скрѣпить этотъ актъ, и не оказывается судилища, которое

могло бы гарантировать его силу... Теорія общественнаго контракта и договорнаго начала въ организаціи государствъ есть одна изъ фикцій, которыми такъ обильно было прошлое столѣтіе... И въ самомъ дѣлѣ, не явное ли безсиліе въ этихъ попыткахъ основать отношеніе между верховною властью и народомъ на договорѣ или контрактѣ? Не явная ли ложь въ этомъ искусственномъ разъединеніи двухъ силъ, которыя въ дѣйствительности неразрывно соединены между собою? Не явное ли зло въ этомъ организованномъ недовѣріи между верховною властью, которая ничего не значитъ безъ народа, и народомъ, который ничего не значитъ безъ верховной власти?... Безсильный предупредить зло, контрактъ достаточно силенъ, чтобы кореннымъ образомъ испортить отношенія между верховною властью и народнымъ представительствомъ и сообщить какъ той, такъ и другому, несвойственный имъ характеръ, развить въ нихъ отдѣльные интересы и себялюбивые инстинкты, и поставить ихъ въ ложныя отношенія и т. д.“

Итакъ, конституціонная форма и ея теорія, обошедшая кругомъ всю Западную Европу, эта форма, въ которой современная наука видитъ высшее проявленіе государственнаго развитія и самый рѣшительный признакъ политической цивилизаціи, — *есть явная ложь*. Теперь, посмотримъ, въ чемъ же заключается правда, по крайней мѣрѣ правда для насъ, Русскихъ, и откуда мы ее возьмемъ? Выписываемъ опять подлинныя слова: „Страна, призванная къ великой исторической жизни, Россія, имѣетъ свой *оригинальный типъ* и *свойственный ей ритмъ развитія*. Не однѣ племенныя особенности чисто - Русскаго народонаселенія Россіи опредѣлили этотъ типъ; онъ есть результатъ многихъ условій историческихъ и географическихъ... Этотъ общій типъ, выработанный долгою, трудовою, до сихъ поръ исключительно ему посвященную исторіею, способенъ ко всевозможному усовершенствованію и можетъ въ дальнѣйшемъ развитіи *удовлетворить всѣмъ потребностямъ человѣческой жизни и человѣческаго общества*“. Здѣсь мы не можемъ не остановиться. Россія имѣетъ оригинальный, ей одной свойственный ритмъ развитія, какой-то типъ, призванный къ удовлетворенію всѣхъ потребностей

какъ бы ни управлялись Россія и Польша? Наконецъ, еще страннѣе, отстаивая не только внѣшнюю независимость, но и внутреннюю самобытность Россіи, въ тоже время и съ единственною цѣлью угодить Полякамъ и ублажить Западную Европу, навязывать Россіи форму правленія, можетъ быть, вовсе ей несродную, не уяснивъ себѣ, даже не упомянувъ о томъ, нужна ли для Россіи и желаетъ ли она подобной перемѣны? Надобно было что-нибудь отвѣтить, и „Русскій Вѣстникъ" началъ съ того, что различилъ понятіе о конституціи въ широкомъ смыслѣ всякаго государственнаго учрежденія, выражающаго собою сознаніе народа о значеніи власти и объ отношеніи его къ ней, отъ понятія о конституціи въ томъ тѣснѣйшемъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ Англія, Франція, Пруссія, Италія и Австрія,—словомъ, вся Европа, кромѣ насъ. Конституціонную форму, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, онъ подвергъ рѣшительному осужденію въ самой ея сущности, какъ сдѣлку, основанную на пондераціи (т. е. взвѣшиваніи) властей и на взаимныхъ гарантіяхъ, вызванныхъ взаимнымъ недовѣріемъ; словомъ, онъ призналъ несостоятельность ея и внутреннее противорѣчіе въ ней таящееся, отвергъ ее для Россіи, заявилъ, что эта форма ей несродна и что наши *особенныя народныя начала*, какъ видно, не похожія на Западно-Европейскія, требуютъ совершенно инаго государственнаго строя. Вотъ подлинныя слова: „Выработалась общая схема политическаго устройства, которая, подъ именемъ *конституціи*, считается обязательною для всякаго государства, желающаго стать съ вѣкомъ наравнѣ. Всѣ Европейскія государства народились въ конституціи... Откидывая въ сторону всѣ смутныя представленія, всю ту внѣшнюю обстановку, которая соединяется съ значеніемъ этого слова, мы получимъ въ остаткѣ понятіе, на которомъ болѣе или менѣе сходятся разные люди, какъ на самомъ существенномъ смыслѣ его. Это понятіе есть договоръ, или контрактъ между верховною властью страны и народомъ. Въ такомъ договорѣ или контрактѣ и поклонники, и порицатели такъ-называемаго конституціоннаго устройства готовы видѣть главное значеніе конституціоннаго порядка, хотя до сихъ поръ не находится нотаріуса, который могъ бы скрѣпить этотъ актъ, и не оказывается судилища, которое

могло бы гарантировать его силу... Теорія общественнаго контракта и договорнаго начала въ организаціи государствъ есть одна изъ фикцій, которыми такъ обильно было прошлое столѣтіе... И въ самомъ дѣлѣ, не явное ли безсиліе въ этихъ попыткахъ основать отношеніе между верховною властью и народомъ на договорѣ или контрактѣ? Не явная ли ложь въ этомъ искусственномъ разъединеніи двухъ силъ, которыя въ дѣйствительности неразрывно соединены между собою? Не явное ли зло въ этомъ организованномъ недовѣріи между верховною властью, которая ничего не значитъ безъ народа, и народомъ, который ничего не значитъ безъ верховной власти?... Безсильный предупредить зло, контрактъ достаточно силенъ, чтобы кореннымъ образомъ испортить отношенія между верховною властью и народнымъ представительствомъ и сообщить какъ той, такъ и другому, несвойственный имъ характеръ, развить въ нихъ отдѣльные интересы и себялюбивые инстинкты, и поставить ихъ въ ложныя отношенія и т. д.“

Итакъ, конституціонная форма и ея теорія, обошедшая кругомъ всю Западную Европу, эта форма, въ которой современная наука видитъ высшее проявленіе государственнаго развитія и самый рѣшительный признакъ политической цивилизаціи, — *есть явная ложь*. Теперь, посмотримъ, въ чемъ же заключается правда, по крайней мѣрѣ правда для насъ, Русскихъ, и откуда мы ее возьмемъ? Выписываемъ опять подлинныя слова: „Страна, призванная къ великой исторической жизни, Россія, имѣетъ свой *оригинальный типъ* и *свойственный ей ритмъ развитія*. Не однѣ племенныя особенности чисто - Русскаго народонаселенія Россіи опредѣлили этотъ типъ; онъ есть результатъ многихъ условій историческихъ и географическихъ... Этотъ общій типъ, выработанный долгою, трудовою, до сихъ поръ исключительно ему посвященную исторіею, способенъ ко всевозможному усовершенствованію и можетъ въ дальнѣйшемъ развитіи *удовлетворить всѣмъ потребностямъ человѣческой жизни и человѣческаго общества*“. Здѣсь мы не можемъ не остановиться. Россія имѣетъ оригинальный, ей одной свойственный ритмъ развитія, какой-то типъ, призванный къ удовлетворенію всѣхъ потребностей

въ то же время позволимъ себѣ напомнить о Русской пословицѣ, не совѣтующей никому плевать въ колодезь; тѣмъ паче не слѣдовало бы плевать въ него тому, кому довелось наканунѣ почерпнуть изъ него глотокъ воды.

Третье обвиненіе, также направленное противъ г. Страхова, еще оригинальнѣе первыхъ двухъ. Ему ставится въ упрекъ его стараніе глубже вникнуть въ вопросъ! „Русскій Вѣстникъ“ восклицаетъ: „Онъ старался глубже вникнуть въ вопросъ! Вотъ въ томъ-то вся и бѣда. Вмѣсто того, чтобы смѣшаться съ *живыми* (?) людьми, вмѣсто того, чтобы заодно съ ними мыслить, чувствовать и дѣйствовать, онъ пустился вникать глубже въ вопросъ. Онъ забылъ и почву, и народное чувство, и событія, происходящія теперь у всѣхъ передъ глазами, и погрузился въ метафизику вопроса“. Право не знаешь, чтò и отвѣчать на это. Подобныя наставленія, и именно въ этомъ возмутительномъ тонѣ, слышались только въ эпоху блаженной памяти крѣпостнаго права. Бывало крѣпостной бурмистръ, несовсѣмъ точно исполнившій барскій приказъ, стоитъ передъ раздраженнымъ помѣщикомъ и оправдывается: „осмѣлюсь доложить вашей милости: я думалъ, что такъ будетъ лучше“. А баринъ вскакивалъ со стула и кричалъ на него, обращаясь къ своему сосѣду: „прошу покорно, онъ *думалъ*! И онъ туда же—вздумалъ думать! А кто тебѣ велѣлъ думать? А? Вотъ въ томъ-то и бѣда, что нынче всѣ хотятъ думать, и т. д.“ Бурмистръ, разумѣется, молчалъ и только вздыхалъ; но вѣдь это происходило до 19 Февраля 1861 года. Положимъ однако, что благодаря заслуженному авторитету „Русскаго Вѣстника“, кто-нибудь откажется отъ правъ мыслить своимъ умомъ и въ мѣру своихъ способностей углубляться въ вопросы, а поставитъ себѣ за правило—за одно съ такъ-называемыми живыми людьми мыслить, чувствовать и дѣйствовать. Какъ же онъ это исполнитъ? Какъ отличитъ живыхъ людей отъ не-живыхъ? Значитъ ли это вообще ни въ чемъ не отставать объ большинства и ни въ чемъ не опережать его? Но вѣдь и это опасно. Не такъ давно, на Литвѣ и въ Бѣлоруссіи, Русскіе люди (конечно, не простой народъ и не духовное сословіе), не считавшіе себя мертвыми, вмѣняли себѣ въ честь мыслить, чув-

ствовать и дѣйствовать *какъ всѣ*, т. е. какъ Польскіе дворяне. Недавно также, живые люди сбирались отдать Польшѣ весь Западный край, возстановить ея государственную независимость, и одинъ Карамзинъ, всю жизнь свою углублявшійся въ историческіе вопросы, рѣшился противъ этого возразить, сославшись на прошедшее Россіи и на будущія ея судьбы. Онъ тоже былъ выскочкою изъ круга своихъ современниковъ. Не правда ли? Наконецъ, кто поручится, что и теперь у многихъ людей, также считающихъ себя живыми, и живыми по преимуществу, не закружится голова даже и на той глубинѣ, до которой спустился „Русскій Вѣстникъ", разсуждая о конституціи и объ отношеніи земли къ государству?

„Русскій Вѣстникъ" объявляетъ читателямъ съ свойственною ему докторальностью, что противопоставленіе Россіи, какъ особаго міра, Западной Европѣ, какъ другому міру, и Русской цивилизаціи—Западно-Европейской есть *фантастическая космогонія, пораждающая всякую нелѣпость*. „Въ дѣйствительности есть, во-первыхъ, одна *всеобщая всемірная* цивилизація, которая связываетъ всѣ народы, которая втягиваетъ, наконецъ, въ свою сферу и Китай, и Японію, и, во-вторыхъ, есть *индивидуальныя* цивилизаціи отдѣльныхъ историческихъ народовъ—цивилизаціи, въ которыхъ выразился трудъ ихъ жизни, и которыя составляютъ капиталъ каждаго народа въ особенности. Европейскіе народы, находясь подъ условіемъ общей всѣмъ и обязательной для всѣхъ цивилизаціи, тѣмъ не менѣе глубоко и существенно разнятся между собою. Стòитъ только взять двѣ самыя крайнія (?) западныя страны, чтобы видѣть какъ въ одно и то же время обязательна общая цивилизація, и какъ рѣзко обрисовывается индивидуальная цивилизація Англіи и Франціи во всемъ, начиная отъ религіозныхъ и политическихъ учрежденій до мельчайшихъ подробностей быта. Россія точно также подлежитъ условіямъ общей цивилизаціи, обязательнымъ и для государства Русскаго, и для каждаго Русскаго человѣка въ отдѣльности. Но въ то же время, Русскій народъ и Русское государство обладаютъ свойственными имъ условіями быта и развитія. Вмѣстѣ съ Европейскою или, лучше сказать, всемірною системою цивилизаціи, къ которой существенно принадлежитъ и Россія,

возможна и необходима особенная, Русская, самостоятельная цивилизація. Но обѣ эти цивилизаціи не исключають одна другую; напротивъ, онѣ живутъ одна въ другой, взаимно другъ друга усиливаютъ и образуютъ неразрывное единство".

Давно и искренно желали мы выразумѣть, что именно подразумѣвается подъ словомъ *цивилизація*, такъ недавно вошедшимъ у насъ въ моду, такъ часто повторяемымъ и почти совершенно вытѣснившимъ изъ употребленія слово *просвѣщеніе*. Повидимому, оба выражаютъ одно и то же или, по крайней мѣрѣ, выражаютъ понятія до того между собою близкія, что въ обыкновенномъ разговорномъ и литературномъ языкѣ мы ихъ даже строго не различаемъ. Но если мы отбросили одно слово, при томъ слово коренное Русское и, по замѣчанію Гоголя, непереводимое ни на какой Европейскій языкъ, если мы единодушно, не сговариваясь, усвоили себѣ для того же употребленія другое, то надобно предполагать, что это произошло не даромъ. Въ исторіи модныхъ словъ, въ послѣдовательной смѣнѣ однихъ другими, почти всегда отражается исторія общественныхъ понятій. Опредѣленія цивилизаціи, мы, конечно, не найдемъ въ выписанномъ нами отрывкѣ; по крайней мѣрѣ, онъ дастъ намъ возможность, хоть путемъ отрицанія, уяснить себѣ чего обыкновенно не подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ и какимъ представленіямъ оно соотвѣтствуетъ. Есть цивилизація общая, всемірная, сближающая народы и для всѣхъ обязательная; затѣмъ есть еще цивилизація частная, свойственная каждому историческому народу и слѣдовательно для другихъ необязательная; но обѣ эти цивилизаціи не исключаются взаимно, а напротивъ, живутъ одна въ другой. Въ чемъ выражаетъ себя общая цивилизація—намъ не объяснено; по крайней мѣрѣ, сказано, что частная выражается, между прочимъ, въ религіозныхъ и политическихъ учрежденіяхъ. Изъ всего этого мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: въ дѣлѣ цивилизаціи главное, существенное, есть общее и обязательное; общему подчиняется частное, какъ [redacted]енное и необязательное. Теперь спрашивается: ка[redacted]омъ все это живетъ одно въ другомъ ... процессъ обязательнаго усвоенія ...

вало частное? Напримѣръ: „Русскій Вѣстникъ“ повѣдалъ намъ, что Европа, за исключеніемъ Россіи, признаетъ за идеалъ государственнаго устройства осуществленіе контрактныхъ отношеній между властьимущими и подвластными; наоборотъ, Россія всею своею исторіею и современнымъ своимъ бытомъ отрицаетъ это начало и полагаетъ свой государственный идеалъ въ единствѣ и въ полнотѣ взаимнаго довѣрія; вотъ два понятія, діаметрально противоположныя. Они могутъ относиться между собою или какъ высшее къ низшему, то-есть какъ степени, или какъ виды, то-есть какъ равносильныя, такъ сказать равноправныя, одинаково односторонія понятія, подчиняющіяся третьему высшему, обнимающему ихъ въ своей полнотѣ. Принявъ сперва второе предположеніе, повидимому болѣе сообразное съ воззрѣніемъ „Русскаго Вѣстника“, мы должны будемъ отнести оба понятія къ области частныхъ, индивидуальныхъ цивилизацій; но тогда гдѣ-жъ мы найдемъ третье, общее, всемірное и для всѣхъ обязательное, которое бы примирило ихъ, не противорѣча ни тому, ни другому? Возьмемъ другой примѣръ. Мы видимъ передъ собою церковь православную, латинство и протестанство со всѣми его подраздѣленіями; надобно полагать, по теоріи „Русскаго Вѣстника“, что всѣ эти явленія религіознаго сознанія также находятъ себѣ мѣсто въ кругу частныхъ, индивидуальныхъ цивилизацій. Спрашиваемъ опять: гдѣ жъ явленіе общей, обязательной цивилизаціи въ той же области религіознаго сознанія? Какъ представить себѣ обязательное усвоеніе христіанства внѣ православія, латинства и протестанства? Оказывается, что это невозможно. Итакъ, мы поневолѣ должны придти къ заключенію, что изъ сферы общей, обязательной, всемірной цивилизаціи, надобно прежде всего исключить религіозныя и политическія начала, равно какъ и все то, что̀ выросло и выростаетъ отъ этихъ корней; иными словами — все, что̀ образуетъ людей изнутри, чѣмъ обусловливается ихъ нравственный уровень и основной характеръ ихъ общежитія. На такую операцію какъ-то трудно рѣшиться, и потому мы сперва испытаемъ другое предположеніе. Допустимъ, что указанныя нами понятія относятся между собою, какъ различныя степени сознанія, что бѣлый лучъ христіанства сохра-

нился во всей своей полнотѣ въ православной церкви, а на Западѣ, преломившись въ національныхъ призмахъ Латинскихъ и Германскихъ понятій, такъ сказать окрасился въ нихъ и раздробился на два противоположные полюса: западнаго католичества и протестанства. Прибавимъ къ этому, со словъ Русскаго же Вѣстника (но, разумѣется, изъ другого №), что государственное устройство, основанное на контрактѣ, есть ложь, а основанное на взаимномъ довѣріи, то-есть то, которое осуществилось только въ Россіи, призвано къ удовлетворенію потребностей всего человѣчества; допустимъ, пожалуй, — не мы противъ этого будемъ спорить; но дѣло въ томъ, что изъ этихъ предположеній вытекаетъ много такого, чего „Русскій Вѣстникъ", кажется, и не подозрѣваетъ. Вытекаетъ, что начàла общей цивилизаціи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ религіи и государственному строю, хранитъ въ себѣ Россія, тогда какъ Западная Европа живетъ на начàлахъ исключительно - индивидуальныхъ своихъ цивилизацій; слѣдовательно, что нѣтъ ничего *нелѣпаго* въ противопоставленіи цивилизаціи Западно-Европейской, или католико-протестантской, цивилизаціи православно - Русской; а напротивъ, непризнаніе громадной разницы между этими двумя мірами есть признакъ замѣчательной близорукости. Внѣ двухъ исчерпанныхъ нами предположеній мы не усматриваемъ возможности уяснить себѣ отношеніе общей цивилизаціи къ частнымъ. На которомъ же изъ нихъ остановиться?... Но вотъ что намъ приходитъ теперь на мысль. Можетъ быть, мы совершенно неправильно отнеслись къ статьѣ „Русскаго Вѣстника", вздумавъ отыскивать какого-нибудь опредѣленнаго смысла, или продуманнаго понятія въ словѣ *цивилизація* и въ сопровождающихъ его предикатахъ? Можетъ быть, „Русскій Вѣстникъ" и не подразумѣваетъ ничего яснаго и точнаго, а употребляетъ слово *цивилизація* совершенно безотчетно, по примѣру такъ называемыхъ *живыхъ* людей, съ которыми онъ совѣтуетъ думать заодно, ссылаясь не на логическое, строго продуманное, а на житейское понятіе, сложившееся изъ множества разнородныхъ представленій, случайно между собою сцѣпившихся? Дѣйствительно, это едва ли не вѣроятнѣе всего.

Русскій человѣкъ запасается паспортомъ и отправляется за границу. Едва только успѣлъ онъ ее переѣхать, какъ приливаютъ къ нему со всѣхъ сторонъ новыя впечатлѣнія. Отъ желѣзныхъ дорогъ по разнымъ направленіямъ тянутся шоссейныя, проселочныя дороги, деревенскіе дома, крытые черепицею; нигдѣ ни одного клочка праздной земли: все обработано, воздѣлано и тщательно огорожено; попутчики учтивы и оказываютъ другъ другу всевозможныя, мелкія услуги; никто не задѣнетъ локтемъ, не извинившись, никто не протянетъ ногъ на чужое мѣсто; полиція и должностныя лица обворожительно предупредительны; гостинницы не только опрятны, но даже роскошны и изобилуютъ комфортомъ; улицы ярко освѣщены; въ каждомъ городѣ множество открытыхъ музеумовъ, собраній, библіотекъ; вездѣ читаются публичныя лекціи, новѣйшія изобрѣтенія разносятся мгновенно; масса новыхъ свѣдѣній пріобрѣтается безъ труда, почти невольно... Очарованный Русскій человѣкъ чувствуетъ потребность подѣлиться своимъ восторгомъ съ подсѣвшимъ къ нему спутникомъ и слышитъ въ отвѣтъ: „Monsieur vous avez bien raison; la voilà cette grande civilisation universelle, qui fait le tour du monde, civilisation des chemins de fer, civilisation obligatoire pour tous, monsieur, civilisation, que nous allons porter en Chine et en Afrique avec nos cotonnades et nos verroteries". Русскій человѣкъ задумывается. Такъ вотъ она цивилизація! И въ представленіи его, въ одинъ мигъ, проносятся дорожные ухабы, топкія гати, душныя лачуги, грязныя гостинницы, необтесанные становые приставы и вся та внѣшняя, знакомая обстановка Русской земли. При этомъ впечатлѣніи онъ остается и закрѣпляетъ его навсегда подсказаннымъ ему словомъ *цивилизація!* Очевидно, въ этой сферѣ не можетъ быть и мѣста для противопоставленія Россіи, какъ самостоятельной исторической среды, Западной Европѣ. Здѣсь Россія не является чѣмъ-либо по себѣ, а опредѣляется только по отсутствію въ ней или по низшей степени развитія этой, такъ называемой, общей цивилизаціи. Но спрашиваете вы: отчего же Русскій человѣкъ останавливается на первомъ выводѣ изъ внѣшнихъ впечатлѣній? Почему бы ему не всмотрѣться глубже въ условія религіознаго, политическаго, обществен-

наго и семейнаго быта Западныхъ народовъ? Можетъ быть, тогда онъ открылъ бы внутреннія противорѣчія и неразрѣшимые вопросы, которыми подтачивается цѣльность ихъ внутренней жизни и обусловливаются періодическія сотрясенія ея основъ. Можетъ быть, обратившись къ Россіи, онъ почувствовалъ бы въ ней присутствіе другихъ, болѣе широкихъ началъ и біеніе жизни хотя и не вполнѣ развитой, но здоровой и крѣпкой?—Почему? А потому, что Русскій человѣкъ не любитъ углубляться въ вопросы и основательно изучать предметъ; потому, что его къ этому не пріучаютъ; мало того, потому, что на него за это сердятся и совѣтуютъ ему думать, чувствовать и жить какъ, такъ-называемые, живые люди. И Русскій человѣкъ остается при одномъ смутномъ представленіи о цивилизаціи, то-есть о какой-то нестройной совокупности всякаго рода условій житейскаго комфорта, накопленныхъ фактическихъ знаній и внѣшнихъ формъ общежитія. Кажется, что и „Русскій Вѣстникъ“ другаго не подразумѣваетъ. Не оттого ли и понадобилось намъ слово *цивилизація*, что мы сохранили какое-то безсознательное уваженіе къ слову *просвѣщеніе* и что намъ становилось какъ будто совѣстно употреблять его по мѣрѣ того, какъ самое понятіе мельчало, грубѣло и пошлѣло?

Мы, однако, не теряемъ надежды на чемъ-нибудь сойтись съ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и предлагаемъ ему слѣдующую сдѣлку. Надѣемся, что онъ приметъ ее благосклонно ради ея дипломатическаго характера.

Когда говорится о Западномъ и Русскомъ мірѣ, „Русскому Вѣстнику“ чудятся какіе-то Омаровскіе замыслы противъ библіотекъ, наукъ, искусствъ и музеумовъ; мы уважаемъ этотъ страхъ, какъ бы неразуменъ онъ ни былъ, и не будемъ говорить ни о двухъ мірахъ, ни о двухъ цивилизаціяхъ. Вмѣсто этого, мы придумаемъ какіе-нибудь другіе термины, или просто условные знаки, какъ X и Z. Но за то, не согласится ли „Русскій Вѣстникъ“ признать, вопервыхъ, что между Россіею, землею, населенною Славянскимъ племенемъ, землею православною, имѣвшею свою особенную историческую судьбу, и всѣми Латино-Германскими и като[illegible]тантскими землями существуетъ разница болѣе [illegible], болѣе

глубокая и рѣзкая, чѣмъ та, которая усматривается при сравненіи этихъ земель между собою или съ Польшею; вовторыхъ, что во всемъ, что̀ обусловливается въ жизни началами религіознымъ, политическимъ и племеннымъ, Россія должна развиваться самобытно, и хотя бы результаты, къ которымъ она придетъ, расходились далеко съ результатами развитія народовъ Западныхъ, однако, мы этимъ нисколько не должны смущаться; втретьихъ, наконецъ, что заимствованіе должно ограничиваться тою областью, которая относится индиферентно къ этимъ кореннымъ началамъ, то-есть областью фактическаго знанія, внѣшняго опыта и матеріальныхъ усовершенствованій. Кажется, послѣ статьи о конституціи въ смыслѣ Русской исторіи, нѣтъ причины съ этимъ не согласиться, а мы тѣмъ охотнѣе предлагаемъ эту сдѣлку, что она не требуетъ ни малѣйшей жертвы, ни даже уступки въ прежнихъ нашихъ убѣжденіяхъ.

„Русскій Вѣстникъ" отрицаетъ также всякую искренность въ сочувствіи Западной Европы къ Польшѣ и объясняетъ современное движеніе въ ея пользу однимъ подкупомъ журналистики. „Вѣстникъ", кажется, мирится съ этимъ явленіемъ очень легко и находитъ его совершенно естественнымъ. „Кому неизвѣстно, спрашиваетъ онъ, что тамъ, гдѣ печать имѣетъ силу, она, *какъ и всякая цѣнная вещь*, становится предметомъ купли, продажи и найма?" Выходитъ, что вся продажность мысли и слова есть также одно изъ проявленій цивилизаціи, притомъ, вѣроятно, общей и для всѣхъ обязательной. Что подкупы участвовали въ направленіи журналистики, это дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію; но искать въ нихъ единственной причины единодушнаго возбужденія общественнаго мнѣнія противъ Россіи—это такъ же правдоподобно, такъ же исторически вѣрно, какъ придуманное іезуитами объясненіе побудительныхъ причинъ Реформаціи однимъ желаніемъ найти предлогъ къ отобранію монастырскихъ имѣній.

Далѣе, „Русскій Вѣстникъ" не хочетъ и слышать о значеніи латинства, какъ существенной преграды къ примиренію Поляковъ съ Россіею, и наивно увѣряетъ, что разрѣшеніе Польскаго вопроса затрудняется единственно безумными притязаніями Поляковъ, забывая при этомъ, что самыя эти

притязанія только потому и засѣли такъ глубоко въ умахъ и сердцахъ Поляковъ, что вытекли непосредственно изъ всей исторической роли Польши, какъ передовой дружины латинства въ Восточной Европѣ. Но объ этомъ „Русскій Вѣстникъ" какъ будто и не слыхалъ. Вотъ до какой степени привычка толковать о вопросахъ, не давая себѣ труда углубляться въ нихъ, отнимаетъ способность къ уразумѣнію самыхъ простыхъ и сподручныхъ явленій.

Затѣмъ, „Русскій Вѣстникъ" успокоиваетъ публику завѣреніемъ, „что Европа нуждается въ насъ, что могущественная, крѣпкая, самостоятельная Россія незамѣнима въ системѣ цѣлаго міра; что Россія есть одна изъ самыхъ коренныхъ силъ Европы; что въ числѣ пяти великихъ державъ, она составляетъ Европу въ тѣснѣйшемъ и собственномъ смыслѣ и только какъ великая Европейская держава извѣстна она цѣлому міру, *только въ такомъ качествѣ имѣетъ она значеніе и силу"*. Есть, конечно, въ этихъ словахъ и доля правды, а между тѣмъ, все вмѣстѣ крайне непріятно отдается въ Русскомъ ухѣ. *Европа нуждается въ насъ* — да, дѣйствительно нуждалась, напримѣръ, Австрія при Елизаветѣ въ Русской крови и въ Русскихъ штыкахъ, чтобы спастись отъ штыковъ Прусскихъ; позднѣе нуждалась Пруссія въ Россіи, чтобы спастись отъ Наполеона; затѣмъ и Англія прибѣгала къ той же помощи противъ того же врага, задумавшаго континентальную систему; наконецъ, Австрія опять ощутила крайнюю нужду въ Россіи, когда Венгры наступили ей на горло; сколько услугъ, сколько оказанной помощи! Но вотъ что̀ замѣчательно и чего бы не слѣдовало забывать: вздумалось, наконецъ, Россіи сдѣлать что-нибудь для самой себя, а не для другихъ, поступить хоть одинъ разъ въ духѣ своей исторической политики, именно въ вопросѣ Восточномъ, и въ тотъ же день сложилась противъ нея обще-европейская коалиція. Теперь повторяется то же самое, по поводу вопроса Польскаго: союзныя державы расходятся между собою въ точкахъ отправленія и въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ; но онѣ сходятся въ одномъ — въ желаніи всякаго зла Россіи, и это одно поддерживаетъ самый искусственный изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ союзовъ...

До какой степени знаменитая пятерица и основанное на ней равновѣсіе прочны и незамѣнимы, трудно сказать; по крайней мѣрѣ, очевидно, что Западная Европа этого мнѣнія не раздѣляетъ и очень бы легко помирилась съ мыслію обезпечить за собой перевѣсъ — введеніемъ въ совѣтъ первостепенныхъ державъ Италіи, и даже Турціи, ослабить на половину могущество Россіи, разорвавъ ея историческую связь съ Востокомъ, и передать половину ея могущества той же Турціи, Швеціи и возстановленной Польшѣ. Къ чему жъ обманывать себя? Наконецъ, неужели въ чьихъ-либо глазахъ, Россія дѣйствительно имѣетъ значеніе и силу *только* какъ великая Европейская держава? Неужели не имѣетъ ни силы, ни значенія земля Русская, святая Русь? Если даже, въ чемъ мы не сомнѣваемся, „Русскій Вѣстникъ“ заявляетъ не свое понятіе о Россіи, а взглядъ на нее Европы, то, кажется, слѣдовало бы не усвоивать его себѣ съ какимъ-то непонятнымъ самодовольствіемъ, а, напротивъ, со всею силою отвергнуть это *только*, какъ величайшее оскорбленіе нашей народности. Вотъ тутъ-то, дѣйствительно, негодованіе было бы кстати. Пора же, наконецъ, убѣдиться, что ничто такъ не извратило нашего народнаго самосознанія и такъ не повредило намъ въ мнѣніи добросовѣстнѣйшихъ представителей Западной Европы, какъ это безпрестанное величаніе нашимъ внѣшнимъ могуществомъ и представленіе Россіи въ видѣ какого-то колоссальнаго олицетворенія вещественныхъ силъ. Это тотъ самый призракъ, которымъ теперешніе Поляки пугаютъ Европу....

Но довольно. Не охота къ полемикѣ вовлекла насъ въ разборъ статьи „Русскаго Вѣстника“, а желаніе разъяснить, по возможности, односторонность воззрѣній, въ ней выраженныхъ, на многіе, существенно-важные вопросы. Впрочемъ, несмотря на коренное наше разномысліе съ „Вѣстникомъ“, мы на сей разъ прощаемся съ нимъ, вовсе не отказываясь отъ надежды на скорое сближеніе. Надежду эту подкрѣпляетъ въ насъ память о прошломъ. Исторія „Русскаго Вѣстника“ распадается на два періода: *до* и *послѣ* открытія Англіи. Въ первомъ періодѣ онъ проповѣдывалъ отъ имени *науки*, выдавая ее за вполнѣ закон[illegible] систему непрелож‑

ныхъ положеній, какъ бы за сводъ законовъ своего рода, и отстаивалъ право самодержавнаго ея владычества надъ народною жизнью, во всѣхъ проявленіяхъ послѣдней. Справкою съ *наукою* рѣшались въ то время всѣ практическіе вопросы, безъ дальнихъ соображеній съ понятіями и потребностями, выработанными жизнью. Такъ, между прочимъ, онъ отнесся къ вопросу о нашей сельской, хозяйственной общинѣ. Послѣ открытія Англіи, этотъ взглядъ существенно измѣнился къ лучшему. Притязанія науки стали значительно скромнѣе; примѣръ Англичанъ внушилъ уваженіе къ народному быту, къ правамъ жизни, къ ея свободѣ и своеобразности. „Вѣстникъ" сдѣлался даже ревностнымъ ея адвокатомъ и въ этомъ отношеніи принесъ общественному дѣлу существенную пользу. Намъ кажется, что въ настоящую минуту онъ стоитъ у преддверія третьяго періода, который начнется для него открытіемъ Русской земли. По крайней мѣрѣ статья въ Мартовской книжкѣ о томъ, „что̀ намъ дѣлать съ Польшею", можетъ служить ручательствомъ, что эта надежда осуществится.

До тѣхъ поръ, если это доставляетъ „Русскому Вѣстнику" удовольствіе, пусть онъ продолжаетъ издѣваться надъ „этими господами" славянофилами, какъ онъ ихъ величаетъ; пусть пишетъ на нихъ каррикатуры: мы первые, когда блеснетъ въ нихъ остроуміе или веселость, принесемъ ему дань заслуженнаго смѣха.

ПОЛЬСК

...дѣ. Написалъ для
...ъ. С.-Петербургъ.

...ный очеркъ исторіи
...тѣмъ, что факты, въ
...сторонность воззрѣ-
...мысль прямо-про-
...екаетъ довольно ясно

...тельною, еслибы не
...Москвы, убившей ея
...авторъ.
...ко - католическое
...освободилъ его и
...природные Укра-
...ьницкаго, заняли мѣ-
...цетать народъ; Запо-
...каго, прогнали ихъ и
...ковскихъ чиновниковъ
...дворянъ, своекорыст-

...деспотизмъ дворянства не
...нуть навсегда
..., а прояв-
...имой Укра-

...1850 году.

Повѣсть объ Украинскомъ народѣ. Написалъ для дѣтей старшаго возраста Кулѣшъ. С.-Петербургъ. 1846 года *).

Этотъ мастерской, прекрасно написанный очеркъ исторіи Украины замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что факты, въ немъ выведенные, ясно обличаютъ односторонность воззрѣнія автора и доказываютъ неопровержимо мысль прямо-противоположную той, на которую онъ намекаетъ довольно ясно во многихъ мѣстахъ.

Украина могла бы сдѣлаться самостоятельною, еслибы не измѣна дворянства и не владычество Москвы, убившей ея народность,—вотъ чтò старается внушить авторъ.

А вотъ, чтò показываютъ факты: Польско - католическое дворянство угнетало народъ; Хмельницкій освободилъ его и выгналъ Поляковъ. Не прошло пяти лѣтъ, природные Украинцы, православные, сподвижники Хмельницкаго, заняли мѣсто Польскаго дворянства и стали угнетать народъ; Запорожцы, подъ начальствомъ Брюховецкаго, прогнали ихъ и продолжали ихъ роль; наконецъ, Московскихъ чиновниковъ окружила новая шайка Украинскихъ дворянъ, своекорыстныхъ угнетателей народа.

Чтò изъ этого вытекаетъ? Что деспотизмъ дворянства не былъ внѣшнимъ насиліемъ, которое можно стряхнуть навсегда какъ, напримѣръ, иго Татаръ въ Сѣверной Россіи, а проявленіемъ органическаго недуга, коренившагося въ самой Укра-

---

*) Изъ дневника, веденнаго Ю. Ѳ—чемъ въ Кіевѣ въ 1850 году.

инѣ. Она изъ себя пускала этотъ ростокъ, поглощавшій жизненные ея соки; сколько разъ его ни подрубали, столько же разъ онъ выросталъ вновь.

Отчего дворянство угнетало народъ? Отчего народъ не могъ ужиться съ нимъ? Отчего исторія его представляетъ рядъ геройскихъ возстаній, всегда безплодныхъ? Оттого, что положеніе народа было ничѣмъ не обезпечено и потому невыносимо. *Земля была отобрана у него издавна, и онъ утратилъ на нее всякое право.* Народъ находился на степени пролетаріатства. Авторъ не скрылъ этого факта, но какъ будто не понялъ всей его важности. Между тѣмъ, очевидно, что этотъ недостатокъ осѣдлости былъ главною причиною безсилія Украины. Изъ ея подвижнаго, блуждающаго населенія могло выходить казачество, но не могло образоваться земледѣльческаго класса; энергія ея могла проявляться въ судорожныхъ потрясеніяхъ, но не могла принять нормальнаго развитія.

Упрочить бытъ народа — вотъ что̀ было необходимо для того, чтобы спасти Украину, и вотъ съ чего должны были начать тѣ, которые мечтали о ея самостоятельности. Нужно было какимъ бы то ни было образомъ возстановить связь земледѣльческаго класса съ землею.

Этого не пытался сдѣлать ни Богданъ Хмельницкій, раздавшій земли своимъ казакамъ и дворянамъ, ни Брюховецкій, котораго такъ несправедливо оклеветалъ авторъ, ни Дорошенко, и никто изъ героевъ Малороссіи. Значитъ, они не могли этого сдѣлать, не имѣя на то силъ. А если они не могли, то, значитъ, никакой кошевой, ни гетманъ не былъ на то способенъ, а нужна была посторонняя, внѣшняя власть, самодержавная, неподсудная—власть государя.

Вообще, чтобы защитить народъ, чтобы положить конецъ борьбѣ сословій и обуздать дворянство, на это недостаточно было власти избранной, всегда робкой передъ избравшими ее; тѣмъ болѣе недостаточно, что претендовать на эту власть могло только лицо, принадлежащее къ тому классу, который отдѣлился отъ народа: ибо казакъ не есть представитель народа, а есть явленіе случайное, [illegible]ьное, вызываемое анти-нормальнымъ по[illegible]ъ.

А какъ скоро необходима была власть высшая, государственная, то, очевидно, должна была выступить Москва, а не Польша и не Турція. Что народъ рѣшительно былъ противъ союза съ Польшею и съ невѣрными—это невольно высказываетъ авторъ въ десяти мѣстахъ. Мало того, народъ держался Москвы, а высшее казачество только, носившее въ себѣ зародышъ аристократіи, привыкнувъ къ вольности и тревогамъ безначалія, безпрестанно затѣвало измѣны и переходило отъ Турокъ къ Полякамъ—это также показалъ авторъ, если и не призналъ.

Какъ же было поднять народъ, какъ возстановить его связь съ землею?

На это два средства: прикрѣпить землю къ земледѣльческому классу, прикрѣпить земледѣльца къ землѣ.

Спрашивается: могъ ли Украинскій народъ воспользоваться поземельною собственностію, удержать ее, совладать съ нею? Нѣтъ не могъ. Это доказывается ясно тѣмъ, что казаки, надѣленные ею, отдавали ее за безцѣнокъ, за бочку горѣлки, безъ необходимости. Такъ перешли почти всѣ ихъ земли въ руки дворянъ, и Тепловъ предлагалъ императрицѣ Екатеринѣ принять противъ этого мѣры. Что̀ же оставалось? Прикрѣпить народъ къ землѣ—мѣра насильственная, возмутительная, кажется съ перваго взгляда, а при всемъ томъ спасительная. Это было зло великое, великая жертва; но этимъ зломъ и имъ однимъ могло быть отвращено еще бо̀льшее бѣдствіе. Къ тому же видно, что еслибы не ввела Екатерина крѣпостнаго состоянія, оно постепенно вошло бы само собою. Казаки и простые поселяне, какъ видно изъ той же записки Теплова, сами себя отдавали въ кабалу. Однимъ словомъ, прикрѣпленіе земледѣльческаго класса къ землѣ было также необходимо въ Малороссіи, можетъ быть еще необходимѣе, чѣмъ въ Великороссіи.

Между тѣмъ нельзя отрицать, что Украина много настрадалась отъ Москвы. Вопервыхъ, переходъ отъ казачьяго разгула къ самодержавію былъ крутъ и тяжелъ. Великороссія, воспитавшая свою форму правленія въ себѣ самой, постепенно къ ней привыкла, тогда какъ на Малороссію она налегла вдругъ. Ненависть Украинцевъ къ Польскому влады-

честву обнимала не только угнетеніе собственно Польскаго правительства, но вообще условіе государственной власти, какой бы то ни было. Въ борьбѣ за свою свободу она не могла различать и признать того, что̀ составляетъ необходимое условіе существованія всякаго государства. Имъ хотѣлось войти въ составъ державы Московской, пользоваться ея защитою и не платить податей, вести дипломатическія сношенія съ сосѣдними державами. Всѣ почти привилегіи, выговоренныя Хмельницкимъ, по существу своему, были несовмѣстны съ государственнымъ началомъ, будучи принадлежностью его самого и, кромѣ того, какъ всѣ привилегіи, благопріятствовали высшимъ сословіямъ и ничего не значили или даже были предосудительны для народа. Отъ этого такъ часто, при соприкосновеніи съ государственною властью, отскакивала отъ нея въ ужасѣ та часть Украинскаго народа, которая наиболѣе свыклась съ разгульною жизнью, т. е. казаки. Они признавали необходимость верховнаго владычества Москвы и боялись его, не могли свыкнуться съ его требованіями. Отъ этого также склонялись они по временамъ къ Татарамъ и Туркамъ, зная напередъ, что то было бы подчиненіемъ только на словахъ.

Вовторыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что Великороссійскіе чиновники, т. е. представители государственнаго начала, къ которому слѣдовало исподволь, мѣрами кротости, пріучать Украинцевъ, возбуждали къ себѣ непріязнь. Они обходились съ Малороссіею круто, произвольно, какъ съ страною побѣжденною. Это еще болѣе отталкивало Украинцевъ. Пусть, однакоже, они спросятъ у насъ, каковы бываютъ выслужившіеся Хохлы, пріѣзжающіе на промыселъ въ наши Великороссійскія губерніи, и тогда они научатся понимать и прощать зло, почти неизбѣжное на той степени образованности, на которой стоимъ мы и стоятъ они. Что̀ говорить, наша администрація незавидна; но какова она была у нихъ, такова и у насъ. Угнетателями мы никогда не были.

Итакъ, Украинѣ, предоставленной себѣ самой, предстояла бѣдственная будущность. Она была обречена истощиться въ безплодной борьбѣ, въ порыванiяхъ свергнуть съ себя насиліе, безпрестанно порождаемое ею самою. Народность Укра-

инская сплачивала жителей Украины только въ минуты угрожавшихъ ей извнѣ опасностей. Она поднималась цѣльною массою только для отраженія Поляковъ и Католиковъ и потомъ опять распадалась на два сословія, изъ которыхъ одно давило другое. Одна верховная государственная власть, извнѣ призванная, могла положить этому конецъ. Спасеніе Украины требовало отреченія отъ политической самостоятельности. Казачество должно было исчезнуть, какъ явленіе, вызванное насиліемъ; избавивъ Малороссію, оно совершило свое дѣло, а дальнѣйшее его существованіе, несмотря на поэтическую, увлекательную его прелесть, было бы бѣдствіемъ для Малороссіи, — авторъ это показалъ. Собственно для земледѣльческаго класса, оно ничего не сдѣлало, не могло сдѣлать и даже не хотѣло сдѣлать.

Любопытно сравнить казачество, какъ вооруженное возстаніе противъ угнетенія Поляковъ и Католиковъ, съ борьбою Православія, какъ ученія, противъ Католической пропаганды. Украинское духовенство также организовалось въ братства, завело школы и академію и выставило также много достойныхъ поборниковъ святой вѣры, много мучениковъ, какъ и казачество на своемъ поприщѣ. Но замѣчательно только, что, въ борьбѣ съ Католическимъ духовенствомъ, Малороссійскіе ученые подчинились его вліянію, приняли его языкъ, его науку, схоластику, его систему доказательствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ много такихъ мыслей, которыя могли омрачить чистоту вѣры. Нѣкоторые даже сознательно перешли въ Католическую церковь, почти всѣ безсознательно заразились, и Богъ знаетъ къ чему бы это повело, если бы живое общеніе съ Великорусскимъ духовенствомъ не удержало ихъ на опасномъ пути.

Чтò бы ни говорили, а Московское государство спасло матеріальное существованіе простаго народа въ Украинѣ и теперь значительно улучшило его введеніемъ инвентарей; оно положило конецъ притязаніямъ Польши, спасло Православіе и вывело ненавистную Унію. Всего этого Украина для себя не могла сдѣлать.

Пусть же народъ Украинскій сохраняетъ свой языкъ, свои обычаи, свои пѣсни, свои преданія; пусть въ братскомъ об-

щеніи и рука объ руку съ Великорусскимъ племенемъ развиваетъ онъ на поприщѣ науки и искусства, для которыхъ такъ щедро надѣлила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ея стремленій; пусть учрежденія, для него созданныя, приспособляются болѣе и болѣе къ мѣстнымъ его потребностямъ. Но въ то же время пусть онъ помнитъ, что историческая роль его — въ предѣлахъ Россіи, а не внѣ ея, въ общемъ составѣ государства Московскаго, для созданія и возвеличенія котораго такъ долго и упорно трудилось Великорусское племя, для котораго принесено имъ было такъ много кровавыхъ жертвъ и понесено страданій, невѣдомыхъ Украинцамъ; пусть помнитъ, что это государство спасло и его самостоятельность; пусть, однимъ словомъ, хранитъ, не искажая его, завѣтъ своей исторіи и изучаетъ нашу.

Проэктъ адреса Самарскаго дворянства *).

Государь!

Несмотря на скудость доходящихъ до насъ изъ-за границы извѣстій, Русское сердце давно почуяло, что новая туча надвигается на насъ съ Запада. Глубокая, незаслуженная нами вражда просыпается; систематическая клевета на Россію въ ея прошедшемъ и въ ея настоящемъ, клевета, къ сожалѣнію, слишкомъ долго не встрѣчавшая со стороны Русскихъ свободнаго обличенія, принесла свои плоды. Единодушно настроено противъ насъ общественное мнѣніе Европы, а ея государственные двигатели, какъ будто поддаваясь всеобщему увлеченію, преслѣдуютъ, подъ предлогомъ сочувствія къ Польшѣ, свою завѣтную цѣль — ослабить и унизить неразгаданную ими Россію. Вѣрные до безчувственности началу невмѣшательства, пока идетъ дѣло о православныхъ Славянахъ, изнывающихъ подъ игомъ Турціи, они же, гласнымъ, дипломатическимъ вмѣшательствомъ, съ одной стороны, и тайнымъ подстрекательствомъ съ другой, прокладываютъ себѣ путь въ самую сердцевину Россіи, задумывая наше домашнее дѣло поднять на степень обще-европейскаго вопроса, то-есть отдать на судъ нашимъ врагамъ, и готовясь заранѣе свободныя внушенія Вашего сердца, въ отношеніи къ ослѣпленнымъ Полякамъ, перетолковать какъ уступки, вынужденныя постороннимъ ходатайствомъ.

---

*) Написано Ю. Ѳ—чемъ по просьбѣ предводителей Самарскаго дворянства въ апрѣлѣ 1863 года, принятъ безъ измѣненія дворянствомъ и напечатанъ въ № 19 „Дня“ 11 мая 1863 г. и въ другихъ газетахъ.

Прим. изд.

Но недруги наши ошибутся въ своихъ разсчетахъ. Пусть на бумагѣ и въ рѣчахъ сочиняютъ небывалую исторію, переименовываютъ цѣлыя племена и отписываютъ къ Польшѣ половину Россіи: земля Русская заявитъ свое единство дружнымъ подъемомъ на первый призывъ вѣнчаннаго Оберегателя ея чести и цѣлости.

Государь! Всѣ силы Русской земли въ Вашихъ рукахъ.

Для нея, и только для нея, будущность не страшна, черезъ какія бы испытанія ни суждено ей было пройти, а въ настоящемъ потеря прежнихъ лжесоюзниковъ, которою насъ стращаютъ, возвращаетъ намъ полную свободу дѣйствій.

Народная война — слово великое! Произнося его безъ самохвальства и ослѣпленія, съ яснымъ сознаніемъ предстоящей опасности, но съ твердою вѣрою въ окончательное торжество праваго дѣла, Самарское дворянство повергаетъ къ подножію престола свободное изъявленіе своей готовности все то принести въ жертву, чего потребуетъ честь и цѣлость Россіи.

Мы готовы и оставляемъ за собою мѣсто въ передовой шеренгѣ народной рати; но въ самый разгаръ борьбы, если она начнется, ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши сердца. Мы не потребуемъ отплаты за разсчитанныя оскорбленія и за невинную, коварно-пролитую кровь, но сбережемъ для лучшихъ временъ сознаніе нашего племеннаго родства съ Поляками. Пусть знаютъ они, что не мы обрадуемъ враговъ Славянскаго міра отреченіемъ отъ увѣренности, что рано или поздно благодушіе побѣдитъ озлобленіе, улягутся предубѣжденія, и примиренные Поляки протянутъ намъ братскую руку.

Какъ относится къ намъ Римская Церковь? *)

Въ домашнемъ быту хуже всего отношенія невыясненныя, клонящіяся къ разрыву, но по наружности сохраняющія видъ довѣрія и дружбы. Такія же отношенія, по временамъ, устанавливаются между цѣлыми обществами, церковными и государственными. Въ основѣ ихъ, обыкновенно, лежитъ съ одной стороны, затаенное, но совершенно-сознательное недоброжелательство, выжидающее благопріятной минуты, и, до тѣхъ поръ, принимающее видъ заискивающей предупредительности; съ другой, недостатокъ рѣшимости сорвать маску и вызвать на объясненіе. Отношенія такого рода не только непрочны, они даже не совсѣмъ честны и, разумѣется, всегда обращаются въ ущербъ невинному, то-есть тому, кому таить про себя нечего, кто смотритъ съ недоумѣніемъ въ глаза другому, выжидая что̀ будетъ, и спрашиваетъ самого себя: вѣрить или не вѣрить? Открытая борьба гораздо лучше, и потому, когда сами обстоятельства срываютъ маску и обличаютъ ложь, непростительно бы было сокрушаться.

Тому назадъ лѣтъ пятнадцать или двадцать, прежде чѣмъ Латинская пропаганда сосредоточила свои силы на Славянскихъ племенахъ, медленно выбивающихся изъ-подъ Турецкаго ига, будущность Россіи сильно занимала Римско-католическое духовенство. Земля обширная, непочатая, почти что нетронутая Латинствомъ, земля, не имѣвшая случая узнать его насквозь, какъ Западная Европа, и потому безоружная противъ его пріемовъ; нечего сказать—добыча была завидная

*) Напечатано въ № 19 „Дня“ 11 мая 1863 года.

и довольно крупная. Забрать бы ее въ свои руки, и тамъ, вдали отъ обличительныхъ воспоминаній, связанныхъ съ каждымъ уголкомъ Европы, начать бы сызнова нѣчто въ родѣ средневѣковой исторіи, или хоть бы даже только привить къ свѣжимъ племенамъ всѣ тѣ страсти, чувства и увлеченія, которыхъ ужъ никакимъ огнивомъ не высѣчешь отъ старыхъ, перегорѣвшихъ, все это пережившихъ сердецъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой будущности могла ожидать для себя Латинская церковь въ Западной Европѣ? Англія была утрачена давно и безвозвратно; три четверти Германіи тоже. Франція? — Да развѣ Франція во что-нибудь вѣритъ, кромѣ какъ въ самою себя? Франція давно покончила съ религіею, она ужъ даже перестала кощунствовать, даже не отрицаетъ Бога, а просто забыла про него. Правда, по счастливому и глубокому выраженію гр. Местра *) (который, произнося эти слова, самъ не понималъ, что онъ изрекалъ смертный приговоръ Латинству), Французы нашли средство остаться Католиками, переставъ быть христіанами; но вѣдь отъ этого церкви было не легче. Точно, они остались Католиками, иными словами, они сохранили притязаніе на *вселенскость*; но вѣдь они отнесли его къ себѣ самимъ, къ своему языку, къ своей литературѣ, къ своимъ учрежденіямъ, къ формамъ народнаго своего общежитія. Затѣмъ Испанія и Португалія; тѣ дѣйствительно не забывали Латинства и оставались ему вѣрны; да за то ихъ самихъ забывала и мало-по-малу обходила исторія. Наконецъ, Италія! Но объ Италіи лучше было и не думать. Вѣдь это была *своя*, ближайшая сосѣдка, съ которою церковь издавна обращалась запросто: Римская курія показывалась передъ нею не въ праздничномъ, парадномъ облаченіи, а въ домашнемъ, будничномъ, не очень привлекательномъ нарядѣ. При такомъ тѣсномъ сожительствѣ, всѣ грязныя захолустья, весь соръ и хламъ, вся подноготная Латинства, Италіею высмотрѣны были насквозь, а отъ слишкомъ близкаго съ нимъ знакомства — могло ли оно остаться въ выигрышѣ?

Положеніе его у себя дома было незавидно. Оно пробо-

*) Le monde sera sauv[illegible] ont catholiques et quand les Français, qui [illegible]tiens.

вало обновиться и приспособиться къ современности, вмѣшавшись въ политическіе вопросы и прицѣпившись къ партіямъ, попеременно властвовавшимъ. Отслуживъ правдою и неправдою службу абсолютизму, Латинство вздумало полиберальничать. Мы, дескать, всегда обожали свободу и такъ только, по какимъ-то страннымъ недоразумѣніямъ, прослыли заклятыми врагами всевозможныхъ ея проявленій. Да, мы любимъ ее больше васъ всѣхъ, намъ мало вашихъ либеральныхъ учрежденій, а подавай намъ разомъ все: и поголовную подачу голосовъ, и право учить всему, что̀ только взбредетъ на умъ. Да, если на то пошло, мы демократы, даже соціалисты. Вотъ что! Мы готовы кадить ея разгулявшемуся величеству самодержавной Парижской черни и дѣйствительно кадили въ 1848 году. Но все это шло не впрокъ. Заискиваніе Латинскаго духовенства, или, говоря современнымъ Русскимъ языкомъ, его *авансы* всѣми принимались сухо и холодно. Что дѣлать? Видно отъ *своихъ* ждать было нечего (слишкомъ ужъ многое пришлось бы имъ перезабыть), и потому естественно, что подвернулась мысль, притомъ же вовсе не новая, а очень и очень старая, мысль періодически-оживающая, поискать на сторонѣ людей новыхъ.

И взялись за Русскихъ. Пощупали одного, другаго.... ничего! Русскій въ ѣздѣ оказался хорошъ. (Бо̀льшею частью, за границею, все такіе попадались). Въ своей вѣрѣ невѣжда: когда-то вытвердилъ наизусть краткій катихизисъ и дальше не пошелъ, да и тотъ перезабылъ. Уставовъ и преданій своей церкви не соблюдаетъ, живетъ въ ней какъ чужой и потому не любитъ, да и не можетъ любить ее. Съ народною средою, изъ которой вышелъ, ничѣмъ не связанъ, кромѣ наслѣдованнаго отъ дѣдовъ Русскаго имени, которое ему не къ лицу, да еще доходовъ, ежегодно въ его пользу собираемыхъ съ православныхъ мужиковъ. Заняться имъ, польстить ему— онъ растаетъ и сдѣлается рыхлъ какъ тѣсто и мягокъ какъ воскъ. Словомъ, человѣкъ знакомый! Нетрудно было чѣмъ угодно наполнить эти пустые сосуды. Передался одинъ, другой, третій,—да, можетъ быть, еще какое-нибудь одинокое, разбитое, истерзанное сомнѣніемъ или горемъ сердце предпочло духовное рабство исканію истины по тернистому пути

и заживо себя схоронило въ стѣнахъ какой-нибудь Бенедиктинской обители.

Эти неожиданно-легкіе успѣхи возбудили надежды: не даромъ говорятъ, что утопающій хватается за соломенку. Латинское духовенство стало внимательнѣе вглядываться въ Россію и придумывать планъ кампаніи. Какъ же взяться за дѣло, съ чего начать, съ какой стороны повести атаку? Рѣшили вотъ что: „Русскіе съ Латинствомъ соприкасались только въ лицѣ Польши. Польша подъ знаменемъ Римской церкви когда-то завоевала Россію и чуть вѣдь было не завоевала. (Эхъ, время-то было! Ну, да что объ этомъ, его не воротишь!) Русскіе, отбиваясь отъ Поляковъ, возненавидѣли ихъ и заодно возненавидѣли Латинство. Вотъ главное препятствіе къ обращенію Русскихъ. Нужно бы ихъ разувѣрить, нужно бы ихъ убѣдить, что „Польша сама по себѣ, а Римская церковь сама по себѣ“. Разумѣется, задача состояла не въ томъ, чтобъ обратить всю Россію или всѣхъ Русскихъ, а въ томъ, чтобы склонить правительство Русское хотя бы къ союзу или только къ сближенію, а тамъ что̀ Богъ дастъ. Не мѣшаетъ, конечно, по одиночкѣ ловить и Русскихъ, но главное—задобрить правительство. Вѣдь земля безгласна, конституціи нѣтъ, какъ въ другихъ странахъ; нигдѣ, ни въ чемъ не высказано, чего не можетъ сдѣлать правительство; слѣдовательно, оно можетъ сдѣлать все. Такъ аргументировали мудрые вожаки Латинства и взялись за дѣло. Просачивалась ли эта мысль въ дипломатическихъ сношеніяхъ нашихъ съ Римскимъ дворомъ, этого, разумѣется, мы не знаемъ. Не можемъ и предполагать, чтобъ кто-нибудь и когда-нибудь рѣшился отнестись съ нею прямо къ лицу правительства; но она существовала и была *задана*, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ о̀рганамъ клерикальной партіи, какъ тема, которая разработывалась въ журнальныхъ статьяхъ, брошюрахъ, рѣчахъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ Русскими—на это есть доказательства.

„Мы не за Поляковъ. Сохрани Богъ! Напротивъ, мы къ нимъ относимся строже, чѣмъ кто-либо. Мы не можемъ имъ простить одного: зачѣмъ они васъ разлучили съ нами? Зачѣмъ связали свое народное государственное дѣло съ высокимъ и святымъ дѣломъ церкви? Зачѣмъ претворили мирное

обращеніе, которое мы задумывали, въ завоеваніе и насиліе? Прежде чѣмъ они впутались въ дѣло, мы дружелюбно съ вами сносились. Вѣдь вы еще долго оставались въ общеніи съ нами послѣ отпаденія Восточной церкви; вы не скоро послѣдовали примѣру Грековъ. Право такъ! Все Польша, одна эта несчастная Польша, стала и вамъ и намъ поперекъ дороги. Богъ съ нею, съ Польшею! Теперь она васъ озабочиваетъ, и собственно Латинство-то ея и составляетъ ту присущую ей силу, которая съ вами борется. Такъ подадимте же другъ другу руки, и тогда вамъ нечего опасаться Польши. Мало того, мы это говоримъ по секрету: съ вами заодно мы такъ ублажимъ ее, что не будетъ объ ней и помину". Таковъ былъ приступъ къ дальнѣйшему. Это была своего рода captatio benevolentiae, придуманная ad usum Russorum.

При строгой критикѣ, можно бы было, разумѣется, на все это построеніе кое-что возразить: между прочимъ, вопервыхъ, что мы вовсе не ненавидимъ Поляковъ; вовторыхъ, что Латинства мы чуждаемся всѣми нашими помыслами и чувствами совсѣмъ не потому, что Поляки когда-то осаждали Псковъ и взяли Москву, а потому, что духъ Латинства противенъ нашей вѣрѣ, нашимъ убѣжденіямъ и всему строю нашей духовной жизни; наконецъ, втретьихъ, что Русская земля признаётъ своимъ государственнымъ представителемъ самодержца не потому, чтобы она ничего не мыслила, не желала, не любила, и чтобы все на свѣтѣ было ей все равно, а потому, что ея государственный идеалъ заключаетъ въ себѣ представленіе власти, свободно-вдохновляемой народною жизнью. Но всего этого служители Латинства не знали и не могли знать.

Какъ бы то ни было, елейныя ихъ рѣчи, обращенныя къ намъ, по крайней мѣрѣ, озадачивали. Чего они хотятъ въ самомъ дѣлѣ? Вѣрить имъ или не вѣрить? Эти вопросы естественно возникали, и нельзя же было разрѣшать ихъ только на основаніи справокъ изъ прошлыхъ вѣковъ. Вѣдь время тоже много значитъ и дѣлаетъ свое дѣло независимо отъ воли людской.

Дѣйствительно, время свое дѣло дѣлаетъ, и прежде всего оно обличаетъ всякую ложь и неправду. Эту услугу оно и

намъ оказало. Изъ недавно прошедшаго перенеситесь въ настоящее.

Сцена совершенно измѣнилась. Польша волнуется. Въ костелахъ распѣваютъ что-то непохожее ни на ектеніи, ни на молебны. Дамы, по чьей-то командѣ, облекаются въ трауръ. Въ городахъ слышатся дерзкія рѣчи и встрѣчаются дерзкіе взгляды. Нація, о которой еще недавно одинъ изъ ея поклонниковъ не кстати печатно возвѣстилъ, что она дастъ тысячи мучениковъ и ни одного убійцу, эта нація спѣшитъ уличить его во лжи и въ какихъ-нибудь три мѣсяца выставляетъ изъ своихъ рядовъ столько убійцъ и отравителей, что на долю ея хватитъ и за прошедшее, и на будущее. Въ глазахъ и съ попущенія той же націи, величающейся мягкостью своихъ нравовъ и рыцарскимъ своимъ настроеніемъ, на улицахъ оскорбляютъ женщинъ, носящихъ Русское имя, рѣжутъ спящихъ солдатъ, а отбивающихся сжигаютъ въ наглухо-запертыхъ сараяхъ. Давно ужъ міръ не видалъ ничего подобнаго.

Бѣдная нація! Не тогда ты кончилась, когда израненный свалился съ лошади и взятъ былъ въ плѣнъ одинъ изъ лучшихъ твоихъ сыновъ; ты теперь кончаешься, и не отъ чужой, а отъ своей руки: чужія руки могли тебя изрубить, но ты одна могла запятнать себя...

Посмотримъ, однако, что̀ дѣлаетъ духовенство. Оно на виду. Изъ густаго лѣса пробирается въ деревню вооруженная шайка, или (опять-таки, говоря новѣйшимъ Русскимъ языкомъ) *банда инсургентовъ*. Впереди всѣхъ ѣдетъ ксендзъ. Не болѣе какъ съ часъ тому назадъ, онъ, можетъ быть, приносилъ на алтарѣ безкровную жертву. Въ одной его рукѣ остался крестъ, а въ другой.... что̀ бы вы думали? Ужъ не Петровъ ли мечъ, не символъ ли духовной власти? Нѣтъ, этотъ мечъ, дававшій нѣкогда размахи на всю вселенную, давно ужъ выпалъ изъ одряхлѣвшей руки. Онъ сданъ въ арсеналъ, и, вмѣсто меча, въ рукѣ служителя Латинской церкви шестиствольный револьверъ. Гдѣ не бьетъ слово [illegible] возьметъ пуля и пробьетъ насквозь неп[illegible] черепъ, будь онъ мужской или женс[illegible] въ— всѣ равны.

Но зачѣмъ же, скажутъ намъ, обобщать обвиненіе и сваливать на отвѣтственность церкви преступленіе нѣсколькихъ извергов? Дѣйствительно, не всѣ, далеко не всѣ,— желали бы мы убѣдиться, что лишь немногіе въ нихъ причастны; но дѣло въ томъ, что участіе бываетъ различно. Вы приберегаете названіе убійцы для того, кто спустилъ курокъ; а какъ вы назовете того, кто разрѣшилъ убійство, того, кто попустилъ его, наконецъ того, кто отворачиваетъ глаза отъ убійства и притворяется, что не видитъ его?

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлаютъ лучшіе люди? Что̀ дѣлаетъ высшее духовенство, и какъ относится оно къ дѣйствіямъ своихъ подначальныхъ? Вотъ, что̀ бы мы желали узнать; но, къ удивленію, объ этомъ-то мы ничего и не слышимъ. Никто, однако, не обвинитъ Латинскаго духовенства въ недостаткѣ чуткости и не заподозритъ его организаціи въ отсутствіи дисциплины. Мы знаемъ, что на всякое событіе, даже на мелочное движеніе, въ чемъ-либо его задѣвающее, оно немедленно отзывается ясно и внятно. Знаемъ, что слово его передается быстро, сверху до низу, по всѣмъ ступенямъ іерархіи, и слово это раздается не даромъ, а исполняется въ точности. Что̀ жъ значитъ въ настоящемъ случаѣ это упорное молчаніе? Вѣдь кажется, есть въ Варшавѣ архіепископъ и мѣстный представитель Латинства. Недавно еще, мы слышали, онъ занималъ совѣтъ какими-то мѣрами объ огражденіи самостоятельности и свободы лицъ. Сказалъ ли онъ хоть слово о томъ, что обращать богослуженіе въ орудіе для возбужденія политической страсти значитъ оскорблять и позорить святыню? Напомнилъ ли онъ, что своды церквей должны оглашаться словами любви и мира, а не риѳмованными памфлетами и дикимъ призывомъ къ насилію? Подумалъ ли онъ о томъ, чтобъ оградить хоть жизнь своей паствы отъ необузданнаго рвенія подвластныхъ ему пастырей? Неужели онъ ничего не видитъ и не замѣчаетъ? Или въ его глазахъ все, что̀ творятъ теперь въ Польшѣ его разгулявшіеся ксендзы, не болѣе какъ невинныя шалости ad majorem gloriam Dei et sanctae Apostolicae sedis?

Но поднимитесь выше. Что̀ дѣлаетъ глава Латинства? денный своими подданными въ стѣнахъ своей столицы,

изъ-за тройной ограды Французскихъ штыковъ, онъ перемигивается издали съ какими-то темными людьми, тоже по своему, нехуже Польскихъ ксендзовъ, служащими Латинству въ лѣсахъ Неаполитанскаго королевства, и въ то же время, со вздохомъ обращая свой взоръ на сѣверъ, онъ умильно проситъ, чтобъ заступились добрые люди *за угнетенную* въ предѣлахъ Россіи Римскую церковь....

Итакъ, отношеніе выяснилось. Настоящее бросило свѣтъ на прошедшее; теперь видитъ всякій, чего мы можемъ ожидать отъ Латинства. Пусть же оно высказывается: мы будемъ прислушиваться и мотать себѣ на усъ.

По поводу защиты Кіевской администраціи г. Вл. Юзефовичемъ *).

(Письмо къ редактору „Дня").

Я только что прочелъ вашъ отвѣтъ на статью г. Владиміра Юзефовича (въ № 33), писанную въ защиту нынѣшней системы администраціи Юго-западнаго края, и поспѣшаю, во-первыхъ, заявить вамъ мое полнѣйшее сочувствіе выраженному вами взгляду на положеніе дѣлъ въ томъ краѣ; во-вторыхъ, дополнить ваши слова указаніемъ на нѣкоторыя обстоятельства, можетъ быть, не всѣмъ извѣстныя. Я довольно долго жилъ въ Кіевѣ, кое-что могъ высмотрѣть своими глазами, кое-что узналъ по служебнымъ моимъ занятіямъ и всею душею привязался къ этой богатой, дивной, но во многихъ отношеніяхъ несчастной сторонѣ.

Въ управленіи нашими западными губерніями (не только Украинскими, но и Литовскими и Бѣлорусскими), поперемѣнно преобладали двѣ системы. Постараюсь охарактеризовать ихъ. Первая гласитъ: „Въ Западномъ краѣ борются два начала, Русско-православное и Латино-польское. Первое изъ нихъ — коренное, второе — наносное. Интересъ Россійскаго государства и Русской земли связанъ съ торжествомъ перваго надъ вторымъ. Начало Русское олицетворяется въ массѣ сельскаго народонаселенія, въ простонародьѣ, и въ Православномъ духовенствѣ. Польское — въ помѣстномъ дворянствѣ и въ Латинскомъ духовенствѣ. На нашей сторонѣ, т.-е. на сторонѣ правительства и Россіи, сила числительности и сила народ-

*) Напечатано въ № 36 „Дня" 7 Сентября 1863 года.

министративные дѣятели Западнаго края, и что отъ этого преимущественно зависѣлъ характеръ ихъ дѣятельности.

Въ настоящее время, первая система энергически и послѣдовательно дѣйствуетъ на Сѣверѣ, въ Вильнѣ; вторая, кажется, бездѣйствуетъ на Югѣ, въ Кіевѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ было совершенно наоборотъ. Указавъ на результаты ихъ въ прошедшемъ, можно будетъ уяснить себѣ, чего ожидать отъ нихъ въ настоящемъ и будущемъ. Для полнаго обозрѣнія у меня нѣтъ подъ рукою матеріаловъ, ни времени, и потому я ограничусь однимъ предметомъ—крестьянскимъ вопросомъ.

Извѣстно, что въ 1830 году Польское возстаніе черпало значительныя силы изъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, особенно изъ послѣдней. Командовавшій въ то время Русскими войсками, въ томъ краѣ расположенными, самъ отъ себя обратился къ крестьянамъ (надъ которыми, не забывайте, тяготѣло во всей силѣ крѣпостное право) съ воззваніемъ, которымъ приглашалъ ихъ помочь правительству управиться съ панами. Не могу теперь привести его въ подлинникѣ, но очень помню выраженія: „слѣдите за злоумышленниками, хватайте ихъ, передавайте въ руки начальства и будьте покойны: вы никогда уже не подпадете подъ власть бунтовщиковъ, васъ оградятъ отъ нихъ и т. д.“. Разумѣется, крестьяне ни минуты не задумались, и произошло то же, что̀ происходило вчера. Съ паденіемъ Варшавы, смирился и Западный край; нѣкоторыя имѣнія были конфискованы, т. е. переданы въ казну, а всѣ казенныя имѣнія въ то время сдавались въ арендное содержаніе съ правомъ на обязательную барщину. Разумѣется, арендаторы были Поляки. Прочія имѣнія остались во владѣніи прежнихъ помѣщиковъ, не замѣшанныхъ въ мятежѣ или прощенныхъ; наконецъ, нѣкоторыя достались ихъ родственникамъ. Во всемъ краѣ возстановился *прежній* порядокъ. А знаете ли вы, что̀ это былъ за порядокъ? Нѣтъ, кто не видалъ Поляка, эконома или оффиціалиста съ хлыстомъ въ рукѣ, распоряжающагося барщиною на полѣ или на гумнѣ, тотъ не можетъ себѣ его вообразить. Представьте себѣ все полновластіе крѣпостнаго права, весь его произволъ, но произволъ обдуманны[illegible]четливый и приправленный

безграничнымъ презрѣніемъ *цивилизованнаго, рыцарскаго* племени къ отверженному племени *хлоповъ;* прибавьте къ этому тотъ особенный видъ озлобленія, который зараждается въ племени угнетающемъ, отъ внутренняго и невольнаго сознанія исторической беззаконности его гнета; наконецъ, откиньте всѣ бытовыя условія, которыми у насъ смягчалось крѣпостное право, единство вѣры и языка, нашу добродушную беззаботность, дворянскую лѣнь и т. д., и тогда вы получите понятіе о томъ положеніи, въ которомъ очутились крестьяне на другой день послѣ того, какъ, благодаря ихъ содѣйствію, законная власть одержала побѣду. Разумѣется, помѣщики (то есть родственники, друзья и земляки пановъ, выданныхъ крестьянами правительству) не замедлили наградить ихъ по своему за ихъ службу, и наиболѣе отличившіеся усердіемъ, съ перебритыми головами, въ кандалахъ, потянулись въ Сибирь. О числѣ сосланныхъ и отданныхъ въ рекруты послѣ Польскаго мятежа (конечно, безъ суда, въ силу крѣпостного права) собраны были точныя свѣдѣнія. Я не припомню цифры, но она была значительна. Въ такомъ видѣ засталъ дѣла бывшій генералъ - губернаторъ Бибиковъ. Одаренный вѣрнымъ политическимъ взглядомъ и энергическою волею, онъ сразу понялъ положеніе края, ему ввѣреннаго, и принялся за дѣло въ духѣ первой изъ вышеупомянутыхъ системъ. Онъ потребовалъ, чтобы назначеніе всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ было предоставлено ему, чтобы казна перестала сдавать свои имѣнія въ аренду съ правомъ барщины, чтобы казенные крестьяне были немедленно переведены на оброкъ, чтобы отдача всѣхъ вообще имѣній въ арендное содержаніе была прекращена, чтобы помѣщичій произволъ былъ ограниченъ, а хозяйственный бытъ крестьянъ улучшенъ введеніемъ *общаго*, имъ составленнаго положенія, подъ названіемъ „инвентарныхъ правилъ“. Главныя черты этого положенія заключались въ слѣдующемъ: вся земля, состоящая въ пользованіи крестьянъ, признается неотъемлемо-мірскою, то есть оставляется навсегда въ ихъ пользованіи; барщина въ пользу помѣщика отбывается съ двора въ опредѣленномъ размѣрѣ; дворы раздѣлены на три разряда; тяглыхъ (имѣющихъ достаточно рабочаго скота для обработки земли собственными средствами),

пѣшихъ и огородниковъ; повинность опредѣляется также въ трояковъ размѣрѣ, по разряду, къ которому принадлежитъ каждый дворъ. Съ точки зрѣнія научной, проектъ правилъ г. г. Бибикова не выдерживалъ критики. Это была работа самая грубая и топорная, но она имѣла то огромное достоинство, что содержала въ себѣ два или три положенія простыхъ, всѣмъ понятныхъ, которыя должны были немедленно улучшить бытъ крестьянъ и, по своей общности и опредѣлительности, *никакъ не могли быть перетолкованы или искажены исполнителями дѣла.*

Единовременно, въ сѣверной половинѣ Западнаго края, которая управлялась по другой системѣ, также возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ крестьянъ, но на другихъ основаніяхъ. Тамъ предполагалось ограничиться провѣркою, исправленіемъ и узаконеніемъ *инвентарей,* то-есть *отдѣльныхъ для каждаго имѣнія* описей, опредѣлить въ нихъ подворные надѣлы и повинности; не вводя законодательнымъ порядкомъ общихъ, обязательныхъ правилъ о самомъ существѣ хозяйственныхъ отнощеній крестьянъ къ помѣщикамъ, предоставить это, на мѣстахъ, исполнительнымъ инстанціямъ, снабдивъ ихъ обстоятельными инструкціями. Очевидно, здѣсь вопросъ въ экономическомъ и юридическомъ отношеніи ставился вѣрнѣе, предъявлялось требованіе точнаго соразмѣренія повинностей съ надѣлами, требованіе измѣренія и кадастраціи; все это было очень тонко и заманчиво, но задуманная въ такихъ размѣрахъ операція должна была затянуться на безконечный срокъ и потеряться въ подробностяхъ, ускользающихъ отъ высшаго наблюденія; наконецъ, при этихъ условіяхъ, успѣхъ предпріятія долженъ былъ почти безусловно зависѣть отъ исполнителей.

Въ Петербургѣ возникъ горячій споръ между сторонниками этихъ двухъ системъ. Проэкты г.г. Бибикова вызвали сильныя возраженія. Министерство Государственныхъ Имуществъ, сочувствуя мысли о переводѣ казенныхъ крестьянъ на оброкъ, указывало на неприготовленность ихъ къ отбыванію денежной повинности, на страшные, ожидаемые для казны недоборы, на невозможность опредѣлить оброкъ, не измѣривъ и не оцѣнивъ земель, на необходимость точнѣйшаго

изслѣдованія надѣловъ и повинностей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, на произвольность въ опредѣленіи размѣра барщины и т. д. и т. д. Словомъ, было на чемъ расходиться. Помѣщики, разумѣется, ударили въ набатъ, а Петербургское высшее общество подхватило трезвонъ. На все это г.г. Бибиковъ отвѣчалъ: „Не спорю, что, можетъ быть, казна и понесетъ нѣкоторый убытокъ отъ недоимокъ; не отрицаю, что мы не въ состояніи теперь же въ точности соразмѣрить повинности съ надѣлами и что, быть можетъ, иной помѣщикъ потеряетъ болѣе, чѣмъ другой; но нѣтъ инаго средства *немедленно* улучшить хозяйственный бытъ крестьянъ, поднять ихъ духъ и оправдать ихъ угасающія надежды на правительство". Предъявленіе воззванія, о которомъ я говорилъ выше, рѣшило дѣло, но только на половину. Проэктъ г. Бибикова о немедленномъ переводѣ казенныхъ крестьянъ на оброкъ и составленное имъ общее инвентарное положеніе были утверждены для Кіевскаго генералъ-губернаторства и въ немъ введены въ дѣйствіе; въ сѣверной же половинѣ Западнаго края приступлено было къ составленію частныхъ инвентарей.

Теперь обратимся къ послѣдствіямъ. Въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ казенные крестьяне, изъятые изъ рукъ арендаторовъ, съ перваго разу отличились передъ другими губерніями своею исправностью въ платежѣ оброка; помѣщичьи крестьяне просто ожили. Годъ введенія инвентарныхъ правилъ врѣзался въ ихъ память, какъ событіе первой величины; сложились даже пѣсни, въ которыхъ оно воспѣвалось, и, должно сознаться, съ колкими намеками на кислыя мины пановъ. Что же дѣлать! Надобно что-нибудь простить грубой черни!... Все это я вамъ сообщаю, какъ свидѣтель и очевидецъ.

Между тѣмъ, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ формировались коммиссіи, разумѣется подъ вліяніемъ мѣстныхъ, Польскихъ элементовъ, возникали вопросы за вопросами, инструкціи слѣдовали за инструкціями. Инвентари составлялись, повѣрялись, вводились и браковались; все дѣло шло крайне туго и вяло, по нѣскольку разъ передѣлывалось съизнова и не дало никакихъ результатовъ. Бытъ крестьянъ не улучшился, по крайней мѣрѣ они не ощутили существеннаго улучшенія;

пѣшихъ и огородниковъ; повинность опредѣляется также въ троякомъ размѣрѣ, по разряду, къ которому принадлежитъ каждый дворъ. Съ точки зрѣнія научной, проектъ правилъ г. г. Бибикова не выдерживалъ критики. Это была работа самая грубая и топорная, но она имѣла то огромное достоинство, что содержала въ себѣ два или три положенія простыхъ, всѣмъ понятныхъ, которыя должны были немедленно улучшить бытъ крестьянъ и, по своей общности и опредѣлительности, *никакъ не могли быть перетолкованы или искажены исполнителями дѣла.*

Единовременно, въ сѣверной половинѣ Западнаго края, которая управлялась по другой системѣ, также возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ крестьянъ, но на другихъ основаніяхъ. Тамъ предполагалось ограничиться провѣркою, исправленіемъ и узаконеніемъ *инвентарей*, то-есть *отдѣльныхъ для каждаго имѣнія* описей, опредѣлить въ нихъ подворные надѣлы и повинности; не вводя законодательнымъ порядкомъ общихъ, обязательныхъ правилъ о самомъ существѣ хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, предоставить это, на мѣстахъ, исполнительнымъ инстанціямъ, снабдивъ ихъ обстоятельными инструкціями. Очевидно, здѣсь вопросъ въ экономическомъ и юридическомъ отношеніи ставился вѣрнѣе, предъявлялось требованіе точнаго соразмѣренія повинностей съ надѣлами, требованіе измѣренія и кадастраціи; все это было очень тонко и заманчиво, но задуманная въ такихъ размѣрахъ операція должна была затянуться на безконечный срокъ и потеряться въ подробностяхъ, ускользающихъ отъ высшаго наблюденія; наконецъ, при этихъ условіяхъ, успѣхъ предпріятія долженъ былъ почти безусловно зависѣть отъ исполнителей.

Въ Петербургѣ возникъ горячій споръ между сторонниками этихъ двухъ системъ. Проэкты г.г. Бибикова вызвали сильныя возраженія. Министерство Государственныхъ Имуществъ, сочувствуя мысли о переводѣ казенныхъ крестьянъ на оброкъ, указывало на неприготовленность ихъ къ отбыванію денежной повинности, на страшные, ожидаемые для казны недоборы, на невозможность опредѣлить оброкъ, не измѣривъ и не оцѣнивъ земель, на необходимость точнѣйшаго

именно надѣлы пѣшіе; иными словами: она задумала уничтожить цѣлый разрядъ тяглыхъ хозяйствъ, отобравъ отъ нихъ всю землю, которою они владѣли сверхъ обыкновеннаго пѣшаго надѣла, и которая была за ними укрѣплена въ пользованіе, какъ *неотъемлемо-мірская*. Вы видите, что ударъ былъ направленъ недурно, въ самую голову, въ чело крестьянства, въ лучшихъ представителей этого сословія. Нетрудно угадать, какая была при этомъ цѣль и какія бы произошли послѣдствія. Конечно, все это было замаскировано мнимымъ намѣреніемъ уравнять надѣлы, и проэктъ, въ такомъ видѣ составленный и генералъ-губернаторомъ вполнѣ одобренный, отосланъ былъ въ Петербургъ. Здѣсь спасти неприкосновенность мірской земли стоило немалаго труда. Все было пущено въ ходъ депутатами отъ дворянства: и консервативный характеръ интересовъ крупной поземельной собственности, и преданность дворянства, и неспособность крестьянъ управиться съ землею, и—главное—коммунистическія тенденціи возражавшихъ на проэктъ *). Тѣмъ не менѣе, начало было спасено, и можно было еще на одинъ шагъ подвинуть крестьянское дѣло именно потому, что инвентарное положеніе послужило твердою, заблаговременно укрѣпленною позиціею.

Для Литовскихъ же губерній нельзя было сдѣлать ничего окончательнаго и рѣшительнаго, собственно потому, что

---

*) Лучшимъ доказательствомъ, что Польскій катихизисъ составленъ былъ давно, служитъ то обстоятельство, что въ него не попали слѣдующія статьи, выработанныя позднѣйшею практикой:

1) Стараться всѣми мѣрами сближаться съ Русскими дворянами на почвѣ общихъ, помѣщичьихъ интересовъ; увѣрять ихъ, что правительство дѣйствуетъ враждебно противъ права поземельной собственности, въ особенности крупной; этимъ способомъ—питать въ Русскихъ дворянахъ раздраженіе противъ правительства и, становясь подъ ихъ защиту, дѣлать изъ нихъ и изъ служащей имъ прессы слѣпыхъ союзниковъ Польскаго, святаго дѣла.

2) Морочить правительство, твердя ему при каждомъ удобномъ случаѣ, что дворянство (всякое вообще) есть олицетвореніе политическаго консерватизма, а союзъ правительства съ народомъ, съ массами, былъ бы нечестивымъ союзомъ съ разрушительнымъ, демократическимъ началомъ.

3) Думающихъ иначе заподозривать въ коммунизмѣ и связывать ихъ имена съ именами Герцена, Огарева и пр.

тамъ не нашлось твердой основы въ предшествовавшихъ распоряженіхъ, и пришлось, по необходимости, еще разъ отсрочить надежды крестьянъ. Удалось только предупредить закрѣпленіе порядка вещей, для нихъ невыгоднаго, и спасти возможность дѣйствительнаго улучшенія ихъ быта — назначеніемъ ревизіонныхъ коммиссій, чѣмъ теперь правительство и воспользовалось.

Не угодно ли вамъ мысленно дополнить мои слова, припомнивъ роль крестьянъ въ самое послѣднее время — въ Сѣверной и въ Южной частяхъ Западнаго края, и вы ясно различите двѣ системы, о которыхъ я говорю, по ихъ послѣдствіямъ. И тамъ и здѣсь — одинаковая непріязнь къ Полякамъ; но на Югѣ все сельское народонаселеніе поднимается съ полною, опытомъ оправданною, вѣрою въ силу правительства; вы видите передъ собою грозныхъ поборниковъ общенароднаго дѣла, въ которыхъ страсти сдерживаются самымъ сознаніемъ несомнѣнности торжества надъ врагами; а на Сѣверѣ — это безнадежные страдальцы, идущіе на послѣднее, вольное мученичество. И ихъ-то именно неожиданная побѣда скорѣе могла бы обратить въ безпощадныхъ мстителей.

Г. Юзефовичъ, въ своемъ возраженію на статью Кисловскаго, жалуется на то, что мѣстную администрацію обвиняли опрометчиво, голосовно, безъ справокъ, безъ знанія дѣла. Теперь, прочитавъ внимательно ея апологію, мы, на основаніи ея, слѣдовательно уже съ знаніемъ дѣла, можемъ заявить, что находимъ систему мѣстнаго управленія вполнѣ несвоевременною и не въ уровень стоящею съ нынѣшними обстоятельствами края. Можно было видѣть это и прежде. Вспомните знаменитый циркуляръ о первой шайкѣ, образовавшейся въ самомъ Кіевѣ. „Мы давно слышали, объявляло начальство, что въ краѣ водятся Поляки, мечтающіе отложиться отъ Россіи; слышали, но намъ не вѣрилось; насъ предупреждали, что готовится попытка возстанія, но мы сомнѣвались, и вотъ наконецъ, къ крайнему изумленію нашему, она дѣйствительно состоялась.“ Пріемъ очень извѣстный: притворяться спокойнымъ и отражать преднамѣренно всякое подозрѣніе, въ надеждѣ обезоружить злоумышленниковъ невозмутимымъ довѣріемъ! Можетъ быть, это и хорошо въ из-

вѣстныхъ случаяхъ, но отнюдь не въ Западномъ краѣ. Вспомните и другой циркуляръ мѣстной администраціи въ томъ же краѣ, какой губерніи не припомню, въ которомъ, на другой же день послѣ того, какъ крестьяне усмирили мятежъ, она обращалась къ нимъ съ такого рода рѣчью: „Помогли, и будетъ! Довольно съ васъ, больше ненужно; теперь скорѣй по домамъ и смирно! Выкиньте все прошлое изъ головы и помните одно, *чтобы не было потравъ* запрещенныхъ и божественнымъ, и гражданскимъ закономъ. Это главное!“ — Все это, конечно, правда; травить чужихъ покосовъ и посѣвовъ не должно; но какъ это все неумѣстно, некстати, какъ не вѣренъ тонъ! А тонъ много значитъ. Въ Вильнѣ перемѣна тона главнаго мѣстнаго управленія измѣнила физіономію края. Вообще въ циркулярахъ, выходящихъ въ Кіевѣ, особенно же въ статьѣ г. Юзефовича, звучитъ постоянно одинъ основной мотивъ: опасеніе народнаго движенія. Начальство какъ будто сознаетъ себя безсильнымъ стать во главѣ его и дать ему направленіе и оттого пугается его болѣе, чѣмъ Польской пропаганды. Вслѣдствіе этого и предупредительныя мѣры направляются не въ ту сторону, съ которой грозитъ главная опасность.

Повторяемъ, статья г. Юзефовича дѣйствуетъ отнюдь не успокоительно. Это взглядъ не администратора, сдерживающаго враждебныя силы и ведущаго союзныя къ одной общей цѣли, указанной политическими обстоятельствами края, а взглядъ юриста, подводящаго частные случаи подъ букву закона, не подлежащаго его оцѣнкѣ. Уличенные въ преступленіяхъ, говорятъ намъ, не избѣгали и не избѣгнутъ кары, а не уличенныхъ ни въ какомъ беззаконномъ поступкѣ мы казнить не въ правѣ. Да развѣ въ этомъ задача? Какъ будто между людьми, ни въ чемъ не провинившимся, нѣтъ никакой разницы; какъ будто достаточно не быть явнымъ преступникомъ, чтобы слыть годнымъ кандидатомъ на всевозможныя должности; какъ будто огромный промежутокъ между двумя крайностями, уличенныхъ злоумышленниковъ и людей, которыхъ никакое подозрѣніе коснуться не можетъ, не занятъ цѣлымъ классомъ, цѣлымъ сословіемъ, котораго враждебное настроеніе и дѣятельный заговоръ очевидны? Г. Юзе-

фовичъ воображаетъ, то есть прикидывается воображающимъ, что просятъ крови и крови. Это также очень извѣстный, но ни къ чему не ведущій діалектическій пріемъ—приписывать противнику дикое или нелѣпое требованіе, чтобы побѣдоносно отразить его. Напрасно! Всякій неодичалый человѣкъ содрагается при видѣ висѣлицы или плахи, и только, дѣлая надъ собою усиліе, сознаніемъ своимъ допускаетъ казнь, какъ неизбѣжное бѣдствіе; но именно потому-то мы и не сочувствуемъ системѣ полумѣръ, которой вы держитесь, что полумѣры поддерживаютъ дерзкія надежды на успѣхъ, побуждаютъ къ политическимъ преступленіямъ, а преступленія ведутъ за собою казни. Мы ожидаемъ и просимъ не казней, а общихъ, широкихъ, законодательныхъ и административныхъ мѣръ, замѣщенія служебныхъ должностей Русскими, удаленія мировыхъ посредниковъ изъ Поляковъ и немедленнаго, обязательнаго выкупа. Сдѣлайте это, и тогда, чѣмъ больше вы найдете возможнымъ помиловать хотя бы и уличенныхъ преступниковъ, тѣмъ лучше: не одни Поляки, а всѣ мы будемъ васъ благословлять.

Странное дѣло! Русскіе, служившіе въ Польскомъ царствѣ, кажется, не были заподозрѣны ни въ какихъ преступныхъ замыслахъ противъ Поляковъ; а между тѣмъ, едва только было произнесено слово *автономія* Польши, автономія не въ политическомъ, а въ административномъ смыслѣ, и Русскихъ чиновниковъ не стало. Ясновельможный маркизъ всѣхъ ихъ, очень безцеремонно, выпроводилъ *для пользы службы*, и никто даже бровью не повелъ. Никто не потянулъ его къ отвѣту, а если бъ отъ него потребовали объясненія, то онъ, по всей вѣроятности, не задумался бы отвѣтить, что Поляки довѣряютъ своимъ болѣе, чѣмъ Русскимъ, что первые надежнѣе, усерднѣе къ пользамъ отчизны и что нельзя не уважить народнаго чувства. А въ Кіевѣ, въ Житомірѣ и въ Каменцѣ.... Поляками наполнены всѣ присутственныя мѣста, *исполненіе* вообще въ ихъ рукахъ, и начальство медлитъ, церемонится, конфузится. Такъ ли бы мы поступали, при однородныхъ обстоятельствахъ, съ Армянами, Татарами или Жидами? И послѣ этого не въ правѣ ли мы видѣть въ нашихъ отношеніяхъ къ Полякамъ признаніе какихъ-то неуло-

вимыхъ правъ высшей цивилизаціи?! Не даромъ говорится, что правда колетъ глаза.

Вспомните еще, въ какія отношенія поставленъ по закону къ крестьянамъ и къ помѣщикамъ мировой посредникъ, какъ близки и интимны эти отношенія, какая самостоятельность ему присвоена, какою безотвѣтственностью передъ начальствомъ онъ гарантированъ, сколько можетъ онъ объяснить, растолковать и внушить одними неуловимыми намеками, знаками, вздохами, одною мимикой, и вы сразу увидите, что въ настоящее время мировой посредникъ—Полякъ въ Западномъ краѣ -- это такая вопіющая несообразность, которой нельзя терпѣть ни единаго дня. А вы все ждете уликъ, доказательствъ, дѣйствій, ждете пока вы захватите человѣка съ револьверомъ въ рукѣ или съ казенною сумкою подъ мышкою! Не дождетесь: Поляки очень хорошо понимаютъ, что мировой посредникъ, не выходящій изъ буквы закона, гораздо дѣйствительнѣе служитъ *ойчизнѣ*, чѣмъ казнокрадъ или вѣшатель. По положенію, назначеніе мировыхъ посредниковъ было предоставлено губернаторамъ; жаль, если въ Западномъ краѣ они не поняли смысла и силы этого права; но какъ бы то ни было, ошибку эту пора исправить, не теряя времени. Теперь обстоятельства не тѣ, что въ 1861 году, и много изъ того, что̀ было неуловимо и тайно, теперь уяснилось и стало явно.

Далѣе, почему же не распространить на Кіевскую, Подольскую и Волынскую губерніи Положенія объ обязательномъ выкупѣ и зачѣмъ непремѣнно изобрѣтать какую-нибудь новую комбинацію (*)? Намъ отвѣчаетъ г. Юзефовичъ, что обязательный выкупъ нарушилъ бы право собственности и отмѣнилъ бы законъ, по которому выкупъ производится по обоюдному соглашенію. Опять тѣ же противорѣчія и та же непослѣдовательность! Выкупъ принудительный на-

*) Послѣ того какъ уже была написана эта статья, обнародованъ Высочайшій указъ о введеніи обязательнаго выкупа въ Юго-западномъ краѣ и о прекращеніи всякихъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ съ 1 Сентября. Дай Богъ только, чтобы Кіевская администрація быстро и добросовѣстно привела этотъ указъ въ исполненіе, несмотря на свое „особенное о выкупѣ мнѣніе..." *Прим. Ред. Дня.*

фовичъ воображаетъ, то есть прикидывается воображающимъ, что просятъ крови и крови. Это также очень извѣстный, но ни къ чему не ведущій діалектическій пріемъ—приписывать противнику дикое или нелѣпое требованіе, чтобы побѣдоносно отразить его. Напрасно! Всякій неодичалый человѣкъ содрагается при видѣ висѣлицы или плахи, и только, дѣлая надъ собою усиліе, сознаніемъ своимъ допускаетъ казнь, какъ неизбѣжное бѣдствіе; но именно потому-то мы и не сочувствуемъ системѣ полумѣръ, которой вы держитесь, что полумѣры поддерживаютъ дерзкія надежды на успѣхъ, побуждаютъ къ политическимъ преступленіямъ, а преступленія ведутъ за собою казни. Мы ожидаемъ и просимъ не казней, а общихъ, широкихъ, законодательныхъ и административныхъ мѣръ, замѣщенія служебныхъ должностей Русскими, удаленія мировыхъ посредниковъ изъ Поляковъ и немедленнаго, обязательнаго выкупа. Сдѣлайте это, и тогда, чѣмъ больше вы найдете возможнымъ помиловать хотя бы и уличенныхъ преступниковъ, тѣмъ лучше: не одни Поляки, а всѣ мы будемъ васъ благословлять.

Странное дѣло! Русскіе, служившіе въ Польскомъ царствѣ, кажется, не были заподозрѣны ни въ какихъ преступныхъ замыслахъ противъ Поляковъ; а между тѣмъ, едва только было произнесено слово *автономія* Польши, автономія не въ политическомъ, а въ административномъ смыслѣ, и Русскихъ чиновниковъ не стало. Ясновельможный маркизъ всѣхъ ихъ, очень безцеремонно, выпроводилъ *для пользы службы*, и никто даже бровью не повелъ. Никто не потянулъ его къ отвѣту, а если бъ отъ него потребовали объясненія, то онъ, по всей вѣроятности, не задумался бы отвѣтить, что Поляки довѣряютъ своимъ болѣе, чѣмъ Русскимъ, что первые надежнѣе, усерднѣе къ пользамъ отчизны и что нельзя не уважить народнаго чувства. А въ Кіевѣ, въ Житомірѣ и въ Каменцѣ.... Поляками наполнены всѣ присутственныя мѣста, *исполненіе* вообще въ ихъ рукахъ, и начальство медлитъ, церемонится, конфузится. Такъ ли бы мы поступали, при однородныхъ обстоятельствахъ, съ Армянами, Татарами или Жидами? И послѣ этого не въ правѣ ли мы видѣть въ нашихъ отношеніяхъ къ Полякамъ признаніе какихъ-то неуло-

вимыхъ правъ высшей цивилизаціи?! Не даромъ говорится, что правда колетъ глаза.

Вспомните еще, въ какія отношенія поставленъ по закону къ крестьянамъ и къ помѣщикамъ мировой посредникъ, какъ близки и интимны эти отношенія, какая самостоятельность ему присвоена, какою безотвѣтственностью передъ начальствомъ онъ гарантированъ, сколько можетъ онъ объяснить, растолковать и внушить одними неуловимыми намеками, знаками, вздохами, одною мимикой, и вы сразу увидите, что въ настоящее время мировой посредникъ—Полякъ въ Западномъ краѣ -- это такая вопіющая несообразность, которой нельзя терпѣть ни единаго дня. А вы все ждете уликъ, доказательствъ, дѣйствій, ждете пока вы захватите человѣка съ револьверомъ въ рукѣ или съ казенною сумкою подъ мышкою! Не дождетесь: Поляки очень хорошо понимаютъ, что мировой посредникъ, не выходящій изъ буквы закона, гораздо дѣйствительнѣе служитъ *ойчизнѣ*, чѣмъ казнокрадъ или вѣшатель. По положенію, назначеніе мировыхъ посредниковъ было предоставлено губернаторамъ; жаль, если въ Западномъ краѣ они не поняли смысла и силы этого права; но какъ бы то ни было, ошибку эту пора исправить, не теряя времени. Теперь обстоятельства не тѣ, что въ 1861 году, и много изъ того, что̀ было неуловимо и тайно, теперь уяснилось и стало явно.

Далѣе, почему же не распространить на Кіевскую, Подольскую и Волынскую губерніи Положенія объ обязательномъ выкупѣ и зачѣмъ непремѣнно изобрѣтать какую-нибудь новую комбинацію (*)? Намъ отвѣчаетъ г. Юзефовичъ, что обязательный выкупъ нарушилъ бы право собственности и отмѣнилъ бы законъ, по которому выкупъ производится по обоюдному соглашенію. Опять тѣ же противорѣчія и та же непослѣдовательность! Выкупъ принудительный на-

*) Послѣ того какъ уже была написана эта статья, обнародованъ Высочайшій указъ о введеніи обязательнаго выкупа въ Юго-западномъ краѣ и о прекращеніи всякихъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ съ 1 Сентября. Дай Богъ только, чтобы Кіевская администрація быстро и добросовѣстно привела этотъ указъ въ исполненіе, несмотря на свое „особенное о выкупѣ мнѣніе...“ *Прим. Ред. Дня.*

рушаетъ право собственности и отмѣняетъ законъ! Но вы забываете, во первыхъ, что когда право непосредственнаго распоряженія мірскою землею уже отнято закономъ, когда право собственности ограничивается правомъ на опредѣленный доходъ, то выкупъ становится простымъ переложеніемъ этого дохода; во-вторыхъ, что само дворянство неоднократно просило обязательнаго выкупа, какъ единственной логической развязки установленныхъ поземельныхъ отношеній, и что самые рѣшительные противники Положенія, не исключая и депутатовъ отъ Западныхъ губерній, всегда противопоставляли ему обязательный выкупъ, какъ мѣру, менѣе противную интересамъ дворянства; въ-третьихъ, что вѣдь и переходъ на оброкъ, по закону, для крестьянъ необязателенъ, а предоставленъ имъ на волю, и что нашло же правительство возможнымъ, во исполненіе желаній если не всѣхъ, то большинства дворянскихъ обществъ, обязать отдѣльныхъ крестьянъ къ выкупу, по требованію однихъ владѣльцевъ, въ отмѣну закона, не допускавшаго обязательнаго выкупа до добровольнаго перехода крестьянъ на оброкъ. Все это можно было сдѣлать въ видахъ удовлетворенія болѣе или менѣе вѣрно-понятыхъ имущественныхъ интересовъ одного сословія; а теперь не рѣшаются сдѣлать то же самое для крестьянъ, когда того требуетъ интересъ государственный, интересъ Русской земли!

Вмѣсто этого было придумано: обязательное переложеніе натуральной повинности на денежную и возложеніе на правительство взысканія оброка и гарантіи въ безнедоимочномъ его поступленіи! Г. Юзефовичъ даже не говоритъ, чтобы при этомъ трудъ взысканія и рискъ гарантіи полагался въ цѣну и чтобъ оброкъ понижался. Да знаете ли вы, что въ такомъ видѣ, эта мѣра была бы принята, какъ благодѣяніе *всѣми* помѣщиками, Московскими, Рязанскими и Самарскими? Дальше этого желанія ихъ не идутъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше для Поляковъ: доходъ ихъ будетъ обезпеченъ; отъ всѣхъ хлопотъ, споровъ и передрягъ, нарушающихъ комфортъ деревенской жизни, они избавятся; въ ихъ глазахъ будетъ взиматься оброкъ съ крестьянъ черезъ посредство агентовъ правительства; послѣднее приметъ на себя всегда непопулярную роль сборщика, и когда будутъ примѣняться мѣры строгаго

взысканія, панамъ останется только поддразнивать крестьянъ, перебрасывая изъ руки въ руку полученныя ассигнаціи, и приговаривать въ полголоса, такъ чтобы не слышали чиновники: „бѣдные крестьяне, глупые крестьяне; не хотѣли вы намъ помочь, теперь за это и расплачивайтесь". Вотъ тогда-то, смѣемъ завѣрить мѣстное начальство, откроются ваканціи для Русскихъ чиновниковъ; должностей сборщиковъ, конечно, Поляки у нихъ отбивать не станутъ.

Намъ говорятъ еще, что народная стража устроена именно въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ на началахъ вполнѣ *раціональныхъ*; это значитъ, что роль ея ограничена мѣрами охранительными и предупредительными, что ей вмѣнено въ обязанность, между прочимъ, увѣдомлять о формирующихся скопищахъ и т. д., но строго запрещено расправляться съ мятежниками, такъ какъ это дѣло войска. Признаемся, такое распредѣленіе ролей въ разыгрывающейся драмѣ кажется намъ нѣсколько искусственнымъ. Хорошо, если въ самомъ дѣлѣ войскъ такъ много и они расположены такъ удачно, что по *первому* донесенію, полученному отъ крестьянъ, немедленно явится цѣлая рота и разгромитъ скопище въ самомъ его зародышѣ. Но всегда ли это возможно? Ну, а если, почему-либо, движеніе войска замедлится? Шайка будетъ спокойно формироваться въ глазахъ крестьянъ, а они будутъ стоять неподвижно, выжидая, пока на нихъ нападутъ и раздастся das Stichwort ихъ роли; будутъ только свидѣтелями постепеннаго усиленія шайки, хотя, именно на первыхъ порахъ, имъ бы очень не трудно было перевязать ее?... Но положимъ даже, что все будетъ происходить по писанному, и что каждое изъ дѣйствующихъ лицъ въ точности выполнитъ свой *амплуа*; крестьяне донесутъ, войско подоспѣетъ, мятежниковъ переловятъ А что послѣ? Послѣ, на другой день, когда крестьянину, по доносу котораго шайка уничтожена, понадобится судъ или заступничество противъ помѣщика-Поляка, къ кому онъ обратится? Конечно, къ своему мировому посреднику, также Поляку. И вы увѣрены, что этотъ посредникъ будетъ безпристрастнымъ судьею? Вы поручитесь, что онъ не зналъ о шайкѣ, формировавшейся въ его участкѣ, что онъ не сносился съ нею, не доставлялъ ей при-

пасовъ и свѣдѣній, что въ нее не завербовался его братъ или зять, что онъ, воспитанный на Польскомъ катихизисѣ, не сочтетъ своимъ долгомъ отомстить за нихъ? Если такъ, блаженни вѣрующіе, но не блаженни подвластные довѣрчивымъ. Или, можетъ быть, вы предполагаете изъять изъ вѣдѣнія мировыхъ посредниковъ-Поляковъ тѣхъ изъ крестьянъ, которымъ довелось, или впредь доведется, служить правительству и быть проводниками военной силы? Но тогда, кого же будутъ судить и вѣдать мировые посредники?

Нѣтъ, не успокоителенъ взгядъ г. Юзефовича. Много заявлено имъ добрыхъ и благородныхъ намѣреній, положимъ даже, много раціональности, но мало разумѣнія Русскихъ интересовъ въ томъ краѣ. Это все та же *вторая* система, болѣе чѣмъ когда-либо несвоевременная.

Современный объемъ Польскаго вопроса *).

При множествѣ появляющихся у насъ статей о Польшѣ и при различіи точекъ зрѣнія нашихъ публицистовъ на такъ называемый Польскій вопросъ, кажется, наступило время точнѣе обозначить объемъ его, выяснить различныя его стороны и подвести итогъ тому, что̀ окончательно добыто, доказано, усвоено общественнымъ сознаніемъ, и что̀ находится еще подъ сомнѣніемъ и требуетъ разрѣшенія. Тогда, вѣроятно, многія изъ противорѣчій въ заявленныхъ у насъ мнѣніяхъ и предположеніяхъ, при всей кажущейся ихъ непримиримости, уяснятся сами собою, какъ воззрѣнія противоположныя только по ихъ односторонности, въ сущности же дополняющіяся взаимно.

Изъ всѣхъ когда-либо занимавшихъ Европу вопросовъ, Польскій едва ли не самый запутанный и сложный. Это оттого, что онъ слагается изъ *трехъ вопросовъ*, по существу своему *различныхъ*, несмотря на ихъ тѣсную связь.

Поляки—какъ народъ, какъ особенная стихія въ группѣ Славянскихъ племенъ.

Польша—какъ самостоятельное государство.

Наконецъ, Польша, или точнѣе: *полонизмъ*—какъ просвѣтительное начало, какъ представительство и вооруженная пропаганда Латинства въ средѣ Славянскаго міра.

Эти три понятія безпрестанно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое. Вся политика Поляковъ заключается въ ихъ *отождествленіи;* наша политика—въ ихъ *разъединеніи*.

---

*) Напечатано въ № 38 „Дня“ 21 Сентября 1863 г.

Что Поляки составляютъ отдѣльную, самостоятельную, хотя сравнительно съ другими немногочисленную вѣтвь Славянскаго племени—объ этомъ нѣтъ и спора. Они обладаютъ всѣми условіями народной личности; у нихъ свой языкъ, своя литература, своя историческая физіономія, свои бытовыя преданія. Признаніе этого простаго и неопровержимаго факта естественно ведетъ къ признанію права на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ *необходимое условіе всякой живой народности.* Мы разумѣемъ подъ этимъ: свободу вѣроисповѣданія, офиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта. Изъ того же факта вытекаетъ само собою и другое послѣдствіе. Поляки, во имя своей національности, не могутъ требовать не только подчиненія себѣ какой-либо другой народности, но даже какой-либо съ ея стороны уступки, и потому притязанія Польской національности не должны простираться далѣе предѣловъ ея фактическаго господства. Въ этомъ отношеніи, Поляки, Сербы, Болгаре, Чехи, совершенно равноправны. Вотъ все, что̀ оправдывается народностью, все, чего можно во имя ея требовать, и законныя границы этихъ требованій.

Но извѣстно, что притязанія Поляковъ этимъ не удовлетворяются. Польша, говорятъ они, должна быть самостоятельнымъ государствомъ; ей нужна полная, политическая независимость. Это, отвѣчаемъ мы, другой вопросъ, или другая сторона общаго Польскаго вопроса.

Къ числу *существенно-необходимыхъ и неотъемлемыхъ* принадлежностей всякой живой, признанной народности, мы не относимъ политической самостоятельности, потому что хотя народность и государственная форма — два явленія тѣсно между собою связанныя, однако первое не обусловливаетъ собою необходимости втораго. Иными словами: въ основѣ самостоятельнаго государства всегда лежитъ народная стихія болѣе или менѣе цѣльная, составляющая какъ бы ядро его, и государственная форма служитъ однимъ изъ проявленій этой стихіи, ея представительствомъ ad extra; но это еще не даетъ права къ обратному предположенію, ибо не всякая народ-

ность и не во всякую эпоху своего существованія способна облечься въ форму самостоятельнаго государства: на это нужны, сверхъ того, другія, очень разнообразныя условія, которыя могутъ быть и не быть. Есть цѣлыя племена еще не достигшія, можетъ быть и не имѣющія никогда достигнуть той степени зрѣлости, при которой самостоятельное государственное устройство становится возможнымъ; наоборотъ, есть народы, пережившіе свою политическую самостоятельность; есть мелкіе, затопленные чуждыми имъ народностями, осколки живыхъ племенъ, которымъ недоступна государственная форма по ихъ числительной незначительности; есть государства крѣпкія и сильныя, образовавшіяся изъ нѣсколькихъ, химически сроднившихся народныхъ стихій; чаще же всего встрѣчаемъ мы государства, выработанныя преимущественно одною народною силою и въ которыхъ эта сила преобладаетъ; но въ составѣ тѣхъ же политическихъ организмовъ мы видимъ другія, подчиненныя національности, признанныя или непризнанныя и пользующіяся большею или меньшею степенью гражданской самостоятельности. Итакъ, съ одной стороны, національная особенность *сама по себѣ* еще не оправдываетъ притязанія на политическую самостоятельность; съ другой, сложившееся государство не можетъ быть разсматриваемо *исключительно* какъ обликъ той или другой народности.

Каждый политическій организмъ, какъ продуктъ сложнаго историческаго развитія, имѣетъ разнообразныя потребности и условія прочнаго существованія, вытекающія не непосредственно изъ природы того племени, которому онъ служитъ представительствомъ, а изъ интересовъ его, какъ живаго дѣятеля, занявшаго въ исторіи извѣстное мѣсто и выполняющаго въ ней свое призваніе. Къ числу таковыхъ условій относятся, напримѣръ: обладаніе морскимъ берегомъ, свобода внѣшняго сбыта и привоза, естественная замкнутость въ стратегическомъ отношеніи надежныхъ границъ и т. д. Если (о чемъ теперь не можетъ быть и спора) признаніе народности еще не обязываетъ къ признанію за нею права на политическую независимость, и если нельзя требовать, чтобы предѣлы каждаго государства въ точности совпадали съ территоріаль-

и сталъ ужъ взрослымъ Поликеемъ; но барыня пришла въ азартъ, съ сердцемъ твердила, что видно ее хотятъ разорить, что всѣ какъ будто сговорились рости и множиться, а ей одной видно убывать да малиться, и кончила строгимъ приказомъ, чтобъ впредь этого не было. Она не читала Польскихъ публицистовъ, а не хуже ихъ опредѣляла историческій возрастъ своего Поликушки, безъ ея вѣдома и соизволенія выросшаго въ цѣлаго Поликея.

Но обратимся къ дѣлу. Мы видѣли, что для возстановленія прочной, политической независимости Польши, необходимо принести ей въ жертву около трехъ съ половиною живыхъ народностей, отличающихся отъ Польской — языкомъ, вѣроисповѣданіемъ, обычаями, цѣлымъ складомъ общественной жизни и глубоко ей враждебныхъ по всѣмъ историческимъ ихъ преданіямъ. Вотъ куда мы зашли, исходя изъ начала о полноправіи народностей и слѣдуя по пятамъ за Польскими публицистами!

Но они насъ прерываютъ и говорятъ: „Зачѣмъ же *въ жертву?* Мы вовсе не требуемъ жертвъ. Мы не дикіе Москали и не коварные Нѣмцы. Мы никого не думаемъ угнетать, а, напротивъ, всѣмъ безъ различія предоставимъ полную свободу развитія. Мы даже *не умѣемъ угнетать*, и уваженіе къ чужимъ правамъ, даже излишнее и доведенное до забвенія нашихъ собственныхъ интересовъ, было причиною нашего паденія. У насъ не поднялись руки подавить шайку мятежныхъ казаковъ и интригановъ-диссидентовъ. Въ тѣ былыя времена грубаго насилія, идеалъ, намъ предносившійся, не могъ, къ сожалѣнію, осуществиться, и мы за него поплатились; но мы не разстались съ нимъ и, при измѣнившихся обстоятельствахъ, докажемъ на дѣлѣ, что̀ значитъ любовный союзъ племенъ, основанный на полномъ равенствѣ правъ и на неограниченной вѣротерпимости“.

Кому случалось близко сходиться съ образованными Поляками и кто сколько-нибудь знакомъ съ ихъ современною литературою, тотъ не станетъ оспаривать, что лучшіе изъ нихъ говорятъ это совершенно искренно, обманывая не другихъ, а самихъ себя. Въ то же время, кому неизвѣстно, что эта всепримиряющая любовь, возведенная на степень основы

политическаго организма, уживается на практикѣ съ самою суровою національною и религіозною исключительностью, съ самымъ дерзкимъ, иногда доходящимъ до безсознательности, посягательствомъ на чужую народность и вѣру. По свидѣтельству безпристрастнѣйшихъ изъ Польскихъ историковъ и публицистовъ, двѣ причины сгубили ихъ родину: Польскій гоноръ не мирился съ мыслью о равноправности Бѣлоруссовъ и Малороссіянъ съ поляками, а іезуитизмъ не могъ допустить рядомъ съ собою православной церкви. Въ этомъ отношеніи, умудрились ли Поляки опытомъ вѣковъ, и воздѣйствовало ли сколько-нибудь историческое сознаніе, добытое трудами науки, на ихъ натуру, на ея живые инстинкты и побужденія? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Къ современнымъ Полякамъ примѣняется въ полной силѣ приговоръ, произнесенный Франціею надъ эмигрантами, вернувшимися на родину вмѣстѣ съ старшею линіею Бурбоновъ: „ils n'ont rien appris et n'ont rien oublié pendant l'exil". Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить образъ дѣйствія вожаковъ современнаго движенія въ Царствѣ Польскомъ, въ Бѣлоруссіи и въ Литвѣ, пробѣжать любое воззваніе, взятое на выдержку изъ любаго № газетъ, издаваемыхъ тайнымъ правительствомъ, припомнить эту безконечную процессію зарѣзанныхъ, повѣшенныхъ, отравленныхъ, изуродованныхъ, потянувшуюся назадъ, вопреки ходу исторіи, изъ второй половины XIX вѣка въ самую глубь XVI и XVII, къ темнымъ временамъ герцога Альбы и Торквемады. Но если этого мало, или если вздумаютъ приписывать кровавыя оргіи повстанцевъ дѣйствію распаленныхъ страстей, то найдутся и другаго рода улики въ цѣлой литературѣ и въ такъ называемыхъ мирныхъ манифестаціяхъ; не говоря о разжалованіи всего Великорусскаго племени въ какую-то помѣсь Финской крови съ Татарскою, ни о цѣломъ рядѣ попытокъ водрузить Латинскій крыжъ на мѣсто Православнаго креста, достаточно вспомнить, что горсть Поляковъ, которыхъ Русскіе штыки одни спасаютъ отъ топоровъ крестьянъ, недавно подавала просьбу объ отписаніи всей Подоліи къ Польшѣ. А еще все это только попытки и начинанія; но по программѣ можно судить о томъ, въ какой мѣрѣ Поляки расположены и способны понять и уважить

и сталъ ужъ взрослымъ Поликеемъ; но барыня пришла въ азартъ, съ сердцемъ твердила, что видно ее хотятъ разорить, что всѣ какъ будто сговорились рости и множиться, а ей одной видно убывать да малиться, и кончила строгимъ приказомъ, чтобъ впредь этого не было. Она не читала Польскихъ публицистовъ, а не хуже ихъ опредѣляла историческій возрастъ своего Поликушки, безъ ея вѣдома и соизволенія выросшаго въ цѣлаго Поликея.

Но обратимся къ дѣлу. Мы видѣли, что для возстановленія прочной, политической независимости Польши, необходимо принести ей въ жертву около трехъ съ половиною живыхъ народностей, отличающихся отъ Польской — языкомъ, вѣроисповѣданіемъ, обычаями, цѣлымъ складомъ общественной жизни и глубоко ей враждебныхъ по всѣмъ историческимъ ихъ преданіямъ. Вотъ куда мы зашли, исходя изъ начала о полноправіи народностей и слѣдуя по пятамъ за Польскими публицистами!

Но они насъ прерываютъ и говорятъ: „Зачѣмъ же *въ жертву?* Мы вовсе не требуемъ жертвъ. Мы не дикіе Москали и не коварные Нѣмцы. Мы никого не думаемъ угнетать, а, напротивъ, всѣмъ безъ различія предоставимъ полную свободу развитія. Мы даже *не умѣемъ угнетать*, и уваженіе къ чужимъ правамъ, даже излишнее и доведенное до забвенія нашихъ собственныхъ интересовъ, было причиною нашего паденія. У насъ не поднялись руки подавить шайку мятежныхъ казаковъ и интригановъ-диссидентовъ. Въ тѣ былыя времена грубаго насилія, идеалъ, намъ предносившійся, не могъ, къ сожалѣнію, осуществиться, и мы за него поплатились; но мы не разстались съ нимъ и, при измѣнившихся обстоятельствахъ, докажемъ на дѣлѣ, что̀ значитъ любовный союзъ племенъ, основанный на полномъ равенствѣ правъ и на неограниченной вѣротерпимости“.

Кому случалось близко сходиться съ образованными Поляками и кто сколько-нибудь знакомъ съ ихъ современною литературою, тотъ не станетъ оспаривать, что лучшіе изъ нихъ говорятъ это совершенно искренно, обманывая не другихъ, а самихъ себя. Въ то же время, кому неизвѣстно, что эта всепримиряющая любовь, возведенная на степень основы

политическаго организма, уживается на практикѣ съ самою суровою національною и религіозною исключительностью, съ самымъ дерзкимъ, иногда доходящимъ до безсознательности, посягательствомъ на чужую народность и вѣру. По свидѣтельству безпристрастнѣйшихъ изъ Польскихъ историковъ и публицистовъ, двѣ причины сгубили ихъ родину: Польскій гоноръ не мирился съ мыслью о равноправности Бѣлоруссовъ и Малороссіянъ съ поляками, а іезуитизмъ не могъ допустить рядомъ съ собою православной церкви. Въ этомъ отношеніи, умудрились ли Поляки опытомъ вѣковъ, и воздѣйствовало ли сколько-нибудь историческое сознаніе, добытое трудами науки, на ихъ натуру, на ея живые инстинкты и побужденія? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Къ современнымъ Полякамъ примѣняется въ полной силѣ приговоръ, произнесенный Франціею надъ эмигрантами, вернувшимися на родину вмѣстѣ съ старшею линіею Бурбоновъ: „ils n'ont rien appris et n'ont rien oublié pendant l'exil". Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить образъ дѣйствія вожаковъ современнаго движенія въ Царствѣ Польскомъ, въ Бѣлоруссіи и въ Литвѣ, пробѣжать любое воззваніе, взятое на выдержку изъ любаго № газетъ, издаваемыхъ тайнымъ правительствомъ, припомнить эту безконечную процессію зарѣзанныхъ, повѣшенныхъ, отравленныхъ, изуродованныхъ, потянувшуюся назадъ, вопреки ходу исторіи, изъ второй половины XIX вѣка въ самую глубь XVI и XVII, къ темнымъ временамъ герцога Альбы и Торквемады. Но если этого мало или если вздумаютъ приписывать кровавыя оргіи повстанцевъ дѣйствію распаленныхъ страстей, то найдутся и другаго рода улики въ цѣлой литературѣ и въ такъ называемыхъ мирныхъ манифестаціяхъ; не говоря о разжаловании всего Великорусскаго племени въ вакую-то помѣсь Финской крови съ Татарскою, ни о цѣломъ рядѣ попытокъ водрузить Латинскій крыжъ на мѣсто Православнаго креста, достаточно вспомнить, что горсть Поляковъ, которыхъ Русскіе штыки одни спасаютъ отъ топоровъ крестьянъ, недавно подавала просьбу объ отписаніи всей Подоліи къ Польшѣ. А еще все это только попытки и начинанія; но по программѣ можно судить о томъ, въ какой мѣрѣ Поляки расположены и способны понять и уважить

права всякой чужой народности или вѣры. Простой народъ, хранитель той и другой, понялъ это безошибочно.

Итакъ, обезпеченіе законныхъ правъ Польской народности, по убѣжденію Поляковъ, требуетъ непремѣннаго возстановленія Польши, какъ государства, а Польское государство, по ихъ же словамъ, немыслимо внѣ извѣстныхъ условій, для достиженія которыхъ нѣсколько живыхъ народностей должны быть принесены въ жертву Польской; иными словами: въ отплату за разчлененіе Польши (démembrement), Европа призывается теперь къ разчлененію Россіи. Спрашивается: ради чего и во имя чего?

Съ этимъ словомъ, мы переходимъ къ третьему вопросу.

Польша, говорятъ намъ, это не то, что какая-нибудь другая вѣтвь общеславянской семьи, Великорусская или Болгарская, а гораздо болѣе. Это соль Славянства, поддерживающая въ немъ жизнь и охраняющая его отъ тлѣнія; это образовательная закваска, брошенная въ богатую, но неподвижную стихію. Это передовая дружина Славянства, влекущая за собою цѣлое племя къ просвѣщенію и свободѣ. Она жила и живетъ не для одной себя; не властолюбіе и не страсть къ завоеваніямъ, а историческое ея призваніе неудержимо выноситъ ее далеко за предѣлы ея національности; когда ей подчиняются другія племена, это не насиліе, а естественный фактъ постепеннаго озаренія низменностей тѣмъ самымъ свѣтомъ, какимъ нѣсколько раньше охвачены были вершины; это побѣда свѣта надъ мракомъ. Кто жъ положитъ предѣлъ распространенію свѣта и кто рѣшится закрѣпить правомъ мертвое царство тьмы?

Остудивъ этотъ лиризмъ, высоко-поэтическій у Мицкевича и доходящій до комизма у дюжинныхъ писателей, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе Польши, данное однимъ изъ современныхъ ея публицистовъ, Мирославскимъ, и довольно вѣрно выражающее, съ его точки зрѣнія, историческое ея призваніе въ отношеніи къ Славянскимъ племенамъ, ограничивающимъ ее съ Юго-Востока, и къ Римско-Германскому міру, ограничивающему ее къ Сѣверо-Запада: la Pologne est une modification du slavisme par l'éducation latine, en concurrence au slavisme grec et oriental des tribus danubiennes, de la

Moscovie et de la Ruthénie. По нашему, это значитъ: Польша— это острый клинъ, вогнанный Латинствомъ въ самую сердцевину Славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы.

Глубокая несовмѣстность и непримиримость Латинства съ Славянствомъ доказана историческимъ опытомъ вѣковъ, хотя у насъ многіе не рѣшаются еще признать ее. Всегда и вездѣ, чѣмъ добровольнѣе и искреннѣе Латинство принималось Славянскою природою, чѣмъ глубже оно въѣдалось въ нее, тѣмъ быстрѣе, подъ вліяніемъ этого тонкаго и всепроникающаго яда, она чахла, разлагалась и гибла. Ни одно изъ племенъ Славянскихъ не отдавало себя на службу Латинству такъ беззавѣтно, какъ Польское. Чехія возстала противъ него, требуя для всѣхъ пріобщенія изъ чаши; это былъ протестъ не противъ однихъ злоупотребленій Латинства, а противъ самаго духа его. Дѣло шло о спасеніи цѣльности Славянской общины, въ которую Латинство вносило коренное раздвоеніе, и, можетъ быть, никогда ни одинъ историческій символъ не выражалъ такъ поэтически и вѣрно совокупности духовныхъ требованій, вызвавшихъ его, какъ святая чаша въ рукѣ Гуситовъ. Едва ли не этому высокому протесту и слѣдовавшей за нимъ гигантской борьбѣ, въ которой она пролила свою кровь, обязана Чехія спасеніемъ своей народности.

Племена, имѣющія за собою такія воспоминанія, какъ Гуситскій подъемъ, не вымираютъ, и въ недавнемъ своемъ возрожденіи къ новымъ историческимъ судьбамъ Чехія получила награду за своихъ великихъ мучениковъ XV вѣка. Не тѣмъ путемъ шла Польша. Мы обращаемся къ свидѣтельству ея собственныхъ историковъ и публицистовъ новѣйшаго времени. Одинъ говоритъ вамъ: исторія Польши представляетъ борьбу Славянской народной стихіи съ Латинскимъ просвѣтительнымъ началомъ; другой договариваетъ: и попытку помирить ихъ сдѣлкою; да, прибавляетъ третій, но нельзя не сознаться, что всякій разъ, когда Латинство брало перевѣсъ, звѣзда Польши блѣднѣла и гасла. Въ X вѣкѣ, какъ только она, въ лицѣ Мечислава, присягнула Риму, внутренняя жизнь ея начала перестраиваться по Западно-Европейской программѣ; древняя община отодвинулась на заднiй планъ, а впередъ выступило сословіе, пожалованное въ ари-

права всякой чужой народности или вѣры. Простой народъ, хранитель той и другой, понялъ это безошибочно.

Итакъ, обезпеченіе законныхъ правъ Польской народности, по убѣжденію Поляковъ, требуетъ непремѣннаго возстановленія Польши, какъ государства, а Польское государство, по ихъ же словамъ, немыслимо внѣ извѣстныхъ условій, для достиженія которыхъ нѣсколько живыхъ народностей должны быть принесены въ жертву Польской; иными словами: въ отплату за разчлененіе Польши (démembrement), Европа призывается теперь къ разчлененію Россіи. Спрашивается: ради чего и во имя чего?

Съ этимъ словомъ, мы переходимъ къ третьему вопросу.

Польша, говорятъ намъ, это не то, что какая-нибудь другая вѣтвь общеславянской семьи, Великорусская или Болгарская, а гораздо болѣе. Это соль Славянства, поддерживающая въ немъ жизнь и охраняющая его отъ тлѣнія; это образовательная закваска, брошенная въ богатую, но неподвижную стихію. Это передовая дружина Славянства, влекущая за собою цѣлое племя къ просвѣщенію и свободѣ. Она жила и живетъ не для одной себя; не властолюбіе и не страсть къ завоеваніямъ, а историческое ея призваніе неудержимо выноситъ ее далеко за предѣлы ея національности; когда ей подчиняются другія племена, это не насиліе, а естественный фактъ постепеннаго озаренія низменностей тѣмъ самымъ свѣтомъ, какимъ нѣсколько раньше охвачены были вершины; это побѣда свѣта надъ мракомъ. Кто жъ положитъ предѣлъ распространенію свѣта и кто рѣшится закрѣпить правомъ мертвое царство тьмы?

Остудивъ этотъ лиризмъ, высоко-поэтическій у Мицкевича и доходящій до комизма у дюжинныхъ писателей, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе Польши, данное однимъ изъ современныхъ ея публицистовъ, Мирославскимъ, и довольно вѣрно выражающее, съ его точки зрѣнія, историческое ея призваніе въ отношеніи къ Славянскимъ племенамъ, ограничивающимъ ее съ Юго-Востока, и къ Римско-Германскому міру, ограничивающему ее къ Сѣверо-Запада: la Pologne est une modification du slavisme par l'éducation latine, en concurrence au slavisme grec et oriental des tribus danubiennes, de la

Современный объем Польскаго вопроса *).

При множествѣ появляющихся у насъ статей о Польшѣ и при различіи точекъ зрѣнія нашихъ публицистовъ на такъ называемый Польскій вопросъ, кажется, наступило время точнѣе обозначить объемъ его, выяснить различныя его стороны и подвести итогъ тому, что̀ окончательно добыто, доказано, усвоено общественнымъ сознаніемъ, и что̀ находится еще подъ сомнѣніемъ и требуетъ разрѣшенія. Тогда, вѣроятно, многія изъ противорѣчій въ заявленныхъ у насъ мнѣніяхъ и предположеніяхъ, при всей кажущейся ихъ непримиримости, уяснятся сами собою, какъ воззрѣнія противоположныя только по ихъ односторонности, въ сущности же дополняющіяся взаимно.

Изъ всѣхъ когда-либо занимавшихъ Европу вопросовъ, Польскій едва ли не самый запутанный и сложный. Это оттого, что онъ слагается изъ *трехъ вопросовъ*, по существу своему *различныхъ*, несмотря на ихъ тѣсную связь.

Поляки—какъ народъ, какъ особенная стихія въ группѣ Славянскихъ племенъ.

Польша—какъ самостоятельное государство.

Наконецъ, Польша, или точнѣе: *полонизмъ*—какъ просвѣтительное начало, какъ представительство и вооруженная пропаганда Латинства въ средѣ Славянскаго міра.

Эти три понятія безпрестанно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое. Вся политика Поляковъ заключается въ ихъ *отождествленіи;* наша политика—въ ихъ *разъединеніи.*

---

*) Напечатано въ № 38 „Дня" 21 Сентября 1863 г.

Что Поляки составляютъ отдѣльную, самостоятельную, хотя сравнительно съ другими немногочисленную вѣтвь Славянскаго племени—объ этомъ нѣтъ и спора. Они обладаютъ всѣми условіями народной личности; у нихъ свой языкъ, своя литература, своя историческая физіономія, свои бытовыя преданія. Признаніе этого простаго и неопровержимаго факта естественно ведетъ къ признанію права на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ *необходимое условіе всякой живой народности.* Мы разумѣемъ подъ этимъ: свободу вѣроисповѣданія, официальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта. Изъ того же факта вытекаетъ само собою и другое послѣдствіе. Поляки, во имя своей національности, не могутъ требовать не только подчиненія себѣ какой-либо другой народности, но даже какой-либо съ ея стороны уступки, и потому притязанія Польской національности не должны простираться далѣе предѣловъ ея фактическаго господства. Въ этомъ отношеніи, Поляки, Сербы, Болгаре, Чехи, совершенно равноправны. Вотъ все, что̀ оправдывается народностью, все, чего можно во имя ея требовать, и законныя границы этихъ требованій.

Но извѣстно, что притязанія Поляковъ этимъ не удовлетворяются. Польша, говорятъ они, должна быть самостоятельнымъ государствомъ; ей нужна полная, политическая независимость. Это, отвѣчаемъ мы, другой вопросъ, или другая сторона общаго Польскаго вопроса.

Къ числу *существенно-необходимыхъ и неотъемлемыхъ* принадлежностей всякой живой, признанной народности, мы не относимъ политической самостоятельности, потому что хотя народность и государственная форма — два явленія тѣсно между собою связанныя, однако первое не обусловливаетъ собою необходимости втораго. Иными словами: въ основѣ самостоятельнаго государства всегда лежитъ народная стихія болѣе или менѣе цѣльная, составляющая какъ бы ядро его, и государственная форма служитъ однимъ изъ проявленій этой стихіи, ея представительствомъ ad extra; но это еще не даетъ права къ обратному предполо-   ибо не всякая народ-

ность и не во всякую эпоху своего существованія способна облечься въ форму самостоятельнаго государства: на это нужны, сверхъ того, другія, очень разнообразныя условія, которыя могутъ быть и не быть. Есть цѣлыя племена еще не достигшія, можетъ быть и не имѣющія никогда достигнуть той степени зрѣлости, при которой самостоятельное государственное устройство становится возможнымъ; наоборотъ, есть народы, пережившіе свою политическую самостоятельность; есть мелкіе, затопленные чуждыми имъ народностями, осколки живыхъ племенъ, которымъ недоступна государственная форма по ихъ числительной незначительности; есть государства крѣпкія и сильныя, образовавшіяся изъ нѣсколькихъ, химически сроднившихся народныхъ стихій; чаще же всего встрѣчаемъ мы государства, выработанныя преимущественно одною народною силою и въ которыхъ эта сила преобладаетъ; но въ составѣ тѣхъ же политическихъ организмовъ мы видимъ другія, подчиненныя національности, признанныя или непризнанныя и пользующіяся большею или меньшею степенью гражданской самостоятельности. Итакъ, съ одной стороны, національная особенность *сама по себѣ* еще не оправдываетъ притязанія на политическую самостоятельность; съ другой, сложившееся государство не можетъ быть разсматриваемо *исключительно* какъ обликъ той или другой народности.

Каждый политическій организмъ, какъ продуктъ сложнаго историческаго развитія, имѣетъ разнообразныя потребности и условія прочнаго существованія, вытекающія не непосредственно изъ природы того племени, которому онъ служитъ представительствомъ, а изъ интересовъ его, какъ живаго дѣятеля, занявшаго въ исторіи извѣстное мѣсто и выполняющаго въ ней свое призваніе. Къ числу таковыхъ условій относятся, напримѣръ: обладаніе морскимъ берегомъ, свобода внѣшняго сбыта и привоза, естественная замкнутость въ стратегическомъ отношеніи надежныхъ границъ и т. д. Если (о чемъ теперь не можетъ быть и спора) признаніе народности еще не обязываетъ къ признанію за нею права на политическую независимость, и если нельзя требовать, чтобы предѣлы каждаго государства въ точности совпадали съ территоріаль-

церкви и до папы, который не нынче, такъ завтра, утратитъ свою мірскую власть, то есть характеристическое отличіе Римской церкви"? Странная узкость взгляда! Прежде всего замѣтимъ, что мы говоримъ не о Римской церкви, въ тѣсномъ значеніи вѣроученія и церковно-государственнаго учрежденія, но о *Латинствѣ*. Подъ этимъ словомъ мы понимаемъ не однѣ догматическія и іерархическія особенности, которыми отличается Западный Католицизмъ, но подразумѣваемъ и все то, что выросло отъ сѣмянъ его, всю совокупность нравственныхъ понятій и бытовыхъ отношеній, обусловленныхъ Римско-католическимъ воззрѣніемъ на отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ церкви, на вѣру, благодать и духовный процессъ оправданія. Не станутъ же отрицать, что вѣра нѣсколько глубже прохватываетъ всю внутреннюю жизнь человѣка, чѣмъ, напримѣръ, его политико-экономическія убѣжденія, и гораздо сильнѣе воздѣйствуетъ на его сознаніе о себѣ самомъ и объ отношеніяхъ его къ ближнимъ, въ предѣлахъ семьи, общества и государства. Эти, такъ сказать, жизненные выводы изъ вѣроученія переходятъ въ бытъ, обращаются въ преданія, проникаютъ въ плоть и кровь народа, дѣлаются какъ бы нравственною атмосферою его, которою онъ дышетъ, которая сопровождаетъ его повсюду. Мы часто замѣчаемъ, что дерево, несмотря на то, что его сердцевина прогнила, что въ немъ образовалось дупло, довольно долго стоитъ и зеленѣетъ; даже послѣ того, какъ корни подрѣзаны, листья нѣкоторое время сохраняютъ свой цвѣтъ и свою свѣжесть. То же бываетъ и въ нравственномъ мірѣ. Послѣдствія долго переживаютъ причины; жизненность въ нихъ держится, несмотря на то, что начало, породившее и воспитавшее ихъ, утратило свою творческую силу и, можетъ быть, забыто. Мы знаемъ, что Поляки, особенно въ одиночку взятые, не хуже какихъ-нибудь Французовъ, не только глумятся надъ папой и надъ его свѣтскою властью, но заходятъ гораздо дальше въ критикѣ своей вѣры и, несмотря на то, они остаются въ ок[illegible]атинства. Вѣдь въ Польскихъ семьяхъ ежедневно [illegible] своеобразной формѣ, библейское ск[illegible]иги Бытія: злой духъ Польши, въ об[illegible] свое жало въ сердце же[illegible]

воображеніе и совѣсть мужа. Возможно ли такое общее явленіе въ семьѣ, воспитанной не въ Латинствѣ? Припомните другое явленіе—извѣстный Польскій катихизисъ, давно находящійся въ обращеніи, хотя и недавно оглашенный, въ которомъ обманъ, воровство, клевета и взяточничество не только разрѣшаются, но возводятся на степень обязательныхъ подвиговъ. Невольно задаешь себѣ вопросъ: чѣмъ могли до такой степени помутиться и извратиться всѣ, самыя коренныя нравственныя понятія въ цѣломъ обществѣ, у котораго нельзя же отнять врожденнаго смысла для разумѣнія добра и зла? Какъ объяснить это помраченіе совѣсти? Вникнувъ въ дѣло, мы убѣдимся, что это прямое послѣдствіе Латинскаго представленія объ отношеніяхъ правящей церкви къ подвластнымъ ей душамъ. Личность исчезаетъ въ церкви, теряетъ всѣ свои права и дѣлается какъ бы мертвою, составною частицей цѣлаго; изъ нея, изъ этой частицы, то-есть изъ души человѣческой, вырѣзывается самая неприкосновенная ея святыня—*совѣсть*, и отдается церкви; личная совѣсть исчезаетъ въ какой-то собирательной совѣсти, которая олицетворяется въ церкви и которой единственнымъ органомъ служитъ ея воинство; а такъ какъ церковь свята и непогрѣшима, то интересъ ея совпадаетъ съ закономъ нравственнымъ: что полезно для церкви—то благо, что для нея вредно—то зло. Прослѣдите, такимъ образомъ, до психологической ихъ основы, всѣ историческія явленія, которыми сопровождалась прививка Латинства къ Славянской стихіи—образованіе ненародной, строго-замкнутой и притянутой къ Риму іерархіи, постепенное возникновеніе около нея аристократіи военно-политической, отторженіе власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи въ кругу привилегированныхъ сословій, но цивилизаціи, не проникающей въ народныя массы, и постепенное сгущеніе тьмы въ низменныхъ слояхъ общества и т. д.—и вы убѣдитесь, что все это совершалось не случайно.

Историческая задача Латинства состояла въ томъ, *чтобъ отвлечь отъ живаго организма церкви идею единства, понятаго какъ власть, облечь ее въ видимый символъ, поставить, такъ сказать, надъ церковью полное олицетвореніе ея самой, и черезъ*

это превратить единеніе вѣры и любви въ юридическое признаніе, а членовъ церкви въ подданныхъ ея главы. Эта задача, перенесенная въ міръ Славянскій, въ историческую среду *общинности,* не въ тѣсномъ только значеніи совокупленія экономическихъ интересовъ, *но въ самомъ широкомъ смыслѣ множества, свободно слагающагося въ живое, органическое единство,* должна была возмутить естественное развитіе народной жизни до послѣдней ея глубины. Дѣйствительно, Латинство, по свойству внутреннихъ побужденій, изъ которыхъ оно возникло, было враждебно въ одинаковой степени: *общинности,* этой характеристической племенной особенности Славянства, и началу *соборнаго согласія,* на которомъ построена и держится Православная церковь. Понятно, что разрывъ въ предѣлахъ церковной общины приводилъ неминуемо къ разложенію общины гражданской, и что, наоборотъ, среда, въ которой предназначено было развиться историческимъ силамъ Славянства, такъ сказать, предопредѣлялась внутреннимъ сродствомъ двухъ указанныхъ выше началъ—общинности и соборности.

Если намъ возразятъ, что и Западно-Европейская жизнь не вся же улеглась въ опредѣленіяхъ и формахъ Латинства, но открыла себѣ новую духовную среду въ Протестантскомъ мірѣ, то мы отвѣтимъ, что Протестантство есть то же Латинство, только обращенное въ отрицаніе, Латинство съ придачей къ нему частицы *не.* Это крайняя противоположность Латинства, но противоположность столь же односторонняя, какъ и оно. Это страстный протестъ личной свободы, отчаявшейся въ возможности осуществить единство неискусственное, но протестъ, не выходящій изъ круга тѣхъ же разорванныхъ, одно другому противопоставленныхъ понятій, изъ которыхъ одно воплотилось въ Романскомъ мірѣ, а другое въ Германскомъ. Подобно тому какъ Латинство, въ окончательномъ своемъ результатѣ, ограничивается требованіемъ внѣшняго, юридическаго признанія истины, облеченной въ образъ церковнаго самодержавія, такъ [illegible] оборотъ, Протестанство, жертвуя всякимъ объективны [illegible] жаніемъ, обращается, наконецъ, къ изолиров [illegible] простымъ требованіемъ искренност [illegible] до-

говорному началу, то есть сдѣлкѣ, въ которой личный интересъ служитъ и побужденіемъ и нормою. Оттого, несмотря на противоположность вѣрованій, воззрѣній и привычекъ, Протестантская Европа, при всей ея враждебности къ Латинству, внутренно сознаетъ свое тѣсное съ нимъ родство и, проклиная папу, въ то же время всѣми своими сочувствіями склоняется къ Польшѣ, предносящей въ ея борьбѣ съ Россіею Римское знамя. Въ вопросѣ, гдѣ противопоставляется Латинская Польша Православной Россіи, кардиналъ-представитель папы и Англійскій Экономистъ сочувствуютъ одному. Только въ этомъ они и сходятся.

Но, спросятъ насъ еще: „Какъ убѣдиться, что изъ множества свободныхъ стремленій можетъ выработаться органическое и прочное единство? Почему намъ знать, что Православное начало дѣйствительно хранитъ въ полнотѣ живаго явленія двѣ отвлеченныя крайности, распавшіяся въ Западномъ мірѣ на противоположные полюсы? можетъ быть, это единство, эта полнота, есть только начальное безразличіе, по существу своему неустойчивое? Можетъ быть, и Славянская общинность ничто иное, какъ признакъ первобытной неразвитости? Гдѣ ручательство, что въ указанныхъ началахъ лежитъ дѣйствительно зародышъ своеобразной будущности?"

На сей разъ, мы позволимъ себѣ отвѣтить сомнѣвающимся словами Фауста:

Wenn ihr's nicht fühlt, ihr werdet's nicht erjagen *), и обратить ихъ къ извѣстнымъ брошюрамъ покойнаго Хомякова **) и къ статьямъ г. Гильфердинга „О значеніи Польши въ Славянскомъ мірѣ", напечатаннымъ въ *Днѣ*.

Впрочемъ, свидѣтельство исторіи (участіе Поляковъ въ подавленіи Гусситовъ, въ іезуитскихъ гоненіяхъ, въ походахъ Наполеона, въ Турецкихъ рѣзняхъ) само по себѣ достаточно уясняетъ, чего можетъ ожидать для себя Славянство въ будущемъ отъ государственнаго возрожденія Польши на тѣхъ самыхъ началахъ, которымъ она доселѣ служила. Но, сдѣ-

---

*) „Если вы этого не чувствуете, то никогда и не уловите".

**) Мы надѣемся, что въ скоромъ времени онѣ явятся въ Русскомъ переводѣ.

лавшись отравленнымъ мечомъ и орудіемъ гибели для другихъ, сама Польша, какъ племя Славянское, хотя и измѣнившее своей природѣ, должна была прежде всѣхъ заразиться тою же отравою; дѣйствительно, ту же враждебную силу, во имя которой она ополчалась на своихъ братьевъ, она внесла въ свою плоть и кровь. Далѣе самоубійства, ни отдѣльное лицо, ни народъ идти не можетъ. Польша дошла до этого предѣла, но переродиться въ племя не-Славянское, измѣнить свою природу или промѣнять ее на другую, она все-таки не смогла. Это чувствуютъ Поляки, еще болѣе чувствуетъ Европа. Въ отплату за ихъ усердіе и восторженное поклоненіе, она снисходительно принимаетъ ихъ службу противъ Славяно-Православнаго міра, ободряетъ ихъ, соболѣзнуетъ и сочувствуетъ имъ, но не понимаетъ и не уважаетъ ихъ. Дѣло въ томъ, что въ складѣ не только Русской, но и Польской жизни, на сколько она сохранила отпечатокъ Славянства, Европа встрѣчаетъ какую-то темную, загадочную сторону, какія-то для нея необъяснимыя требованія и одинаково-необъяснимую неспособность удовлетвориться тѣми началами и формами общежитія, въ которыхъ улеглась Латинская природа.

Незрѣлыя мечтанія Поляковъ о всепримиряющей любви, какъ основѣ общежитія, ихъ дознанная неспособность подчиниться какому-либо внѣшнему порядку, ихъ ревнивое обереганіе личной свободы, доходящее до отрицанія всякой условности въ сферѣ политической, вся эта осмѣянная неустойчивость, это безпокойное метаніе, заклейменное ироническимъ терминомъ der Polnischen Wirthschaft, все это ничто иное, какъ живыя улики неспособности Славянской природы окончательно ужиться въ тискахъ Латинства. Въ самомъ дѣлѣ, отчего въ XVII вѣкѣ, въ то время, какъ въ сосѣднихъ земляхъ, не безъ тяжелыхъ жертвъ всякаго рода, сплачивалось государственное единство — въ одной просвѣщенной и начитанной Польшѣ власть не только не крѣпла, а, напротивъ, отступала шагъ за шагомъ передъ небывалою въ мірѣ силою правильно-организованнаго своеволія? Не оттого ли это произошло, что она переносила въ область условныхъ отношеній, безъ которыхъ немыслима никакая политическая организація, предносившійся ей идеалъ общежитія, которому въ области

духа Латинство не дало развиться? Даже въ новѣйшее время, въ мистицизмѣ Польскихъ поэтовъ, историковъ и публицистовъ, не трудно усмотрѣть отрывочные проблески народной стихіи, выражающіеся то скорбными воспоминаніями о чемъ-то давно утраченномъ, то неясными откровеніями другой, лучшей природы, изрѣдка озаряющими личное сознаніе? Но все, чтò исходило прямо отъ этой забитой природы, всегда принимало нестройную форму дикаго своеволія или фантастическаго бреда; все это было и остается безплоднымъ именно потому что, какъ въ былыя времена, такъ и теперь, народные инстинкты Польши прорывались въ средѣ, закабаленной враждебному имъ началу, которое не могло ни поддержать ихъ, ни умѣрить.

Европа сознаетъ это по своему и презираетъ Поляковъ за безуспѣшность ихъ вѣковыхъ усилій вполнѣ себя самихъ передѣлать по образу ея и подобію. Европа, съ своей точки зрѣнія, правà, и бóльшаго отъ нея нельзя и требовать; но мы, Русскіе, въ этомъ отношеніи не вполнѣ передъ Поляками правы. Мы слишкомъ легкомысленно подписали приговоръ Западной науки и политической мудрости объ ихъ несостоятельности и не умѣли ни оцѣнить, ни даже опознать Славянской струи, вопреки всему пробѣгающей въ ихъ политической исторіи и въ ихъ литературѣ. Мы, нерѣдко относившіеся слишкомъ снисходительно къ ихъ историческимъ преступленіямъ и ошибкамъ, не умѣли въ ихъ собственныхъ глазахъ оправдать именно то, чтò мы одни могли понять и уяснить другимъ—эти невольные проблески сочувственной намъ народной стихіи.

Можетъ быть, намъ удастся когда-нибудь развить подробнѣе эту тему, только мимоходомъ нами затронутую, а теперь мы спѣшимъ къ заключенію.

Какъ двѣ души, заключенныя въ одномъ тѣлѣ, Славянство и Латинство вели и доселѣ ведутъ внутри самой Польши борьбу непримиримую, на жизнь и смерть. Въ ней-то и заключается глубокій трагическій интересъ Польской исторіи, и отъ невѣдомаго ея исхода зависитъ будущность Польши. Это не международная, а внутренняя, домашняя ея тяжба, вопросъ народной совѣсти. Какимъ бы добровольнымъ истяза-

1

заніямъ ни подвергала себя Польша, какъ бы ни бичевала себя, чтобъ окончательно очиститься въ глазахъ Латинства отъ первороднаго грѣха своей Славянской крови, ей не переродиться; будущность ея, если только для нея есть будущность—въ Славянскомъ мірѣ и въ дружномъ общеніи со всѣми ей сродными племенами, а не въ хвостѣ Латинства. Но спрашивается: достанетъ ли въ ней силы, чтобы сознать свою историческую измѣну Славянству и притупить въ себѣ отравленное жало Латинства, которое она съ такою любовью носила и носитъ въ своемъ сердцѣ?..

Итакъ, всестороннее разсмотрѣніе Польскаго вопроса приводитъ насъ къ заключенію, что все построеніе политико-соціальныхъ притязаній Польши основано на двухъ противорѣчіяхъ.

Во имя своей народности она требуетъ для себя политическаго господства надъ другими, равноправными съ нею народностями и оправдываетъ это притязаніе обѣтомъ—служить орудіемъ просвѣтительному началу, которое сгубило и губитъ ея внутреннюю жизнь.

Уяснивъ себѣ объемъ и содержаніе Польскаго вопроса или точнѣе, вопросовъ, подразумѣваемыхъ подъ общимъ названіемъ Польскаго, мы можемъ теперь отдать себѣ отчетъ въ возможныхъ способахъ ихъ разрѣшенія; но для этого необходимо согласиться въ томъ, что̀ разумѣть подъ словомъ *разрѣшеніе.*

Оно понимается у насъ въ двоякомъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ подъ разрѣшеніемъ Польскаго вопроса разумѣютъ устраненіе самыхъ поводовъ къ періодическимъ судорогамъ Польши. Очевидно, что только такое разрѣшеніе и можетъ считаться *окончательнымъ* и *полнымъ*. Оно должно непремѣнно обнять всѣ стороны вопроса и *удовлетворить Поляковъ*. Внѣ этого послѣдняго условія, окончательное и полное разрѣшеніе во[illegible]са немыслимо. Изъ всѣхъ предположеній, въ этомъ смыс[illegible]ъ задуманныхъ, особенно выдалось одно, предъявл[illegible]мъ *Вѣстникомъ* и *Московскими Вѣдо*[illegible]омъ сліяніи Рос-

сіи и Польши, въ формѣ общаго государственнаго представительства, основаннаго на коренныхъ началахъ Русскаго политическаго быта.

Какъ проектъ окончательнаго разрѣшенія Польскаго вопроса, это предположеніе, кажется намъ, грѣшитъ своею узкостью и свидѣтельствуетъ о непониманіи всей глубины вопроса. По самому существу своему, какъ историческая тяжба двухъ просвѣтительныхъ началъ олицетворившихся въ двухъ народностяхъ, онъ не умѣщается въ области политики, и потому нельзя ожидать полнаго и окончательнаго его разрѣшенія ни отъ исхода генеральной баталіи, ни отъ послѣдствія дипломатической кампаніи, ни отъ какого бы то ни было преобразованія въ нашемъ государственномъ устройствѣ. Польша потому враждуетъ съ Россіею, что та и другая носятъ въ себѣ совершенно различные идеалы религіозные и политическіе обѣ при этомъ сознаютъ эту разницу. Поэтому политическое представительство, задуманное на Русскихъ началахъ, какъ понимаетъ ихъ *Русскій Вѣстникъ*, то есть безъ принудительной власти и въ смыслѣ организаціи общественнаго мнѣнія, было бы также непонятно для Поляковъ, также несродно и несочувственно имъ, какъ церковь безъ папы, олицетворяющаго въ себѣ ея непогрѣшимость и всѣ духовные ея дары. И власть со всѣми ея аттрибутами и политическую свободу Поляки понимаютъ не такъ, какъ мы; то, въ чемъ бы мы нашли удовлетвореніе, показалось бы имъ горькою насмѣшкою, и проектъ государственнаго учрежденія, составленный по плану *Московскихъ Вѣдомостей*, былъ бы ими принятъ какъ новое посягательство на ихъ національность. Это было бы, въ полномъ смыслѣ, не сліяніе, а поглощеніе Польши Россіею, поглощеніе, въ которомъ бы на долю первой выпала чисто-пассивная роль подчиненія внѣшней силѣ. Можно ожидать политическаго сліянія, какъ послѣдствія внутренняго перерожденія и духовнаго примиренія, но нельзя предполагать обратнаго, т.-е. умиротворенія и соглашенія посредствомъ насильственнаго и внѣшняго сочетанія. Мѣра, предположенная *Московскими Вѣдомостями*, даже не прекратила бы борьбы, а только открыла бы ей новое, болѣе широкое поприще, не на одной окраинѣ, а въ самомъ средоточіи нашей политической жизни·

Такая борьба была бы совершенно безплодна для разрѣшенія Польскаго вопроса, но далеко не безопасна для Россіи, при той узкости и шаткости народнаго самосознанія, которую ежедневно обнаруживають самые искренніе и даровитые поборники ея политическихъ интересовъ.

Газета *День*, не формулируя окончательнаго разрѣшенія, предложила только путь къ нему, а именно: опросъ самой Польши, всей Польской націи въ полномъ ея составѣ, съ тѣмъ, чтобы вызвать собственный ея голосъ и отъ нея самой узнать ея потребности и желанія. Но предварительно, газета *День* признавала необходимымъ усмирить мятежъ и ввести новый элементъ, крестьянство, въ гражданскую жизнь Польши. По нашему мнѣнію, такой всенародный опросъ могъ бы привести къ положительнымъ результатамъ только въ томъ случаѣ, еслибъ сама Польша была съ собою согласна, то-есть не носила бы въ себѣ внутренняго раздвоенія. Но тогда бы не было и Польскаго вопроса въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ намъ теперь представляется. Сосудъ надломанный, сверху до низу треснувшій, не издастъ цѣльнаго звука; по той же причинѣ, Польша неспособна подать отъ себя голоса, который бы выразилъ полноту яснаго, дѣйствительно-народнаго самосознанія. Сколько разъ она сама себя спрашивала о томъ, чего она хочетъ, и никогда не могла самой себѣ дать отвѣта, уразумѣть сомое себя. Повторенная попытка привела бы только къ тому, что мы получили бы отвѣтъ чисто отрицательный, то-есть въ сотый разъ повторенное нежеланіе жить въ союзѣ съ Россіею, и еще разъ убѣдились бы, что никакой положительной основы для своей исторической будущности Польша не извлекла изъ вѣковыхъ своихъ опытовъ. Лишній разъ повторили бы мы: qu'elle n'a rien oublié et n'a rien appris.

Окончательное разрѣшеніе Польскаго вопроса, такое разрѣшеніе, которое бы удовлетворило Поляковъ, *немыслимо безъ кореннаго, духовнаго ихъ возрожденія*. Нужно, чтобы Польша отреклась отъ своего союза съ Латинствомъ и, наконецъ, помирилась бы съ мыслію быть *только собою*, то-есть однимъ изъ племенъ Славянскихъ, служащимъ одному съ ними историческому призванію; нужно, съ другой стороны, чтобы Россія рѣшилась и сумѣла сдѣлаться *вполнѣ собою*, то-есть

историческимъ представительствомъ Православно-Славянской стихіи. Иными словами: нужно торжество не военное и не дипломатическое, а торжество, свободно признанное, одного просвѣтительнаго начала надъ другимъ *). Въ этомъ смыслѣ, повторимъ слова г. Страхова: „Польскій вопросъ есть и долго будетъ вопросомъ Русскимъ". На этомъ словѣ насъ, конечно, перервутъ обычныя восклицанія; „Да это мечта! Это невозможно, немыслимо! Какъ ожидать перерожденія цѣлаго племени!" и т. д. Но мы и не давали обязательства изобрѣсти *окончательное* разрѣшеніе Польскаго вопроса, которое бы могло осуществиться скоро и легко. Напротивъ, далеко не считая духовнаго примиренія Польши съ Россіею дѣломъ рѣшительно и навсегда невозможнымъ, мало того, питая про себя полную вѣру въ его несомнѣнность, мы именно потому и взялись теперь за перо, что желали бы всѣхъ убѣдить, что мы напрасно убаюкиваемъ себя надеждою на возможность достигнуть полнаго, окончательнаго и скораго разрѣшенія какими бы то ни было мѣрами административными, или политическими. Если удалось это доказать, то половина цѣли достигнута, а именно: собственно *политическій* вопросъ очистился и уже не выйдетъ изъ свойственныхъ ему предѣловъ.

Силою историческихъ обстоятельствъ, вопросъ народной совѣсти сдѣлался вопросомъ государственнымъ, а вопросъ государственный принялъ размѣры обще-Европейскаго. Вѣковая тяжба Славянства съ Латинствомъ изъ области духа перешла въ лѣса Литвы и въ кабинеты дипломатовъ; льется кровь, пылаютъ села, вернулись давно забытыя времена разбоевъ подъ знаменемь креста и мученичествъ, достойныхъ первыхъ временъ христіанства; Европа взволновалась и грозитъ намъ новою коалиціею; наконецъ, нашла голосъ и Русская земля... Эти явленія переносятъ насъ въ другую область Польскаго вопроса и побуждаютъ искать на него отвѣта, но уже не въ прежнемъ смыслѣ. Здѣсь, въ области политическихъ комбинацій, и слово *разрѣшеніе* получаетъ иное, огра-

*) Такъ, или почти такъ, понято разрѣшеніе Польскаго вопроса гг. Гильфердингомъ, Страховымъ, Безсоновымъ и Врандскимъ (въ *Инвалидѣ*).

ниченное значеніе. Перейдя въ эту область, мы должны, вопервыхъ, откинуть всякую надежду найти въ ней разрѣшеніе окончательное и полное; вовторыхъ, мы должны знать напередъ, что мы не удовлетворимъ Поляковъ; цѣль наша должна состоять только въ томъ, *чтобъ сдѣлать ихъ для Россіи безвредными,* и потому изысканіе средствъ обусловливается уже исключительно интересами Россіи въ предѣлахъ политически и нравственно-возможнаго; наконецъ въ выборѣ средствъ и въ постановкѣ отдѣльныхъ задачъ, изъ которыхъ слагается эта общая цѣль, мы не должны забѣгать впередъ, но строго держаться той послѣдовательности, въ какой онѣ сами возникаютъ. Эта сторона вопроса, *политическая* сторона, теперь уже на столько разработана, что намъ остается лишь собрать воедино результаты, усвоенные нашимъ общественнымъ сознаніемъ.

Прежде всего необходимо въ Царствѣ Польскомъ подавить мятежъ, употребивъ на то *самыя дѣйствительныя* мѣры и отнюдь не починяясь въ выборѣ ихъ тѣмъ или другимъ предположеніямъ, касающимся разрѣшенія общаго вопроса о будущей судьбѣ Польши [1]). Двѣ, самыя необходимыя мѣры уже указаны: подчиненіе въ Царствѣ всего гражданскаго управленія военному и улучшеніе хозяйственнаго быта крестьянъ при единовременномъ устройствѣ сельскаго общественнаго управленія [2]).

Возможно-скорое подавленіе мятежа во что̀ бы то ни стало, есть дѣло крайней и неотлагательной необходимости, между прочимъ и потому, вопервыхъ, что безъ этого невозможно очистить почву для дальнѣйшихъ распоряженій въ Русскихъ Западныхъ губерніяхъ и въ Украйнѣ; вовторыхъ, что вразумленіе Поляковъ и обращеніе ихъ на другой путь немыслимо безъ предварительнаго и окончательнаго крушенія ихъ надежды—взять свое силою оружія и Европейскаго за нихъ ходатайства.

Единовременно необходимо *локализировать политическій*

---

[1]) Мысль эту прежде всѣхъ выяснили *Московскія Вѣдомости.*

[2]) Объ этомъ предметѣ мы надѣемся въ скоромъ времени представить читателямъ особыя соображенія.

вопросъ о Польшѣ въ предѣлахъ Царства, подрѣзавъ въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ всѣ корни полонизма и обезпечивъ преобладаніе Русской и Православной стихіи надъ Латино-Польскою. Съ этою цѣлью прекращаются обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и вводится обязательный выкупъ; собственно въ Западномъ краѣ, мѣстная власть передана изъ Польскихъ рукъ въ болѣе надежныя; предполагается улучшить хозяйственный бытъ православнаго духовенства и учредить народныя школы. Прибавимъ, что школы должны быть непремѣнно въ вѣдѣніи *православнаго духовенства, а не въ чьемъ-либо другомъ;* что учрежденіе ихъ должно имѣть цѣлью распространеніе *просвѣщенія Православно-Русскаго,* а не общей цивилизаціи, то-есть не набора безсвязныхъ, мертвыхъ и безхарактерныхъ свѣдѣній; что иначе, новыя народныя школы, подобно старымъ училищамъ, черезъ годъ превратились бы неминуемо въ передовые посты Латино-Польской пропаганды; что необходимо облегчить и поощрить возстановленіе древнихъ православныхъ братствъ; что мировыя учрежденія должны быть преобразованы въ всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окажется невозможнымъ устранить изъ нихъ Польско-помѣщичій элементъ; наконецъ, что ожидаемыя земско-хозяйственныя учрежденія, если только составъ ихъ будетъ приспособленъ къ условіямъ Западныхъ губерній и Украйны, и если въ особенности несчастная мысль объ устраненіи изъ нихъ православнаго духовенства будетъ отвергнута, могутъ служить самымъ надежнымъ орудіемъ для обезпеченія въ мѣстномъ обществѣ рѣшительнаго перевѣса Русской стихіи надъ Польскою.

Когда законная сила окончательно подавитъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ, когда въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ Россіи народная сила станетъ на ноги и пріобрѣтетъ достаточныя средства для самоохраненія и саморазвитія, *Польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи.*

Мы должны непремѣнно завоевать его снова, отбить его у другихъ и взять въ свои руки, каковы бы ни были наши дальнѣйшіе виды относительно Царства. Само собою разумѣется, что виды эти будутъ зависѣть не отъ одной нашей

воли, но и отъ совокупности многихъ обстоятельствъ. Это вопросъ не настоящаго, а будущаго, и теперь можно только указать на тѣ пути къ разрѣшенію политическаго вопроса о Царствѣ, которые откроются для Россіи. Таковыхъ путей можетъ быть только два, не болѣе: вопервыхъ, нераздѣльное сочетаніе Польши съ Россіею учрежденіемъ въ первой — власти, въ Русскихъ рукахъ сосредоточенной, и на столько сильной, чтобъ убѣдить Поляковъ въ безнадежности всякаго возстанія; вовторыхъ, добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польскаго Царства. Всѣ промежуточныя комбинаціи, какъ, напримѣръ, политическая раздѣльность подъ скипетромъ одной династіи, или приближающаяся къ полной раздѣльности административная автономія, осуждены опытомъ и въ будущемъ не должны повторяться. Нераздѣльное сочетаніе можетъ, разумѣется, осуществиться въ формѣ военной диктатуры и въ другой, менѣе рѣзкой, допускающей, въ извѣстныхъ границахъ, участіе народонаселенія въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Выборъ той или другой формы зависѣть будетъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и отъ общаго политическаго настроенія края; но каково бы оно ни было, правительство должно удерживать за собою полную свободу дѣйствій и не связывать себя никакими обязательствами въ примѣненіи той или другой системы внутренняго управленія.

Другой исходъ, то-есть отреченіе отъ Польскаго Царства, *самъ по себѣ* не заключаетъ ничего ни невозможнаго, ни безусловно противнаго интересамъ Россіи. Мы высказываемъ въ этомъ отношеніи убѣжденіе наше прямо и откровенно и просимъ только понять, что мы говоримъ объ этомъ исходѣ *вообще*, не въ отношеніи къ настоящей минутѣ и не къ ближайшей будущности; что мы вовсе не рекомендуемъ его, а только считаемъ его, при извѣстныхъ, благопріятныхъ обстоятельствахъ, возможнымъ; наконецъ, что по мнѣнію нашему, этотъ способъ разрѣшенія предполагаетъ непремѣнно соблюденіе слѣдующихъ условій:

Вопервыхъ, отреченіе должно быть не только добровольно, *по своему внутреннему побужденію,* но должно быть всею Европою признано за добровольное; слѣдовательно, Россія можетъ приступить къ нему лишь въ ту минуту ... сила

и политическое ея первенство будутъ явны и несомнѣнны для всѣхъ.

Вовторыхъ, поднимая по собственной своей волѣ Польскій вопросъ во имя умиротворенія Европы, то-есть того самаго начала, которое теперь обращено противъ насъ, Россія должна неразрывно и наглухо связать свое отреченіе отъ Польскаго Царства съ единовременнымъ разрѣшеніемъ, въ томъ же духѣ, вопросовъ объ Италіи и о подвластныхъ Турціи племенахъ Славянскихъ.

Втретьихъ, отступаясь отъ царства, Россія должна отнестись къ будущему его политическому устройству по возможности *отрицательно*, устранивъ лишь несомнѣнно для нея самой невыгодныя комбинаціи, но не принимая на себя обязанности гарантировать прочность, самостоятельность и цѣлость новой Польской державы противъ покушеній со стороны сосѣднихъ.

Повторяемъ еще разъ: мы отнюдь не утверждаемъ, чтобъ такой исходъ былъ положительно возможенъ, но думаемъ, что никто также не назоветъ его ни безусловно-невозможнымъ, ни вреднымъ для Россіи. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ еще далеко впереди отъ насъ. Довлѣетъ дневи злоба его, то-есть забота, теперь на насъ лежащая; ея и такъ довольно. Но, къ счастью, мы ужъ успѣли въ ней оглядѣться и уяснить себѣ, чего отъ насъ требуетъ наше время.

По поводу книги „L'église officielle et le messianisme par Adam Mickiewisz“. 2 vol. Paris 1845. Cours de littérature slave du Collége de France *).

Исторія Польскихъ эмигрантовъ 1830 года, ихъ участіе въ политическихъ событіяхъ Европы и въ особенности ихъ литературныя произведенія составятъ со временемъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ бытописаніяхъ XIX вѣка. Это будетъ не привѣсокъ къ исторіи Польши, а необходимая, законная ея развязка, даромъ, что она разыгралась не въ самой Польшѣ, а на чужбинѣ. Въ то же время она, можетъ быть, получитъ въ исторіи всей Западной Европы значеніе пролога къ послѣднему дѣйствію всемірно - исторической драмы Римско-Германскаго развитія.

Польша приняла въ себя всѣ элементы Западной Европы, чуждые ея народной субстанціи, приняла ихъ не какъ свои, природные, а какъ общечеловѣческіе вслѣдствіе свободнаго выбора и сознательнаго усвоенія. Она отдала себя въ услуженіе Западной Европѣ и умерла на службѣ, умерла, какъ Польская земля. Поляки, лица пережившія свою землю, разбрелись по Европѣ. Лишившись отчизны, они въ то же время не могли пріобщиться къ жизни котораго бы то ни было изъ западныхъ государствъ, не потому, чтобы они чуждались началъ, на которыхъ зиждется бытъ западныхъ народовъ, а потому, напротивъ, что они изжили у себя на родинѣ эти на-

---

*) Написано Ю. Ѳ—чемъ карандашомъ на оберткѣ означенной книги, вѣроятно, въ 1849 году. Замѣтку эту слѣдовало бы помѣстить въ началѣ статей „О Польскомъ вопросѣ“, но она нашлась, когда первыя статьи, вошедшія въ этотъ отдѣлъ, были уже отпечатаны.

Прим. Изд.

чала и тяжкимъ опытомъ убѣдились въ ихъ неудовлетворительности. Эти новозавѣтные Евреи, терпимые въ Европѣ изъ состраданія, вслѣдствіе самой отрѣшенности своей отъ родной почвы и отъ почвы западной, свободнѣе оглянули весь западный міръ и первые изрекли надъ нимъ судъ. Очистительная сила страданій и скорби, которой не было равной въ новѣйшей исторіи, ознаменовалась въ нихъ. Взоръ ихъ очистился, мысль отрезвилась. Настоящее современной Европы представляется уже чѣмъ-то прошедшимъ для многихъ изъ нихъ, душою стремящихся къ новой, провидѣнной будущности. Больше нельзя и требовать отъ изолированныхъ лицъ. Имъ можетъ быть дано только предчувствовать новую жизнь; осуществиться же она должна въ новой народной средѣ. Напрасно связываютъ они свои ожиданія съ надеждою на воскресеніе Польши. Изрекая приговоръ западнымъ началамъ, они изрекли его Польской землѣ. Но этого они не понимаютъ, и можно ли отъ нихъ требовать, чтобъ они это поняли.

Высота личной мысли, глубина личныхъ требованій досталась имъ не на радость, а на безутѣшное горе. Современные Поляки—высокотрагическое явленіе.

Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго въ Октябрѣ 1863 года *).

Изучивъ предварительно законы, постановленія и инструкціи, которыми опредѣляется настоящее положеніе крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, мы потребовали отъ мѣстныхъ властей свѣдѣнія, необходимыя для предстоящихъ работъ, и, пока эти свѣдѣнія собирались, испросили у Намѣстника Царства разрѣшенія объѣхать нѣкоторые уѣзды, прилегающіе къ Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ такая поѣздка не могла совершиться безъ опытнаго, хорошо знающаго мѣстность проводника и безъ надежнаго конвоя. Въ короткій срокъ, которымъ мы могли располагать, разумѣется, нельзя было и думать объ основательномъ изслѣдованіи дѣйствительнаго положенія крестьянъ, хотя бы даже въ самой ограниченной мѣстности. Виды наши были гораздо скромнѣе: мы надѣялись, въ дополненіе къ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ дѣлъ, вынести наглядное представленіе о хозяйственной обстановкѣ здѣшнихъ поселянъ, о расположеніи деревень и разбивкѣ полей, объ отношеніяхъ сельскаго населенія къ ближайшей надъ нимъ полицейской власти (гминнымъ войтамъ), наконецъ (насколько было возможно), о нуждахъ крестьянъ и настроеніи умовъ въ деревняхъ.

Пользуясь указаніями лицъ, близко знакомыхъ съ краемъ, мы составили себѣ слѣдующій планъ поѣздки: выѣхавъ изъ Варшавы по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ, доѣхать по ней до Роговской станціи (Равскаго уѣзда), оттуда сво-

*) Напечатано въ сборникѣ „Девятнадцатый Вѣкъ“, **книга первая, 1872 г.**

ротить вправо на мѣстечко Бржезины и далѣе до города Лодзя; изъ этого города, поворотивъ обратно на Юго-Востокъ, выѣхать опять на ту же желѣзную дорогу по тракту на мѣстечки Ржовъ и Тушинъ; затѣмъ, черезъ Піотрковъ и Ченстоховъ, доѣхать по желѣзной дорогѣ до южной части Радомской губерніи и тамъ своротивъ съ дороги влѣво, проѣхать чрезъ мѣстечко Славковъ въ городъ Олькушъ; изъ Олькуша обратнымъ путемъ взять на Сѣверо-Западъ и примкнуть къ желѣзной дорогѣ на станцію Лазы, откуда, по желѣзной же дорогѣ, вернуться въ Варшаву. Такимъ образомъ мы должны были объѣхать по шоссейнымъ и проселочнымъ дорогамъ части уѣздовъ: Равскаго, Ленчицкаго и Піотрковскаго Варшавской губерніи, по правую сторону отъ желѣзной дороги; а по лѣвую: южную и среднюю части Олькушскаго уѣзда Радомской губерніи.

Планъ этотъ представлялъ двоякую выгоду. Во-первыхъ, не уклоняясь въ стороны отъ желѣзной дороги болѣе, какъ на одинъ день пути, мы выигрывали много времени на быстротѣ переѣздовъ и пріобрѣтали возможность, въ короткій срокъ, осмотрѣть мѣстности, находящіяся на дальнемъ одна отъ другой разстояніи, отличающіяся относительно другихъ частей Царства густотою населенія и преобладаніемъ двухъ различныхъ племенныхъ типовъ, Великополянъ и Кракусовъ. Во-вторыхъ, на пути отъ желѣзной дороги въ Лодзь и Олькушку, мы должны были встрѣтить образцы почти всѣхъ существующихъ въ Царствѣ формъ и условій сельскаго быта въ имѣніяхъ казенныхъ, маіоратныхъ и частныхъ, именно: крестьянъ издѣльныхъ, крестьянъ, состоящихъ на окупѣ, такихъ, которые платятъ чиншъ или поземельный оброкъ, наконецъ, колонистовъ туземнымъ и Нѣмецкихъ.

Благодаря предварительнымъ распоряженіямъ сопровождавшаго насъ офицера генеральнаго штаба и радушному гостепріимству военныхъ начальниковъ, командующихъ отдѣльными округами, намъ удалось, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, скоро и удобно объѣхать въ нѣсколько дней 16 различныхъ поселеній, въ томъ числѣ: 7 помѣщичьихъ селеній, 2 казенныхъ, 2 населенныхъ колонистами, 1 майоратское и 4 мѣстечка. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы останавли-

вались по нѣскольку часовъ, въ другихъ — ограничивались самыми краткими разспросами и справками, собранными на лету, но почти отовсюду удалось добыть хоть какія-нибудь свѣдѣнія, не лишенныя для насъ интереса.

Не легко бы было передать теперь, въ какомъ бы то ни было порядкѣ, все, что̀ мы такъ недавно видѣли и слышали и чѣмъ ежеминутно возбуждалось наше вниманіе въ эту поѣздку. Для взгляда и слуха, привыкшаго къ нашей Великороссійской обстановкѣ, все почти было ново. Тщательно выровненныя поля, болѣе похожія на наши подмосковные огороды; почти совершенное отсутствіе кустарныхъ зарослей и выгоновъ; иногда, въ узкой низменности, на маломъ клокѣ земли, пасущаяся пара коровъ, и непремѣнно къ нимъ приставленная для караула дѣвочка; въ дали, на самомъ лучшемъ мѣстѣ, бѣлѣющійся господскій домъ или хуторъ и кругомъ кирпичныя фольварочныя строенія; дорога къ нимъ, обсаженная пирамидальными тополями; въ сторонѣ, убогая, небольшая деревня, съ тѣсными, скудными надворными строеніями и мрачнымъ костеломъ, или разбросанныя на большомъ пространствѣ одинокія усадьбы колонистовъ, съ разведенными при нихъ садами; мѣстечки, не похожія ни на селенія, ни на города, а скорѣе на предмѣстья несуществующихъ городовъ, съ безчисленнымъ множествомъ шинковъ и съ выбѣгавшими поглазѣть на проѣзжихъ суетливыми жидами, степенными Нѣмцами и оборванными подозрительнаго вида шляхтичами; за селеніями и мѣстечками тщательно расчищенные хвойные лѣса, и вырубленныя вновь по обѣимъ сторонамъ дороги просѣки, съ еще неубранными, сваленными въ кучу деревьями; въ дали синѣющіе отроги Карпатскихъ горъ; на станціяхъ выстроенные на платформахъ неподвижные взводы пѣхоты, и около нихъ толкотня всякаго рода людей и хлопотливая бѣготня безчисленнаго множества начальствующихъ лицъ; по дорогѣ, своротившая въ сторону жидовская громадная фура, до верху нагруженная грязными тюфяками и множествомъ рыжихъ и черныхъ жидятъ; усатый панъ въ легкой бричкѣ и рядомъ съ нимъ сидящая въ глубокомъ траурѣ пани, принимающая насъ по конвою за арестованныхъ патріотовъ и мимоѣздомъ бросающая намъ сочувственный

привѣтъ; худощавая фигура ксендза въ длиннополомъ сюртукѣ, изподлобья высматривающаго, что̀ дѣлается по сторонамъ; разнообразные типы военныхъ начальниковъ, ихъ живые разсказы и поразительное отсутствіе всякаго согласія и единства въ ихъ дѣйствіяхъ и понятіяхъ, выходящихъ изъ круга военныхъ операцій; наконецъ, самая обстановка нашего путешествія: конвой линейцевъ въ бараньихъ шапкахъ, съ закинутыми за спину винтовками, плавно несущихся на Кавказскихъ иноходцахъ, веселый бодрый видъ пѣхоты,— этой неутомимой пѣхоты, почти не отстающей отъ кавалеріи, солдатскія пѣсни и солдатскій заразительный смѣхъ; кое-гдѣ, въ рядахъ, заломленныя на бекрень красныя конфедератки, отбитыя у повстанцевъ,—все это и многое другое, какъ движущаяся панорама, пронеслось мимо насъ во время этой достопамятной для насъ поѣздки.

Но всего разсказать нельзя; остается, минуя подробности, постараться, хоть въ главныхъ чертахъ, передать результаты нашихъ наблюденій собственно по крестьянскому дѣлу.

Общій характеръ крестьянскихъ сходокъ.

Крестьяне Польскіе, по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми мы говорили, далеко не такъ подозрительны, замкнуты и нравственно забиты, какъ обыкновенно говорятъ. Мы встрѣчались съ ними въ первый разъ, въ сопровожденіи конвоя, при обстановкѣ, которая сама по себѣ могла бы навести на нихъ страхъ, или, по крайней мѣрѣ, усилить недовѣрчивость, свойственную поселянамъ вообще; наконецъ, мы обращались къ нимъ съ разспросами въ такое время, когда неосторожное слово часто влечетъ за собою самую утонченную месть,—и, несмотря на совокупность этихъ условій, самыхъ неблагопріятныхъ для откровенной бесѣды, мы не встрѣтили нигдѣ упорнаго уклоненія отъ объясненій. Напротивъ, вызвать крестьянъ на правдивое заявленіе ихъ нуждъ, ожиданій и жалобъ удавалось всегда гораздо легче и скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Для этого достаточно было обнаружить къ нимъ участіе,

къ чему они, очевидно, не привыкли, и приступить къ дѣлу съ нѣкоторою осторожностію.

Обыкновенно, когда собиралась сходка, въ толпу крестьянъ втирались какія-то стороннія лица, отличавшіяся отъ толпы физіономіею и одеждою. Это были оффиціалисты помѣщиковъ, писаря, конторщики, приказчики, видимо присматривавшіе за крестьянами. Зная это, послѣдніе при нихъ неохотно вступали въ разговоры. Мы всегда удаляли этихъ незванныхъ свидѣтелей, и вслѣдъ затѣмъ крестьяне мгновенно поднимали головы, ободрялись и начинали объясняться смѣлѣе. Разумѣется, мы начинали съ разспросовъ о предметахъ самыхъ простыхъ и неспособныхъ возбудить подозрѣнія: о числѣ дворовъ, о качествѣ грунта, о свойствѣ отбываемыхъ повинностей и т. д.; затѣмъ уже, мы переходили къ болѣе щекотливымъ: объ отношеніяхъ къ помѣщику, къ войту, о прокламаціяхъ народнаго жонда и т. д. Крестьяне и объ этомъ говорили безъ утаекъ. Отвѣтивъ на наши вопросы, они обыкновенно начинали уже отъ себя излагать разныя жалобы на претерпѣваемыя ими обиды. Женщины вообще высказывались еще охотнѣе и откровеннѣе, чѣмъ мужчины, и подбивали послѣднихъ; въ началѣ, онѣ только прислушивались съ напряженнымъ участіемъ, потомъ постепенно протирались въ толпу крестьянъ, вмѣшивались въ разговоры и къ концу почти оттѣсняли мужчинъ. Въ сословіи польскихъ крестьянъ, какъ и въ другихъ высшихъ, явно обнаруживалось преобладаніе бойкой и живой инициативы женскаго ума.

Крестьяне, насколько мы могли объ этомъ судить, не потеряли сознанія предоставленныхъ имъ правъ, несмотря на частое ихъ нарушеніе; они не только понимаютъ разницу между положеніемъ правящихъ барщину и платящихъ окупъ или чиншъ, но отдаютъ себѣ отчетъ въ самой причинѣ этой разницы. Такъ, напримѣръ, они никогда не смѣшиваютъ двухъ существующихъ теперь въ помѣщичьихъ имѣніяхъ видовъ денежной повинности, *окупа* и *чинша*, и очень вѣрно отличаютъ первый, какъ переложенную на [illegible]ность барщинныхъ рабочихъ дней, отъ втораго (то-[illegible]), какъ повинности грунтовой, то-есть, болѣе [illegible] сленной по количеству и ка[illegible]

опредѣленія окупа имъ вполнѣ извѣстенъ, и на вопросы наши они обыкновенно безошибочно намъ объясняли, какъ переводилась барщина на деньги, во чтò цѣнился день пѣшій и конный, сколько слѣдовало платить каждому домохозяину, чтобы откупиться отъ барщины, сколько за строенія и во чтò имъ обходился моргъ земли [1]). О барщинѣ, или панщизнѣ, крестьяне отзывались не иначе, какъ съ омерзеніемъ. Въ помѣщичьемъ селеніи Блендовой Кузницѣ, Олькушскаго уѣзда, крестьяне жаловались на обременительность окупа и вычисляли намъ всѣ тягости настоящаго ихъ положенія; но когда мы задали имъ вопросъ: „неужели приходится имъ жалѣть о прежней барщинѣ?“—то одинъ изъ нихъ, взглянувъ на насъ съ добродушнымъ укоромъ, проговорилъ: „какъ это можно! развѣ ужъ мы не люди?“ — Вообще помѣщичьи крестьяне, какъ состоящіе на окупѣ, такъ и отбывающіе смѣшанную повинность, завидуютъ казеннымъ, обложеннымъ чиншемъ, то-есть оброкомъ съ земли, и желали бы перейти на такое же положеніе. Но очиншеваніе доселѣ подвигалось туго. Крестьяне неоднократно на это жаловались. Въ помѣщичьемъ селеніи Хойнѣ, Ленчицкаго уѣзда, они говорили, что весьма бы желали перейти на чистый денежный оброкъ со смѣшанной повинности, но, къ несчастію, не могутъ этого требовать, потому что заключили прежде сдѣлку съ владѣльцами, которой срокъ еще не истекъ. Въ части имѣнія Олькушскаго уѣзда, Блендовой Кузницѣ, принадлежащей казнѣ, крестьяне, доселѣ отбывающіе работы на горномъ заводѣ [2]), не только тяготятся этимъ, но оскорбляются нравственно. По ихъ словамъ, начальство приступило было къ очиншеванію; но для этого потребовалось, по принятымъ правиламъ, предварительное размежеваніе съ сосѣднимъ помѣщикомъ, который предложилъ крестьянамъ, въ обмѣнъ на ихъ участки, негодную землю: крестьяне не могли принять ее, и вслѣдствіе этого очиншеваніе пріостановилось.

[1]) По послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Царствѣ Польскомъ на 320.654 крестьянскіе двора причитается нынѣ: на *чиншъ* 148.477, на *окупъ* 133.352, на *смѣшанной повинности* 33.354, на *чистой барщинѣ* 5.471.

[2]) Барщина въ казенныхъ имѣніяхъ встрѣчается кое-гдѣ, какъ рѣдчайшее, временно терпимое до устройства всѣхъ имѣній.

Съ своей стороны, казенные крестьяне сознаютъ не безъ гордости превосходство своего положенія надъ помѣщичьими не только въ хозяйственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Въ селеніи Стремежичахъ Великихъ они намъ говорили съ особеннымъ чувствомъ достоинства: „кромѣ Бога и Царя—мы не боимся никого".

Крестьянскіе надѣлы.

Законъ 1846 года даровалъ крестьянамъ право неотъемлемаго пользованія участками земли, ими въ то время занятыми, и запретилъ помѣщикамъ не только отбирать у нихъ или обрѣзывать эти участки, но даже присоединять къ своимъ полямъ опустѣлые крестьянскіе участки. Къ сожалѣнію, при потворствѣ мѣстныхъ властей, всѣ эти правила безнаказанно нарушаются, чему мы имѣли нѣсколько неопровержимыхъ доказательствъ.

Въ селеніи Роговѣ, Равскаго уѣзда, крестьяне владѣльца Пацера (онъ же и гминный войтъ), оставшись съ нами наединѣ, припали къ ногамъ нашимъ (по мѣстному польскому обычаю) и единогласно заявили, что помѣщикъ, въ нынѣшнемъ году, самовольно, безъ ихъ согласія, разомъ перенесъ всю деревню съ мѣста очень удобнаго, вблизи водопоя, на дальнее разстояніе и на совершенно безплодное и безводное мѣсто. Единовременно былъ произведенъ обмѣнъ угодій; всѣ расходы по переселенію пали на крестьянъ, которые при этомъ лишились, безъ вознагражденія, луговъ и разведенныхъ ими на старомъ мѣстѣ огородовъ. По ихъ словамъ, даже полевой надѣлъ, вновь имъ отведенный, меньше прежняго, вслѣдствіе чего и ежегодный ихъ засѣвъ уменьшился. Осмотръ, произведенный нами на мѣстахъ, вполнѣ подтвердилъ показаніе крестьянъ о крайней для нихъ невыгодности новой ихъ усадебной осѣдлости въ сравненіи съ прежнею. Въ этомъ случаѣ распоряженіе владѣльца было прямымъ нарушеніемъ закона; но кажется, что крестьяне и не жаловались: имъ пришлось бы имѣть дѣло съ гминнымъ войтомъ, то-есть съ самимъ помѣщикомъ *). Къ этому нельзя не прибавить, что

*) Обо всемъ этомъ доведено до свѣдѣнія г. Намѣстника.

собственный хуторъ г. Пацера, нами осмотрѣнный, отличался особеннымъ благоустройствомъ; что его канцелярія, по званію гминнаго войта, удивила насъ необыкновенною опрятностью и внѣшнимъ порядкомъ въ храненіи дѣлъ и подшивкѣ бумагъ; наконецъ, что онъ не только не уклонялся отъ объясненій съ нами, но, напротивъ, принялъ насъ чрезвычайно радушно и въ разговорѣ съ нами выставлялъ свою заботливость объ улучшеніи быта крестьянъ. Первое наше впечатлѣніе было для него благопріятно; но какъ скоро мы перешли съ фольварка на село, лицевая сторона исчезла и выступила ея невзрачная изнанка.

Однородныхъ жалобъ на произвольное отобраніе и присоединеніе къ господскимъ полямъ крестьянскихъ участковъ намъ было предъявлено до семи: въ с. Ляски г. Мигельскаго и въ двухъ селеніяхъ помѣщика Рогацкаго—Блендовой Кузницѣ и Неговоницахъ. Слѣдующіе два случая, разсказанные намъ на сходкѣ и ею подтвержденные, могутъ дать понятіе о многихъ другихъ. Семь лѣтъ тому назадъ, обѣднѣвшій пахарь, будучи не въ силахъ перестроить свою развалившуюся избу, просилъ помѣщика пособить ему, но получилъ отказъ. Поневолѣ, хозяинъ долженъ былъ отказаться отъ своего участка и перейти съ семьею въ низшій разрядъ коморниковъ, то-есть получить (за извѣстную повинность) помѣщеніе на помѣщичьемъ дворѣ и снискивать себѣ пропитаніе, нанимаясь въ работу. Помѣщикъ отобралъ въ свою пользу опустѣвшій участокъ, въ явное нарушеніе закона 1846 года. Черезъ нѣсколько лѣтъ крестьянинъ поправился; дѣти его подросли, и онъ увидѣлъ возможность снова обратиться къ земледѣлію на свою руку и занять прежнюю свою усадьбу. Предупредивъ помѣщика, онъ засѣялъ рожью часть бывшаго своего участка; но владѣлецъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ перепахать землю и по крестьянскому сѣву засѣять поле господскими сѣменами. Крестьянинъ обратился въ городъ Олькушъ съ жалобою къ нѣкоему Гринфельду, секретарю уѣзднаго начальника, но не получилъ расправы — и не мудрено: Гринфельдъ въ ту пору поглощенъ былъ другими дѣлами; какъ разсказывалъ намъ Олькушскій военный начальникъ, онъ усердно приводилъ въ исполненіе распоряженіе предво-

дителя шайки Куровскаго, которому присягнулъ на вѣрность службы и отъ имени котораго подписывалъ и разсылалъ реквизиціи. Въ томъ же имѣніи г. Рогацкаго, изъ числа 40 дворовъ, 6 опустѣло послѣ 1846 года; тягость барщины истощила средства крестьянъ; помѣщикъ всѣ эти пустки держитъ самъ, обработываетъ на себя и не сдаетъ крестьянамъ, хотя многіе рады бы были снять ихъ за установленную повинность [1]).

Итакъ, земля, вопреки положительному закону, ускользаетъ понемногу изъ рукъ поселянъ, не по недостатку способныхъ ее воздѣлывать, а по произволу помѣщиковъ [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы слышали, они самовольно разбиваютъ крупные опустѣлые участки на мелкія дѣлянки, менѣе 3-хъ морговъ (по размѣру своему, изъятыя, къ несчастью, изъ-подъ дѣйствія закона 1846 года), и водворяютъ на нихъ батраковъ. Извѣстно, что та же операція производилась въ разныхъ частяхъ Германіи подъ выразительнымъ названіемъ *холощенія* крестьянскихъ дворовъ (Bauernlegen). Послѣдствіемъ ея было то, что крупные подворные надѣлы постепенно стали исчезать, пока, наконецъ, тамошнія правительства не приняли противъ этого рѣшительныхъ мѣръ.

Мы напали также на слѣдъ систематическаго, подъ другимъ предлогомъ, уменьшенія существовавшихъ въ 1846 г. участковъ. Въ то время, когда потребованы были отъ владѣльцевъ такъ-называемыя престаціонныя табели (въ родѣ уставныхъ грамотъ), нѣкоторые изъ нихъ, по недостатку точныхъ свѣдѣній или по другимъ причинамъ, показали за крестьянами менѣе земли, чѣмъ сколько было ея дѣйствительно въ ихъ владѣніи. Свѣдѣнія эти не повѣрялись. Впослѣдствіи, особенно при переходѣ крестьянъ на окупъ или на чиншъ, владѣльцы производили болѣе точныя измѣренія, и, когда оказывалось въ пользованіи крестьянъ земли въ натурѣ болѣе, чѣмъ по табели, лишекъ отъ нихъ отбирался, какъ *припашка,* будто бы самовольно ими допущенная. Этимъ объясняются жалобы, неоднократно заявляемыя крестьянами,

---

[1]) О жалобахъ крестьянъ по сему предмету доведено до свѣдѣнія г. Намѣстника.

[2]) По оффиціальнымъ отчетамъ число такихъ опустѣлыхъ участковъ въ Царствѣ дошло до 13 тысячъ.

что въ прежнее время они засѣвали больше хлѣба, чѣмъ нынѣ, по разверстаніи съ помѣщикомъ.

Права крестьянъ на угодья.

Тотъ же упомянутый выше законъ 1846 года утвердилъ за крестьянами и право на *угодья* (Servituten), которыми они пользовались. Здѣсь, подъ этимъ терминомъ подразумѣвается обязательное для владѣльца снабженіе крестьянъ строевымъ лѣсомъ для ремонта строеній, отпускъ топлива, допущеніе крестьянъ пасти скотину въ господскомъ лѣсу и собирать листья на подстилку. Съ тѣхъ поръ все это никакимъ закономъ отмѣнено не было; но въ большей части имѣній, съ прекращеніемъ барщины и съ переходомъ крестьянъ на окупъ въ 1861 году, владѣльцы самовольно сложили съ себя всѣ вышеизложенныя обязанности. Крестьяне на это громко жалуются. Въ селеніи Неговоницахъ они намъ говорили: „прежде мы давали съ двора по 2 каплуна, по 5 злотыхъ и по 10 яицъ за отпускъ топлива и за собираніе листьевъ на подстилку; мы и теперь охотно вносили бы тѣ же дани, но со времени перехода на окупъ всѣ эти выгоды у насъ отняты".—„Отчегожъ вы не жаловались?" — спросили мы и услышали въ отвѣтъ: „не разъ ходили мы въ Олькушу съ жалобами, да возвращались оттуда наказанными". Въ другомъ помѣщичьемъ селеніи крестьяне намъ говорили, съ сожалѣніемъ вспоминая былое время: „прежде, бывало, хоть и побьютъ, да отпустятъ бревно изъ милости; а теперь, со времени введенія окупа, и того не даютъ". Сходную жалобу предъявили намъ на сходкѣ Нѣмецкіе колонисты, водворенные въ казенномъ имѣніи Ленчицкаго уѣзда, селѣ Новосольнѣ. Изъ казеннаго лѣса ежегодно отпускается на распродажу, по таксѣ, извѣстное количество дровъ; всѣ безъ различія могутъ пріобрѣтать ихъ; но колонисты увѣряютъ, что сосѣдніе помѣщики, пользуясь особеннымъ покровительствомъ, забираютъ всю пропорцію, а на крестьянъ почти ничего не остается.

Усадебныя строенія.

Споры между крестьянами и владѣльцами о правѣ собственности на усадебныя строенія, занимаемыя первыми, въ

послѣднее время, въ Олькушскомъ уѣздѣ, значительно усилились, по удостовѣренію мѣстнаго военнаго начальника. Извѣстно, что въ 1807 году, когда крестьяне пріобрѣли личную свободу и въ то же самое время лишились всякаго земельнаго обезпеченія, законъ не выговорилъ въ ихъ пользу даже правъ на ихъ дома. Съ тѣхъ поръ въ здѣшней юридической практикѣ установилось правило, что всѣ усадебныя строенія принадлежатъ помѣщику, развѣ бы крестьяне доказали, что они выстроены ими на собственный ихъ счетъ или выкуплены; съ другой стороны, помѣщикъ считался обязаннымъ поддерживать эти строенія своими матеріалами. Но съ 1861 года, то-есть со времени введенія окупа, помѣщики прекратили отпускъ строевыхъ матеріаловъ, и теперь крестьяне, чтобъ не остаться безъ крова, пріобрѣтаютъ лѣсъ, кирпичъ и прочее на свой счетъ. Нѣкоторые предъявляютъ, какъ доказательства, удостовѣренія гминныхъ войтовъ въ дѣйствительности произведенныхъ ими расходовъ и обращаются къ военному начальнику съ просьбами о признаніи строеній полною ихъ собственностью; помѣщики же, сложивъ съ себя лежавшую на нихъ обязанность производства ремонтовъ въ то же время крѣпко держатся за свое право. Изъ этого возникаютъ споры, тѣмъ болѣе затруднительные, что для разрѣшенія ихъ не достаетъ юридическихъ основаній и, въ большей части случаевъ, самый фактъ не можетъ быть изслѣдованъ съ полною достовѣрностію.

Даремщины.

Предписаніе закона 1846 года объ отмѣнѣ такъ называемыхъ *даремщинъ* (то-есть добавочныхъ повинностей), въ тѣхъ случаяхъ, когда повинности сіи не имѣютъ законнаго основанія, какъ видно, исполнено было крайне произвольно. Общія основанія, которыми, въ этомъ дѣлѣ руководствовалось мѣстное управленіе, сами по себѣ весьма для крестьянъ неблагопріятныя, не были въ точности примѣнены на практикѣ. Пересмотрѣвъ престаціонныя табели въ разныхъ имѣніяхъ, мы убѣдились, что однѣ и тѣ же пови
причислены къ даремщинамъ, под

гихъ — оставлены, какъ повинности грунтовыя, то-есть поземельныя, а не личныя. Перевести повинность изъ втораго разряда въ первый зависило отъ воли владѣльца; стоило только опредѣлить ее точнѣе урокомъ, вѣсомъ, мѣрою или инымъ способомъ. Такъ напримѣръ, оказалось, что въ с. Роговѣ съ каждаго двора требуется ежегодно по 2 каплуна, по 30 яицъ и по 10 аршинъ холста. Помѣщикъ, онъ же и гминный войтъ, увѣрялъ насъ, что всѣ эти поборы давно отмѣнены имъ добровольно; а жена его, не успѣвши съ нимъ сговориться, въ то же самое время, но въ другой комнатѣ, утверждала противное. Тѣ же повинности, а иногда и сгонные дни, существуютъ въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній Ленчицкаго и Олькушскаго уѣздовъ. Въ одномъ изъ этихъ имѣній, сверхъ того, требуется безплатно: сторожба, рубка дровъ на потребности господскаго двора, нарядъ женщинъ пасти стадо. Все это, по удостовѣренію крестьянъ, признается повинностью грунтовою, а къ даремщинамъ причислены только стрижка и мытье овецъ. Нельзя не замѣтить, что дани и мелкіе поборы вездѣ взимаются въ одинаковомъ размѣрѣ со всѣхъ пахотныхъ дворовъ, даже тамъ, гдѣ существуютъ въ одномъ и томъ же селѣ участки различныхъ размѣровъ, чтò уже одно доказываетъ, что исчисленныя повинности отнюдь не имѣютъ основанія въ земельномъ надѣлѣ крестьянъ, а прямо истекаютъ изъ прежнихъ понятій крѣпостного права о принадлежности всей движимости крестьянъ помѣщику.

Окупъ и чиншъ.

Главная коренная повинность въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, *окупъ* (то-есть оброкъ, исчисленный по оцѣнкѣ дней), большею частью падаетъ на крестьянъ весьма неравномѣрно и, превышая цѣнность земли, оказывается крайне обременительнымъ. Это произошло оттого, что число окупаемыхъ дней въ табеляхъ показано было самими помѣщиками и утверждено безъ всякой повѣрки. Бывали примѣры, что въ табеляхъ значилось больше дней, чѣмъ сколько отбывалось ихъ въ натурѣ. Въ селѣ Роговѣ, по переложеніи на деньги еженедѣль-
[illegible]лаго двора по престаціонной табели (трехъ

дней упряжныхъ и двухъ пѣшихъ въ недѣлю), пало бы на десятину, по принятой оцѣнкѣ дней, 4 рубля 56 копѣекъ. Но помѣщикъ самъ принялъ въ оцѣнку, вмѣсто трехъ упряжныхъ дней и двухъ пѣшихъ, по шести пѣшихъ дней съ двора, что составило 2 рубля 98 копѣекъ кругомъ на десятину. Земля крестьянская въ этомъ имѣніи песчана и требуетъ частаго и сильнаго удобренія. Въ недальнемъ разстояніи оттуда находится казенное селеніе Липины, купленное у помѣщика, — люстрація еще не произведена, а чиншъ оставленъ въ прежнемъ размѣрѣ, среднимъ числомъ по 1 рублю 20 коп. съ десятины безъ всякихъ добавочныхъ повинностей. Въ помѣщичьемъ имѣніи Хойнѣ, близъ города Лодзи, гдѣ земля также далеко не отличается плодородіемъ, окупъ доходилъ до 5 рубл. съ десятины слишкомъ; повинность эта была рѣшительно не по силамъ крестьянъ, и помѣщикъ, убѣдившись въ этомъ, перевелъ ихъ на поземельный чиншъ, по соглашенію съ ними. На основаніи этой полюбовной сдѣлки, исчислено оброка съ десятины лучшей пшеничной земли—1 рубль 80 коп.; средней житной земли — 1 рубль 50 коп.; худшей 1 рубль 10 коп. Крестьяне находятъ и эти условія невыгодными; они увѣряютъ, что помѣщикъ склонилъ ихъ къ соглашенію, котораго они второпяхъ не выразумѣли, и воспользовался крайнею для нихъ необходимостью, во что̀ бы ни стало, избавиться отъ барщины и окупа. Въ имѣніи г. Кшановскаго, Шенчицѣ, приходилось окупа—4 рубля 80 коп. съ десятины, не считая данинъ; крестьяне воспротивились введенію этой повинности и просили очиншиванія по грунту, но помѣщикъ имъ отказалъ; по этому случаю изъ города пріѣзжали чиновники унимать крестьянъ; между тѣмъ, въ сосѣднемъ маіоратномъ имѣніи генерала Тимоѳеева, с. Черноцинѣ, по казенной оцѣнкѣ, положено съ десятины 79 копѣекъ.

Огородники и коморники.

Крестьяне низшихъ разрядовъ, пользующіеся усадебной осѣдлостью и мелкими участками, которыхъ законъ 1846 года, къ сожалѣнію, ничѣмъ не оградилъ отъ произвола помѣщиковъ, такъ называемые огородники и коморники, находятся

вообще въ самомъ жалкомъ положенiи. Они занимаютъ небольшiя избы безъ всякихъ надворныхъ строенiй; иногда двѣ семьи помѣщаются въ хатѣ, едва достаточной для одной; не вездѣ отводятся имъ огороды, еще рѣже мелкiе участки пахотной земли. Пробиваясь наймомъ на полевыя работы, огородники и коморники отбываютъ при этомъ за свою осѣдлость довольно тяжелыя повинности.

Въ помѣщичьей деревнѣ Хойнѣ мы встрѣтили коморника, обѣднѣвшаго, нѣкогда зажиточнаго пахаря, у котораго помѣщикъ отнялъ полевую землю еще до 1846 года. Онъ отбываетъ въ недѣлю два рабочихъ дня: одинъ за избенку, другой за 8 огородныхъ грядокъ, — и получаетъ даромъ валежникъ и сушникъ на топливо. Въ другомъ селенiи, Блендовой Кузницѣ, насчитывается до 50 коморниковъ; имъ отводятся небольшiя избы безъ огородовъ и по 2 десятины самой плохой земли изъ раздробленныхъ *пустковъ* (опустѣлыхъ крестьянскихъ участковъ). Съ одинокой семьи требуется за это одинъ рабочiй день въ недѣлю и 2 рубля серебромъ годового оброка, а когда въ домѣ помѣщаются двѣ семьи, то та и другая повинность удваивается. Коморники обязаны отбывать по востребованiю отъ экономiи и болѣе рабочихъ дней за опредѣленную плату, по 15 копѣекъ въ день. Вообще, положенiе этого класса сельскихъ обывателей, занимающихъ середину между самостоятельными хозяевами и батраками, не только не улучшается, а, напротивъ, становится хуже, по мѣрѣ перехода крестьянъ-пахарей на денежную повинность. Въ прежнее время, когда послѣднiе правили барщину, они сами нуждались въ работникахъ и охотно отводили имъ на своихъ участкахъ небольшiе клочки земли для постройки хатъ; теперь пахари, откупившись отъ обязательной работы, менѣе нуждаются въ чужой помощи для своего хозяйства и потому не входятъ въ подобнаго рода сдѣлки.

Пропинацiя.

Кромѣ многосложной системы поземельныхъ и личныхъ повинностей, болѣе или менѣе законныхъ, крестьяне обязываются покупать вино и пиво непремѣнно во владѣльческомъ

шинкѣ. Ввозъ въ имѣніе купленныхъ на сторонѣ, хотя бы и для собственнаго употребленія, напитковъ безусловно воспрещается, и за нарушеніе этого правила крестьяне подвергаются штрафамъ. Это принужденіе (существовавшее нѣкогда и въ Германіи подъ названіемъ Getränke-Zwang), по всѣмъ собраннымъ нами справкамъ и отзывамъ, не имѣетъ рѣшительно никакого законнаго основанія; тѣмъ не менѣе, какъ наростъ на пропинаціонномъ правѣ (правѣ курить вино и открывать шинки), оно существуетъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ которыхъ мы были, почти безъ исключенія и даже въ нѣкоторыхъ казенныхъ введено содержателями шинковъ, хотя гминные войты и управляющіе не признаютъ этого. Но отзывы крестьянъ въ этомъ отношеніи были единогласны. Въ селѣ Неговоницѣ они прямо объявили, что въ сосѣднихъ шинкахъ вино дешевле и лучше, но имъ не позволяютъ оттуда привозить его; въ с. Болеславѣ мѣстный войтъ, на предложенный ему вопросъ, завѣрялъ насъ, что крестьянамъ никто не воспрещаетъ привозить напитки откуда имъ вздумается, но слушавшая его старуха-коморница тутъ же уличила его во лжи и заставила въ этомъ признаться. Нельзя не упомянуть и другого рода принужденій, которымъ въ послѣднее время подвергались крестьяне въ имѣніи г. Рогацкаго (Олькушскаго уѣзда) и на которыя они намъ жаловались. Мѣстный ксендзъ запретилъ имъ играть на скрипкѣ, не только въ церкви, какъ это дѣлалось прежде, но даже въ шинкахъ, въ избахъ и на улицахъ. Распоряженіе это, очевидно связанное съ прекращеніемъ колокольнаго звона по поводу удаленія Варшавскаго архіепископа, послѣдовало въ разныхъ мѣстностяхъ Царства съ явною цѣлью насильно привлечь крестьянъ къ участію въ церковной манифестаціи, которой они нисколько не сочувствуютъ и даже не понимаютъ; но, какъ нарушеніе стараго обычая, оно глубоко огорчило и оскорбило Краковяковъ, страстныхъ охотниковъ до музыки и плясокъ. Въ первую минуту мы и не выразумѣли, что̀ могло вызвать усиленную просьбу крестьянъ выпросить имъ разрѣшеніе на ближайшей сельской свадьбѣ снять съ гвоздя висѣвшую въ шинкѣ опальную скрипку; но скоро самъ шинкарь разъяснилъ намъ все дѣло, предъявивъ полученный имъ письменный приказъ отъ

войта объ уплатѣ штрафа за нарушеніе запрета, наложеннаго ксендзомъ.

Послѣдній стоялъ не въ далекѣ отъ сходки, и мы просили его объяснить, что дало поводъ къ этой строгости. Ксендзъ видимо растерялся, заговорилъ было о томъ, что его обязанность поддерживать *Моралитетъ*, но, впрочемъ, сознался, что нѣтъ причины воспрещать игру на скрипкѣ внѣ церкви. По настоянію нашему онъ это повторилъ отъ себя крестьянамъ къ ихъ неописанной радости *). Кстати замѣтить, что этотъ же ксендзъ, въ противность закону, взялъ въ свою пользу крестьянскій опустѣлый участокъ, по сдѣлкѣ съ помѣщикомъ.

Сельское управленіе. Войты. Шляхта.

По всѣмъ наблюденіямъ нашимъ, конечно, въ весьма ограниченномъ кругу, Польскіе крестьяне обладаютъ всѣми условіями, нужными для самостоятельнаго завѣдыванія общественными своими дѣлами; но этой стороны сельскаго быта законодательство доселѣ вовсе не касалось.

Въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ сельскихъ обществъ; есть только отдѣльныя личности, живущія вмѣстѣ въ деревняхъ, но не связанныя между собою никакою организаціею; каждый крестьянинъ стоитъ изолированно передъ помѣщикомъ и войтомъ, и потому, въ столкновеніяхъ съ ними, не находитъ со стороны общества никакой для себя опоры. Общественнаго суда также нѣтъ; мірская сходка или громада, по закону, признается только для выбора солтыса (старосты), лавниковъ (помощниковъ солтыса) и для переговоровъ съ помѣщикомъ или начальствомъ по предметамъ очиншеванія, сепараціи и разбивки угодій и проч. Самые солтысы выбираются подъ вліяніемъ войтовъ, утверждаются ими, исполняютъ ихъ распоряженія и находятся въ прямой отъ нихъ зависимости. Они далеко не имѣютъ тѣхъ правъ и той самостоятельности, которою пользуются по закону наши старосты, старшины и головы, и болѣе походятъ на сотскихъ, чѣмъ

*) Объ этомъ сдѣлано г. Намѣстникомъ общее распоряженіе.

на представителей общества, выдвинутыхъ изъ его среды свободнымъ избраніемъ. Несмотря, однако, на все это, мы могли замѣтить, что солтысы, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыхъ мы видѣли, не оторвались отъ простого народа и не пристали къ мелкой шляхтѣ, въ лицѣ гминныхъ войтовъ, ихъ помощниковъ и оффиціалистовъ, заправляющей сельскою жизнію. На солтысахъ, къ счастію, оборвалось вліяніе этой шляхты. Въ доказательство можно привести совершенно свободныя отношенія, нами усмотрѣнныя, между солтысами и крестьянами. Кажется, что послѣдніе смотрять на первыхъ, какъ на своихъ же братьевъ-крестьянъ, которые, по крайней мѣрѣ, ихъ не продадутъ.

Присутствіе солтысовъ на сходахъ нисколько не стѣсняло крестьянъ; при нихъ и въ ихъ отсутствіи, они объяснялись одинаково непринужденно и безбоязненно предъявляли свои жалобы.

Ближайшее начальство, поставленное надъ крестьянами, свѣтское и духовное, гминные войты и заступающіе ихъ мѣсто въ деревняхъ бургомистры въ мѣстечкахъ, какъ отъ правительства назначенные, такъ и подряженные въ должность помѣщиками, наконецъ ксендзы, не только не служатъ живыми звеньями для связи простонародья съ высшимъ правительствомъ, но совершенно наоборотъ, сознательно и безсознательно, разобщаютъ ихъ и не даютъ установиться этой естественной связи. Можно сказать, что въ настоящее время Польская шляхта, носящая на себѣ двойственный характеръ сословія и политической партіи, въ союзѣ съ приходскимъ духовенствомъ, образовали плотную, живую стѣну, чрезъ которую мысль, воля и слово Верховной власти, къ народу обращенное, никогда до него не пробьется; эту стѣну можно только обойти и установить сношенія помимо ея.

По праву, званіе войта въ частныхъ имѣніяхъ принадлежитъ помѣщикамъ, но они весьма рѣдко принимаютъ лично на себя заботы и труды, съ этою должностью сопряженные; мы встрѣтили только одинъ такой примѣръ въ с. Роговѣ, именно тамъ, гдѣ помѣщикъ (онъ же и войтъ) самовольно переселилъ крестьянъ на безводные пески. Обыкновенно же владѣльцы передаютъ свои полицейскія права подставнымъ

лицамъ, которыхъ они нанимаютъ; иногда эти вольнопрактикующіе блюстители общественнаго порядка представляются помѣщиками на утвержденіе Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ, и въ такомъ случаѣ съ первыхъ слагается всякая отвѣтственность за ихъ дѣйствія; иногда же, съ вѣдома только губернскаго или даже уѣзднаго начальства, они правятъ свою должность за помѣщиковъ, въ качествѣ ихъ „заступниковъ" или простыхъ приказчиковъ. Когда имѣніе сдается въ аренду, званіе войта обыкновенно передается арендатору. Во всѣхъ сихъ случаяхъ, полицейская власть, служа какъ бы подбивкою сословнымъ, шляхетскимъ и имущественнымъ землевладѣльческимъ интересамъ, представляетъ собою не что иное, какъ замаскированное помѣщичье право. Слѣдующій примѣръ — одинъ изъ множества другихъ, встрѣченныхъ нами во время поѣздки,—можетъ дать понятіе о томъ, какъ патримоніальная власть проявляется на дѣлѣ.

Въ имѣніи г. Рогацкаго одинъ крестьянинъ просилъ помѣщика позволить ему занять дворъ, которымъ онъ владѣлъ въ прежнее время и который оставался въ пустѣ; помѣщику же хотѣлось удержать его за собою, но какъ на это не было никакого законнаго основанія, то помѣщикъ не взялъ на себя прямого отказа, а указалъ крестьянину обратиться къ войту, подставному лицу, служившему владѣльцу на его жалованьи. Войтъ, разумѣется, отказалъ крестьянину въ его справедливой просьбѣ, и несчастный крестьянинъ остается доселѣ безъ земли и хозяйства.

Подобные факты отнюдь не рѣдкость. Весьма часто они принимаютъ даже характеръ самаго дикаго самоуправства. Въ прилагаемыхъ при семъ двухъ запискахъ *(Приложенія 1 и 2)* изложены, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, два дѣла, изъ коихъ одно (по имѣнію Гарнекъ) надѣлало много шума въ Царствѣ, а другое (по имѣнію Грабицы) попалось намъ случайно въ руки при проѣздѣ чрезъ Піотрковъ. При всемъ различіи этихъ двухъ случаевъ, изъ коихъ одинъ имѣлъ довольно важныя послѣдствія, а другой—возникъ изъ самаго ничтожнаго и такъ сказать обыденнаго спора, оба заслуживаютъ вниманія, какъ характеристическія черты мѣстныхъ общественныхъ нравовъ. Въ обоихъ выставляются

довольно рельефно отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и мѣстнымъ властямъ, совокупная дѣятельность помѣщиковъ и войтовъ и значеніе мѣстной Польской администраціи для народа.

Подставные войты въ тѣхъ частныхъ имѣніяхъ, гдѣ мы собирали объ нихъ справки, получаютъ жалованье отъ 45 до 50 рублей серебромъ и, сверхъ того, иногда провизію. Въ казенныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ бургомистры и войты назначаются отъ правительства, обыкновенно изъ чиновниковъ низшаго разряда; получаютъ жалованье, по собраннымъ нами справкамъ, отъ 100 до 180, и лишь изрѣдка, въ большихъ мѣстечкахъ, до 400 рублей серебромъ. Подставные войты и бургомистры, которыхъ мы видѣли, напоминали намъ нашихъ полицейскихъ и другихъ писарей въ небольшихъ городахъ и уѣздахъ, или помѣщичьихъ приказчиковъ въ мелкихъ имѣніяхъ, съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ дерзости и подобострастія, изъ которыхъ слагается основной характеръ Польской шляхты. Самый яркій типъ этого разряда людей, изъ котораго набираются въ настоящее время въ Царствѣ Польскомъ какъ земскіе полицейскіе чиновники, такъ и повстанцы, предсталъ намъ въ лицѣ заступающаго мѣсто гминнаго войта—помѣщика Рогацкаго, въ с. Неговоницѣ. Мы вытребовали его на сходку съ тѣмъ, чтобы разспросить объ опустѣлыхъ участкахъ, которыхъ просили крестьяне и которыхъ имъ не сдавали. Явилась личность, крайне невзрачная, съ виду желчная, вертлявая и пропитанная спиртуознымъ запахомъ. На вопросъ: отчего не удовлетворяется законное требованіе крестьянъ?—блюститель порядка, надмѣнно откинувъ голову назадъ, запустивъ руки въ карманы и бросивъ презрительный взглядъ на крестьянъ, которые, при появленіи его, робко поникли головами, проговорилъ сквозь зубы: „все это пустяки, вздорные мужичьи толки". Однакожъ, мы этимъ не удовлетворились и строго потребовали положительнаго и яснаго объясненія. Тогда подставной войтъ видимо смутился и запутался; сперва было онъ думалъ отдѣлаться ссылкою на законъ объ очиншеваніи и даже развернулъ его передъ нами; но ему дали замѣтить, что крестьяне платятъ не чиншъ, а окупъ, и потому законъ этотъ къ дѣлу вовсе не относится;

тогда онъ сталъ увѣрять насъ, что помѣщикъ въ правѣ требовать отъ цѣлаго общества круговой поруки за состоятельность хозяина, домогающагося отвода усадьбы; но мы знали и доказали ему, что не только такого закона нѣтъ и не было, но что даже подобнаго обычая никогда не существовало. Наконецъ, сбитый съ позиціи, онъ мгновенно перемѣнилъ тонъ, снялъ картузъ, согнулся въ дугу и жалобнымъ голосомъ проговорилъ: „чего вы отъ меня требуете; что я могу сказать или сдѣлать; вѣдь что я такое? — человѣкъ маленькій, ничтожный". Между тѣмъ, по точнымъ свѣдѣніямъ наканунѣ собраннымъ, этотъ смиренный представитель мѣстной власти объявлялъ прокламаціи повстанцевъ и подбивалъ крестьянъ къ признанію революціоннаго жонда. Вслѣдствіе этого сопровождавшій насъ офицеръ генеральнаго штаба заарестовалъ его. Какъ только это было исполнено и едва казакъ успѣлъ отвести его на нѣсколько шаговъ въ сторону, вся сходка какъ будто встрепенулась. Крестьяне переглянулись между собою и въ одинъ голосъ, указывая на него пальцемъ, громко объявили намъ: „онъ, онъ читалъ бумагу и подбивалъ насъ къ присягѣ" *). По свидѣтельству мѣстныхъ военныхъ начальниковъ, таковы всѣ должностныя лица, черезъ которыхъ правительство дѣйствовало и доселѣ дѣйствуетъ на народъ.

Настроеніе крестьянъ. Мятежная пропаганда. Черты изъ мѣстнаго управленія.

Съ тѣхъ поръ, какъ началось возстаніе, положеніе крестьянъ въ Польшѣ существенно измѣнилось во всѣхъ отношеніяхъ. Мы воспользовались всѣми случаями, чтобы изслѣдовать именно эту сторону и дознать, какое вліяніе имѣла на поселянъ общая неурядица настоящаго времени. Наученные горькимъ для нихъ опытомъ, вожаки нынѣшняго возстанія, какъ извѣстно, поставили себѣ задачей овладѣть народною массой и во что бы ни стало, привлечь ее на свою сторону. Съ этою цѣлью подземное правительство въ началѣ возстанія издало и распустило прокламацію о томъ,

*) Обо всемъ этомъ доведено до свѣдѣнія г. Намѣстника.

что земля, занятая крестьянами, отдается имъ въ полную собственность, и прекращаются всѣ повинности, доселѣ отбывавшіяся въ пользу владѣльцевъ, которые будутъ вознаграждены отъ правительства. Тѣ же обѣщанія повторялись безпрестанно въ печатныхъ объявленіяхъ, разсылавшихся по деревнямъ, и въ рѣчахъ тайныхъ агентовъ, разъѣзжавшихъ по всему краю. Мы видѣли и привезли съ собою нѣсколько экземпляровъ подобныхъ прокламацій, отпечатанныхъ на особыхъ листахъ, на которыхъ оттиснуто сверху изображеніе иконы, чтимой народомъ Ченстоховской Божіей Матери. Особенною дѣятельностью отличился въ этомъ отношеніи начальникъ шайки Куровскій. Занявъ городъ Олькушъ, онъ устроилъ правильную агитацію по всему краю. Все мѣстное чиновничество, начиная отъ начальника уѣзда, его помощникъ, секретарь и бургомистръ немедленно ему присягнули и привели къ присягѣ обывателей, передались жонду со всѣми аттрибутами ввѣренной имъ отъ законнаго правительства власти и продолжали дѣйствовать по прежнему, но только на службѣ у Куровскаго [1]. Олькушскій военный начальникъ показывалъ намъ висѣвшій надъ дверьми ратуши намалеванный на доскѣ гербъ имперіи съ двуглавымъ орломъ; на обратной сторонѣ той же доски написанъ былъ гербъ Польши и Литвы. Эта доска, которую по нѣскольку разъ переворачивали то на одну, то на другую сторону, смотря потому, кто занималъ городъ,—самый вѣрный символъ нынѣшняго Польскаго чиновничества [2]. Исключенія въ этомъ отношеніи поражаютъ не только своею крайнею рѣдкостью, но и трагическими послѣдствіями, которыя навлекала на себя вѣрность. По словамъ того же военнаго начальника, въ Олькушскомъ округѣ бургомистръ мѣстечка Пилицы, узнавъ о приближеніи повстанцевъ, спряталъ бывшія у него казенныя деньги, около 300 рублей серебромъ, и объявилъ повстанцамъ, что казна пуста; они удалились, но скоро узнали правду, вернулись назадъ, отрѣзали бурго-

---

[1] О семъ доведено до свѣдѣнія г. Намѣстника.

[2] Одинъ изъ безчисленнаго множества случаевъ, бросающій свѣтъ на характеръ дѣятельности Польскаго чиновничества въ нынѣшнее смутное время, излагается въ особой запискѣ. *(Приложеніе 3-е).*

мистру носъ и уши, живаго закопали, но не дали ему даже умереть въ землѣ, а вырыли его и повѣсили. Послѣ него остались вдова и десять человѣкъ дѣтей, которыхъ участь до сихъ поръ не обезпечена ничѣмъ *).

Изъ городовъ и мѣстечекъ, этихъ гнѣздъ мятежническихъ шаекъ, пропаганда, черезъ посредство гминныхъ войтовъ и ксендзовъ, быстро распространяема была по деревнямъ. Это заявляли сами крестьяне, гдѣ только мы ихъ объ этомъ спрашивали: въ казенномъ с. Новосольнѣ, Ленчицкаго уѣзда, подговоры начались еще въ 1861 году; въ помѣщичьемъ имѣніи Хойнѣ, того же уѣзда, нынѣшнею весною пріѣзжали какіе-то неизвѣстные люди съ грамотою; ее читали въ канцеляріи правящій должность войта и ксендзъ. Въ ней было написано: „Вы люди бѣдные, васъ обижали, но теперь вамъ даруется милость, прекращаются всѣ повинности въ пользу владѣльца“. Крестьяне, пользуясь случаемъ, стали было заявлять, что по сдѣлкѣ, заключенной ими съ помѣщикомъ, они лишились луговъ; но неизвѣстный человѣкъ просьбы ихъ не уважилъ, а утвердилъ прежнюю сдѣлку и сказалъ крестьянамъ, что за потерю луговъ они вознаграждены отмѣною чинша. Въ селѣ Ляски, Олькушскаго уѣзда, войтъ и ксендзъ въ костелѣ объявили, что повинностей болѣе съ крестьянъ требовать не будутъ и что земля дается имъ даромъ. Отъ кого исходило это распоряженіе, крестьяне не посмѣли спросить, потому что въ церкви не разговариваютъ; потомъ (когда военная сила очистила уѣздъ) тотъ же войтъ и тотъ же ксендзъ объявили, неизвѣстно по чьему приказанію, что окупъ и чиншъ вносить слѣдуетъ. То же самое происходило въ присутствіи пана въ селѣ Блендовой Кузницѣ, затѣмъ на другой половинѣ того же селенія, принадлежащей казнѣ, и въ частномъ имѣніи с. Неговоницахъ. Обѣщанія, расточаемыя крестьянамъ, сопровождались строгимъ приказомъ, чтобы владѣльцы отнюдь не смѣли, подъ опасеніемъ висѣлицы, требовать съ крестьянъ оброка. По

---

*) Доведено также до свѣдѣнія г. Намѣстника, который предположилъ обратить жалованье погибшаго въ пожизненный пенсіонъ его вдовѣ и дѣтямъ.

разсказамъ начальника Олькушскаго округа, Куровскій даже отнималъ у помѣщиковъ и возвращалъ крестьянамъ взысканныя съ нихъ деньги. То, что̀ объявлялъ революціонный жондъ, и то, чѣмъ онъ грозилъ, не оставалось пустымъ обѣщаніемъ или простою острасткою. Онъ умѣлъ настаивать на строгомъ исполненіи своихъ приказовъ и потому достигъ своей цѣли: во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали, и въ нѣкоторыхъ казенныхъ, отбываніе повинностей безусловно прекратилось съ первой четверти нынѣшняго года, а въ иныхъ и ранѣе. Крестьяне заявляли намъ объ этомъ повсемѣстно и безъ всякихъ утаекъ; но помѣщики и войты неохотно вдавались въ объясненія по этому поводу. Въ деревнѣ Хойнѣ крестьяне прямо сказали, что они ничего не платятъ помѣщику и что съ нихъ ничего не требуютъ, а въ это же самое время жена войта, которую опрашивалъ въ домѣ командующій войсками Лодзинскаго округа, отвѣчала ему, что окупъ уплаченъ крестьянами сполна. Въ казенной деревнѣ Липинѣ, вызванный нами войтъ долго уклонялся отъ всякихъ по этому предмету объясненій, посматривая искоса на нашего кучера; наконецъ заговорилъ, по-нѣмецки и послѣ долгихъ колебаній объявилъ, что во всей окрестности отбываніе крестьянами повинностей прекратилось тому назадъ цѣлый годъ и что помѣщики, большею частію небогатые, рады бы взыскивать окупы и чинши, но не смѣютъ, опасаясь преслѣдованій революціоннаго жонда.

Вотъ съ какой стороны повстанцы представлялись народу; таковы были ихъ дѣйствія, которыми они подкупали народъ, и результаты, ими достигнутые. Между тѣмъ, наши военные отряды обходили край для сбора податей. На основаніи данной имъ инструкціи, когда владѣльцы оказывались несостоятельными или отговаривались несостоятельностью, взысканіе обращалось на крестьянъ, если только за ними числились недоимки по окупамъ и чиншамъ. Начальникъ одного изъ военныхъ округовъ развилъ эту систему еще далѣе; мѣстные помѣщики, не смѣя и не желая явно требовать съ крестьянъ повинности, упраздненныя прокламаціями повстанцевъ, стали къ нему за[illegible] тайкомъ [illegible] просьбами, чтобы онъ взялъ на себя взы[illegible]

ихъ пользу, и военный начальникъ исполнилъ ихъ просьбу. Онъ предписалъ крестьянамъ вносить эти повинности въ уѣздное казначейство, подъ росписки, имѣя въ виду, съ одной стороны, обезпечить этимъ будущіе податные сборы, съ другой—выдать остатки помѣщикамъ, но подъ условіемъ письменнаго отреченія отъ мятежническаго жонда и признанія законной власти Русскаго правительства. Онъ думалъ этимъ заподозрить ихъ въ глазахъ революціонной партіи и привязать къ правительству. Каковъ бы ни былъ этотъ странный разсчетъ самъ по себѣ, но дѣло въ томъ, что Русская военная сила стала появляться въ деревняхъ для взысканія съ крестьянъ повинностей, установленныхъ въ пользу помѣщиковъ и великодушно упраздненныхъ жондомъ. Послѣднему ничто не могло быть пріятнѣе; онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣла и, разумѣется, не упускалъ случая разъяснять по своему дѣйствія нашихъ военныхъ начальниковъ. Въ одной изъ прокламацій, по этому поводу изданныхъ, мы прочли слѣдующія строки: „Крестьяне! Правительство Польское даровало вамъ земли и воспретило панамъ брать съ васъ чиншъ, а нынѣ Москаль, который желаетъ каждаго ободрать, и у васъ вырываетъ вашу собственность. Будучи не въ состояніи собрать съ пановъ подати, онъ рѣшился васъ обмануть и зная, что у васъ накопились деньги, постановилъ отнять ихъ у васъ. Отцы ваши въ потѣ лица долго работали, и только что Польское правительство успѣло даровать вамъ въ награду землю и едва нѣкоторые изъ васъ успѣли собрать нѣсколько грошей на платки для женъ вашихъ и на хлѣбъ для вашихъ дѣтей, Москаль, жадный грабитель, отнимаетъ у васъ все, что̀ вы имѣете! Горе вамъ! Не отдавайте того, что̀ ваше; не дозволяйте, чтобы васъ обкрадывали! Когда воръ заберется къ сосѣду, то бѣгите къ нему на помощь! Хватайте вора! Москаль также хочетъ васъ обокрасть: начнетъ съ чиншей, а послѣ заберетъ и остальное, и самихъ васъ, взявъ въ рекруты, погонитъ въ далекую Сибирь! Смѣлѣе, молодцы!“

Какое же дѣйствіе эти подстреканія и соблазны произвели на народную массу; какъ отнесся народъ къ происходившей въ его глазахъ борьбѣ правительства не съ Польскою націей,

какъ думаютъ многіе, а съ уродливымъ сочетаніемъ революціоннаго одушевленія и іезуитскаго лукавства?—Въ этомъ узелъ современнаго вопроса въ Польшѣ.

Пусть отвѣчаютъ на него факты, на мѣстахъ занесенные въ наши записныя книжки и передаваемые съ юридическою точностью.

Въ Новосольнѣ, гдѣ числится не менѣе 130 дворовъ, намъ говорили Нѣмецкіе колонисты: „Три года тому назадъ насъ хотѣли заставить присягнуть тайному жонду, но мы не согласились; никто изъ насъ не подписалъ присяжнаго листа; зато повстанцы насъ возненавидѣли. Въ то время у насъ было до 7 ружей, нашихъ собственныхъ; многіе изъ насъ умѣютъ стрѣлять; эти ружья, по распоряженію правительства, были у насъ отобраны. Мы передали ихъ, по полученному приказанію, бывшему войту, женатому на Полькѣ, а онъ сдалъ ихъ повстанцамъ. Такимъ образомъ, мы остались безъ всякихъ средствъ къ сопротивленію; повстанцы увели у насъ болѣе 50-ти лошадей, двоихъ изъ насъ повѣсили и навели на все общество такой страхъ, что мы уже не рѣшаемся теперь даже и показывать на нихъ. Еслибъ и дали намъ теперь ружья, мы ихъ не возьмемъ".

Олькушскій военный начальникъ разсказывалъ намъ, что въ началѣ возстанія крестьяне сами арестовали помѣщиковъ, помогавшихъ повстанцамъ. Случилось разъ нѣсколькимъ крестьянамъ привести въ городъ своего пана, который ходилъ „до лясу". Гражданскій уѣздный начальникъ тотчасъ его выпустилъ, а ихъ посадилъ въ тюрьму; тамъ случайно встрѣтилъ ихъ военный начальникъ и приказалъ ихъ освободить; черезъ нѣсколько времени къ нему явились жены этихъ крестьянъ съ извѣстіемъ, что ихъ мужей вторично арестовали; военный начальникъ опять отпустилъ ихъ и запретилъ ихъ трогать; но черезъ нѣсколько времени онъ узналъ, что ихъ схватили въ третій разъ и отправили въ другой городъ по требованію трибунала.

Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, постоянныхъ угрозъ, за которыми слѣдовали жестокія истязанія, съ другой стороны, не встрѣчая ни одобрені [illegible] крестьяне, первоначально относившіеся враж [illegible] изъявляв-

шіе готовность содѣйствовать его подавленію, мало-по-малу сбились съ толку и упали духомъ. Проживавшіе въ деревняхъ отставные солдаты, ихъ жены, отчасти даже колонисты и крестьяне, стали помышлять о выѣздѣ изъ Польши. Мысль эта, какъ видно, разнеслась далеко, чему доказательствомъ служатъ просьбы, видѣнныя нами у начальника Піотрковскаго округа, о внесеніи просителей въ списокъ лицъ, переселяемыхъ въ Россію. Перемѣна въ настроеніи крестьянъ не укрылась отъ повстанцевъ. Въ сообщенныхъ намъ выпискахъ изъ бумагъ, найденныхъ при начальникѣ шайки Скшинскомъ, встрѣчаются слѣдующія строки, писанныя 6 Іюня; „Вамъ извѣстны дурныя послѣдствія нападенія нѣсколькихъ партизановъ на деревню Сулковъ, съ цѣлью взять безсрочно-отпускнаго солдата. Обстоятельство это вызвало значительное неудовольствіе между крестьянами. *Съ нѣкотораго времени крестьяне, если и не показываютъ намъ явнаго расположенія, то, по крайней мѣрѣ, сохраняютъ строгій нейтралитетъ.* А потому необходимо поступать съ ними весьма обдуманно; строгія мѣры должны быть употребляемы только въ крайнемъ случаѣ—при измѣнѣ или шпіонствѣ. На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ доводовъ, я полагалъ бы виновныхъ партизановъ судить третейскимъ судомъ и строго наказать на самомъ мѣстѣ преступленія. Крестьянъ, ушедшихъ послѣ этихъ безпорядковъ къ Русскимъ, я распорядился наказать; тѣхъ же, которые теперь добровольно возвратились, полагаю простить“.

Итакъ, кара и милость, не безъ успѣха, поперемѣнно употреблялись повстанцами; съ нашей же стороны дѣло постепенно портилось и портится. Къ счастію, оно, какъ кажется, не испорчено еще окончательно. Крестьяне все-таки не примыкаютъ къ возстанію. Въ казенномъ селеніи Стремежичахъ-Великихъ, одинъ, повидимому, зажиточный и очень толковый крестьянинъ описывалъ намъ подробно потери и опасности, которымъ подвергалось все селеніе отъ военныхъ дѣйствій и заключилъ словами: „да! худо намъ отъ войны, а все же лучше, чѣмъ если бы насъ рвали паны“. Въ селеніи Блендовой Кузницѣ, дряхлая старуха, долго слушавшая, пригорюнившись, разсказы крестьянъ о томъ, какъ ихъ подго-

варивали пристать къ возстанію, замотала головою и проговорила почти про себя: „мы отчизны не боронимъ; гдѣ намъ! и какая у насъ отчизна? тамъ мы ее найдемъ, когда умремъ". Въ казенной части того же селенія солтысъ разсказывалъ намъ слѣдующее: „Мы перестали работать (возить руду) съ тѣхъ поръ, какъ шайки заняли село и намъ объявлена была воля; начальникъ повстанцевъ черезъ войта далъ мнѣ карту (или грамоту); я взялъ ее для передачи крестьянамъ, но громада не хотѣла брать ее; тогда я пришелъ къ начальнику, который мнѣ сказалъ: „дураки! я васъ отправлю въ Ойцовъ". Въ то время ноги подъ нами тряслись и подкашивались; потомъ, черезъ нѣсколько времени, войтъ холѣлъ отнять у насъ грамоту". Мы просили, чтобъ намъ ее показали; но крестьянинъ, отправившійся отыскивать ее, замѣшкался, и мы уже выѣзжали изъ деревни, какъ послышался позади насъ крикъ. Крестьянинъ бѣгомъ догонялъ насъ съ листомъ бумаги въ рукахъ. Это была обычная прокламація съ обѣщаніями революціоннаго жонда.

Странно бы было утверждать, что прокламація о даровомъ надѣлѣ и дѣйствительное прекращеніе повинностей не принимаются крестьянами сочувственно и не льстятъ ихъ издавна возбужденнымъ надеждамъ. Жондъ умѣлъ затронуть въ нихъ самую чувствительную струну; но они не довѣряютъ безличному правительству и сомнѣваются въ прочности обѣщаній и распоряженій, исходящихъ отъ людей, которые прячутся въ лѣсахъ и убѣгаютъ при видѣ казаковъ. Крестьяне ни разу не говорили намъ, что они теперь уже могутъ по праву не отбывать никакихъ повинностей; мы постоянно слышали отъ нихъ только, что повинностей съ нихъ не требуютъ. Нѣкоторые прибавляли: если бы потребовали, мы не стали бы отказываться; другіе говорили: мы недоумѣваемъ; не знаемъ, какъ быть, платить или не платить? Многіе обращались за совѣтами и указаніями къ Олькушскому военному начальнику, и нѣкоторые, по его приказанію, вносили чинши въ уѣздное казначейство. Наконецъ, нѣкоторые говорили намъ: „худо будетъ, если вдругъ заставятъ насъ выплатить окупъ за всѣ минувшіе сроки; пришлось бы распродать весь скотъ и всѣ пожитки".

Когда удавалось намъ разговориться съ крестьянами, мы старались ободрять ихъ и, уѣзжая изъ деревни, говорили имъ на прощаніе что Царь объ нихъ не забылъ, что имъ будетъ легче; убѣждали ихъ ждать терпѣливо отъ Него милости, а врагамъ Его не вѣрить и не служить. Слова эти вездѣ принимались съ самымъ искреннимъ, трогательнымъ сочувствіемъ. Поселяне вездѣ выслушивали ихъ съ жадностію и повторяли ихъ отъ себя по нѣскольку разъ. Казалось, что они находили въ нихъ оправданіе какого-то своего собственнаго темнаго чаянія, катораго они сами не могли себѣ уяснить.

Такимъ представилось намъ настроеніе народной массы въ Польшѣ. Они находятся въ какомъ-то неопредѣленномъ, тревожномъ, выжидательномъ положеніи. Въ одну сторону тянутъ ее силою самыхъ заманчивыхъ обѣщаній, на половину уже осуществившихся; къ другой—влечетъ ее вѣрный историческій инстинктъ, къ сожалѣнію, ни въ чемъ еще не находящій ни поддержки, ни оправданія. Чья сила окончательно перетянетъ; кому удастся привлечь къ себѣ колеблющееся сочувствіе массы? Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ окончательно исходъ современной борьбы, въ которой законное правительство призвано спасти не только политическое владычество Россіи надъ Польшею, но и самую будущность народа Польскаго.

1-го ноября 1863 г.

Приложеніе 1-е.

О безпорядкахъ въ имѣніи Гарнекъ.

Крестьяне имѣнія Гарнекъ, Піотрковскаго уѣзда, Варшавской губерніи, въ 1858, 1859 и 1860 гг. обращались безпрестанно къ мѣстнымъ властямъ и даже къ высшему правительству съ жалобами на помѣщика *Гродзицкаго* за обремененіе ихъ излишними повинностями, *отобраніе у многихъ изъ нихъ земель*, наконецъ, за жестокое обращеніе съ крестьянами и даже крестьянками, которыхъ помѣщикъ (онъ же и войтъ), а еще болѣе жена его и дворовые ихъ челядинцы, подвер-

гали непомѣрнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Вслѣдствіе этого крестьяне просили объ оказаніи имъ покровительства и ускореніи очиншеванія.

Изъ дѣла, производившагося въ Совѣтѣ Управленія, видно, что по первоначальнымъ жалобамъ означенныхъ крестьянъ поручено было гражданскому губернатору произвести дознаніе и, въ случаѣ справедливости жалобъ, оказать просителямъ законное удовлетвореніе.

Гражданскій губернаторъ, отъ 3 (15) Мая 1860 г., донесъ Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ, что еще въ 1859 г., удостовѣрясь въ справедливости большей части жалобъ крестьянъ, онъ распорядился: объ огражденіи ихъ отъ излишнихъ вымогательствъ помѣщика, объ удаленіи отъ должности главнаго виновника—старосты, о передачѣ жалобъ на жестокое обращеніе, въ особенности самой помѣщицы, судебному разсмотрѣнію и объ устраненіи помѣщика Гродзицкаго отъ должности войта гмины и замѣщеніи этой должности чиновникомъ отъ правительства. Въ отношеніи же домогательства крестьянъ объ очиншеваніи, приказалъ объявить имъ, что, на основаніи постановленія совѣта управленія 16 (28) Декабря 1858 г., очиншеваніе неиначе можетъ послѣдовать, какъ по добровольному уговору съ помѣщикомъ, который не отказывается приступить къ очиншеванію, если только крестьяне будутъ исполнять по прежнему повинности.

Послѣ этого крестьяне стали вновь обращаться съ жалобами на то, что помѣщикъ продолжаетъ разорять ихъ непомѣрными требованіями и что барщинная повинность служитъ поводомъ къ разнаго рода притѣсненіямъ и жестокостямъ, а потому, уклоняясь отъ барщины, начали вновь просить о замѣнѣ ея оброкомъ или окупомъ.

Такое домогательство крестьянъ признано явнымъ неповиновеніемъ правительственному распоряженію, и вслѣдствіе того послана была въ имѣніе Гарнекъ военная экзекуція. Но когда и тутъ крестьяне не соглашались исполнять обременительную для нихъ повинность, то по распоряженію Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 7 (19) Сентября 1859 г., съ разрѣшенія Намѣстника, 9 крестьянъ, признанныхъ подстрекателями, были удалены изъ усадьбъ. Изъ

нихъ крестьянинъ Филиппъ Маршалекъ, назначенный къ переселенію въ другую губернію, бѣжалъ въ Пруссію къ родственникамъ, и оттуда не переставалъ жаловаться на Гродзицкаго и даже обращался съ просьбами къ Прусскому правительству объ оказаніи содѣйствія къ удовлетворенію жалобъ крестьянъ имѣнія Гарнекъ.

Между тѣмъ, вслѣдствіе новыхъ жалобъ означенныхъ крестьянъ,—изъ коихъ 20 человѣкъ были посажены управлявшимъ гражданскою частью въ Александровскую цитадель, Намѣстникъ, учредивъ особую коммисію, 7 (19) Мая 1860 г. предписалъ ей: заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ на мѣстѣ всѣхъ жалобъ поселянъ гмины Гарнекъ на помѣщика, равно дѣйствій сего послѣдняго и экономическихъ служителей; привести крестьянъ въ должное повиновеніе, оградивъ ихъ притомъ отъ жестокаго съ ними обращенія; обсудить мѣры для оказанія помощи тѣмъ изъ крестьянъ, которые болѣе другихъ разорены экзекуціями; внушить поселянамъ, что правительство постоянно заботится объ улучшеніи ихъ быта и ограждаетъ отъ всякаго рода притѣсненій; наконецъ, если и эти мѣры увѣщанія окажутся недѣйствительными, то, подвергнувъ упорныхъ тѣлесному наказанію, отправить ихъ въ Варшаву для дальнѣйшаго распоряженія.

Слѣдственная коммисія нашла жалобы крестьянъ, по большей части, справедливыми. Она удостовѣрилась, что наложенныя на нихъ работы были дѣйствительно беззаконны и чрезвычайно обременительны, что у многихъ хозяевъ *неправильно отобраны были ихъ усадьбы* и что, кромѣ того, крестьяне подвергались постоянно неправильнымъ и жестокимъ наказаніямъ. Затѣмъ коммисія объявила крестьянамъ, что претензіи ихъ уже тщательно разсмотрѣны и будутъ представлены на рѣшеніе Намѣстника, что виновные въ причиненіи имъ обидъ будутъ подвержены взысканію по законамъ, что издержки слѣдствій будутъ отнесены на счетъ помѣщика,—слѣдовательно имъ нечего опасаться денежныхъ взысканій,—что они не будутъ болѣе наказываемы ни помѣщикомъ, ни его женою, ни ихъ челядинцами, но въ случаѣ проступковъ, подлежатъ разбирательству новаго гминнаго войта; что при исполненіи натуральныхъ повинностей, они впредь не

будутъ обременяемы непомѣрными работами, и что затѣмъ не имѣютъ причины отказываться отъ исполненія своихъ обязанностей.

Но крестьяне, послѣ многолѣтнихъ притѣсненій, не полагаясь на обѣщанія коммисіи, уперлись въ прежнихъ своихъ домогательствахъ. Ссылаясь на то, что вслѣдствіе крайняго разоренія не въ состояніи отбывать барщины, они упорно просили перевода ихъ на оброкъ, чтò коммиссія признала явнымъ ослушаніемъ съ ихъ стороны.

Вслѣдствіе этого 5 крестьянъ тутъ же, на мѣстѣ, по распоряженію коммиссіи, наказаны розгами и отправлены въ Варшаву, а 48 человѣкъ посажены въ Піотрковскую тюрьму.

Слѣдствіе разсмотрѣно по порядку, въ Правительственной Коммисіи Внутреннихъ Дѣлъ и въ Совѣтѣ Управленія. Всѣ инстанціи признали, что жалобы крестьянъ въ сущности справедливы, но ни одна (несмотря даже на смыслъ приведенныхъ выше указаній Намѣстника) не остановилась на мысли, что бѣдствія, столь долго претерпѣнныя крестьянами, заслуживаютъ нѣкотораго вознагражденія или хотя снисхожденія къ ихъ домогательству о немедленномъ переводѣ ихъ съ барщины на оброкъ, чѣмъ прекратились бы окончательно всѣ возникшіе споры и пререканія. Хотя при этомъ не было со стороны крестьянъ никакого поползновенія отказываться вовсе отъ повинностей въ пользу помѣщика, а, напротивъ, они требовали только измѣненія рода повинностей, но и этому, въ существѣ довольно скромному требованію, придаваемъ былъ постоянно видъ ослушанія и даже бунта, Съ этой точки зрѣнія правительственныя власти, ограничиваясь *въ пользу* крестьянъ одними только обѣщаніями, приняли *противъ* нихъ весьма строгія мѣры, именно: опредѣленіемъ Совѣта Управленія 23 Августа (4 Сентября) 1860 г. рѣшено:

1) Главныхъ подстрекателей крестьянъ имѣнія Гарнека, Маршалка и Хмеляржа, по поимкѣ, предать суду.

2) Семи крестьянамъ, удаленнымъ прежде изъ усадьбъ, воспретить пребываніе въ Варшавской губерніи.

3) Остальныхъ непокорныхъ крестьянъ, содержащихся въ крѣпости, въ Варшавской полиціи и въ Піотрковской тюрьмѣ, препроводить подъ присмотромъ въ имѣніе Гарнекъ и тамъ

объявить, что они, за неисполненіе повинностей и неповиновеніе властямъ, лишаются усадьбъ.

4) Бывшаго старосту имѣнія Гарнекъ, Калеку, содержащагося въ тюрьмѣ и преданнаго суду за жестокое обращеніе съ крестьянами, изъ-подъ ареста уволить, воспретивъ ему пребываніе въ Піотрковскомъ уѣздѣ.

Взысканіе же съ помѣщика Гродзицкаго и его жены, главныхъ виновниковъ въ дѣлѣ, ограничилось пока лишеніемъ перваго званія войта.

Приведеніе въ исполненіе означеннаго постановленія Совѣта Управленія, какъ видно изъ дѣла, сопровождалось постоянно военными экзекуціями и кончилось едва въ концѣ 1862 года.

Всего въ имѣнія Гарнекъ, за неповиновеніе властямъ и неисполненіе повинностей, удалено изъ усадьбъ, по распоряженію мѣстнаго правительства, 80 крестьянъ-хозяевъ, изъ коихъ 9 человѣкъ выселены въ другую губернію. Всѣ эти крестьяне, изъ самостоятельныхъ хозяевъ, сдѣлались безземельными батраками или поденщиками.

Замѣчательно, что посланныя въ имѣніе Гарнекъ военныя команды или точнѣе, военные начальники (какъ значится въ дѣлѣ), увидавъ бѣдственное положеніе крестьянъ, доведенныхъ несправедливостями помѣщика до отчаянія, не рѣшались приводить въ исполненіе постановленіе Совѣта объ удаленіи крестьянъ изъ усадьбъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что въ окрестностяхъ деревни Гарнекъ появилась въ то время шайка разбойниковъ, къ которымъ легко могли пристать означенные крестьяне. Объ этомъ военный начальникъ округа желѣзной дороги, полковникъ Мартыновъ, донесъ Намѣстнику 14 (26) Іюня 1862 года.

Приложеніе 2-е.

О безпорядкахъ по имѣнію Грабицы.

29 Октября 1863 года, Антонъ *Зуберъ*, отъ имени крестьянъ (казеннаго вѣдомства) деревни Вадлева, Піотрковскаго уѣзда, Варшавской губерніи, подалъ на имя военнаго началь-

ника, генералъ-маіора барона Радена, прошеніе слѣдующаго содержанія.

„Болѣе 70 лѣтъ владѣли мы землею, принадлежащею къ деревнѣ Вадлевъ, съ уплатою за 15 морговъ по 52 злота чинша въ годъ. Деньги эти вносили во дворъ, находящійся въ той деревнѣ, помѣщику *Аркушевскому*; съ прошлаго же года, на основаніи Высочайшаго повелѣнія (какъ дошло до нашего свѣдѣнія), таковаго еще не платили, впредь до особаго приказанія“ *).

„Три года тому назадъ прибылъ въ сказанную деревню помѣщикъ (онъ же и войтъ гмины) *Яблонскій*; въ текущемъ году началъ мѣрить землю, независимо той, которая принадлежитъ къ фольварку, и даже отбивая границы по самое строеніе домовъ, такъ что нѣтъ возможности выпустить птицу и скотъ, а когда крестьяне спросили, что̀ онъ хочетъ съ ними дѣлать, то первыхъ, обратившихся съ вопросомъ хозяевъ, Степана *Дронга* и Каспера *Руту*, посадилъ въ острогъ, а всему обществу сказалъ: „я вашъ помѣщикъ, и потому отозвавшихся сгною въ острогѣ, а прочихъ совершенно изнищу“,—что можемъ подтвердить присягою“.

„Вслѣдствіе чего прибѣгаемъ къ стопамъ вашего превосходительства и покорнѣйше просимъ справедливой защиты, а также и освобожденія отъ тюремнаго заключенія (впредь до рѣшенія нашего дѣла съ сказаннымъ помѣщикомъ, производящагося уже на судѣ) Каспера *Руты*, коего жена съ 7-ю дѣтьми, и Степана *Дронга* съ 4-ми дѣтьми, совершенно остались безъ средствъ къ пропитанію. Къ сему прошенію, за всѣхъ жителей деревни Вадлева, по незнанію грамоты, тремя знаками крестовъ крестьянинъ той же деревни Антонъ Зуберъ подписуюсь“.

По этому прошенію генералъ-маіоръ баронъ Раденъ, 4 Ноября 1863 года, поручилъ произвести слѣдствіе Піотрковскому уѣздному начальнику *Масальскому*, совмѣстно съ на-

*) Уплата чиншей прекратилась по всему Царству по требованію революціонныхъ предводителей, обнародованному при содѣйствіи мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ, что и объясняетъ до нѣкоторой степени недоразумѣніе крестьянъ, будто распоряженіе это послѣдовало по Высочайшей волѣ.

чальникомъ жандармской команды капитаномъ *Конради* и экономическимъ коммисаромъ *Сѣравскимъ*.

Слѣдственная коммисія, отъ 13 (25) ноября 1863 года, представила выписку изъ слѣдственнаго дѣла, въ которой объясняется, между прочимъ, слѣдующее.

„Владѣлецъ имѣнія Грабицы и лежащей въ срединѣ онаго деревни Вадлева, Францъ *Яблонскій*, утверждаетъ, что находящійся на земляхъ сказанной деревни небольшой лѣсъ, называемый *Курникъ*, есть его собственность, а въ доказательство этого, 7 (19) ноября 1863 года, при объясненіи, поданномъ слѣдователю, экономическому ассесору Сѣравскому, представилъ: 1) актъ, составленный въ 1840 году экономическимъ ассесоромъ *Мительштедтомъ* о пріемѣ и передачѣ бывшаго казеннаго имѣнія Грабицы въ потомственное владѣніе графа *Гутаковскаго* и 2) престаціонную табель деревни Вадлева, доказывая, что въ этихъ двухъ документахъ нѣтъ ничего, изъ чего можно бы было видѣть, что лѣсъ Курникъ признанъ крестьянскимъ. Когда же потребовали формальнаго плана и межевого реэстра деревни Вадлева, то *Яблонскій* отъ сего уклонился“.

„Полицейскій судъ Піотрковскаго округа, разсмотрѣвъ жалобу помѣщика *Яблонскаго* на насиліе и самоуправіе поселянъ деревни Вадлева и основываясь на показаніи подъ присягою двухъ лѣсниковъ помѣщика, подтверждавшихъ въ общихъ словахъ, что они слышали, будто въ прежнее время господскій дворъ употреблялъ на свои надобности вырубаемыя въ лѣсѣ дрова, присудилъ къ тюремному заключенію двухъ крестьянъ, Степана *Дронга* и Каспера *Руту*, какъ предводителей прочихъ крестьянъ, препятствовавшихъ производить, по распоряженію помѣщика, размежеваніе лѣса Курника. Вслѣдствіе сего сказанные крестьяне содержались подъ арестомъ 34 дня“.

„Изъ произведеннаго нынѣ слѣдствія оказалось:

1) „что крестьяне, со времени экономическаго устройства деревни, то-есть въ продолженіе 22-хъ лѣтъ, пользовались безспорно общимъ пастбищемъ въ лѣсѣ Курникѣ“;

2) „что крестьянамъ этимъ, при устройствѣ деревни въ 1841 году, предоставлено было срубить весь растущій въ Кур-

никѣ лѣсъ, со взносомъ за то 5 р. 25 к. сер., чего они не сдѣлали по безпечности и потому, что тогда цѣна на лѣсъ была низкая";

3) „что въ то время, т. е. около 1841 года, уполномоченный владѣльца имѣнія, вырубивши совершенно лѣсъ Курникъ, свезъ деревья на господскій дворъ Грабицы, какъ съ земли, состоявшей еще въ его распоряженіи до устройства деревни; послѣ чего сдалъ крестьянамъ землю, состоявшую въ кустарникахъ и ничего не стоившую. На эти-то разросшіеся въ 22 года кустарники помѣщикъ *Яблонскій* распространяетъ нынѣ свою претензію".

„А какъ производящееся теперь дѣло состоитъ не въ спорѣ о пользованіи лѣсомъ, но о сопротивленіи, приписываемомъ крестьянамъ по случаю размежеванія лѣса Курникъ, то коммисія полагаетъ: что хотя ни помѣщикъ *Яблонскій*, ни крестьяне не представили межевыхъ документовъ, однако какъ крестьяне доказали неоспоримое право свое на пользованіе пастбищемъ въ лѣсѣ Курникѣ, и это подтвердилъ и лѣсной сторожъ помѣщика Газневскій, и какъ они, будучи безсрочно-чиншевыми владѣльцами своихъ земель и пастбищъ, пользуются правами, предоставленными Высочайшимъ указомъ 1846 года, то помѣщикъ Яблонскій обязанъ былъ предварительно условиться съ ними, почему онъ предполагаетъ межевать лѣсъ Курникъ, находящійся въ срединѣ полей ихъ. Должно сознаться, что ему и не слѣдовало дѣлать размежеванія, коль скоро границы сказаннаго пастбища не могли быть уменьшены, такъ какъ, по естественному ходу дѣлъ, этотъ лѣсной, ничего незначащій участокъ, не прилегающій къ помѣщичьимъ лѣсамъ и состоящій изъ болотъ и песчаныхъ мѣстъ, издавна предоставленъ крестьянамъ въ вѣчное пользованіе за извѣстный чиншъ".

„Такимъ образомъ, помѣщикъ *Яблонскій* виновенъ въ томъ, что неправильно приступилъ къ принудительному размежеванію лѣса Курника; крестьяне же, протестуя противъ размежеванія, не дозволили себѣ при этомъ никакого безпорядка, ни насилія. Посему *Яблонскій* виновенъ въ неправильномъ арестованіи крестьянъ *Дронга* и *Руты;* главнѣйше же виновенъ онъ въ томъ, что утаилъ о правѣ пользованія крестья-

нами деревни Вадлева пастбищемъ въ лѣсѣ Курникѣ; почему коммисія полагаетъ, что помянутыхъ двухъ крестьянъ слѣдуетъ вознаградить, на счетъ помѣщика, за продержаніе ихъ 34 дня въ тюрьмѣ, считая имъ за каждый день по одному рублю".

„Полицейскій судъ Піотрковскаго округа не заслуживаетъ упрека за рѣшеніе свое по настоящему дѣлу, какъ потому, что *Яблонскій* въ жалобѣ своей скрылъ о томъ, что крестьяне деревни Вадлева имѣютъ до сихъ поръ неоспоримое право пользованія общимъ пастбищемъ, такъ и потому, что крестьяне не сумѣли объяснить дѣло въ протоколярныхъ своихъ показаніяхъ; а потому предводители ихъ, Степанъ *Дронгъ* и Касперъ *Рута*, подверглись обвиненію и наказанію *на основаніи мѣстныхъ законовъ* (!)".

Дѣло это, конечно весьма незначительное по существу своему, заслуживаетъ упоминовенія лишь какъ образчикъ мѣстнаго правосудія. Такія дѣла встрѣчаются въ Польшѣ на каждомъ шагу, и къ сожалѣнію, не всегда кончаются даже столь благопріятно для слабой стороны.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что г. Яблонскій, предъявившій въ качествѣ помѣщика самое несправедливое притязаніе, а въ качествѣ войта, дозволившій себѣ явное самоуправство, подвергается лишь легкому денежному платежу въ пользу обиженныхъ имъ крестьянъ. Попрежнему онъ останется войтомъ и попрежнему будетъ пользоваться законною властью подвергать крестьянъ всякаго рода наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ.

Что касается до полицейскаго суда, оказавшаго явное потворство помѣщику и войту, то господа слѣдователи (обнаружившіе, впрочемъ, подъ вліяніемъ русскаго военнаго начальства, довольно рѣдкое безпристрастіе въ отношеніи къ крестьянамъ) не находятъ даже ни одного слова порицанія для неправеднаго судейскаго рѣшенія.

Въ заключеніе не излишне добавить, что г. Яблонскій, узнавъ о результатѣ изслѣдованія, поспѣшилъ къ военному начальнику, чтобы угрожать ему статьею въ „*Часъ*" и другихъ почтенныхъ органахъ заграничной прессы; когда же встрѣтилъ со стороны военнаго начальника сильный отпоръ,

то измѣнилъ тотчасъ тактику и сталъ задобривать разсказами о своемъ гостепріимствѣ, о прелестяхъ своей юной семьи и т. п. Все это, должно повторить, есть дѣло самое обыкновенное въ шляхетскомъ быту, и поэтому собственно попало въ путевыя записки, какъ характеристика мѣстныхъ общественныхъ нравовъ.

Приложеніе 3-е.

О похищеніи соли изъ Новоалександровскаго соляного магазина.

Вотъ одинъ изъ множества фактовъ, взятыхъ на удачу (изъ оффиціальнаго донесенія *), чтобы дать понятіе о дѣятельности мѣстной администраціи въ Царствѣ.

Въ 9-ти верстахъ отъ Ивангородской крѣпости существуетъ соляной магазинъ въ мѣстечкѣ Ново-Александріи (Пулавахъ). На этотъ магазинъ пять разъ дѣлали набѣгъ шайки мятежниковъ и не только *грабили* кассу, но преспокойно занимались правильною *распродажею* казенной соли, на что употребляли иногда по нѣсколько дней сряду, именно:

2 іюня продали	3,808	пуд.	18 фун.
24 іюля.	8,027	„	24 „
7 августа	7,604	„	24 „
10 сентября	10,998	„	— „
22, 24, 25 сентября	21,732	„	— „
10, 11, 12 октября.	26,591	„	— „

Кромѣ того, 14 октября задержали на Вислѣ 21 судно съ казенною солью и четыре дня (15, 16, 17 и 18 октября) занимались продажею 48,783 пудовъ.

Всего мятежниками захвачено и распродано соли 128,870 пудовъ 26 фун. При этомъ забраны изъ кассы магазина хранившіеся тамъ 1,530 р. $16^1/_2$ коп.

Эти операціи продолжались безнаказанно $4^1/_2$ мѣсяца сряду.

---

*) Рапортъ начальника Инвалидной Жандармской Команды къ начальнику 3 Округа Корпуса жандармовъ, отъ 17 ноября 1863 г., № 848.

Самая сильная шайка, какъ показалъ войтъ, состояла не болѣе, какъ изъ 300 человѣкъ.

Войтъ *Ветушинскій*, канцеляристъ его *Добровольскій*, смотритель магазина *Де-Баумъ* и контролеръ *Небржидовскій* показали, что мятежники всякій разъ, по вступленіи въ мѣстечко, ихъ арестовывали, но что, по выходѣ шайки, они, какъ усердные чиновники, тотчасъ доносили по начальству, именно:

Войтъ каждый разъ доносилъ: начальнику Люблинскаго военнаго отдѣла, Люблинскому губернскому правленію, Люблинскому уѣздному начальнику, начальнику Люблинской жандармской команды, и частному военному начальнику въ м. Куровѣ.

Съ своей стороны, смотритель и контролеръ также аккуратно доносили: правительственной коммисіи финансовъ, Люблинскому губернскому правленію и казенному ревизору Волинскому (послѣдній, впрочемъ, не нуждался въ донесеніяхъ, ибо самъ присутствовалъ разъ или два при распродажѣ соли повстанцами).

Гг. смотритель и контролеръ сочли даже обязанностію оправдываться, что не доносили военному начальству, потому что губернское правленіе предоставило это себѣ, о чемъ и сдѣлало распоряженіе отъ $^{7}/_{19}$ мая, № 29,805.

Впрочемъ, и безъ этого, послѣ каждаго расхищенія соли, изъ Пулавъ отправлялось 8 оффиціальныхъ занумерованныхъ бумагъ. Только разъ мѣстныя власти оказали въ этомъ отношеніи неисправность, именно послѣ 7 августа, когда довудцѣ Круку вздумалось запретить гг. чиновникамъ очищать себя своевременными донесеніями. Разумѣется, приказаніе это было въ точности выполнено.

Что̀ же послѣдовало изъ такой дѣятельной переписки.

Казенный ревизоръ Волинскій, о которомъ упомянуто выше, дѣлалъ, какъ кажется, слѣдствіе послѣ каждаго расхищенія соли и это слѣдствіе, при надлежащемъ донесеніи, представлялъ въ Люблинское губернское правленіе. Что̀ было потомъ— неизвѣстно.

Только въ ноябрѣ гг. мѣстные чиновники арестованы и подверглись допросамъ. Предписаніе объ этомъ дано начальникомъ Люблинскаго военнаго отдѣла отъ 29 октября.

При допросахъ чиновники показали то, чтó изложено выше. Болѣе, какъ кажется, ничего не открыто.

Кто купилъ 128 т. пудовъ соли? Это осталось тайною. Говорятъ, что пріѣзжали жиды изъ сосѣднихъ мѣстечекъ, но кто такіе—никто открыть не могъ. Кто перевозилъ эти 128 т. пудовъ (для чего нужно было отъ 4 до 5 т. подводъ), — это также осталось неизвѣстнымъ, и даже едва ли было обслѣдовано.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Начертаніе житія и дѣяній Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи. Сочиненіе Новоспасскаго первоклассного Ставропигіальнаго монастыря архимандрита Аполлоса. Изданіе четвертое, вновь исправленное и дополненное. Москва. 1845 г. *)

Кто проникнутъ чувствомъ благочестиваго уваженія къ нашей до-Петровской старинѣ, кто понимаетъ необходимость сблизиться съ нею, оправдать ее отъ близорукихъ упрековъ и долгаго забвенія, тотъ не можетъ не радоваться появленію книги, писанной въ томъ же духѣ, будь она ученое разысканіе, художественное произведеніе или простой историческій разсказъ минувшаго событія. Ибо не столь необходимо оправданіе старины, не столько нужна наука историческая, сколько историческая память, возстановленіе живого преданія. Въ этомъ отношеніи книга архимандрита Аполлоса, „Начертаніе житія и дѣяній Никона", по самому содержанію и по цѣли своей, заслуживаетъ вниманія и признательности. Но особенно утѣшительно видѣть, что эта книжка выходитъ четвертымъ изданіемъ, слѣдовательно она имѣла успѣхъ, и что авторъ не удовольствовался первымъ опытомъ, но, постоянно и съ любовью изучая свой предметъ, исправлялъ и дополнялъ ее всѣми свѣдѣніями, имъ самимъ постепенно собираемыми, всѣми матеріалами, которыхъ въ послѣднее время было издано такъ много. Къ послѣднему изданію приложена переписка

*) Для полноты изданія, помѣщаемъ въ приложеніи разборъ книги архимандрита Аполлоса, напечатанный за подписью *См.*, въ „Московскомъ Сборникѣ 1847 года", но съ опущеніемъ приведенныхъ въ разборѣ значительныхъ выписокъ изъ „Житія патріарха Никона", написаннаго клирикомъ его, Шушеринымъ. *Прим. изд.*

патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, важнѣйшія грамоты, снимки съ руки Никона, изображеніе его печатей и портретъ Никона во весь ростъ *).

Въ предисловіи своемъ авторъ объявляетъ, „что онъ не распространялся о томъ, о чемъ еще предоставлено исторіи изслѣдовать, и не принималъ на себя рѣшенія политическихъ задачъ іераршескаго поприща Никона, соприкосновеннаго двору и государству. Первымъ побужденіемъ къ первому изданію въ свѣтъ сей книжки, говоритъ авторъ, было желаніе любопытныхъ посѣтителей Воскресенскаго монастыря знать судьбы знаменитаго его основателя". Изъ этого можно извлечь, чего мы въ правѣ требовать отъ разбираемой нами книги. Мы не найдемъ въ ней ни критическаго изслѣдованія достовѣрности обвиненій, взведенныхъ на Никона, и событій того времени, въ которыхъ онъ принималъ участіе, ни разъясненія двухъ великихъ вопросовъ, о формѣ управленія церковнаго и объ отношеніи власти духовной къ власти гражданской, составлявшихъ существенное содержаніе великой тяжбы царя и духовенства съ патріархомъ. Авторъ ограничивается простымъ разсказомъ того, что̀ было или, лучше того, что̀ дошло по преданію о жизни и дѣяніяхъ Никона; онъ не судитъ, а передаетъ.

Первое условіе такого рода біографіи есть полнота. Все, что сохранилось о лицѣ въ письменныхъ памятникахъ и въ живомъ преданіи, все относящееся до его частной жизни и общественнаго служенія должно быть собрано и изложено въ порядкѣ. Этому требованію вполнѣ удовлетворяетъ „Начертаніе житія и дѣяній Никона". Оно гораздо короче книги Шушерина и, слѣдовательно, не заключаетъ въ себѣ многихъ подробностей, сохраненныхъ вѣрнымъ клирикомъ Никона, но зато несравненно полнѣе: причины негодованія Алексѣя Михайловича на Никона, ссоры Никона съ приближенными царя,

---

*) Намъ извѣстны четыре портрета Никона: два въ атласѣ къ изданію путешествія Мейерберга, во весь ростъ; одинъ приложенный къ первымъ изданіямъ книги архимандр [redacted] дной, и, наконецъ, приложенный къ четвертому ея [redacted] ованы плохо и нисколько между собою несход [redacted] какихъ подлинниковъ они срисованы и кот [redacted] вѣрнѣе.

наконецъ, исторія книжнаго исправленія, въ книгѣ архимандрита Аполлоса изложены кратко, но все-таки въ соразмѣрности съ остальнымъ, тогда какъ Шушеринъ почти не упоминаетъ объ этихъ важныхъ предметахъ по весьма простой причинѣ: онъ записывалъ только то, что видѣлъ самъ или слышалъ отъ другихъ.

Полнота содержанія есть первое, но не единственное требованіе; перечень событій въ порядкѣ и безъ пропусковъ иногда стоитъ многихъ трудовъ, но не высоко цѣнится; это только отрицательное достоинство. Изъ собранныхъ данныхъ надобно умѣть создать живое цѣлое, вызвать человѣческій образъ, доступный представленію читателей и способный привлечь ихъ сочувствіе. Этого требуетъ цѣль, съ которою писана разбираемая нами книга. „16 лѣтъ правя монастыремъ Никона въ званіи архимандрита, я возревновалъ сохранить память знаменитаго строителя тайнъ и храма", говоритъ авторъ въ предисловіи къ третьему изданію; а память народная удерживаетъ одушевленныя черты, живое слово, характеристическія примѣты лица. Всякому, занимавшемуся изученіемъ какого-нибудь періода по источникамъ, знакомо радостное ощущеніе при встрѣчѣ живой рѣчи, переданной цѣликомъ, живописнаго, вѣрнаго эпитета, и гдѣ-нибудь случайно уцѣлѣвшаго слѣда живого человѣка. Эти драгоцѣнныя подробности, повидимому, маловажныя, мгновенно сближаютъ читателя съ минувшимъ событіемъ, знакомятъ его съ давно почившимъ лицемъ, облекаютъ собственное имя въ образъ, навсегда врѣзывающійся въ память.

Можетъ быть, намъ возразятъ, что художественное воспроизведеніе исторической личности предполагаетъ даръ художественнаго творчества, который дается немногимъ, и потому высказанное нами требованіе можетъ показаться неумѣстнымъ; но мы именно въ этомъ случаѣ предъявили его потому только, что біографъ Никона имѣлъ подъ рукою драгоцѣнные матеріалы: письма Никона и записки современника его, клирика Шушерина, исполненныя живыхъ, самыхъ занимательныхъ подробностей. Чтобы создать изъ нихъ живую характеристику, не нуженъ былъ даръ художественнаго творчества; достаточно было одного художественнаго чувства, спо-

собности оцѣнить разсказъ современника и выбрать изъ него тѣ подробности, которыя даютъ предмету колоритъ и выпуклость. Авторъ могъ это сдѣлать; въ этомъ убѣждаетъ насъ его прекрасное изложеніе, проникнутое теплымъ чувствомъ. Чтобы яснѣе показать, чего бы мы желали и чего нѣтъ въ его книгѣ, мы выпишемъ изъ нея нѣкоторые отрывки, и противъ нихъ подлинныя сказанія Шушерина, изъ коихъ они извлечены.

(Слѣдуютъ выписки изъ записокъ Шушерина, въ которыхъ переданы разсказы: о первой размолвкѣ Никона съ царемъ, объ удаленіи его, о вторичномъ выѣздѣ изъ Москвы, о появленіи его на судъ и о разговорѣ въ полголоса царя Алексѣя Михайловича съ Никономъ и, вслѣдъ за этими выписками изъ Шушерина, соотвѣтствующія мѣста изъ книги архимандрита Аполлоса).

Неужели доказательства любви народной къ Никону съ одной стороны, мелкія придирки царедворцевъ съ другой, нерѣшительность и робость царя, который любилъ Никона и боялся его вліянія, эти несомнѣнныя свидѣтельства нравственной силы Никона и могучаго его вліянія на все его окруженіе, неужели все это въ описаніи житія его, написаннаго для сохраненія живой памяти о немъ, было бы излишнимъ и неумѣстнымъ; наконецъ, неужели лучше извлекать сухое содержаніе изъ его рѣчей и сокращать ихъ, чѣмъ передавать ихъ цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ? Трудно въ этомъ убѣдиться. Но это еще не все. Мы привели такія мѣста, въ которыхъ авторъ хотя и передалъ все, что нужно, но, по мнѣнію нашему, стеръ колоритъ современнаго разсказа; въ этомъ мы видимъ только недостатокъ изложенія. Кромѣ этого, онъ вовсе пропустилъ многія обстоятельства важныя, о которыхъ слѣдовало упомянуть; такъ, напримѣръ, почему не приведены слѣдующія слова Никона, сказанныя имъ Новоспасскому архимандриту Іосифу, который встрѣтилъ его ночью въ селѣ Черневѣ на пути его въ Москву:

„Чесо ради повелѣваете быти въ нощи, и съ малыми людьми, или такожде хощете удавити, якоже и Филиппа митрополита единаго удавили?“

Почему не выписаны другія слова его, произнесенныя имъ въ то время, какъ его отправляли въ Ферапон[illegible] [illegible]гырь:

„О Никоне, все сіе тебѣ бысть сего ради: не говори правды, не теряй дружбы; аще бы еси уготовалъ трапезы драгоцѣнныя, и съ ними вечерялъ, не бы ти приключишася“.

Почему не разсказано, какимъ истязаніямъ подвергали вездѣ приближенныхъ Никона, въ томъ числѣ самого Шушерина, какъ зарѣзался взятый подъ стражу Грекъ Димитрій, какія предосторожности приняты были, чтобы пресѣчь сношенія Никона съ городомъ, такъ что онъ терпѣлъ нужду и голодъ на дворѣ, въ которомъ онъ жилъ у Никольскихъ воротъ?

Почему не упомянуто о томъ, что почли нужнымъ разломать Никольскій мостъ; что не смѣли, по осужденіи Никона, отнять у него жезла *страха ради народнаго;* что при отправленіи его обманули народъ, распустивъ слухъ, что повезутъ Никона черезъ Спасскія ворота, тогда какъ его умчали черезъ Старокаменный мостъ и Арбатскія ворота; что его сопровождалъ сильный отрядъ стрѣльцовъ съ зажженными фитилями; что всюду на пути его разгоняли народъ, очищали села и никого къ нему не подпускали, наказывая за малѣйшій признакъ сострадательнаго участія? Наконецъ, почему пропущена трогательная сцена, происходившая въ Ферапонтовѣ монастырѣ, незадолго до кончины Алексѣя Михайловича и такъ хорошо разсказанная Шушеринымъ, когда, окончательно побѣдивъ въ себѣ гнѣвъ и долго кипѣвшее негодованіе, Никонъ, до тѣхъ поръ постоянно отвергавшій поминки царскія, наконецъ, въ день Пасхи, по совершеніи литургіи, созвалъ всю братію на трапезу, велѣлъ подать питье, присланное ему отъ Алексѣя Михайловича, и, поднявъ заздравную чашу, сказалъ:

„Да не до конца вражда наша со благочестивымъ царемъ пребудетъ, и нынѣ питіе сіе про здравіе благочестивѣйшаго государя царя и со всѣми вкушаю и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду. Сія же слышавше и видѣша прилучившіеся ту архимандритъ и приставникъ и протчіи отъ святѣйшаго, зѣло возрадовашася, ради бывше и возставше поклонишася ему до земли, и абіе того же дня послаша писаніе ко царствующему граду Москвѣ“.

Все это, повидимому, подробности и мелочи. Но кромѣ того, что эти подробности даютъ цвѣтъ и жизнь разсказу; что историкъ ищетъ ихъ и тщательно подбираетъ въ пыли

прошедшаго, не только не пренебрегаетъ ими, когда онѣ у него подъ рукою; — онѣ даже необходимы тамъ, гдѣ авторъ, воздерживаясь отъ собственнаго сужденія и вывода, ограничивается однимъ разсказомъ; тамъ, гдѣ характеръ лица долженъ выступать самъ собою изъ повѣствованія.

Онъ выступаетъ изъ безыскусственнаго разсказа Шушерина. Читая его, мы видимъ передъ собою великаго патріарха, на котораго устремлены были взоры всей Россіи и духовныхъ представителей всего православнаго міра; мы чувствуемъ присутствіе необыкновеннаго личнаго духа; мы измѣряемъ высоту и силу его по неотразимому его вліянію на все его окруженіе. Этому вліянію покоряются всѣ: и приближенные его, безусловно ему преданные, забывавшіе о себѣ, когда рѣшалась его судьба, и вся толпа придворныхъ доносчиковъ и сплетниковъ, и самъ Алексѣй Михайловичъ, который любилъ Никона и въ то же время сознавалъ, что жить съ нимъ вмѣстѣ тѣсно, осуждалъ и ссылалъ его въ заточеніе и вслѣдъ за тѣмъ отправлялъ къ нему подарки, прося прощенія и благословенія. Эти отношенія, обличающіяся въ мелочахъ и подробностяхъ, эта живая обстановка главнаго лица, сохранились въ запискахъ современника и пропадаютъ въ очищенномъ разсказѣ автора.

Обыкновенно обвиняютъ Шушерина въ пристрастіи. Не станемъ противъ этого спорить; не менѣе того изъ разсказа его, особенно изъ словъ самого Никона, имъ переданныхъ, мы узнаемъ и свѣтлыя, и темныя стороны его души: высоко развитое чувство правоты, подавлявшее снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ, безпощадную строгость къ самому себѣ и къ другимъ, покорность волѣ Промысла въ постоянной борьбѣ съ упорнымъ воспоминаніемъ о нанесенныхъ обидахъ, съ кипучимъ негодованіемъ на людей. Шушеринъ не могъ и даже не старался этого скрыть: онъ писалъ не какъ судья Никона, но и не какъ адвокатъ его, а какъ пламенный его почитатель, который любилъ его, какимъ создала его природа съ его добродѣтелями и пороками. Книга его не историческій приговоръ и не апологія, а чистосердечный и добросовѣстный разсказъ современника въ духѣ нашихъ древнихъ лѣтописателей.

Въ предисловіи своемъ архимандритъ Аполлосъ говоритъ, что:

„Однимъ изъ побужденій къ изданію Начертанія житія и дѣяній Никона былъ недостатокъ въ подобномъ сочиненіи потому что напечатанное въ 1784 году г-номъ Козодавлевымъ жизнеописаніе Никона патріарха было, по рѣдкости своей, недоступно, а по слогу казалось темнымъ, и по направленію не всегда вѣрнымъ, но нерѣдко одностороннимъ. Сочинитель онаго, клирикъ Никона, Иванъ Шушеринъ, бывшій его сострадальцемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наводитъ на себя подозрѣнія въ пристрастіи. Сверхъ того, ему неизвѣстны были многія обстоятельства, утаившіяся отъ его современниковъ и открытыя потомкамъ въ грамотахъ и другихъ письменныхъ памятникахъ XVII вѣка".

Ссылаясь на выписанные нами отрывки, мы осмѣлимся сказать, что авторъ не вполнѣ воспользовался богатствомъ матеріаловъ, бывшихъ у него подъ рукою; книга его могла бы быть лучше; во всякомъ случаѣ она не замѣняетъ и не можетъ замѣнить для насъ книги Шушерина.

И потому мы не можемъ въ заключеніе не изъявить желанія, чтобы авторъ, такъ добросовѣстно и съ такимъ сердечнымъ участіемъ изучившій исторію великаго патріарха и продолжающій изучать ее, слѣдовательно болѣе, чѣмъ кто-нибудь способный оцѣнить по достоинству книгу Шушерина, взялъ на себя трудъ издать ее вновь. Все недосказанное и неизвѣстное современнику Никона можетъ быть дополнено въ прибавленіяхъ, все одностороннее—исправлено въ примѣчаніяхъ; но самый текстъ долженъ оставаться безъ малѣйшей перемѣны, кромѣ очевидныхъ ошибокъ, кажется принадлежащихъ не Шушерину, а издателю.

По поводу книги „L'ancien régime et la révolution par Alexis de Tocqueville". Paris, 1856 [1]).

Токвиль, Монталамберъ, Риль, Штейнъ—западные Славянофилы. Всѣ они, по основнымъ убѣжденіямъ и по конечнымъ своимъ требованіямъ, ближе къ намъ, чѣмъ къ нашимъ Западникамъ. Какъ у насъ, такъ и во Франціи, Англіи, Германіи, на первомъ планѣ одинъ вопросъ: законно ли самодержавное полновластіе *разсудка* въ устройствѣ души человѣческой, гражданскаго общества, государства? Въ правѣ ли разсудокъ ломать и коверкать духовныя убѣжденія, семейныя и гражданскія преданія,—словомъ исправлять по своему *жизнь?* Тиранія разсудка въ области философіи, вѣры и совѣсти соотвѣтствуетъ на практикѣ, въ общественномъ быту, тираніи центральной власти. La manie de tout administrer, de tout réglementer, de substituer partout une règle déduite d'un principe abstrait à la tradition et à la libre inspiration [2]). Власть относится къ обществу, какъ разсудокъ къ душѣ человѣческой. Законное чувство тоски и пресыщенія, вызванное самовластіемъ разсудка и правительства, лежитъ въ основаніи стремленій Монталамбера, Токвиля и Русской Бесѣды.

Но вотъ разница: Токвиль, Монталамберъ, Риль и другіе, отстаивая свободу жизни и преданіе, обращаются съ любовью

---

[1]) Написано карандашемъ на оберткѣ означенной книги, вѣроятно, въ 1857 году. *Прим. изд.*

[2]) Страсть всѣмъ управлять, все регламентировать, подставлять на мѣсто преданія и свободнаго вдохновенія правило, выведенное изъ отвлеченнаго принципа.

къ аристократіи, потому что въ историческихъ данныхъ Западной Европы аристократія лучше другихъ партій осуществляетъ *жизненный торизмъ*. Самъ Монталамберъ только признаётъ, и то съ прискорбіемъ, что демократическое начало имѣетъ на своей сторонѣ удивительный перевѣсъ. Напротивъ, мы обращаемся къ простому народу, но по той же самой причинѣ, по которой они сочувствуютъ аристократіи, т.-е. потому, что у *насъ* народъ хранитъ въ себѣ даръ самопожертвованія, свободу нравственнаго вдохновенія и уваженіе къ преданію. Въ Россіи единственный пріютъ торизма — черная изба крестьянина. Въ нашихъ палатахъ, въ университетскихъ залахъ вѣетъ всеизсушающимъ вигизмомъ. Другая разница: въ Европѣ и торизмъ, и вигизмъ выросли отъ одного *народнаго* корня, развились въ одной *народной* средѣ. У насъ вигизмъ привитъ извнѣ. Онъ подтачиваетъ и отравляетъ жизнь, но онъ безсиленъ создать, что̀ бы то ни было. По недостатку народнаго корня, у насъ школьный и правительственный вигизмъ не былъ и никогда не явится творческою силою. Это сознаютъ всѣ, кромѣ университетскихъ книжниковъ и коронныхъ чиновниковъ.

Итакъ, борьба вигизма съ торизмомъ въ области вѣры, философіи и въ администраціи у насъ гораздо сложнѣе, чѣмъ на Западѣ: ибо въ Россіи она захватываетъ въ свой кругъ еще новую борьбу *народнаго* быта съ безнародною, отвлеченною *цивилизаціей*.

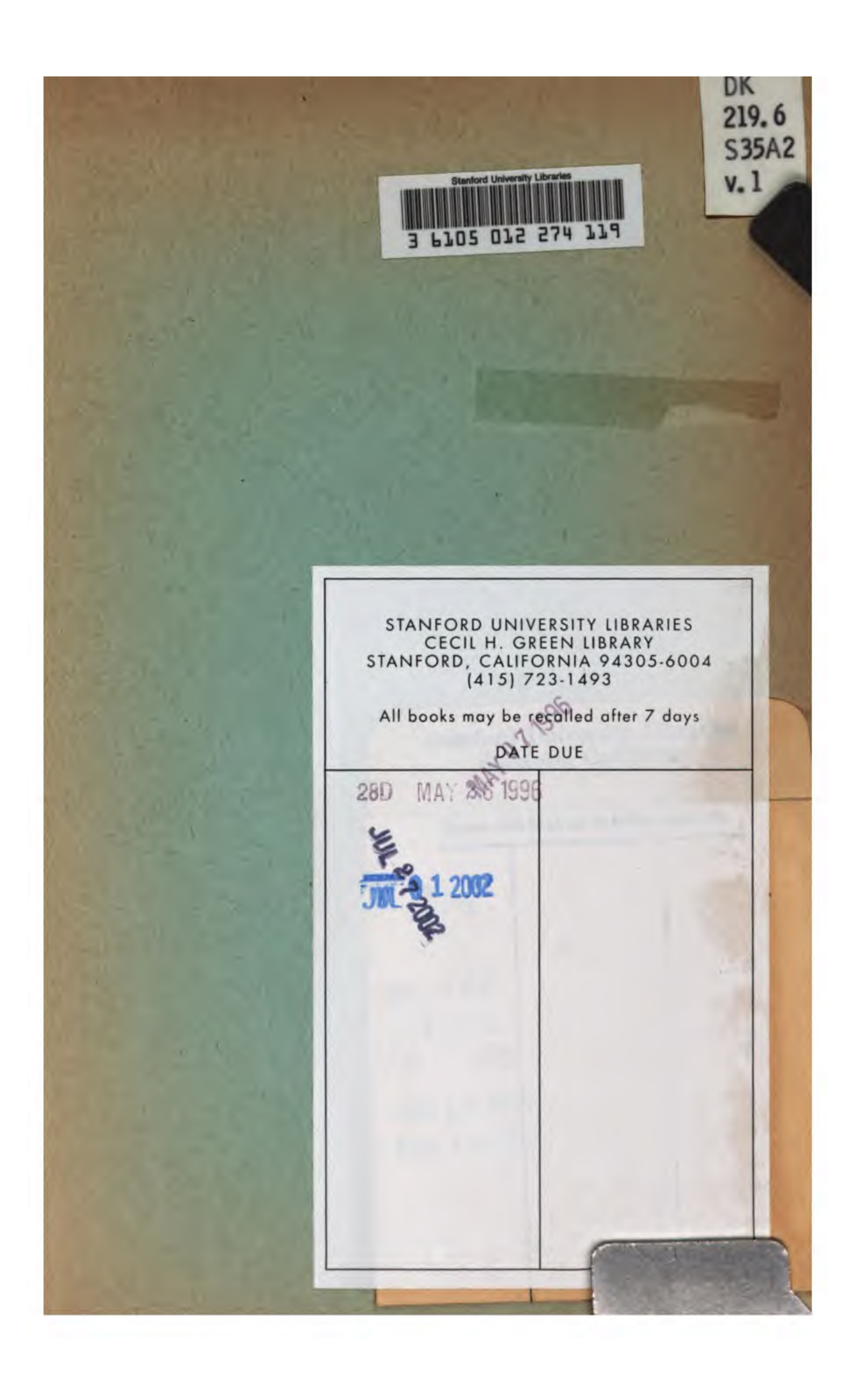
1220

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
5	19 сверху	безпрестраннымъ	безпрестаннымъ
10	9 снизу	надежъ	надеждъ
41	14 „	незарисящая	независящая
44	13 сверху	принадлежности и родоваго...	принадлежности родоваго
48	23 „	политеческой	политической
60	17 снизу	написатъ	написать
67	15 „	мнѣния	мнѣнія
69	17 сверху	потупляющія	потупляющіе
72	14 „	оправдатъ	оправдать
83	16 снизу	(которое, замѣ)тимъ..... равнодушіемъ—	(которое, замѣтимъ..... равнодушіемъ)
95	4 „	критикъ говоритъ; по разсмотрѣніи....	критикъ говоритъ: „по разсмотрѣніи....
109	13 сверху	наноснымь	наносныхъ
„	20 „	Нѣмеикіе	Нѣмецкіе
111	13 „	сиѣъ	силъ
123	2 снизу	называтъ	называть
138	1 „	puielt	quillt
149	11 сверху	хлопочите	хлопочете
151	14 „	розь	рознь
153	10 „	отношеніи	отношенія
154	2 снизу	значить	значитъ
155	6 „	легитизмъ	легитимизмъ
170	3 сверху	самоотреченія и очиститься	самоотреченія очиститься
172	7 „	о мірѣ	о мирѣ
180	9 снизу	тогдашневъ	тогдашнемъ
183	20 „	оправданія о не	оправданія и не
194	12 „	ошкрыть	открыть
216	10 сверху	нѣнѣ	нынѣ
265	13 снизу	философскихъ	философскихъ
266	15 сверху	всеравно	все равно
269	12 снизу	настоящое	настоящее
301	7 „	Иеужели	Неужели
310	3 сверху	Таковые	Таковы
326	3 снизу	къ Сѣверо-Запада	съ Сѣверо-Запада
338	15 „	сомое	самое
368	9 сверху	безусловло	безусловно

DK
219.6
S35A2
v.1
Stanford University Libraries
3 6105 012 274 119
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
28D MAY 1996
JUL 2002

